

СОЧИНЕНІЯ

О. БУЛГАРИНА.

III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1836.

Сочиненія

СОЧИНЕНІЯ

ОАДДЕЯ

БУЛГАРИНА.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

1836.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

у Книгопродавца Лисенкова.

Печатать позволено съ тѣмъ, что бы по отпечатаніи представлены были въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. С.-Петербургъ, 26 Сентября 1836 года.

Цензоръ Петръ Корсаковъ.

Въ Гуттенберговой Типографіи.

ЮМОРИСТИКА.

— № I. —

ПИСЬМО ТУРЕЦКАГО ФИЛОСОФА БУБУЛДУЛУ-ЭФФЕНДИ,

КЪ ПРІЯТЕЛЮ СВОЕМУ, ТЮТЮНДЖИ-ЭФФЕНДИ,
ИЗЪ ЕВРОПЫ ВЪ СМІРНУ.

(Вольный переводъ съ Турецкаго, при помощи лексикона, безъ познанія грамматики.)

Письмо 1.

Слѣдую всеобщему преобразованію, и
я падыль феску вмѣсто чалмы, привинтилъ
шпоры къ сапогамъ, и, преодолевъ врож-
ч. III.

денное отвращеніе къ невѣрнымъ, посѣщаль въ Стамбуль ихъ собранія, сидѣль съ ними за однимъ столомъ, видѣль, какъ они ѣдятъ свинину и, напившись вина, пляшутъ подъ музыку, съ чужими женами. Но какъ все это не удостовѣрило меня въ превосходствѣ ихъ обычаевъ предъ нашими, то я рѣшился объѣхать цѣлый Франкистанъ, изслѣдовать нравы и обычаи разныхъ народовъ, и узнать, нѣтъ ли у Франковъ чего нибудь лучше того, что мы до сихъ поръ отъ нихъ переняли.

Для совѣта я зашелъ къ жиду Юсуфу, который въ Смирнѣ торговалъ старыми туфлями, а теперь, послѣ четырехъ банкротствъ и пяти сотъ ударовъ по пятамъ, сдѣлался банкиромъ, ворочаетъ милліонами, и находится въ великомъ уваженіи между жителями Перы и Фанара. У Юсуфа я засталъ двухъ Франковъ, которые пріѣхали недавно въ Стамбуль продавать намъ свое Франкистанское просвѣщеніе. Одинъ изъ нихъ, Французъ, родомъ изъ города Парижа, въ которомъ выдумываютъ еженедѣльно новый по-

крой одежды и новый образъ мыслей для цѣлаго Франкистана, а другой Нѣмецъ, въ отечествѣ котораго дрессируютъ Улемовъ для цѣлаго Франкистана, какъ въ Алеппѣ и Дамаскѣ дрессируютъ лошадей для цѣлой Турецкой кавалеріи. Сказавъ Юсуфу о намѣреніи моемъ странствовать, я просилъ его дать мнѣ письма къ его родителямъ въ Франкистанъ, и принскать для меня толмача. Въмѣсто отвѣта Юсуфъ спросилъ меня: «есть ли у тебя червонцы?» Я кивнулъ головою, и тогда Юсуфъ сказалъ: «Если у тебя есть червонцы, то тебѣ не пужны ни мои письма ни толмачъ. Въ Франкистанѣ люди такъ гостепріимны, такъ добры, и такъ расторопны и догадливы, что тебѣ стоитъ только тряпнуть мышкомъ и показать свои червонцы, чтобъ тотчасъ найти не только друзей, но даже родственниковъ, которые подбѣгутъ съ тобою всѣмъ, даже самыми нѣжными чувствами, если только ты захочешь дѣлиться съ ними червонцами. Безъ червонцевъ же, самыя нѣжныя и убѣдительныя письма будутъ не что иное, какъ нѣмая и глухая

бумага, которая сообщить свои свойства тѣмъ, которымъ ты вручишь ее. — Напротивъ того, червонцы въ Франкистанѣ имѣютъ такую силу, что стоитъ тебѣ пожелать чего нибудь и, не говоря ни слова, показать червонцы первому встрѣчному, то, прежде нежели ты успеешь развязать мѣшокъ, Франкъ угадаетъ твою мысль и желаніе.» Тогда я попросилъ Юсуфа, чтобъ онъ мнѣ посовѣтовалъ, съ какой стороны мнѣ начать мое путешествіе, объявивъ, что мнѣ хотѣлось бы начать съ Россіи, потому, что предъ нами, въ каждой войнѣ, мы собираемся навѣстить Русскихъ въ Москвѣ, и, въ каждую войну съ ними, принимаемъ ихъ въ гости въ нашихъ крѣпостяхъ, а затѣмъ каждый правовѣрный въ долгу у Русскихъ, и обязанъ отплатить посѣщеніемъ за посѣщеніе. Какъ я говорилъ съ Юсуфомъ по-Италянски, то оба невѣрные понимали нашъ разговоръ, и когда дошло до предпочтенія, оказаннаго мною Россіи, Французъ сплеснулъ руками и, вскочивъ съ софы, воскликнулъ: «Постойте, ради Бога, постойте! Если вы

ѣдете въ Европу, чтобъ учиться нашему просвѣщенію, то не заглядывайте въ Россію. — Я знаю эту страну, потому, что мой дядя два года собирался туда ѣхать, а двоюродный братъ ѣздилъ въ Англію на корабль, на которомъ было двое Русскихъ. Увѣряю васъ, что Россія страна варварская, обитаемая людьми дикими, почти людоедами; солнце тамъ только свѣтитъ, а не грѣетъ; луна же не смѣетъ показаться изъ-за сѣрыхъ облаковъ, вѣроятно опасаясь, чтобы люди не уцѣпились за нее зубами, съ голоду, потому, что тамъ ничего не растетъ кромѣ сосенъ, и даже простые огурцы надобно выводить подъ стеклами. Страна сія столь бѣдна и несчастна, что еслибъ иностранцы изъ жалости, не посылали туда вина, сахару и пряныхъ кореньевъ, и не ѣздили сами учить Русскихъ говорить, и шить для нихъ платье и сапоги, то бѣдненькіе принуждены были бы питаться однимъ мороженымъ изъ древесной коры или пожирать другъ друга, одѣвались бы шкурами дикихъ звѣрей, и лаiali бы по-собачьи или мяукали по-ко-

печей. Нѣмецъ подтвердивъ сказанное Французомъ, примолвилъ: «Увѣрю васъ честно, что изъ нашей благословенной Германіи ученые, портные, сапожники, каретники, столяры, кузнецы, овчары, земледѣльцы, словомъ, всякаго рода мастеровые и промышленники ежегодно отправляются цѣлыми баталіонами въ Россію. Это должно служить доказательствомъ, что Русскіе сами ничего не умѣютъ дѣлать, а изъ сего слѣдуетъ что они варвары.» — Я повѣрилъ словоохотнымъ Франкамъ, и панявъ мѣсто на Англійскомъ корабль, отправился въ Венецію.

На корабль было множество Франковъ, которые, проживъ по нѣскольку лѣтъ на Востокъ, возвращались въ Франкистанъ. Многихъ изъ нихъ я зналъ прежде, когда они прибыли къ намъ оборванные, искать счастья, и радовался видя ихъ въ хорошемъ состояніи, расхаживающихъ весело вокругъ своихъ сундуковъ и ящиковъ съ товарами. Эти люди думалъ я, приобрьвъ богатство въ нашемъ отечествѣ, вѣроятно останутся навсегда

друзьями правовѣрныхъ, и въ своей странѣ будутъ распространять объ насъ выгодное мнѣніе, изъ благодарности за наше гостепріимство и покровительство. Одно только удивляло меня, а именно, что всѣ эти Франки, которые въ Стамбулѣ такъ въжливы и обходительны съ каждымъ правовѣрнымъ, на корабль гордо поглядывали на меня, и, казалось, даже чванились передомной. Не понимая всѣхъ ихъ рѣчей, я разбиралъ одинакомъ, что они часто упоминаютъ слово: Тюркъ, Тюрко, Тюркенъ, присовокупляя къ семувъраженію, употребляемому Франками во взаимной перебранкѣ. На корабль находился Греческій Рая, который прежде служилъ въ одномъ кофейномъ домѣ въ Перѣ, и понималъ почти всѣ языки Франкистана. Я панялъ его въ толмачи, и велѣлъ растолковать, что говорятъ объ насъ Франки. — Не могу описать тебѣ моего удивленія и негодованія когда я узналъ, что эти прежніе оборванцы, утучнѣвшіе на землѣ Пророка, вмѣсто того, чтобы по пяти разъ въ день молить за насъ Аллу, бранятъ насъ и почитаютъ насъ хуже

себя, за то именно, что мы позволили имъ обогатиться у насъ разными происками! Я чуть не плакалъ съ досады, что не узналъ объ этомъ въ Стамбулъ и на прощанье не отсчиталъ каждому изъ сихъ промышленниковъ по пяти сотъ ударовъ по пятамъ, чтобъ отбить у нихъ охоту странствовать. Тогда мнѣ показалось подозрительнымъ мнѣніе двухъ вышеупомянутыхъ Франковъ о Русскихъ, къ которымъ чужеземцы также ѣдутъ, идутъ и плывутъ цѣлыми толпами, а между тѣмъ не только говорятъ объ нихъ дурно, но даже и печатаютъ весьма нехорошо, какъ сказалъ мнѣ мой толмачъ. — Но дѣлать было нечего, и я, скрѣпя сердце, заперся въ моей каютѣ, чтобъ не видать неблагодарныхъ, и не выйти изъ себя.

Мы прибыли въ Венецію во время Христіанскаго Байрама, называемаго здѣсь карнавалъ. Городъ былъ наполненъ иностранцами, изъ всѣхъ концовъ Франкистана. Весьма не многіе изъ нихъ пріѣхали за тѣмъ, чтобъ повеселиться, но всѣ почти прибыли съ намѣреніемъ выманить деньги у проста-

ковъ и зѣвакъ. На площадяхъ разложены были товары, разнаго рода фигляры и фокусники показывали свое искусство и ломались передъ толпой любопытныхъ. Мнѣ не давали покою въ моей каютѣ ни днемъ, ни ночью. Безпрестанно являлись ко мнѣ, то зубные врачи, то срезыватели мозолей, то красильщики волосъ, то портные, то сапожники, то разнощики разныхъ товаровъ, то собиратели милостыни, то продавцы добровольныхъ невольницъ и т. п. Каждого изъ нихъ спрашивалъ я, изъ какой онъ страны родомъ, и крайне удивился, что ни между плясунами на канатѣ, ни между фиглярами, ни между зубными врачами, словомъ, между всѣми сими ярмарочными промышленниками, я не встрѣтилъ ни одного Русскаго! Странно, подумалъ я, что Русскіе, которыхъ мнѣ описывали такими бѣдными, не ѣздить въ богатые страны промышленать денегъ, между тѣмъ, какъ эти люди изъ странъ блаженныхъ рыщутъ по свѣту, чтобъ выманить нѣсколько червонцевъ, и жить на счетъ другихъ фигляр-

ствомъ и обманами! — Если Русскіе не умѣютъ ни плясать на канатѣ, ни заставлять плясать собакъ подѣ музыку, ни дергать зубы, ни срѣзывать мозоли, то вѣрно они умѣютъ же дѣлать что нибудь, когда живуть отдѣльнымъ народомъ, не допускають никого навѣщать себя иначе, какъ съ позволенія, и бьютъ крѣпко цѣлыя сотни тысячъ, если задумаютъ итти къ нимъ безъ позволенія. Прежнее желаніе увидѣть Россію возродилось во мнѣ, и я немедленно отправился въ Россію, на первомъ кораблѣ. Жди отъ меня письма изъ Петербурга, куда я прибуду въ половинѣ лѣта.

Письмо 2.

Я писалъ къ тебѣ изъ Венеціи, что отправляюсь прямо въ Петербургъ. Такъ сказалъ мнѣ собака Франкъ, Капитанъ корабля. Но у Франковъ итти прямымъ путемъ не то значить, что у насъ, правовѣрныхъ. Прямой путь значить у нихъ путь выгодный для кисы, и проклятый капитанъ во-

зиль меня цѣлые полгода изъ города въ городъ, изъ страны въ страну, пока наконецъ завернулъ въ Петербургъ. Вотъ я уже живу здѣсь почти годъ, и насилу собрался написать къ тебѣ, ибо опасался ошибиться, судя о вещахъ по первому впечатлѣнію. Все, что я до сихъ поръ видѣлъ въ Франкистанѣ, кажется мнѣ столь чуднымъ, страннымъ и отчасти жалкимъ, а отчасти смѣшнымъ, что едва мой здравый разсудокъ, прикованный пророкомъ къ моему мозгу, не сорвался съ цѣпи мудрости, и не оставилъ моей головы столь же пустою, какъ головы легкомысленныхъ Франковъ. Я вѣрю теперь, что порода Франковъ болѣе отлична отъ нашей, чѣмъ лошадь отъ верблюда, хотя лошадь и верблюдъ ходятъ на четырехъ ногахъ, а мы и Франки на двухъ. Думаю однако-жъ, что какъ узда и сѣдло въ нѣкоторомъ отношеніи уравнивають лошадь и верблюда, такъ Алкоранъ и палочные удары по пятамъ могутъ приблизить Франковъ къ намъ. Но при нынѣшнемъ состояніи Франкистана, правовѣрному здѣсь и душно и тошно.

Я видѣлъ много Франкистанскихъ городовъ, но Петербургъ предъ ними столь же блистателенъ, какъ очи Гурій райскихъ предъ козьими очами, и столь чистъ и свѣтелъ, какъ чубукъ Пади-Шаха. — Ни одинъ правовѣрный не заботится столько о чистотѣ своей густой бороды, сколько здѣсь пекутся о чистотѣ широкихъ улицъ, и отъ того здѣсь на улицахъ едва ли не чище и красивѣе, какъ во внутренности мѣстныхъ домовъ. Живу я здѣсь довольно приятно, но къ полному наслажденію жизнью недостаетъ мнѣ здѣсь сластейшаго чувства для каждаго правовѣрнаго, а именно, радости при окончаніи каждаго дня, что голова осталась на плечахъ, и что киса не поступила въ казну Пашы, оставивъ слѣды на пятахъ. Ты удивишься, если я тебѣ скажу, что здѣсь богатые люди не только не боятся выказывать своего богатства, въ увѣренности, но даже голыши и банкроты хвастаютъ богатствомъ, ибо оно, вмѣсто того, чтобъ подвергать здѣсь чело-вѣка опасности, доставляетъ ему уваженіе, сколь бы ни былъ онъ глупъ или развращенъ.

Каждый иностранецъ, прїѣзжающій сюда жить на собственные деньги (что весьма рѣдко случается), получаетъ отъ хозяина караванъ-сарая (трактира) и отъ слугъ титулъ Графа, Барона или Лорда, что значитъ почти тоже, что у насъ Паша, а въ слѣдствіе этого и меня величаютъ Турецкимъ Графомъ, за то, что я бесспорно уплачиваю счеты, даю на водку слугамъ, и когда надобно выѣхать со двора, нанимаю карету въ четыре лошади. — И такъ, если хочешь, чтобъ письма твои были мнѣ скоро и исправно доставляемы, подписывай Графу Бубудулу.

Ты вѣрно хочешь знать, правду ли сказали мнѣ о Россіи два плута Франка, которыхъ я встрѣтилъ въ Стамбулѣ у Жида Юсуфа, когда пришелъ къ нему совѣтоваться на счетъ моего путешествія. Скажу тебѣ искренно, что эти два невѣрные пса насаждали мнѣ много небылицъ; однакожь ложь ихъ о Русскихъ и о Россіи имѣетъ основаніемъ нѣчто похожее на правду, а вса вина двухъ рассказчиковъ состоитъ въ томъ

что они не поняли ни причины, ни следствий различных странных обычаев сей страны, и, не видавъ ея собственными глазами, получили и мнѣ передали ложное обо всемъ понятіе. — Разберемъ дѣло основательно и хладнокровно, какъ слѣдуетъ по слѣдователю Ислама.

Франки сказали мнѣ, что Россія такъ бѣдна, что если бѣ иностранцы, изъ жалости не высылали сюда припасовъ, не одѣвали и не обували Русскихъ, то они бы умерли съ голоду, и принуждены были бы ходить нагишомъ. Любезный другъ, Тютюнджи-Эфенди! Россія богаче Египта и счастливой Аравіи, но какъ богатство и бѣдность измѣряются потребностями, то псы Франки — едва ли не правы, ибо чѣмъ Русскій богаче, тѣмъ болѣе имѣть пуждъ, а, по непостижимой странности, не хочетъ употреблять ничего своего, предпочитая иностранное, хотя бы оно было во сто разъ хуже своего. — Россія имѣетъ самыя обширныя и самыя богатыя пастбища и степи, обитаемыя кочующими народами, занимающи-

мися единственно скотоводствомъ, а между тѣмъ не только у богатого Эмира, но и у бѣднаго чиновника ты не увидишь за столомъ другаго сыра, кромѣ иностраннаго, хотя одинъ такой сыръ, горькій и смрадный стоитъ дороже, нежели дюжина дойныхъ Русскихъ коровъ самой лучшей породы. Ты знаешь, что къ намъ приходятъ цѣлые флоты, нагруженные Русскою пшеницей, а между тѣмъ богачи Русскіе выписываютъ для себя готовые пироги (паншеты) изъ чужихъ странъ! Богатый Русскій, живущій по Франкистанскому закону называемому Мода, пользуется только однимъ Русскимъ воздухомъ. Завтракаетъ кофеомъ, привозимымъ изъ Аравіи, Египта или Америки, и до обѣда изощряетъ апетитъ устрицами, привозимыми также изъ-за моря, и утоляетъ жажду или Французскимъ виномъ, или Англійскимъ пивомъ. За обѣдомъ каждое его кушанье должно быть приправлено заморскими грибами и кореньями, и столъ уставленъ дорогими иностранными напитками и сладостями. Самая посуда и столовое бѣлье должны быть не-

премѣнно иностранныя. Одѣвается онъ во Французское или Англійское сукно, и почитать себя за безчестіе если платье его сшито будетъ Русскимъ, а не Французомъ, а сапоги не Англичаниномъ, или Нѣмцемъ. Кромѣ того, Русскій съ величайшею точностью наблюдаетъ всѣ перемѣны въ одеждѣ, вводимыя иностранцами нарочно для того, чтобы сбывать болѣе своихъ товаровъ и зарабатывать болѣе денегъ, и бросаетъ свой новый кафтанъ, примѣтивъ, что у иностранца онъ или по-уже на палецъ, или по шире, или покороче. Что же касается до женщинъ, которыя, здѣсь пользуются, какъ въ цѣломъ Франкистанѣ полною свободою, къ ихъ собственному несчастью, то страсть ихъ къ иностранному превосходить всякое вѣроліе. Имѣя свои превосходные мѣха, свои парчи, свое золото, серебро и даже свои дорогіе камни, Русскіе все это отдаютъ иностранцамъ за тряпки, въ которыя наряжаются ихъ женщины, ибо здѣсь достоинство наряда составляетъ его легкость и тѣнность, а не прочность и внутренняя цѣнность, какъ

у насъ, на Востокъ. За одно прозрачное, какъ туманъ, платье, которое бы Мусульманинъ не позволилъ женѣ своей надѣть даже въ сераль, а не только на улицѣ, Русскіе даютъ иностранцамъ цѣлый грузъ железа, мѣди, пеньки или сала.

Вообрази же себя, каковы должны быть издержки бѣдныхъ мужей, когда я скажу тебѣ, что жена Русскаго Эмира или богатаго купца и чиновника должна всегда имѣть готовыхъ двѣнадцать нарядовъ, и каждый изъ нихъ особаго разбора. Первый нарядъ утренній, до выѣзда со двора; второй, для прогулки по лавкамъ, гдѣ продаются игрушки; третій, для припятія дома утреннихъ посѣщеній; четвертый, для дѣланія посѣщеній; пятый, для пѣшеходной прогулки; шестой, для прогулки въ экипажѣ; седьмой, къ обѣду дома; восьмой, къ обѣду въ гостяхъ; девятый, для театра; десятый, для принятія гостей на вечеръ; одиннадцатый, для выѣзда на вечеръ; двѣнадцатый, для бала, или пляски. Прибавь къ тому, что мода на покрой платья и на родъ ткани рѣдко продолжается двѣ не-

дѣли, и что порядочная женщина за стыдъ почитаетъ показаться два раза въ одномъ нарядѣ, и разсуди, долголи самому богатому человѣку дойти до бѣдности, особенно, когда все изготавливается иностранцами, которые, накопивъ денегъ, увозятъ ихъ съ собой въ свое отечество, лишая Русскаго трудолюбиваго и бѣднаго человѣка средствъ обогащать и себя и свою страну! Я сперва думалъ, что Русскіе неспособны ни къ какимъ ремесламъ; но, посѣтивъ множество иностранныхъ мастерскихъ, удостовѣрился, что всѣ лучшія издѣлія изготавливаются Русскими мастеровыми, и что иностранный мастеръ или мастерица нужны въ каждомъ заведеніи только для иностраннаго своего прозванія на вывѣскѣ, и для того, чтобъ запрашивать въдесятеро дороже за товаръ у Русскаго Эмира, который рабски повинуется принятому здѣсь правилу: что дорого, то мило, что дешево, то гнило. Наконецъ я началъ сомнѣваться на счетъ здраваго разсудка Русскихъ Эмировъ и ихъ женъ, но, познакомившись съ ними короче, убѣдился, что они едва ли

уступать другимъ Франкамъ въ ловкости и въжливости, а многіе изъ Русскихъ Эмировъ могутъ даже сравниться ученостью съ нашими Улемами. Когда я изъяснялъ предъ Русскими мое удивленіе объ ихъ непонятной приверженности ко всему иноземному, они сами смѣялись надъ этою глупою, по ихъ мнѣнію, чертою въ своихъ обычаяхъ, пожимали плечами, и вмѣсто отвѣта говорили: «что дѣлать! такъ поступаютъ всѣ порядочные люди, а отстать отъ всѣхъ невозможно!»

Въ непреодолимой страсти своей къ иностранному, Русскіе не пропустили и насъ безъ того, чтобъ не присвоить себѣ кое-что изъ нашихъ вещей и нашихъ обычаевъ. Русскій Эмиръ курить Турецкій табакъ, изъ Турецкаго чубука, и накиннувъ на себя Турецкій халатъ, лежитъ себѣ на нашемъ диванѣ, и дѣлаетъ кейфъ * не хуже какого ни-

* Дѣлать кейфъ значить въ Турціи: ничего не дѣлать, даже ничего не думать, лежать или сидѣть спокойно, курить табакъ и смотреть на конецъ своего носа.

будь Паши. Каждая Русская женщина непременно должна прикрывать плечи свои Турецкимъ мужскимъ кушакомъ, который почитается здѣсь первою необходимостью для женщины, почти такъ же, какъ мужъ, и если бѣ можно было устлать дорогу нашими кушаками отъ Петербурга до Стамбула, то весьма много красавицъ побѣжало бы къ намъ по этому пути! Наше оружіе также въ великой здѣсь чести, и хотя я думалъ доселѣ, что Русскій штыкъ крѣпче Турецкаго кинжала, однакожъ ни у одного любителя оружія я не видалъ здѣсь Русскаго штыка, а нашими кинжалами и ятаганами можно было бы вооружить нѣсколько полковъ. Но все, что я сказалъ тебѣ, есть ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что ты услышишь теперь. Боюсь вымолвить, чтобъ ты не почелъ меня лжецомъ; но клянусь хвостомъ кобылы Магометовой, что скажу сущую правду! Франкъ солгалъ какъ песь, сказавъ мнѣ въ Стамбулѣ, у Жиды Юсуфа, что еслибѣ иностранцы не учили Русскихъ говорить по своему, то они принуждены

были бы лаять по-собачьи или мяукать по-кошечьи. Русскій языкъ богатъ словами и оборотами, звученъ и чрезвычайно пріятенъ для слуха, а при всемъ томъ Русскіе Эмиры, старые и молодые, равно какъ ихъ жены, дочери и сестры, стыдятся говорить между собою по-Русски, и не только въ обществахъ, но и въ семейномъ кругу употреблять одинъ изъ языковъ Франкистана, похожій звуками на хрюканье въ пасморкѣ, и имѣющій много урѣзанныхъ Италіянскихъ словъ. Кромѣ того каждый изъ нихъ знаетъ еще нѣсколько Франкистанскихъ языковъ и хвастаетъ тѣмъ, что не знаетъ своего собственнаго. Вотъ что ввело въ заблужденіе пса Франка! Когда я изъяснилъ мое удивленіе предъ нѣкоторыми Русскими Эмирами, что они не говорятъ между собою языкомъ предковъ, на которомъ въ ихъ храмахъ славословятъ Бога, языкомъ, на которомъ писаны ихъ законы и преданія старины, то Русскіе Эмиры въ свою очередь удивлялись моему удивленію, говоря, что Русскимъ языкомъ должно говорить только

сь слугами и лавочниками, а что языкъ Русскихъ Эмировъ есть особенный, какъ Браминоу въ Индіи, въ знакъ отличія ихъ породы и званія. Для обученія молодыхъ Русскихъ Эмиратъ и дѣтей богатыхъ купцевъ чужеземнымъ языкамъ и для забвенія языка отечественнаго, здѣсь находится множество мужскихъ и женскихъ школъ содержимыхъ иностранцами и иностранками, а кромѣ того богатые люди, выписывающіе изъ - за моря устрицъ, велятъ привозить оттуда же толпы Франковъ различной породы, и отдаютъ имъ на воспитаніе своихъ дѣтей, какъ наши жены отдаютъ птицъ на выучку насвистывать янычарскую музыку. — Тебѣ нужна вся довѣренность твоя въ мою правдивость, чтобъ повѣрить подобнымъ дѣламъ, совершаемымъ умными людьми; но здѣсь, еслибъ кто вздумалъ сказать гласно, что такой обычай не только смѣшонъ, но даже и постыденъ, то его почли бы или дуракомъ, или сумасшедшимъ или брѣзгою. Я думаю и вѣрю, что это кара Аллаха на нихъ за неуваженіе правовѣрныхъ!

О Русскомъ войскѣ говорить тебѣ нечего ибо всѣ знаютъ его хорошо и за Балканами, и за Кавказомъ. Что же касается до Кадіевъ, то, кажется мнѣ, что Аллахъ создалъ ихъ вездѣ на одинъ образецъ, какъ волковъ и коршуновъ. — Не знаю, берутъ ли они здѣсь взятки, какъ у насъ, но знаю, что здѣсь не быють Кадіевъ палками по пятамъ, когда поймають въ неправдѣ. Одинъ изъ моихъ знакомыхъ, природный Русскій, рассказывая мнѣ это, примолвилъ, что здѣсь понынѣ сохраняется, между рѣдкостями, дубинка одного изъ величайшихъ Русскихъ Государей, имѣвшая такое чудесное свойство, что правосудіе бѣжало предъ ней вскачь, безъ оглядки на лица, а пальцы, Кадіевъ сжимались отъ нея какъ клещи рака въ кипяткѣ. Русскій мой знакомецъ вздохнулъ при сихъ словахъ, и весьма пожалѣлъ, что дубинка утратила свое полезное свойство. Прощай, почтенный Эфенди! я долженъ поспѣвать на засѣданіе Улемовъ, гдѣ будутъ разсуждать о весьма важныхъ предметахъ, отъ которыхъ, безъ

сомнѣнія, зависить благо всего рода человеческого.

Письмо 3.

«Будь Русскій хоть семи пядей во лбу и поглоти всю мудрость Востока и Запада, никто не обратитъ на это вниманія въ его отечествѣ, а за ученость ни кто не дастъ ему заржавленнаго гроша!» Такъ говорилъ мнѣ, въ досадѣ, пріятель мой Русскій. Въ самомъ дѣлѣ я узналъ, что большая часть Улемовъ, пользующихся здѣсь въ частныхъ домахъ выгодами отъ своей мудрости такъ же привозные, какъ сыръ и сельди, и чтобъ быть Улемомъ, съ пользою для себя, надобно имѣть три необходимыхъ качества: 1) имѣть такое прозваніе, которое природный Русскій съ похмѣлья не могъ бы выговорить; 2) не знать языка той страны, гдѣ Улемъ намѣренъ жить и о которой долженъ писать; и 3) писать о предметахъ, такъ учено, чтобъ, кромѣ само-го Автора и короткихъ пріятелей, никто

не понималъ писанаго. Мнѣ сдѣлали честь приглашеніемъ въ одно изъ собраний Улемовъ, и пріятель мой, Русскій, о которомъ я къ тебѣ писалъ, взялся провожать меня и служить вмѣсто толмача, замѣтивъ однако пред-варительно, что ведетъ меня въ собраніе вольнопрактикующихъ Улемовъ, не получающихъ ни жалованья, ни чиновъ отъ Падшаха. Одинъ старый Улемъ началъ засѣданіе чтеніемъ весьма важныхъ изысканій и изслѣдованій о слѣдующемъ предметѣ. Когда смѣлый Франкъ, по имени Христофоръ Коломбъ, открылъ новую часть Свѣта, называемую по дѣйствію, Америкою, то между всеми Учеными Франкистана возродился споръ, для рѣшенія вопроса: откуда взялись люди въ сей новой части Свѣта? Вопросъ сей остался понынѣ не рѣшеннымъ. Недавно Франки открыли на морѣ еще новую часть Свѣта, которую называли Австраліей. Въ сей части Свѣта люди, звѣри, растенія, птицы и рыбы вовсе не похожи на тѣхъ, которые находятся въ древнемъ мірѣ, и изъ всѣхъ Франкистанскихъ животныхъ Фран-

ки наши въ семь Новомъ Свѣтъ одѣхъ только блохъ. По сему-то старый Улемъ предложилъ вопросъ: какимъ образомъ и какимъ путемъ зашла блоха изъ Франкистанъ въ Австралію! Мнѣнія были различны. Одни утверждали, что блоха, рожденная во Франкистанѣ, должна повиноваться общему закону Франковъ, вѣчному и неперемѣнному, потому, что онъ начертанъ по-Латыни: *ubi bene, ubi patria* т. е. гдѣ хорошо, тамъ и отечество. А послыку, по новому смыслу сего закона, отечество есть та страна, гдѣ съ меньшимъ трудомъ или вовсе безъ труда можно получить пропитаніе, то должно предполагать что какъ запахъ кнастеру и паръ картофелю привлекаетъ даже людей, и притомъ мудрецовъ, изъ странъ, называемыхъ блаженными, въ страны, почитаемыя дикими, такъ и блоха могла, по симъ же причинамъ, переселиться въ Австралію, убѣдившись, что ремесло ея, по множеству соперничающихъ, не можетъ ей доставлять избыткаго пропитанія въ Франкистанѣ. — Мнѣніе сіе принято большинствомъ голосовъ.

Вопросъ о переселеніи блохи рѣшенъ такъ: Послыку смысленные мудрецы въ Франкистанѣ не только странствуютъ, но и переселяются изъ страны въ страну на счетъ богатыхъ невѣждъ, то вѣроятно и блоха забѣжала въ Австралію въ шерсти молодого моржа, странствовавшего по Океану для пріобрѣтенія опытности, или на усахъ стараго томена, вознамѣрившагося посѣтить дальнія моря, для поправки разстроеннаго здоровья. Разсужденіе стараго Улема и общее мнѣніе о семь предметѣ положено напечатать (на счетъ тѣхъ, которые не слышали сего разсужденія и не станутъ читать его) и разослать ко всѣмъ Эмирамъ, имѣющимъ хорошихъ поваровъ и достаточное количество съестныхъ припасовъ, при похвальной страсти кормить тѣхъ, которые не терпятъ нужды въ пропитаніи. — За рѣшеніемъ сего важнаго историческаго вопроса послѣдовало разрѣшеніе нѣсколькихъ задачъ изъ Натуральной Исторіи, изъ коихъ одна занимала почтенныхъ Улемовъ нѣсколько часовъ сряду. Старый Улемъ предложилъ вопросъ: Почему гусь, утка, кури-

ца и индейка, вовсе не пользующіеся крыльями, не созданы четвероногими, на подобіе другихъ домашнихъ животныхъ? — Большинство голосовъ рѣшено, что сіе устройство дано симъ птицамъ для того, чтобъ онѣ не изгнѣли средствъ избѣгать вертела. Наконецъ, когда дошло дѣло до Медицины, то я удвоилъ вниманіе. Старый Улемъ предложилъ на разрѣшеніе: какое вино и какая пища полезнѣе для ученаго? Рѣшено единогласно: чужія. — Засѣданіе кончилось ужиномъ и попойкою на чужой счетъ, въ подкрѣпленіе вышеприведеннаго медицинскаго мнѣнія.

Возвратясь домой, я сказалъ пріятелю моему, Русскому: «Слышанное мною чрезвычайно важно и любопытно, и почтенные Улемы достойны всякой чести и славы; но признаюсь тебѣ, что мнѣ было бы пріятнѣе, еслибъ я слышалъ что нибудь изъ новой вашей Исторіи, со временъ славаго вашего Падишаха Петра Великаго, а также описаніе вашихъ Пашалыковъ, правовъ, обычаевъ и правъ различныхъ наро-

довъ, составляющихъ ваше обширное Государство. Мнѣ извѣстно по слуху, что ваша Россія, составленная изъ многихъ завоеванныхъ и древнихъ Русскихъ областей, бывшихъ долгое время подъ чуждымъ владычествомъ, вмѣщаетъ въ себѣ разные народы, различающіеся между собою вѣрою, языкомъ, образомъ жизни, и даже гражданскими законами, и что у васъ есть такія области, гдѣ Русскій Эмиръ теряетъ свои права *. Мнѣ бы хотѣлось также узнать, какія ремесла и какія фабрики процвѣтаютъ

* Напримѣръ, въ Лифляндіи Русскій дворянинъ теряетъ свои права, если онъ пріобрѣтетъ недвижимое имѣніе, то не имѣетъ голоса на выборахъ, и не можетъ быть выбраннымъ. Кроме того, каждый Лифляндскій дворянинъ имѣетъ право отнять у него имѣнье, и выгнать изъ дому, заплативъ ему сумму, которую онъ употребилъ на покупку имѣнія. Между тѣмъ Лифляндскій дворянинъ, купившій имѣнье въ Россіи, пользуется всеми правами Русскаго дворянина. Вообще въ разныхъ Русскихъ областяхъ есть много любопытныхъ и важныхъ предметовъ, вовсе неизвѣстныхъ въ самой Россіи, и неописанныхъ въ нашихъ Статистикахъ.

въ каждой области; въ какомъ состояніи земледѣліе, винодѣліе; скотоводство, садоводство; чѣмъ торгуетъ и промышленяетъ каждая область....» Русскій мой пріятель не далъ мнѣ кончить, и прервавъ рѣчь сказалъ: «Все что ты говоришь, почтенный Эфенди, весьма хорошо, но во-первыхъ ты попалъ въ засѣданіе Улемовъ послѣдняго разряда, а вовторыхъ мы любимъ болѣе заниматься тѣмъ, что дѣлается въ Америкѣ или въ Луи-и, нежели тѣмъ, что происходитъ у насъ подъ носомъ. Наши Эмиры, ихъ жены, дочери и малолѣтныя дѣти знаютъ наизусть всѣ улицы и переулки иностранныхъ столицъ; а сотый или тысячная изъ нихъ едва-ли знаютъ дорогу въ собственное имѣніе! Наши юноши съ важностью толкуютъ о Политической или Государственной Экономіи, то есть, о способѣ приращенія и поддержания Государственного богатства, а не умѣютъ распорядиться своимъ доходомъ и жалованьемъ, и изъ всей Науки поняли только одну главу: о займѣ. О познаніи Россіи у насъ весьма мало заботятся, ибо у насъ

путешествуютъ по ней на почтовыхъ, во всю конскую прыть, дено и ночно или къ мѣсту, или съ мѣста, или въ деревню за оброкомъ, или на леченіе, а остапавливаются только для перемѣны лошадей или для починки экипажа. Одинъ почтенный Эмиръ началъ было писать отечественную Исторію, но не кончивъ, умеръ. Исторію сію превозносятъ до небесъ, а я побьюсь объ закладъ, что изъ пяти сотъ человѣкъ, купившихъ книгу, едва ли одинъ прочелъ ее отъ доски до доски, и изъ тысячи едвали одинъ поразсудилъ о прочитанномъ. Это происходитъ не отъ лѣни и не отъ невѣжества, но отъ непривычки читать по Русски, ибо тысячи томовъ чужеземныхъ сказокъ такъ сказать, поглощаются у насъ читателями! Что же касается до Статистики, то тутъ любезный Эфенди, запятая! Ее нельзя до тѣхъ поръ составить, пока сами помѣщики не займутся на мѣстѣ подробнымъ описаніемъ своего прихода, ибо ни одному, ни ста человѣкамъ нельзя составить ничего вѣрнаго, по бумагамъ, а мнѣ даже кажется, что мно-

гіе находятъ въ томъ свои выгоды, чтобъ настоящее положеніе богатства и бѣдности каждаго закоулка было неизвѣстно всѣмъ, а особенно тѣмъ, кому о семъ знать должно. Наши Улемы исписываютъ ежегодно столько бумаги, что можно было бы вымостить отсюда дорогу до Москвы, и столько разъѣзжаютъ по пустому изъ одной улицы въ другую, что могли бы въ это время объѣхать нѣсколько губерній, но чужеземная пословица твердитъ: Римъ построенъ не въ одни сутки.

«Во сто лѣтъ, мы Русскіе сдѣлали больше, нежели другіе въ тысячу лѣтъ. Мы очистили Россію отъ враговъ, спаяли всѣ области воедино, дали имъ устройство, и теперь, какъ юноши послѣ хорошаго экзамена, играемъ въ чужеземныя игрушки. Всему положено хорошее начало, и намъ стоитъ только приняться снова за дѣло, чтобъ во сто лѣтъ опять шагнуть тысячу лѣтъ впередъ. Во ожиданіи сего молю Бога, да устранить навсегда отъ Россіи нравственную болѣзнь, господствующую въ Фран-

кстанѣ, которая до такой степени кружитъ головы, что каждая муха хочетъ быть слономъ, а каждый дуралей законодателемъ!»

Предоставляю тебѣ почтенный Тютюнджи-Эфенди, разсуждать обо всемъ слышанномъ мною, а я, сотворивъ молитву и выкуривъ трубку, ложусь спать, не рѣшивъ до сихъ поръ, отъ чего здѣсь умъ такъ легокъ, а глупость такъ пріятна и заманчива.

ФИЛОСОФИЧЕСКОЕ РАЗ- СУЖДЕНИЕ,

БЕЗГОЛОВАГО ФИЛОСОФА О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ
ГОЛОВѢ И О ЧЕРЕПОКОЖНОМЪ ЖИВОТНОМЪ,
РАКѢ.

(Письмо къ Издателямъ Сѣверной Пчелы
изъ за-Московнаго города.)

—

Проживъ шестьдесятъ лѣтъ на бѣломъ
свѣтѣ, и посмотрѣвши на многое, рѣшил-
ся я, наконецъ, представить на общее суж-
деніе перечень моихъ наблюдений и опытовъ,

для поученія современниковъ и потомства,
и продиктовалъ слѣдующее письмо моему
писарю, которое прошу васъ напечатать въ
вашей газетѣ, получаемой мною, *безденежно*
для прочтенія, отъ уѣзднаго нашего Почт-
мейстера. Если слогъ и правописаніе вамъ
не правятся, то взыскивайте съ писаря мо-
его, а не съ меня, ибо я никогда не зани-
мался Грамматикой, зная, что Богъ судить
насъ по дѣламъ нашимъ, а не по Грамма-
тикѣ. Впрочемъ, сколь полезна Грамматика
и всѣ прочія Науки для благосостоянія че-
ловѣка, изволите уяснить изъ нижеслѣду-
ющаго.

Я происхожу изъ древней Русской
дворянской фамиліи. Предки мои выѣхали
въ Россію изъ Золотой Орды, еще при Ве-
ликихъ Князяхъ. Признаюсь откровенно,
что я не знаю, что такое *орда*, почему на-
зывалась она *золотою*, и гдѣ она находи-
лась; но полагаю, что эта почтенная (по-
тому что *золотая*) орда жительствовала въ
тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нынѣ наши промышлен-
ники находятъ золотой песокъ. Отецъ мой

весьма гордился древностью своего происхожденія, и въ нашемъ домѣ болѣе было толковъ объ этой Золотой Ордѣ, чѣмъ о самомъ золотѣ, котораго у насъ вовсе не было. Покойный мой родитель разсказывалъ мнѣ часто и съ большимъ удовольствіемъ, что одинъ изъ предковъ нашихъ былъ придворнымъ поваромъ у знаменитаго Татарскаго Царя, по имени Тохтамыша, и весьма искусно приготовлялъ къ столу сырое лошадиное мясо, за что былъ возведенъ въ достоинство Мурзы, т. е. Князя. Братъ сего предка былъ придворнымъ сказочникомъ при томъ Государь, и за неутомимую ревность и усердіе къ службѣ произведенъ былъ въ Бей, (также нѣчто въ родѣ Князя) и посланъ въ завоеванную Россію, въ званіи Баскака, или Губернатора. Нажившись, какъ водится, на счетъ ввѣренной ему паствы, почтенный прапрадѣдушка нашъ опасался, чтобъ по возвращеніи въ Золотую Орду не лишиться собственнаго золота, вмѣстѣ съ головою, которую онъ цѣнилъ высоко, и потому перешелъ къ Русскимъ,

принять Христіанскую вѣру, прогналъ полдюжины устарѣлыхъ женъ своихъ, женился на молодой, прекрасной боярской дочери, купилъ вотчины, получилъ мѣсто, и сдѣлался основателемъ знаменитаго рода Нагайкинскихъ, къ которому я имѣю честь принадлежать въ прямой линіи.

Отецъ мой имѣлъ порядочное наслѣдственное имѣніе; но желая поддержать знаменитость своего происхожденія отъ Татарскаго Губернатора и, какъ говорятъ сосѣди, въ подражаніе своимъ предкамъ, велъ полукочевую жизнь, окруженный охотниками, собаками, дармовцами, цыганами и картежными игроками. На тридцатомъ году отъ рожденія имѣніе его продано съ публичнаго торга, и онъ ни съ чѣмъ перѣхалъ жить въ столицу, гдѣ, при помощи пріятелей, женился на дочери бывшаго цѣловальника, достигшаго постепенно до почетнаго званія откупщика, который за сію честь снабдилъ отца моего золотомъ, для поддержанія блеску золотоординскаго племени. — Отъ сего брака родился я, единственный сынъ. Отецъ

мой продолжалъ охотиться и играть въ карты, а матушка жила въ столицѣ, наряжалась и ѣздила по баламъ и вечерамъ. Бабушка моя, почтенная откупщица, жена бывшаго цѣловальника, видя, что родителямъ моимъ некогда заниматься мною, взяла меня на свое попеченіе. Она кормила меня съ утра до ночи, лѣлила, платила учителямъ за уроки, но не позволяла имъ мучить меня, потому, что я имѣлъ непобѣдимое отвращеніе отъ ученія, и ничѣмъ не могъ заниматься серьезно, какъ только ѣдою и спаньемъ. Дѣдушка мой, почтенный откупщикъ, бывший цѣловальникъ, для возбужденія во мнѣ соревнованія, взялъ въ домъ сироту, сына бѣднаго дворянина, служившаго при откупахъ, и кончившаго жизнь въ сраженіи съ корчемниками, за пользы и выгоды моего дѣдушки. Мой товарищъ учился прилежно и, какъ говорится, съ жадностью. Учители объявили единогласно, что мой товарищъ *малый съ головой* и будетъ, со временемъ, великимъ мужемъ, а что я *вовсе безъ головы*, и всю жизнь буду

ничѣмъ. Сей приговоръ учителя наши утвердили подписью и объявили тогда только, когда имъ отказали отъ дому, по окончаніи, такъ называемаго, воспитанія нашего и по записаніи насъ въ службу. До сего времени Гг. учителя утверждали, что я чудотворности, и лѣнивъ отъ того только, что во мнѣ кроется зародышъ генія, котораго принадлежность есть лѣнь. О товарищѣ моемъ говорили, что хотя онъ прилеженъ, но не столь щедро *награжденъ природою*, какъ я. Бабушка моя вѣрила словамъ учителей, ибо полагала, что природа есть не что иное, какъ крѣпость тѣлосложенія и толстота тѣла, а я былъ, въ осьмнадцать лѣтъ, толстъ, широкоплечъ и силенъ, какъ любимая лошадь дѣдушкина; товарищъ же мой былъ, напротивъ того, хилъ и сухощавъ, хотя однимъ годомъ былъ старѣе меня.

Вошедъ въ службу, я безпрестанно слышалъ о *головоломныхъ* работахъ, и въ-ря учителямъ моимъ, объявившимъ, что я *человѣкъ безъ головы*, опасался, чтобъ мнѣ

не задали работы, надъ которою надобно будетъ ломать голову. Опасенія мои не сбылись. Въ теченіе сорока лѣтъ я прошелъ отъ канцеляриста множество званій и должностей, и ни разу не имѣлъ нужды въ головѣ. По смерти дѣдушки, бабушки, отца и матери мнѣ досталось порядочное состояніе. Я женился на дочери моего начальника, и получилъ въ приданое милость его и благоволеніе. Два раза въ недѣлю я кормилъ моихъ товарищей, игралъ съ ними въ вистъ до перваго обморока; иногда ссужалъ деньгами порядочныхъ и недостаточныхъ чиновниковъ, не гнѣвался за насмѣшки острожковъ, ни съ кѣмъ не спорилъ и ни кому не противорѣчалъ, и не входилъ ни въ какія партій-и интриги. Пока должность моя состояла въ переписываніи бумагъ, я держалъ писца, который работалъ за меня; когда же пришлось мнѣ только *подписывать*, то я самъ принялся за дѣло и сталъ работать усердно для общаго блага, то есть, подписывать не читая цѣлыя кипы бумагъ, не задерживая Секретарей и не замедляя тече-

нія дѣлъ. За сіе прослылъ самымъ добрымъ и самымъ исправнымъ чиновникомъ. — Возрастая въ чинахъ и въ богатствѣ, я весьма часто вспоминалъ пророчество учителей, и внутренно смѣялся надъ ихъ простотой; а наконецъ, доживъ до сѣдыхъ волосъ, не зная ни нервическихъ, ни геморроидальныхъ припадковъ, не имѣвъ ни малѣйшихъ неприятностей по службѣ, и получивъ все желаемое, я рѣшился попробовать *разсуждать*, впервые въ жизни и вотъ что я выдумалъ.

Мнѣ кажется, что голова есть все излишній членъ для счастья человѣка, и даже служить помѣхою къ полному блаженству. Если бъ не головная боль, то порядочный человѣкъ могъ бы съѣдать втрое болѣе противу теперешняго, и выпивать по крайней мѣрѣ въ-десятеро. Всѣ бѣдствія въ мірѣ происходятъ отъ головы, ибо несварившаяся пища вредна одному только человеку, а непереваренная мысль, приведенная въ исполненіе, часто вредитъ тысячамъ людей. — Въ обществѣ встрѣча-

емъ мы на каждомъ шагѣ множество людей съ дурнымъ сердцемъ, которые блаженствуютъ на свѣтъ и пользуются съ избыткомъ всѣмъ, что только создано для удовольствія прихотей человѣка; а напротивъ того, чѣмъ голова лучше у человѣка, тѣмъ онъ несчастнѣе, ибо видитъ далѣе, постигаетъ глубже, слѣдовательно не можетъ быть доволенъ тѣмъ, отъ чего другіе приходятъ въ восторгъ и въ восхищеніе. Напримѣръ: совоспитанникъ мой сдѣлался сочинителемъ, написалъ нѣсколько порядочныхъ сочиненій (какъ говорятъ другіе), и приобрѣлъ даже нѣкоторую славу. Но какъ ему померещилось, что онъ можетъ приносить пользу человечеству, говоря громко и печатая о злоупотребленіяхъ, представляя дурное въ гнусномъ или смѣшномъ видѣ, и советуя истребить, изъ любви къ отечеству, сіи недостатки, какъ вредныхъ пасѣкомыхъ на плодоносномъ деревѣ, то такъ называемые патріоты, полагающіе, что гораздо славнѣе и похвальнѣе скрывать язвы подъ парчей, нежели носить явно цѣлительный пластырь,

накинулись на бѣднаго моего совоспитанника, скрутили его въ бараній рогъ, надѣлали ему тму непріятностей и обидъ, и давили наконецъ до того, что онъ не только долженъ былъ отказаться отъ намѣренія быть полезнымъ, но даже сдѣлался равнодушнымъ къ роду человѣческому, предпочитая ему царство растений, вредное для человѣка только волей самаго человѣка же, а покорное и пріятное по назначенію Творца. Съ растерзаннымъ сердцемъ, разстроеннымъ здоровьемъ и тощимъ карманомъ, товарищъ моей юности, человѣкъ съ головою, поселился на старости въ деревнѣ у меня, безголового, но здороваго, веселаго, сильнаго и богатаго, и наконецъ согласился со мною, что голова есть вовсе лишній членъ въ устройствѣ человѣческаго тѣла!

Разсуждая такимъ образомъ, мой старый совоспитанникъ, человѣкъ съ головою, не могъ однако жъ никакъ придумать, какъ бы можно было иначе создать человѣка, находя, что все въ мірѣ создано соответственно своей цѣли. Но я безголовый, вы-

вель его изъ недоумѣнія. По моему мнѣ-
нію, для человѣка гораздо было бы лучше,
если бь онъ былъ созданъ наподобіе рака,
ибо я замѣтилъ, что въ свѣтъ тѣ люди сча-
стливѣе, которые живутъ и дѣйствуютъ какъ
раки. Это премилое черепокожное живот-
ное не имѣетъ головы, но пользуется чув-
ствомъ зрѣнія, слышитъ, что ему нужно
слышать, и надѣлено не только ртомъ, но
даже усами, признакомъ молодечества. Важ-
нѣйшій членъ у рака есть клещи, которы-
ми онъ достаетъ себѣ добычу. Не то же ли
бываетъ между людьми, что тотъ и хорошъ
и пригожъ и правъ, у кого покрѣпче и
подлиннѣе клещи? — Если человѣкъ, на
какомъ бы то ни было поприщѣ, лѣзетъ
быстро впередъ, то другіе непременно упо-
требяютъ все свои усилія, чтобъ удержать
его стремленіе, и тотъ только достигаетъ
своей цѣли, кто, подобно раку, будто бы
пятясь назадъ, все подвигается потихоньку
и непримѣтно впередъ, очищая себѣ путь
клещами, не издавая напрасно пустыхъ зву-
ковъ, а только помахивая усами. На скольз-

комъ поприщѣ свѣта, только клещами мож-
но удержаться на мѣстѣ, а изъ омута, въ
которомъ вертятся земныя блага, только
клещами можно вытащить добычу. Въ ис-
тинѣ сего свидѣтельствуюсь высокопочтен-
ными подьячими, со всеми ихъ подразде-
леніями, и предками моими, поваромъ и ска-
зочникомъ Татарскаго Царя Тохтамыша.

Я часто слыхалъ отъ товарищей мо-
ихъ по службѣ, что кто работаетъ *головою*,
тому частенько достается *головомытіе*; а
какъ я впервые рѣшился на головную
работу, безъ опытности въ семъ дѣлѣ, то
и боюсь, чтобъ мнѣ не досталось *голово-*
мытія отъ *клещеносныхъ* вашихъ читате-
лей. Посему и прошу васъ объявить, кому
сіе знать надобно, что страсть къ рассу-
жденію привилъ мнѣ мой совоспитанникъ,
человѣкъ съ головою, а потому онъ и ви-
новать во всемъ, и что я уже наказанъ за
покушеніе мое рассуждать, почувствовалъ
головную боль, послѣ продиктованія сего
письма, какъ будто послѣ опорожненія ше-
сти бутылокъ шампанскаго. Вы сдѣлали бы

мнѣ, Гг. Издатели, пребольшое одолженіе, если бѣ, для утѣшенія меня, уведомили, согласны ли вы со мною, что голова есть лишній членъ у человѣка, желающаго наслаждаться спокойно земными благами, и что человѣкъ тѣмъ счастливѣе, чѣмъ болѣе похожъ на рака образомъ своей жизни и поступками. За симъ писавый кланяюсь.

Подписано: *Агафонъ Нагайкинъ.*

— N° III. —

ПИСЬМО ЖИТЕЛЯ КОМЕТЫ БЪЛЫ

КЪ ЖИТЕЛЮ ЗЕМЛИ.

—

Носясь въ высотахъ ээира, мы, жители кометъ, одарены чувствами, имѣющими необыкновенную и непостижимую для васъ силу. Съ помощію зрительныхъ и слуховыхъ трубъ мы видимъ и слышимъ все, что дѣлается и говорится на другихъ планетахъ и кометахъ. Насмѣшили вы насъ довольно жители Земли, своимъ страхомъ и опасеніемъ на счетъ нашей кометы! Вы гордитесь

своимъ просвѣщеніемъ и ученостью, а не имѣете столько здраваго разсудка и столько вѣры въ промыслъ Всевышняго, чтобъ быть убѣжденными въ премудрости и ненарушимости законовъ вселенныя, по которымъ всѣ небесныя тѣла движутся и, такъ сказать, живутъ жизнью честною, и жизнью общеою, вмѣщая въ себѣ и развивая согласіе, благоустройство и взаимную зависимость или любовь, спаивающую воедино всѣ творенія Предвѣчнаго Строителя. — Какъ бы хорошо было, если бѣ люди подражали этому! Но имъ даны разумъ и воля, и сими-то орудіями они непрерывно сражаются съ природою и здравымъ разсудкомъ, для разрушенія общаго согласія и собственнаго счастья. Какимъ образомъ пришло вамъ въ голову, любезные сыны Земли, чтобъ наша комета подобно какому нибудь завоевателю, осмѣлилась свернуть съ своего пути, и разбила вашу Землю? Вы судите по себѣ обо всемъ, даже о небесныхъ тѣлахъ! Гордость, достойная толчка кометы! Но, любезныя дѣтища матери сырой Земли, знайте, что законовъ

тяготѣнія (gravitation) нельзя такъ легко нарушить, какъ вы нарушаете законы нравственности, и что кометъ нѣтъ ни малѣйшей пользы отъ чужой собственности, до которой у васъ, на Землѣ, такъ много охотниковъ. Наша комета столь же самодовольна, какъ ваши городскія красавицы, хотя и не такъ завистлива, какъ ваши женушки, тетушки и бабушки. Гордясь своимъ длиннымъ хвостомъ и своими пламенными локонами, наша комета спокойно расхаживаетъ вокругъ солнцевъ, и смотрится въ нихъ, какъ въ зеркала, не обращая даже вниманія на вашу Землю, окруженную туманною атмосферою. А вамъ мерещится, что наша комета для васъ именно и появилась въ вашей солнечной системѣ! Смѣшны вы, любезные мои собратья въ твореніи, смѣшны вы со своею гордостью!

Сидя на обсерваторіи, въ нашей кометѣ, я смотрѣлъ въ телескопъ на вашу Землю, и не могъ удержаться отъ смѣха, слыша, какъ ты разсуждалъ о кометѣ, вечеромъ 9-го Октября 1852 года, когда вашъ Астрономъ открылъ ее въ созвѣздіи Рака. Ты ссылался

на открытія и наблюденія вашихъ Ученыхъ, и притомъ говорилъ такой вздоръ, о возможности столкновенія, что у меня уши завяли. Довольно на землѣ столкновений противоположныхъ выгодъ и взаимныхъ глупостей и безъ столкновенія съ нашими глупостями! Повѣрь мнѣ, что нашей кометѣ право не изъ чего пришлось бы бунтовать противу непреложныхъ законовъ, чтобъ имѣть удовольствіе разбить себѣ бока о ваши гранитныя скалы! — Чѣмъ бы мы отъ васъ позанимствовались? — Ваша чума, холера, желтая горячка, вовсе не приманивы, а еще несноснѣе ваша политическая зараза, которая производитъ глупѣйшій бредъ о равенствѣ, и направляетъ когти на чужой карманъ. Скажи мнѣ, по совѣсти, много ли вы можете удѣлить намъ съ Земли прямыхъ судей, которые бы судили безъ оглядки на лица, и не прельщались прекрасною грабировкою государственныхъ ассигнацій? Много ли можете уступить намъ Ученыхъ, которые бы болѣе гордились своими познаніями, нежели чинами, и думали болѣе о Наукѣ,

нежели о личныхъ выгодахъ, происходящихъ отъ Науки? — Много ли вы можете дать намъ помѣщиковъ, которые бы помышляли о благоустройствѣ имѣнія и прочномъ отъ него доходѣ, а не выжимали изъ него соку на уплату картъ, вина и банковыхъ процентовъ? Много ли вы можете уступить намъ Бояръ (хотя на поддержаніе, ибо въ семъ имѣемъ мы крайнюю нужду), которые бы не дремали на своихъ курульскихъ креслахъ, и благо отечества предпочитали благосостоянію своего семейства? — Много ли вы можете удѣлить намъ купцевъ, которые бы не почитали плутовства сипонимомъ смысленности, и брали барышей сколько *должно*, а не сколько *можно*? — Сколько дадите вы намъ Журналистовъ, которые бы старались угождать публикѣ и служить пользамъ отечества, а не своимъ мелкимъ страстишкамъ и не своимъ пріятелямъ и покровителямъ, вопреки правдѣ и здравому смыслу? — Много ли дадите намъ Поэтовъ не льстецовъ, и прозаиковъ не пустыхъ болтуновъ? — Мы имѣемъ крайнюю нужду въ попечительныхъ

матеряхъ, въ молодыхъ женахъ не кокеткахъ и не мотовкахъ, и въ дѣвцахъ, которыя знали бы нѣсколько болѣе пляски, моды и какого нибудь иностраннаго языка. Скажите, много ли отпустите къ намъ изъ сихъ милыхъ созданий? — Между нашими юношествомъ чрезвычайно много фанфароновъ всякаго рода и наименованія: фанфароновъ учености, фанфароновъ службы и даже фанфароновъ разврата. Много ли дадите намъ юношей, которые бы искали повышенія въ службѣ собственными заслугами, а не связями родственными; которые бы гордились не блистательнымъ рожденіемъ, но блистательною жизнью; которые бы поставляли любовь къ отечеству въ познанія его и въ самоотверженіи къ пользамъ его, а не бѣгали съ лорнетками по улицамъ безъ цѣли, и не заглушали голоса разсудка въ обществахъ своимъ болтовствомъ? — Кажется мнѣ, что вы не весьма богаты тѣмъ, въ чемъ мы нуждаемся, и что одна гордость ваша, умноженная на невѣжество, заставляетъ васъ почитать себя столь важными существами, что

даже комета занимается вами! Займитесь лучше сами собою, милые друзья, и если вы такъ трусливы, что бонтесь тяжести и столкновенія кометы, то я скажу тебѣ, по дружбѣ, что слеза несчастнаго гораздо тяжеле кометы на всѣхъ небеснаго правосудія, и что столкновеніе *совѣсти* съ *Впрое* гораздо опаснѣе столкновенія кометы съ землею. Я бы желалъ удѣлить вамъ тепла отъ хвоста нашей кометы, чтобъ оно согрѣло ваши сердца, и довело до зрѣлости сѣмя любви къ человечеству, заглушивъ презрѣла эгоизма. Хотѣлъ бы я, чтобъ страхъ, возбужденный въ васъ появленіемъ на небѣ нашей кометы, заставилъ васъ помыслить о вѣчности міровъ и о тѣннотѣ человеческой жизни, и чтобъ вы убѣдились, что кратковременная жизнь и невѣрныя ея блага право не стоятъ того, чтобъ человекъ угнеталъ и обманывалъ своего собрата, чтобы душилъ талантъ въ другомъ, въ угожденіе своему завистливому невѣжеству, и чтобъ лишился ближняго куска хлѣба, для того, чтобъ самому ѣсть хлѣбъ съ масломъ. Но уже

вихрь, который свиститъ надъ моею головою, отдѣляется отъ нашей свѣтлой атмосферы, и хочетъ летѣть къ вамъ, чтобъ побуйнить на вашей Землѣ, потопить нѣсколько кораблей съ контрабандою, и сорвать нѣсколько крышъ съ домовъ, для устрашенія пьяницъ, игроковъ и взяточниковъ. Пользуясь симъ случаемъ, и посылаю къ тебѣ сіе письмо, которое ты получишь чрезъ трубу твоего камня. Прощай! не бойся ни кометъ, ни планетъ, а бойся своей совѣсти, избѣгай злыхъ людей, которые, свернувъ съ прямого пути, безпрестанно ищутъ *столкновеній* съ чужими карманами или съ чужою доброю славою, поменѣе ври, сиди тихо, не шевелись въ своемъ уголкѣ, какъ неподвижная звѣзда въ созвѣздіи Рака, и смотри не на небо, а подъ ноги себѣ: тогда проживешь свой вѣкъ спокойно, а когда кончишь жизнь, милости просимъ къ намъ. Тогда увидишь, какъ ты былъ глупъ, цѣля высоко на землѣ вещи, которыя надъ землею не стоятъ мѣднаго гроша.

*Ракъ Козероговичъ Тельцовъ,
Титулярный Советникъ кометы Вѣлы.*

—❖—

— № IV. —

**ПИСЬМО ЖИТЕЛЬНИЦЫ КОМЕТЫ
ВѢЛЫ,**

КЪ ТОМУ ЖЕ САМОМУ ЖИТЕЛЮ
ЗЕМЛИ.

—

По письму моего мужа, вы вѣрно станете заключать дурно о жителяхъ нашей кометы, и потому спѣшу вывести васъ изъ заблужденія. Вы должны знать, что мужъ мой принадлежитъ къ сословію Ученыхъ и Литераторовъ, и потому онъ брѣзга и неспосенъ, съ своею моральною и своимъ коме-

толюбѣмъ. Но у насъ есть также любезные свѣтскіе люди, которымъ бы чрезвычайно хотѣлось столкнуться съ вашею прелестною Землею. Особенно мы, женщины, стараемъ отъ нетерпѣнія познакомиться съ милыми инопланетниками, ибо мы вообще чрезвычайно любимъ иностранцевъ, и для поддержанія древняго нашего гостепріимства, даже всякаго иностраннаго шушуру предпочитаемъ своему сокометнику. Смотри на вашу Землю, въ телескопъ моего мужа - брюзги, я бы хотѣла сыркнуть къ вамъ, въ ваши модные магазины, хоть бы для того только, чтобы примѣрить прелестныя шляпки, которыя выставлены въ окнахъ! Какъ это мило! какъ должно быть мнѣ къ лицу! Ахъ, зачѣмъ я не родилась на Землѣ! Ваша планета вѣрно тотъ рай, о которомъ намъ толкуютъ. Какъ у васъ все прекрасно, какъ великолепно! — У насъ деревни не отличить отъ города. Вездѣ та же чистота, тотъ же видъ довольства, и городъ разнится отъ деревни только многолюдствомъ, помѣщеніемъ присутственныхъ мѣстъ и другаго рода

занятіями жителей. А у васъ, то ли дѣло! Въ городахъ чертоги, а въ деревняхъ капуры, и послѣдній городской пылица кажется бариномъ передъ поселяниномъ; у васъ въ городахъ только пѣтъ птичьяго молока, а въ деревняхъ, хоть умирай, не достаешь на гривну ревеня или кремортартари. Такъ и быть должно! У насъ богачи истрачиваютъ деньги на усовершеніе хлѣбопашества, на устройство фабрикъ въ своихъ имѣніяхъ, на поддержаніе деревенскихъ строеній, а все это такъ скудно, такъ единообразно и вовсе не привлекательно. А у васъ, напротивъ того, богатый баринъ не думаетъ вовсе о своихъ деревняхъ; онъ заботится только объ исправномъ сборѣ оброка, но за то сколько вкуса и какую сильную любовь къ изысному выказываетъ онъ на своей пригородной дачѣ, гдѣ собраны представители растительнаго царства всѣхъ климатовъ, и гдѣ всѣ Искусства соперничаютъ въ усердіи, чтобы принарядить исраху Природу, которая въ наготѣ своей нравится только однимъ нашимъ Поэтамъ и Слове-

сникамъ. — Скажите, какой человекъ со вкусомъ и съ воспитаніемъ не согласится, что гораздо пріятнѣе, чтобъ гнили и разваливались строенія въ вотчинѣ, а городская дача красовалась, какъ звѣзда на туманномъ небѣ? Но у насъ этого, по несчастію, нельзя сдѣлать, ибо у насъ есть грозное чудовище, называемое *общее мпѣніе*, которое растерзало бы дерзкаго, если бъ онъ осмѣлился противиться ему, если бъ оставлялъ въ небреженіи свои вотчины, и, на удобреніяхъ потомъ грядяхъ, выращивалъ заморскія травы на своей пригородной дачѣ. Это грозное чудовище, *общее мпѣніе*, еще ужаснѣе для насъ, бѣдныхъ женщинъ, нежели для мужчинъ! Увы! Мы здѣсь не смѣемъ рыскать цѣлое утро по магазинамъ, и забирать въ долгъ все, что намъ нужно, но что нравится, а должны сидѣть дома, смотрѣть за хозяйствомъ и за уроками дѣтей, которыхъ мы должны непременно сами воспитывать до извѣстнаго возраста. Мы не смѣемъ закладывать въ Банкъ имѣнія, полученнаго нами въ приданое, на уплату сче-

товъ изъ модныхъ магазиновъ, и, что всего неспоснѣе, мы должны любить, утомительною любовью, мужей нашихъ отъ свадьбы до гробовой доски, не прельщаясь ни милыми усиками, ни щегольскою таліей, ни ловкостью нашихъ рыцарей, которые у насъ обворожительны на балахъ, гдѣ наши мудрецы, а въ томъ числѣ и мой муженецъ, въ сравненіи съ ними то же, что книга въ сравненіи съ зеркаломъ. — У васъ женщина, въ высшемъ кругу, есть какое-то особенное существо, превыше всего земнаго, родъ идола, которому все служить и все поклоняются. А у насъ! У насъ, если женщина говоритъ глупо, то никто не станетъ ее слушать, а если она и глупа и дурна собою, то хотя бы мужъ ее кормилъ всѣхъ досыта и раздавалъ доходныя мѣста, никто не скажетъ ей лѣстиваго привѣтствія, и не будетъ клеветать передъ ней, въ угожденіе, на ея соперницъ. — У насъ женщина не смѣетъ мѣшаться ни въ какія интриги, ни выпрашивать мѣсть для своей родни и своихъ лѣстцовъ, ни наговаривать на людей,

нелюбимыхъ ея льстецами, ни совращать судей съ пути правосудія, ни лгать и даже рисковать честью мужа, для сверженія съ мѣста человека, непричастнаго духу партій, раздѣляющихъ ваше общество, по числу честолюбивыхъ фамилій, ищущихъ возвышенія. Умъ въ насъ хотя и цѣнится высоко, но для дѣйствія назначены предѣлы, а смазливое личико не заставитъ никого сдѣлать несправедливость. Послѣ этого, какъ же намъ не завидовать вашимъ женщинамъ, которыхъ у васъ, на землѣ, дѣлаютъ *все*, только что не бьютъ въ барабанъ и не лазаютъ по мачтамъ, и грознаго нашего чудовища, *общаго мнѣнія*, столько же боятца, какъ полугодоваго козленка! — Вы, земные жители, не можете представить себѣ, какое мученіе для насъ, жительницъ кометъ, обязанность говорить всегда нашимъ родимымъ кометнымъ языкомъ съ нашими сокометниками, читать книги, писанныя нашимъ языкомъ, и заниматься сверхъ хозяйства Литературою и даже отечественною Исторіею и Статистикою! — Наши мужчи-

ны такъ взыскательны и столь грубы, что назвали бы по-просту дураю даже даму высшаго разряда, если бѣ она не знала въ точности той провинціи, гдѣ находится ея имѣніе, и не помнила всѣхъ блистательныхъ подвиговъ своихъ соотчичей, отъ начала до конца. Отъ этого наши общества чрезвычайно скучны, и все мое наслажденіе въ жизни состоитъ въ томъ, что я прислушиваюсь въ слуховую трубу моего мужа къ сплетнямъ вашихъ женщинъ, и ихъ безконечнымъ и преннымъ толкамъ о нарядахъ.— Правда, что этотъ порядокъ дѣлъ уже слишкомъ надоелъ намъ, женщинамъ и молодымъ людямъ нашего высшаго общества, но мы не смѣемъ предпринять ничего изъ опасенія вышеупомянутаго чудовища, а только внутренно желаемъ, чтобъ комета наша столкнулась съ какою нибудь планетою, особенно съ вашей Землею, и чтобъ мы, перемѣшавшись съ вами, могли принять ваши обычаи. И такъ, не вѣрьте похваламъ мужа моего нашей кометъ! Она мала, туманна, лѣнива находу, а жители ея слишкомъ *аккурат-*

ны. Вамъ же извѣстно, что для веселой жизни нѣтъ ничего вреднѣе педантовъ нравственности, которые требуютъ, чтобъ *полезное* предпочитали *пріятному*, увѣряя, что отъ этого предпочтенія они соединятся. — Прощайте, пожалуйста объ насъ, и ради Бога изорвите это письмо, посылаемое вамъ на радужномъ лучѣ. Боюсь, чтобъ оно не дошло до свѣдѣнія моего мужа, который за это готовъ не купить мнѣ обновъ къ Новому году. —

Вашъ покорная слуга *Водола Тельцова*.

— N° V. —

ВОПИЮЩАЯ ТИПОГРАФСКАЯ БУКВА.

«Онъ понимаетъ шутку, следовательно онъ
умный человекъ.»

(Изъ письма политическаго къ типошнику.)

Долго, весьма долго, я нижеподставленная типографская буква, переносила терпѣливо и безмолвно угнетенія типографскаго станка, удары колотушки наборщика и невѣжество корректора, вѣря, что я служу уму и повинуюсь таланту. Но удостовѣрившись

напоице, что меня гораздо чаще употребляют для печатанія глупостей, нежели произведений ума и таланта, я потеряла терпѣніе, и заговнала, по примѣру весьма многихъ бездушныхъ существъ, воилющихъ даже на перекоръ разсудку. Не хочу хвастать оригинальностью. Прежде меня говорили уже *булавы, поглые колаки* и многіе неодушевленные предметы; но они открывали тайны своихъ хозяевъ и хозяйкиекъ, а я вещь явная, всенародная, не знаю ни какихъ секретовъ, и потому вовсе непохожа на моихъ предметниковъ, *не одушевленныхъ говорящихъ*. Я болѣе имѣю сходства съ *гласно-бездушными*, оживленными существами, которыя много говорятъ, а мало чувствуютъ, много пишутъ, а мало думаютъ, много читаютъ а мало понимаютъ, между которыми однакожъ есть весьма много достойныхъ всякаго уваженія, то есть: жирныхъ, толстыхъ, богатыхъ, тороватыхъ, мотоватыхъ, плутоватыхъ и проч. и проч. и проч.

Вы всѣ, любезные читатели, непосвященные въ таинства типографскаго искусства,

почитаете меня существомъ *низкаго произхожденія*, т. е. взглянувъ на меня, думаете, что я вылита изъ самаго малоцѣннаго металла, изъ свинца. Извините! *Mille pardons!* Во мнѣ есть благородныя части. Отецъ мой — *свинецъ*, а мать *антимоніи*; отъ сочетанія конхъ происходитъ ученая фамилія *гартъ* (*), служащая, со времени Гуттенберга, по части народнаго просвѣщенія, и участвовавшая во всѣхъ переворотахъ на Земномъ Шарѣ, помогая съ равнымъ усердіемъ пороку и добродѣтели, эгоизму и филантропіи, лжи и правдѣ, Папѣ и Лютеру, Кромвелю и Стюарту, Спинозѣ и Бакону.... Изъ этого примѣра любезные читатели, вы должны научиться не пренебрегать порокою, судя по наружности, ибо если вы станете разыскивать, то иногда найдете, что въ крови, кругообращающей подъ кучерскимъ кафтаномъ, половина крови можетъ быть сіятельною или высокоблагородною, и такъ далѣе, и такъ далѣе....

* Масса, употребляемая для буквъ, называется гартъ, и есть смѣсь свинца и антимоніи.

Рожденіе мое ознаменовано слѣдующимъ происшествіемъ. Былъ одинъ добрый человекъ, которому смертельно захотѣлось прослыть умникомъ. Онъ жилъ въ одной изъ столицъ, въ огромной и прегрязной квартирѣ, собиралъ у себя множество писакъ, имѣвшихъ притязанія на умъ (какъ жиды имѣютъ притязанія на владѣніе Иерусалимомъ), и писавшихъ глупости, въ ожиданіи вдохновенія, точно такъ же, какъ большая часть жидовъ плутуетъ, въ ожиданіи, пока они будутъ честными гражданами, по возвращеніи въ Иерусалимъ, на непремѣнное жителство. Добрый человекъ пресыщалъ писакъ полусогнившими на рынкахъ съѣстными припасами, и понлъ виновомъ, которое Н. И. Гречъ въ своей поѣздкѣ въ Москву (см. N 124 Свѣд. Пчелы 1833 года) называлъ кандидатомъ 10 класса въ укусы. Писаки увѣряли простодушнаго искателя ума, что онъ гений, и тотъ пустился писать всякую всячину, и наконецъ добился до того, что состряпалъ сказку. Въ этой сказкѣ появилась я впервые, въ заглавіи, въ имени Сочинителя, и попала въ та-

кую честь, въ какой можетъ быть только новорожденное дитя, которое рожденіемъ своимъ обезпечиваетъ родителямъ богатое наследство. Матушка, сестрицы, кузины Сочинителя не могли наглядѣться на меня, какъ въ зеркало, а онъ самъ даже завелъ нарочно очки, и не довольствуясь ими, по цѣлому часу разсматривалъ меня въ зажигательное стекло. — Не знаю, справедливо ли народное повѣрье, что галки и вороны накликаютъ бурю, но знаю навѣрное, что писаки могутъ накликать чернильную славу, если славою можно назвать похвалы певѣждѣ и извѣстность имени. Нѣкоторое время Сочинитель сказки утѣшался похвалами и поздравленіями, какъ вдругъ одинъ Журналистъ привелъ въ движеніе кассу (*), въ которой я спокойно отдыхала на лаврахъ, и велѣлъ втискать меня въ критику на честившаго меня Автора. — Критика была жестокая, но справедливая. Всѣ умные люди пристали къ

* *Кассою* называется въ типографіи лѣщикъ съ перегородками, гдѣ лежатъ буквы.

мишью Журналиста, пріятели Автора стали браниться въ другихъ Журналахъ, пошла перепалка, мнѣ не давали покою, но въ этой чернильной войнѣ я получила первый урокъ мудрости, на счетъ моего самолюбія. Я думала сперва, что Авторъ сказки и всѣ его сестрицы, кузины и пріятели, не могутъ наглядѣться на меня *ради моей красоты*, и загордилась было; но когда попалась я на глаза Автору (съ его причетомъ) — въ критикѣ, то со мною обошлись, какъ съ бѣднымъ родственникомъ, просящимъ помощи, или какъ съ покровителемъ, лишившимся власти. Одни бросали меня на полъ, другіе отворачивали отъ меня взоры, третьи били кулаками, а наконецъ самъ Сочинитель сказки изорвалъ листы, на которыхъ я красовалась въ тысячу различныхъ словъ, противныхъ авторскому самолюбію. Пожпвъ долѣе на свѣтъ, я утѣшилась, удостовѣрившись, что точно такъ же поступаютъ люди съ своими собратіями: ласкаютъ, когда они льстятъ имъ, и отворачиваются отъ нихъ, а иногда

даже и раздраютъ ихъ — когда они начинаютъ говорить горькую правду.

Изъ Литературы попала я въ Юриспруденцію, и появилась въ Указѣ противу взяточниковъ. Съ благоговѣшемъ и признательностью смотрѣли на меня смиренные помѣщики, благородные воины, честные судьи (они водятся, благодаря Бога, на святой Руси!) и благовоспитанное юношество; но когда я перешла въ руки подъячихъ ex professo, т. е. людей, питающихся ябедою, какъ черви гниlostью, то отъ страха чуть усидѣла на листѣ. Сначала я произвела надъ подъячими такое дѣйствіе, какое производитъ трескъ бича надъ лѣнвыми лошадьми: они вздрогнули и дернули съ мѣста. Послѣ того они остервенились и завопили, какъ Африканскіе звѣри, у которыхъ вырываютъ добычу. Наконецъ успокоились и стали всматриваться въ меня, но такими глазами, что отъ ужаса чернила на мнѣ порыжѣли! Переворачивая меня то впрямь, то вкось, (чаще вкось) они стали доискиваться двойнаго смысла, останавливаясь на каждой запятой, спорили между со-

бою, бранились, чуть не дрались, и наконецъ рѣшили единогласно: положить меня подъ красное сукно и оставить на покой! Слава Богу, что я этимъ отдымалась отъ нихъ! «Блаженъ мужъ иже не иде на советъ нечестивыхъ.»

Черезъ нѣсколько времени появилась я въ свѣтъ, на прекрасномъ билетѣ, съ черными каймами, съ барельефами, изображающими Меркурія, гасящаго свѣтлѣнникъ, Парку, пресекающую нить жизни, и проч. Молодая бездѣтная вдова рыдала по старому и богатому мужу, составившему во время духовное завѣщаніе, которымъ сверхъ законной части отдалъ ей все свои капиталы и благопріобрѣтенное недвижимое имущество. Наслѣдники, получающіе родовое имѣніе, — также рыдали... Все нарядились въ черное платье, все съѣхались на выносъ тѣла, словомъ, все было въ порядкѣ и исправности, съ соблюденіемъ надлежащихъ приличій. Я утѣшалась, лежа въ фарфоровой вазѣ, съ визитными билетами, что попала между такихъ добрыхъ людей, какъ вдругъ послы-

шался хохотъ въ будуарѣ молодой вдовы, гдѣ она заперлась съ своимъ горемъ, на другой день послѣ похоронъ. Я стала прислушиваться. Молодая вдовушка разговаривала весело съ красивымъ Каммеръ-юнкеромъ, (котораго я очень рѣдко видывала въ домѣ при жизни покойника, будучи вхожа къ нему на листкахъ Сѣверной Пчелы), и условливалась съ нимъ съѣхаться на Карлсбадскіе воды, а оттуда ѣхать въ Парижъ, чтобъ переждать тамъ срокъ траура, и послѣ обвѣнчаться въ Посольской церкви. Радостный смѣхъ происходилъ отъ очаровательнаго зрѣлища ломбардныхъ и банковыхъ билетовъ, которые молодая вдовушка перекладывала изъ старой шкатулки покойника въ свой туалетъ. Рождественники, получившіе въ наслѣдство родовое имѣніе, напротивъ того, не переставали плакать, и имѣли на то весьма важныя причины. Покойникъ нарочно заложилъ имѣніе въ ломбардъ, а деньги отдалъ жемъ, съ другими капиталами. Какъ не плакать! —

Разсказать ли, что я видѣла, понав-

ишь на свадебные билеты? Много, много радостей! Первая радость тѣхъ, которые сбываютъ съ рукъ взрослую дѣвицу; вторая радость невесты, которая думаетъ, что *идетъ на волю*; третья радость жениха, который получаетъ богатое приданое или покровительство или (рѣдкіе случаи) видитъ въ своей невестѣ совершенство красоты и добродѣтели; четвертая радость заимодавцевъ жениха; пятая радость гостей имѣющихъ случай поплясать, попить, а послѣ посплетничать и т. д. Все это продолжается много времени, иногда мѣсяць, и иногда даже два, а тамъ все это исчезаетъ, вмѣстѣ съ свадебнымъ билетомъ, и жизнь, какъ тяжкій сонъ, налегаетъ на душу. А все таки надобно жениться!

Наконецъ я попала на визитные билеты. Ой, ой, ой! чего я тутъ насмотрѣлась! Въ переднихъ узнала я, какъ слуги обманываютъ господъ. Въ гостинныхъ удостовѣрилась, что свѣтскія связи, пріязни, знакомства, поддерживаемыя визитами, суть не что иное какъ дань приличіямъ, жертва са-

молюбію, въ которыхъ хотя и участвуетъ сердце, но съ чувствами совершенно противоположными тѣмъ, которыя провозглашаются языкомъ. Въ столовыхъ узнала я, что кастрюля для гостя важнѣе хозяина, а гость для хозяина есть о же, что хлѣбная монета, и что только въ однихъ богатѣльняхъ кормятъ даромъ, а за всѣ приглашенія къ обѣдамъ надобно платить или умомъ и любезностью, въ удовольствіе хозяина, или услужливостью въ пользу его, или деньгами въ партіи виста. — Въ спальняхъ узнала я, что.... не надобно говорить всего, что знаешь....

Опытность приближаетъ старость, а старость при опытности, наводитъ мизантропію. Мнѣ наскучило смотрѣть на человѣческія глупости, и я, вырвавшись изъ рукъ наборщика, упала на полъ и завалилась подъ кассу, гдѣ отдыхаю, пока вздумаютъ выметать типографію. Не знаю, какая участь ожидаетъ меня. Быть можетъ, поднявъ меня, втиснуть опять въ какое нибудь дешевое изданіе Московской книжной про-

мышлености, съ которымъ отправять странствовать по харчевнямъ, или перельютъ и снова заставить щеголять въ боярскихъ палатахъ, или выбросать съ соромъ въ грязную яму. — Все сіе зависитъ отъ мѣста, куда бросить меня тотъ, который найдетъ меня на полу. Не то ли бываетъ и съ людьми!

— № VI. —

Н И Ч Т О,

ИЛИ

АЛМАНАЧНАЯ СТАТЕЙКА О НИЧЕМЪ.

(Письмо къ А. Ф. Смирдину.)

«Meine Bitterkeit kömmt nur aus den Galläpfeln meiner Dinte, und wenn Gift in mir ist, so ist es doch nur gegen gift.»

Heine.

То есть:

«Горечь моя проистекаетъ единственно изъ чернильныхъ орѣшковъ, входящихъ въ составъ моихъ чернилъ, и если во мнѣ есть ядъ, то это не ядъ, а только противоядіе...»

Гейне.

Въ теченіе шести лѣтъ я въ первый разъ попалъ въ общество Литераторовъ и,

такъ называемыхъ, любителей словесности, именно у васъ, на Новосельѣ. Въ эти шесть лѣтъ произошла большая перемена въ нашихъ Литературныхъ обычаяхъ, чувствованійхъ, связяхъ и взаимныхъ отношенійхъ, какъ будто бы каждый протекшій годъ поглотилъ цѣлое десятилѣтіе. Я увидѣлъ новое поколѣніе Писателей — и не узналъ стараго. Въ теченіе сего времени, однихъ велѣ Аполлонъ впередъ, а Фортуна поталкивала, другихъ Аполлонъ отталкивалъ, а Фортуна мѣлѣла, третьимъ благопріятствовали оба сіи божества Но объ этомъ ни слова болѣе. Довольно того, что вотъ мы, писатели, все вмѣстѣ у васъ, какъ въ Иосафатовой долинѣ!

Бывало, Литераторы, собираясь вмѣстѣ, сливались въ одну душу какъ искры шампанскаго въ одной рюмкѣ. Нынѣ, они сходятся, и притомъ такъ плотно, какъ косточки игры домино — но только не спаваются. Ужели и Литераторовъ, какъ игорныя косточки, раздѣляетъ *интересъ*? — Хотя бы и зналъ, но не скажу.

Чту и уважаю всехъ великихъ и малыхъ

моихъ Парнасскихъ собратій; но долженъ признаться, что въ этотъ день душа моя была такъ сжата, какъ книга въ тискахъ переплетчика, а языкъ висѣлъ во рту, какъ незаведенныя часы на стальномъ крючкѣ учасоваго мастера. Изъ всехъ чувствъ только *вкусу* было *хорошо*. *Зрѣніе* страдало отъ необычайной пестроты; органамъ *слуха* было больно отъ нестройныхъ похвалъ и вѣжливости; *обоняніе*, какъ чутье оленя, слыдило ловцевъ и сѣти, а *осязаніе* сообщало сердцу дрожь, при каждомъ неискреннемъ пожатіи моей руки. Какая-то тоска давала мнѣ предчувствовать, что я въ этотъ день долженъ разрѣшиться, непременно, какою нибудь глупостью!

Послѣ обѣда, когда поднесли мнѣ листъ бумаги, на которомъ написаны были имена Литераторовъ, изъявившихъ желаніе составить для васъ Альманахъ, — я, взглянувъ на списокъ, побоялся, что бы *гласныя* буквы, въ нѣкоторыхъ изъ сихъ именъ, не заревѣли отъ ужаса, встрѣтятся съ *согласными* буквами въ другихъ именахъ, отвер-

гающихъ *союзъ* даже въ Грамматикѣ. Если бы всѣ сѣ имена закупорить въ бутылку, думалъ я, то бутылка вѣрно лопнулабы отъ броженія. Хорошо, что эти имена встрѣтились за бутылкой....

Я вписался *последнимъ* въ списокъ лучезарныхъ именъ, но вовсе не отъ уничиженія, а потому что *последняго* мѣста я никогда не почитаю *низжайшимъ* или *унизительнымъ*, ибо знаю много случаевъ, гдѣ похвальнѣе быть *последнимъ*, чѣмъ *первымъ*; напримеръ, въ *ретирадѣ*, въ *передней*.... Но довольно и этихъ двухъ примѣровъ. Кончено тѣмъ, что исполняю мое обѣщаніе.

Но какъ исполняю? Вотъ задача! Всѣ почтенные и высокопочтенные мои собраты Парнасскіе, вѣроятно, дадутъ вамъ статьи, высоко-цѣнимыя ими-статьи важныя, полновѣсныя, а потому вамъ именно будетъ недоставать того, что даю я, а я даю вамъ *ничто*. Не пренебрегайте *ничемъ*, любезнѣйшій Александръ Филиповичъ! *Ничто* есть тоже, что *нуль*, а отъ сочетанія *нулей* съ *единицами* родятся миллионы.

Вѣрите мнѣ, *ничто* не есть вещь незначительная. Напротивъ того, *ничто* есть мать *всего*. Отглянитесь на ваши полки съ книгами, и поразсудите, чѣмъ держатся многіе наши Журналы, чѣмъ начинены наши разславленные Романы, наши модныя Поэмы, Повѣсти, Баллады, Оды, Анакреонтики, Пѣсни и Сказки! — Ей Богу, *ничемъ*! — Что есть авторская слава? — Природѣ, покровительствѣ и искательствѣ, это ключъ къ почестямъ, а безъ этого — *ничто*, вещь, за которую не дадутъ квасу напиться. — Но это *ничто* имѣетъ свою прелесть, какъ всякое *ничто*, составляющее цѣль жизни и занятій большей части людей. Увѣрю васъ честно, что еслибы въ вашемъ книжномъ магазинѣ и въ вашей Библіотекѣ для чтенія не было такого множества *ничего*, то вы не имѣли бы такого множества покупателей и читателей. Величайшая истина, сущая философическая аксіома есть та, что люди болѣе всего любятъ *ничто*, и всю жизнь гонятся за *ничемъ*.

Взгляните изъ окна вашего на Невскій

проспектъ—этотъ міръ въ миниатюрѣ, и пробѣгите умственно по богатымъ магазинамъ, которыми гордится Петербургъ, какъ кокетка нарядомъ. Что вы въ нихъ найдете? Прелестное *ничто*. Войдемъ въ одинъ изъ сихъ вмѣстизницъ *ничего*, и посмотримъ, что тамъ дѣлается! — Вотъ подъѣзжаетъ карета, изъ кареты выѣзжаетъ баринъ, гордый, надутый; важный — въ *сорокѣ пудъ*. Это представитель тысячи себя подобныхъ. Вошедъ въ магазинъ, онъ осматриваетъ все съ величайшимъ вниманіемъ, и покупаетъ нѣсколько яшмовыхъ и фарфоровыхъ чашъ, которыя всегда будутъ стоять *пустыя* въ углахъ его дома, покупаетъ нѣсколько малахитовыхъ и мозанческихъ столиковъ, на которыхъ бѣдный никогда не увидитъ для себя хлѣба-соли. За эти вещи баринъ отдастъ нѣсколько тысячъ четвертей ржи и пшеницы, собранныхъ съ полей его въ потъ чела—и доволенъ, что приобрѣлъ блистательное *ничто*, потому, что люди удивляются и кланяются тому, у кого болѣе *ненужныхъ* вещей, то есть, у кого болѣе *ничего*. За нимъ входитъ

окашанный Эксъ-Секретарь Мараловъ, на котораго добрые люди указываютъ пальцами и крестятся при встрѣчѣ съ нимъ, чтобъ не впасть въ искушеніе и избѣгнуть отъ лукаваго. Мараловъ, почитая честь, заслугу, благородство и дворянское достоинство *ничего* скомкалъ все это, сбиль въ кучу и выплавилъ себя, какъ изъ выжити, значительное состояніе, и ставя *ни во что* людское мнѣніе, наслаждается вполне своею ничтожностью. Уголовные законы и полицейская команда охраняютъ черномазыя его ланиты отъ насильственного прикосновенія; почтенные Члены Опекунскаго Совѣта заботятся о приращеніи его капитала, и Мараловъ преспокойно дремлетъ въ клубъ.... Посмотрите, онъ покупаетъ ленточки для своего украшенія!!!!. Но вотъ чувствительная, нѣжная дама, съ душою, вылитую въ форму нашей свѣтской образованности! Она разыгрываетъ въ домѣ своемъ лотерею въ пользу бѣдныхъ, и, при одномъ воспоминаніи несчастныхъ — плачетъ горькими слезами. Женскія слезы, по словамъ поэтовъ, *суть*

перлы. Какъ жаль, что бѣдные не могутъ продать сихъ перловъ, и купить себѣ хлѣба; ибо сострадательная дама не можетъ дѣлиться съ ними своими деньгами. Ей нужна шаль, а шаль свѣтской дамѣ столь же необходима, какъ шерсть кошкѣ. При шали нужны блонды, кружева, тюли и прочія необходимыя вещи, которыхъ, изъ уваженія къ прекрасному полу, никакъ не смѣю назвать *нигильми*, потому, что цѣнность ихъ часто помогаетъ все имѣнiе мужа и его кредиторовъ. — Кромѣ того, можно ли назвать *нигильми* то, что умирять женскіе капризы и возбуждаетъ нѣжныя ласки? — Если бъ я сказалъ дамамъ, что цѣнное ими столь высоко, есть *нигито*, и что онѣ разоряютъ мужей своихъ изъ *нигего*, потому, что не причудливый нарядъ, а умъ и красота прельщаютъ насъ, то на меня прогнѣвались бы, а женскій гнѣвъ опаснѣе барской вѣжливости.... Замолчу, и, чтобъ гусей не раздражить, обращаюсь къ самому себѣ.

Другіе никакъ не хотятъ признаться, что они обкрадываютъ Валтеръ-Скотта, Томаса

Мура, Байрона, Гёте, Биргера, Шиллера, Деламина, Ламартина и т. п., а я охотно сознаюсь, что я выучился толковать о *нигели* у молодыхъ нашихъ мудрецовъ, у модныхъ дамъ и у принадлежащихъ къ нимъ авторовъ, которые не два и не три часа говорятъ *нигито*, но всю жизнь будутъ говорить и писать *нигито* и о *нигели*. Такъ, Александръ Филиповичъ, я подражатель, я литературный воръ! Я выкралъ *нигито* изъ разговоровъ нашихъ свѣтскихъ обществъ и изъ книгъ, которыя вы печатаете на свой счетъ, лелѣете за стекломъ, хвалите и продаете съ выгодой для покупателей, ищущихъ съ жадностью *нигего*. Недавно еще, какой-то Критикъ, разбирая въ Сѣверной Пчелѣ вновь вышедшее сочиненіе, намѣкнулъ на меня бранчиво и насмѣшливо, за то, что я, когда-то сказалъ, что каждая книга (Романъ, Поэма или Сказка) должна имѣть цѣль, основную идею и, въ пріятномъ видѣ, разрѣшать какую нибудь философическую или политическую задачу. Посудите, каково должно быть мое преступленіе, когда меня раз-

ругали даже въ Сѣверной Пчелѣ! Это едва ли не то же, если бы гости прибили хозяина въ его собственномъ домѣ за то, что онъ посовѣтовалъ имъ не бѣгать на четверенкахъ по грязи и вмѣстѣ съ поросятами. Съ этихъ поръ я рѣшился подражать тѣмъ, которыхъ хвалятъ безъ умолку пріятели печатно и изустно, и стану писать безъ цѣли, безъ мыслей, безъ чувствъ, но гладенько, чистоенько, — національно, то есть, со всѣми поговорками и прибаутками народными, а если можно, даже съ національною хвалою и бранью. Я твердо увѣренъ, что ниша такимъ образомъ, я превзойду Валтера-Скотта, потому что наши питейные дома гораздо ближе къ природѣ, нежели Шотландскія таверны.

Вы знаете, любезный Александръ Филипповичъ, что Индійцы и послѣдователи секты Пифагоровой вѣрятъ, будто душа человека, послѣ смерти, переселяется въ скотину. Не помню, гдѣ я читалъ или слышалъ, будто это переселеніе душъ въ полной мѣрѣ существуетъ въ литературномъ мѣрѣ, и что духъ великихъ Писателей переселяется въ

сихъ подражателей, по правиламъ Ламайскаго вѣры. Грыщный человекъ! я вѣрю этому и, входя въ вашъ книжный магазинъ, всякой разъ боюсь, чтобы стоящіе у васъ на полкахъ Журналы, Романы, Поэмы, Драмы, Трагедіи, Повѣсти и т. п. не заблѣяли, не замычали и не заревѣли по-Англійски, по-Французски, по-Нѣмецки — и даже по-Латини и по-Гречески! — Боюсь я отъ того, что самъ намѣренъ, какъ выше сказано, сдѣлаться подражателемъ, и для достиженія народности въ моихъ писаніяхъ, я уже принялъ въ себѣ въ услуженіе бѣднаго кучера, пьянаго Малороссійскаго паробка, и подружился съ удалымъ дьячкомъ. Присемъ прошу васъ выписать для меня на будущій годъ Московскіе Журналы: *Телескопъ* и *Молву*.

Подражаніе хочу я простерть гораздо даже, за предѣлы Литературы. Вы не повѣрите, мой любезный Александръ Филипповичъ, какъ я былъ прежде простъ, а притомъ и несчастливъ, живя въ свѣтѣ своимъ умомъ и чувствомъ! — Выслушайте меня!

Однажды (очень давно), я прогуливался по большой дорогѣ, которую тогда насыпали тощіе чахлые, блѣдые Бѣлорусскіе мужики, въ своихъ бѣлыхъ войлочныхъ магеркахъ и грязныхъ свиткахъ. Бѣлорусскій народъ есть чистое Славянское племя, потомки древнихъ Кривичей, и если Кіевъ называютъ колыбелью Русскаго Царства, то Бѣлоруссію можно назвать пеленками. На Великороссійскаго мужичка любо взглянуть — крѣпокъ, могучъ, здоровъ, веселъ, а родной братъ его — Бѣлорусецъ, произрастаетъ на той же почвѣ, какъ грибокъ подъ дубомъ. Отъ чего же эта разница? Я разговаривалъ съ Бѣлорусомъ, и возвратился въ городъ въ самомъ непріятномъ расположеніи духа. На другой день, я пустился навѣщать всѣхъ моихъ пріятелей, и сталъ толковать, какъ бы сдѣлать Бѣлоруса такимъ же плотнымъ и толстымъ, какъ наши Великороссійскіе мужики. Я былъ такъ простъ, что думалъ, будто надо мною не стануть насмѣхаться. Надо мной стали насмѣхаться, любезный Александръ Филиповичъ, и чѣмъ бо-

лѣе я сердился, тѣмъ болѣе надо мною смѣялись! Наконецъ, нашлись добрые люди, которые убѣдили меня, что все это *ничто*, и что я дурно дѣлаю, бѣснуясь изъ *ничего*. Всѣ эти добрые люди, которые совѣтовали мнѣ не беспокоиться о чужомъ голодѣ (тогда въ Бѣлоруссіи былъ голодъ), были люди толстые, жирные, здоровые, веселые, съ отличнымъ аппетитомъ и съ достаточными средствами къ удовлетворенію онаго, отличные игроки въ вистъ и даже любители Изящнаго, то есть Театра съ принадлежностями. Я вздумалъ подражать имъ, и уже сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи. Недавно, бѣдная вдова пришла ко мнѣ съ просьбою написать ей жалобу на опекуновъ, которые расхитили остатки небольшого имуществва ея покойнаго мужа, оставили ее въ бѣдности безъ куска хлѣба, съ четырьмя малолѣтными дѣтьми. Я бросился къ перу и кошельку, но, вспомнивъ совѣты добрыхъ людей (сытыхъ не дѣлать себѣ врагами), сказалъ вдовѣ, что все это *ничто*, и что мнѣ нѣтъ времени изъ *ничего* биться. Бѣдная женщина заплакала и хотя не нѣ-

жно, но горько!... Первый опытъ мнѣ не удался; но я надѣюсь, что скоро исправлюсь, и что изъ такой бездѣлицы, изъ сунцаго *ничего* не стану болѣе мучиться. Вы знаете, что съ твердою волею можно сдѣлаться чѣмъ угодно, а я хочу быть счастливымъ, т. е. спокойнымъ, а потому непременно достигну до того, чтобы въ головѣ моей было *много*, а въ сердцѣ *ничего*.

Я читалъ въ одной старой книгѣ, что, во время оно, жилъ — былъ гдѣ-то цѣхто, который всплылъ наверхъ изъ грязи, на ринамахъ, и послѣ того свѣтился, какъ во мракѣ кусокъ гнилаго дерева. Этотъ цѣхто сильнѣ добрейшимъ человекомъ, и даже вышелъ въ люди за доброту. Онъ жестоко не любилъ такихъ какъ я людей; но я отдаю каждому справедливость, и объявляю, что беру его за образецъ, и стану подражать ему, чтобы нажить себѣ сильныхъ друзей и славу доброго человека. Я буду искать въ женщинахъ, не любви, но милости, и стану низать и дѣлать ихъ дѣтей и собачекъ, писать мадригалы, и рассказывать имъ страш-

ныя и чувствительныя небылицы. Чрезъ женщинъ я попаду въ милость къ мужчинамъ, и стану льстить имъ и сплетничать. Потомъ стану дѣлать добро моимъ родственникамъ и тѣмъ, которые льстятъ мнѣ и ругаютъ моихъ противниковъ, и, наконецъ, каждое утро буду разсывать съ моими записочками по всемъ моимъ знакомымъ пьяныхъ бабъ — разныхъ попрошаекъ, которыя приходятъ ко мнѣ просить подающа. Записочка, какъ бы ни была чувствительно написана, стоитъ всегда менѣ наличныхъ денегъ, а кромѣ того имѣетъ то преимущество передъ деньгами, что сдѣлаетъ гласнымъ мою доброту. Въ заключеніе этого представленія, я объявлю моихъ противниковъ злодѣями и погублю ихъ въ общемъ мнѣніи — во славу и торжество добродѣтели, которая должна быть моимъ капиталомъ, приносящимъ по *пятидесяти на сто* вѣрнаго дохода.

Все это я непременно исполню, любезный Александръ Филиповичъ, точно такъ, какъ описано въ той книгѣ; исполню — для своей и для вашей пользы. Когда я про-

живу такимъ образомъ лѣтъ пять, и послѣ того вздумаю объявить новую подписку на старыя мои сочиненія, то хотя бы ими завалены были кладовыя, увидите, какія вычурныя дамы и какіе знатные господа станутъ при звать къ вамъ, чтобы подписаться на сочиненія *добраго* человѣка!—Журналы завопять хвалу, а если который нибудь Журналистъ осмѣлится пикнуть противу насъ.... ату его! мы выпустимъ на него, тотчасъ, свору моихъ приткихъ пріятелей, и если намъ не удастся растерзать дерзкаго, то мы загонимъ его въ нору. Дѣло пойдетъ, какъ по маслу.... Держите карманъ!....

Но я долженъ признаться вамъ, любезный Александръ Филиповичъ, что при всемъ моемъ желаніи подражать любимцамъ счастья, для пріобрѣтенія земныхъ благъ, я приступлю къ дѣлу со страхомъ и трепетомъ. Судьба повѣсила надо мною мечъ Дамоклеса, и этотъ мечъ—собственный мой языкъ. Ахъ, проклятый языкъ!—Зубы мои, слава Богу, такъ еще крѣпки, что я даже въ состояніи жевать бифтексъ на по-

чтовыхъ станціяхъ, и такъ остры, что мнѣ стоить только показать ихъ, чтобы заставить молчать тѣхъ, которые безъ умолку и безъ причины ворчатъ на меня въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. При всемъ томъ я не могу удержать языка за крѣпкими моими зубами! Еслибъ вы знали любезный Александръ Филиповичъ, сколько этотъ языкъ надѣлалъ разстройствъ и замѣшательствъ, повалившись въ пріятныя и улаживательныя бесѣды плутовъ, взяточниковъ, лицемѣровъ, низкопоклонниковъ, невѣждъ, толкующихъ нѣжно о честности, о безкорыстїи, о Христіанскихъ добродѣтеляхъ, объ усердіи къ службѣ и о просвѣщеніи!—Куда мнѣ дѣться съ нимъ, какъ унять его, когда я знаю что для пріобрѣтенія друзей, покровителей и славы добраго человѣка, надобно умѣть держать крѣпко языкъ за зубами? У насъ есть множество Грамматикъ Русскаго языка, а Грамматика излагаетъ искусство *правильно говорить и писать*. До сихъ поръ, не взирая на множество изданныхъ Грамматикъ, у насъ весьма мало людей, умѣющихъ пра-

вильно говорить и писать, а что еще хуже, неумѣющіе правильно говорить и писать идутъ впередъ, а умѣющіе или остаются сами назади, или отталкиваются назадъ неумѣющими. Нельзя ли вамъ, любезный Александръ Филипповичъ, заказать книгу *не-Грамматику*—которая бы научала искусству *молчать и не писать*? Вы бы оказали этимъ большую услугу умнымъ людямъ, и приобрѣли бы вѣчную славу и благодарность потомства!

Предметъ мой, *ничто*, такъ богатъ, что если бы я далъ волю своему перу, то не кончилъ бы этой статьи на всей бумагѣ, производимой въ Россійской Имперіи въ теченіи десятилѣтія. Но я долженъ уступить мѣсто другимъ авторамъ, и потому оканчиваю статью желаніемъ, чтобы въ вашемъ Альманахѣ было хоть *что нибудь*, и чтобы мое *ничто* не возбуждало желчи въ Критикахъ, которые, браня меня, подвергнутся справедливому упреку, что они *бьются изъ ничего*.

— N° VII. —

**ПИСЬМА СТРАНСТВУЮЩАГО ЛАП-
ЛАНДСКАГО ФИЛОСОФА, АСЛА-
КА АСЛАКСОНА САРА,**

КЪ ДРУЗЬЯМЪ ЕГО ВЪ ЛАПЛАНДИЮ, ИЗЪ
РАЗНЫХЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ ГОРОДОВЪ *

Письмо 1.

Къ братьямъ Ундѣ и Никкесе Сара, изъ С.-
Петербурга, отъ 30 Октября . . . года.

Теперь я чувствую въ полной мѣрѣ
сколь благоразумно поступилъ отецъ нашъ

* Все, что касается до Лапландіи и Ла-
пландскихъ обычаевъ въ сей странѣ, основано на
самыхъ новыхъ и достоверныхъ извѣстіяхъ истори-
ческихъ, этнографическихъ и статистическихъ.

Аслакъ Питерсонъ, отдавъ меня, въ дѣтскихъ лѣтахъ, на руки Альтенгарденскому Пастору для обученія Датскому языку и грамотѣ. Другіе смѣялись надъ нимъ и даже негодовали за это; да я и самъ не понималъ, на что мнѣ пригодится въ кочевомъ житѣ искусство чертить слова на тряпкахъ и читать, что другіе прежде меня начертили. Но мудрость, любезные братья, подобно замороженному молоку ланей * и копченой лососинѣ устья рѣки Тапа **, сохраняется до пужды, не обременяя хозя-

* Ланей доятъ только съ конца Іюня и начала Іюля, до конца Октября. Молоко сберегаютъ на зиму и на весну, замораживая его осенью кусками, на подобіе сыра. Когда зимою хотѣть употребить его въ пищу, то кладутъ кусокъ въ котель вислицій всегда надъ огнемъ въ срединѣ юрты, или шатра, и по мѣрѣ, какъ молоко таетъ, скребутъ его ложками, а что останется, прячутъ на пово. Сія куски молока возятъ на продажу Норвежцамъ, которые весьма до него лакомы.

** Лучшіе лососи ловятся въ устьѣ рѣки Тапа: ихъ весьма высоко цѣнятъ въ Голландіи и Англіи.

ина, а при случаѣ, подобно вкусной, жирной пищѣ, радуется сердце. Теперь я даже сожалею, что отецъ нашъ не отправилъ меня въ Дронтгеймъ *, обучаться въ школу всему, что знаютъ нашъ Пасторъ и Кистеръ, которые такъ прекрасно и учено говорятъ, что мы ихъ не понимаемъ. Нынѣшнее мое положеніе показываетъ всю пользу и преимущество грамоты. Вы не можете слышать другъ друга за горою, и на лодкѣ должны забѣгать подъ вѣтеръ, чтобъ подслушивать перекилки охотниковъ, а я, находясь за нѣсколько сотъ миль отъ васъ, могу бесѣдовать съ вами посредствомъ написаннаго лоскутка бумаги. Не даромъ от-

* Датскіе Короли многократно пытались обучать Лапландцевъ грамотѣ и Богословію, что бы заставить ихъ проповѣдовать слово Божіе своимъ единосемцамъ. Но когда въ семь не успѣли, то наконецъ хотѣли обучать молодыхъ Датчанъ Лапландскому языку. На сей предметъ заведены были въ Дронтгеймъ школы и коллегіумъ, въ 1744 и 1754 годахъ; но всѣ усилія остались тщетными. Лапландцы не хотѣли учиться по-Датски, а Датчанъ по-Лапландски.

пы наши почитали это искусство чародѣйствомъ!

Письма мои, я буду посылать къ вамъ чрезъ Торнео въ *Каутокейно*, на имя добраго моего друга, Понамаря, Ионеса Олофсона. Онъ вамъ будетъ читать мои письма, когда вы возвратитесь съ лѣтнихъ пастбищъ на зимовое кочевье, въ лѣса, окружающіе Каутокейно, и станете собираться слушать проповѣди, которые вамъ толкуетъ * пріятель Олофсонъ. Ему вы можете вѣрить: онъ не гнушается нашимъ племенемъ, подобно другимъ своимъ единоземцамъ, пить водку до упаду съ нашими Лапландцами, пляшетъ съ Лапландцами и не говоритъ такъ, какъ его соплеменники, что наши красавицы безобразны; и похожи на медвѣдицу отъ того, что у нихъ выдавшися скулы;

* Датскіе Пасторы въ Лапландіи говорятъ проповѣди на Датскомъ языкѣ, а обязанность пономаря, который въ тоже время переводчикъ, состоитъ въ томъ, что бы переводить сіи проповѣди по-Лапландски и толковать слушателямъ.

маленькіе, сжатые глаза, сплюснутый носъ, крутые бедра и широкія плеча *.

Я воображаю себя, какъ вы испугались, любезные братья, когда я, поѣхавъ въ Тальвингъ для продажи оленьихъ роговъ и шкуръ, не возвратился къ стаду, и не отослалъ слуги моего, Валли. Вы вѣрно подумали, что насъ и нашихъ выючныхъ оленей растерзали на пути голодные волки и медвѣди, одни только враги наши, съ которыми мы воюемъ. Но вотъ въ чемъ дѣло. Въ Тальвингской губѣ стоялъ на якорѣ Голландскій корабль, возвращавшійся съ китовой ловли. Я познакомился въ шникъ съ однимъ ученымъ мужемъ, находившемся на семъ кораблѣ. — Сей мудрецъ умѣетъ брить бороду на чужомъ лицѣ, пускаетъ кровь, и по языку узнать что у кого въ желудкѣ: его называютъ цирюльникомъ. Я вздумалъ

* Лапландцы, Самовды, Эскимосы, и другія кочевыя Сѣверныя племена, имѣютъ сложеніе тѣла безобразное и фізіономіи Монгольскія. Они низкаго роста, широкоплечи, кривоноги и элвковаго цвѣта

У. III.

посоветоваться съ нимъ о моей грудной болѣзни, которая мучить меня уже съ годъ, именно послѣ свадьбы богатаго нашего родственника Кнута Ундесона, гдѣ увидѣвшись водкою * и накурившись табакомъ, я пропаясалъ вокругъ огня цѣлую ночь въ трескучій морозъ, а проспался на снѣгу. Цириольникъ взялся лечить меня, и началъ тѣмъ что запретилъ мнѣ пить водку, тотчасъ выпилъ самъ купленную мною бутылку водки, чтобъ не ввести меня въ искушеніе. Послѣ того, ощутивъ мнѣ грудь, руки и насмотрѣвшись до-сыта на мой языкъ, онъ объявилъ, что я умру въ слѣдующемъ году, если не рѣшусь, прожить въ тепломъ климатѣ, по крайней мѣрѣ два года. Ни олени, ни медвѣди, ни волки не убиваютъ самихъ себя, и если человѣкъ хочетъ казаться не глупѣе звѣрей, то тѣмъ болѣе не долженъ лишиться себя жизни. Любопытство видѣть теплыя страны также много подѣйствовало на меня,

* Между Лапландцами нѣтъ воздержныхъ людей. Всѣ мужчины и женщины, даже дѣти, страстно любятъ водку, и пьютъ чрезвычайно много.

и какъ Чересъ съ деньгами, которыя я пряталъ всегда подъ камнемъ въ лѣсу * былъ тогда со мною, то я нанялъ мѣстечко на корабль для себя и для моего Валли, нагрузилъ мои товары, а выюхныхъ оленей убилъ и посолил ихъ мясо для собственного пропитанія. Плаваніе наше было благополучно— и вотъ я, любезные братья, въ *тепломъ климатѣ* въ большомъ и высокомъ городѣ *Петербургѣ*, столицѣ добрыхъ Русскихъ людей, которые снабжаютъ мукою единоплемениковъ нашихъ, обитающихъ въ окрестностяхъ Колы.

Надобно, любезные братья, чтобъ вы вооружились всею вашею довѣренностію ко мнѣ; ибо въ моихъ извѣстіяхъ, каждое слово покажется вамъ чуднымъ и непонятнымъ, каждое извѣстіе сказкою. Здѣсь, что шагъ, то днѣо, которое вамъ никогда не можетъ

* Лапландцы, вымывая деньги, прячутъ ихъ въ землю, не объявляя ни кому о мѣстѣ, какъ рдѣвъ на смертномъ одрѣ. Отъ этого много денегъ пропадаетъ тамъ безъ пользы.

даже присниться. Начну съ описанія паружнаго вида города. Вы вѣрно думаете, любезные братья, что всѣ дома въ свѣтъ построены такъ, какъ въ нашихъ приходахъ, близъ церквей, т. е. изъ бревенъ и едва въ ростъ челоуѣка надъ землею, или, что эти дома похожи на островскія землянки? Ошибетесь, любезные братья! Вы, можетъ быть, подумаете также, что здѣсь городъ значить также, какъ у насъ, десятка два или три деревянныхъ домиковъ, вокругъ деревянной же, низкой церкви, наподобіе Норвежскихъ родовъ въ Финмаркѣ и Шведскихъ въ Липмаркѣ. Очень и очень ошибетесь, любезные братья! Въ Петербургѣ не много деревянныхъ домовъ, и тѣ во сто разъ больше нашихъ юртъ, а большая часть людей живетъ здѣсь въ каменныхъ высокихъ утесахъ, выдолбленныхъ внутри, какъ дупла. Жилы находятся въ нѣсколько рядовъ одно надъ другимъ, какъ гнѣзда приморскихъ птицъ, на высокомъ берегу. Окна большія и не завѣшаны, какъ въ Финмаркѣ, рогожами, а съ большими стеклами, какъ наши двери. Всѣ

эти выдолбленные утесы раскрашены снаружи разными красками, и съ своими окнами свѣтятся на солнцѣ, какъ наше сѣверное сіяніе. Людей здѣсь болѣе на одной площади, нежели всѣхъ Лапландцевъ въ Финмаркѣ *. — Оленей здѣсь вовсе нѣтъ, а вѣзять на лошадяхъ. Ихъ запрягаютъ въ такіа повозки, которыхъ не видавъ, нельзя себя представить. Маленькія повозки въ одну и двѣ лошади, суть не что иное какъ скамы на четырехъ обручахъ и на четырехъ колесахъ. Удивительно, за чѣмъ употребляютъ здѣсь 4 колеса, когда и двухъ было бы довольно, а еще удивительнѣе, какъ можно предпочитать неуклюжихъ лошадей легкимъ оленямъ, которые кромѣ того, что везать, питаютъ насъ и одѣваютъ. Четыре лошади запрягаются по двѣ въ рядъ, въ большіе раскрашенные *сундуки* и *лодки*, также на обручахъ и четырехъ пребольшихъ колесахъ. — *Скамы* называются дрожками, *сундуки* каретами, а *лодки* колясками. Въ этихъ большихъ повозкахъ не везать ни

* Въ цѣломъ Финмаркѣ жителей всего 26,769.

какой клади, ни товаровъ, ни съѣстныхъ припасовъ, а четыре лошади и четыре человека должны работать, чтобъ возить гулять, безъ всякаго дѣла, одну женщину или одного мужчину, или мужчину съ женщиною, что случается однакожъ не весьма часто. Господь Богъ надѣлизъ всехъ насъ, Лапландцевъ, одноцвѣтною и однодобротою одеждою, т. е. оленьей шкурою, изъ которой мы шьемъ себѣ платье одного покрою. Но здѣсь, любезные братья, на одномъ человекѣ, а особенно на женщинѣ, вы увидите мѣха различныхъ звѣрей, перья различныхъ птицъ, множество лоскутковъ разноцвѣтныхъ тканей и разныхъ побрякушекъ на шеѣ, въ ушахъ, на пальцахъ и даже на ногахъ. Люди кажутся пестрыми, какъ рябчики! — Мыъ сказывали, что здѣсь люди ссорятся другъ съ другомъ, тягаются, обмываютъ одинъ другаго, изъ того только, чтобъ имѣть побольше пестрыхъ тряпокъ и побрякушекъ, лучший сундукъ или краснѣе лодку на обручахъ и пространнѣе жилье въ

выдолбленномъ утѣсѣ. За все это, я не далъ бы одной дойной лани!

Не пеняйте на судьбу свою, любезные братья! Нѣтъ въ мѣрѣ людей счастливѣе Лапландцевъ. Все что нужно для нашей жизни, находится у насъ подъ рукою. Олени снабжаютъ насъ вкусною и здоровою пищею, и теплою одеждою. Трава и мохъ не переводятся на землѣ нашей, для прескормленія нашихъ стадъ; доброе наше море само выкидываетъ на берегъ жирныхъ китовъ и пригоняетъ къ берегу вкусную рыбу и тюленей; дремучіе лѣса укрываютъ насъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, и доставляютъ такую вкусную дичь, о которой здѣсь не имѣютъ и понятія. Для роскошной жизни Лапландца не достаетъ въ землѣ нашей только водки, табаку и малаго количества желѣзныхъ вещей, какъ то: ножа, топора и чугуннаго котла, ибо безъ муки, для сгущенія нашей похлебки, мы легко обходимся, замѣняя ее сосновою корою. Но и эти предметы роскоши привозятъ къ намъ Норвежскіе купцы въ наши приходы. Земля, море и длин-

полицые, бѣлые * люди усердно служатъ нашему племени, какъ господамъ своимъ. Понынѣ нѣтъ примѣра, чтобъ Лапландецъ оставилъ свое отечество и поселился въ другой землѣ, и я едва ли не первый путешественникъ изъ моего племени. Когда кто сидитъ дома, и не идетъ въ гости, это самое лучшее доказательство, что ему хорошо у себя. Капитанъ нашего корабля, сказывалъ мнѣ, что здѣсь живутъ люди болѣе нежели двадцати разныхъ языковъ и что каждый изъ нихъ чужеземцовъ хвалить и превозносить свою землю, а между тѣмъ проживаетъ въ той, которую почитасть хуже своей. Какъ этому повѣрить, любезные братья, что бы кто нибудь отъ хорошаго житья пошелъ на дурное? Но меня уже предувѣдомили, что я не долженъ вѣрить всему, что здѣсь говорить, ибо здѣсь такой обычай: думать одно, а говорить другое, и еслибъ кто вздумалъ говорить прямо, что у него на умѣ или на сердцѣ, — то его почли

* Такъ Лапландцы называютъ всѣхъ инноплеменниковъ.

бы невѣждою, грубіяномъ, или что еще хуже, злымъ и безпокойнымъ человѣкомъ. Какъ это согласить съ тѣми правилами, которыя безпрестанно повторяетъ намъ Пасторъ нашъ, чрезъ пріятеля Олофсона: »Дѣти! удалитесь отъ лжи, какъ отъ ядовитыхъ грибовъ, растущихъ на вашихъ болотахъ. Ложь отравляетъ разумъ и душу. Говорите всегда правду; она пріятна Богу, какъ доброе дѣло, а людямъ какъ свѣжее молоко ланей.« — Я еще не узналъ, какъ здѣсь учатъ на счетъ правды.

Вчера весь день я проходилъ по городу съ пріятелемъ моимъ, цирюльникомъ. — Здѣсь въ каждомъ домѣ лавка или фабрика. Люди въ безпрестанной суетѣ и въ безпрестанномъ движеніи. Одни работаютъ, другіе приносятъ работу въ лавки, третьи продаютъ, тѣ покупаютъ товары; иные берутъ изъ лавокъ, хотя и не покупаютъ, другіе выманиваютъ у тѣхъ, которые купили, а всѣ рыщутъ вдоль и поперекъ, для того только, какъ сказывалъ мнѣ пріятель цирюльникъ, чтобъ получить силу и средства брать и по-

купать, какъ можно болѣе вещей въ лавкахъ. Однимъ словомъ: люди здѣсь, какъ рыба въ омутѣ, то сплывать непрерывно другъ передъ другомъ, чтобъ проглотить мышку или червячка, то глотаютъ другъ друга, кто по сильнѣе и пообъемистѣе. — Любезные братья! подумайте изъ чего эти люди бьются! Здѣсь живутъ не долѣе, какъ и въ Лапланди, и не взирая на то, что наши лица иначе устроены, въ главныхъ нуждахъ, кажется, всѣ люди сходны между собою. Здѣсь также человѣкъ не можетъ съѣсть и выпить болѣе, какъ сколько можетъ вмѣстить его желудокъ, и сколько необходимо потребно, что бы быть сытымъ. Цѣль одежды на цѣломъ свѣтѣ, кажется, должна быть одинакова, то есть, чтобъ зимой человѣку было тепло, а лѣтомъ чтобъ онъ могъ прикрыться отъ дождя и уменьшить зной отъ солнечныхъ лучей. Дома дѣло весьма хорошее, если кому недолжно переноситься съ стадами съ мѣста на мѣсто, для исканія пастбищъ. Но какъ главное дѣло въ томъ, что бы въ домѣ укрываться отъ пе-

ремѣнъ въ воздухѣ, то кажется, должно было бы заботиться о томъ только, чтобъ домъ былъ плотенъ, а не о томъ, чтобъ въ срединѣ и снаружи блеснуло, какъ на небѣ. Пріятель мой, цирюльникъ сказалъ мнѣ, что еслибъ всѣ люди умѣли ограничивать свои нужды и довольствоваться малымъ, какъ Лапландцы, то при большомъ просвѣщеніи длиннолицаго и бѣлаго племени, здѣсь люди были бы совершенно счастливы. Всѣ несчастія происходятъ здѣсь отъ того, что каждый человѣкъ здѣсь хочетъ имѣть болѣе всякаго добра т. е. всякой нестроты, нежели другой, хотя онъ и не можетъ употреблять всего добра въ свою собственную пользу. Но еще хуже здѣшніе люди почитаютъ того умнымъ и красивымъ, кто богаче; они кланяются ему и позволяютъ говорить и дѣлать всякія глупости, хотя бы ничего за то отъ него не получили, кромѣ обѣдовъ, при томъ безъ малѣйшей нужды въ обѣдахъ, имѣя у себя дома большіе запасы всего съѣстнаго. Не странно ли это, любезные братья? У насъ собираются ѣсть, если кто

подчиняется, не изъ чести, а просто, что бы насытиться, и наговориться вмѣстѣ и за угощенье платять угощеньемъ, а не поклонами.

Кстати о нуждахъ здѣшнихъ людей. Можно ли жить спокойно и беззаботно, когда человеку для одежды надобно шерсти изъ того края, гдѣ нѣтъ вовсе зимы, мѣховъ изъ страны, гдѣ напротивъ нѣтъ вовсе лѣта, красокъ для пестроты одежды—изъ-за морей, чрезъ которыя надобно плыть нѣсколько мѣсяцевъ сряду, металловъ и цвѣтныхъ камней изъ странъ, о которыхъ даже не слыхивали тѣ, которые носятъ на себѣ металлы и цвѣтные камни! Сѣсть за столъ и пообѣдать, кажется, дѣло самое пустое и безхлопотное. Напротивъ того, здѣсь къ обѣду надобно разныхъ заморскихъ грибовъ, травъ, рыбокъ, раковинъ и даже тѣста изъ другой земли, и чѣмъ эта земля, изъ которой привозятся припасы, лежитъ далѣе, тѣмъ обѣдъ вкуснѣе. Кромѣ воды, водки и пива, здѣсь употребляютъ напитки краснаго, бѣлаго и желтаго цвѣта, изъ ягодъ, называемыхъ виноградомъ. Этотъ напитокъ не де-

реть горла, такъ какъ водка, но производить тоже дѣйствіе въ голову, а вкусомъ похожъ на клюкву и бруснику. Виноградныя ягоды растутъ весьма далеко, и сокъ ихъ развозятъ вездѣ, какъ у насъ водку, только гораздо въ большемъ количествѣ. Не взирая на то что онъ дорогъ, здѣсь продають его и пьютъ почти въ каждомъ домѣ. Вы легко поймете, любезные братья, что всѣ вещи привозимыя изъ далека, не могутъ быть дешевы, тѣмъ болѣе, что каждый хочетъ ими пользоваться, и отъ того вѣчныя хлопоты, чтобы достать какъ можно болѣе денегъ, а въ слѣдствіе этого, люди, чтобы угодить этой прихоти, не всегда избирають прямые пути, т. е. трудъ и терпѣнье, потому именно, что люди, которые любятъ паряжаться пестро и богато и лакомиться дорогими вещами, сами не способны къ труду, и должны рыскать какъ волки (которые, также не умѣють работать), чтобы поглотить чужую „обычу“.

Цирюльникъ повелъ меня въ шиннокъ, гдѣ продають кушанье. Я купилъ столько разныхъ яствъ, сколько дается обыкновен-

по на съѣденіе одному человѣку, и возвращаясь домой, съѣли все это на вѣсахъ. Вышло на повѣрку, что у насъ Лапландцы гораздо болѣе употребляютъ пищи въ сутки, нежели здѣшніе люди, а между тѣмъ у насъ ни кто не пришелъ въ нищету отъ ежедневнаго употребленія пищи, прескормленія семейства и утощенія странника или пріятеля, когда напротивъ того, здѣсь тратить цѣлыя бочки золота и цѣлыя поля, луга, лѣса и дѣмы на однѣ обѣды и ужины. Разница происходитъ отъ того, что мы питаемся тѣмъ, что далъ Богъ *намъ*, а здѣсь люди хотятъ непременно пользоваться тѣмъ, что Богъ далъ *другимъ*, т. е. пользоваться *ужими*. Объ одеждѣ должно сказать то же. Еслибъ нашъ богатый Лапландецъ, имѣющій 1000 оленей, вздумалъ посѣть, вмѣсто своего оленьяго мѣха, разныя пестрыя и блестящія ткани, ѣздить въ такихъ же повозкахъ, какъ здѣсь, то онъ долженствовалъ бы продать своихъ оленей, и кончить тѣмъ, что назялся бы въ пастухи или рыбаки у богатаго, изъ одной пищи и одежды. Изъ этого

я заключилъ, любезные братья, что еслибъ каждый народъ пользовался, подобно намъ Лапландцамъ, только тѣмъ, что родится въ его отечествѣ, то не было бы столько вымышленныхъ нуждъ, столько прихотей, столько вымышленныхъ средствъ къ удовлетворенію оныхъ, и человѣкъ не имѣлъ бы столько случаевъ обманывать своихъ братій: следовательно люди были бы счастливѣе.

— № VIII. —

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА,

ПРОФЕССОРА здраваго смысла въ ОВЕЙГ-
СКОМЪ УНИВЕРСИТЕТѢ, МОДЕСТА ПАЦІЕН-
ЦІУСА, или МАТЕРІАЛЫ для *Исторіи*
глупостей человѣческаго рода.

Предисловіе Издателя Записной книжки.

Прогуливаясь въ окрестностяхъ учена-
го города Дерпта, въ лѣто отъ Р. Х. 1828,
я увидѣлъ въ небольшомъ разстояніи отъ
Псковской дороги, на возвышеніи, двухъ
вороновъ, терзающихъ когтями и носами

что-то черное, похожее на бумажникъ.
Будучи любителемъ романтической поэзіи,
и имѣя большое уваженіе къ воронамъ и пѣ-
тухамъ (по стихотворчески пѣтелямъ), игра-
ющимъ важныя роли въ современныхъ бала-
ладахъ (роли, называемыя во Французскомъ
репертуарѣ: *grande utilité*), я долго не рѣ-
шался прервать занятія романтическихъ
птицъ. Хотя, по уложенію природы, т. е.
по праву сильнаго, я могъ безъ зазрѣнія
совѣсти отнять добычу у слабыхъ, но какъ
вещь казалась мнѣ *безполезною*, то я, по
обыкновенному ходу дѣлъ человѣческихъ,
хотѣлъ быть великодушнымъ. Деньги пинѣ
не валяются на большихъ дорогахъ, думаю
я, потому, что и большія дороги сдѣланы
для того только, чтобы удобнѣе гоняться
за деньгами. Если жъ это журналъ какого
нибудь путешественника, то стоитъ ли того,
чтобъ я перелѣзалъ за нимъ чрезъ оврагъ?
Нынѣшніе путешественники наполняютъ три
четверти своихъ журналовъ описаніемъ сво-
ихъ чувствованій и впечатлѣній, зависящихъ
но большей части отъ хорошихъ или дур-

ныхъ обѣдовъ и почлеговъ, отъ скорой или тихой ѣзды и подобныхъ обстоятельствъ. — Какая мнѣ нужда до всего этого? — Я ужѣ хотѣлъ продолжать путь, но демонъ любопытства, помогшій Галилею и Копернику открыть систему вселенныя, Ньютону законы тяжести, и откупорившій ящикъ Пандоры съ бѣдствіями для человечества, этотъ зло-добрый демонъ остановилъ шаги мои, и принудилъ меня отнять у вѣроновъ добычу. Это была предлагаемая присемь *записная книжка*. На первомъ листкѣ находились нѣкоторыя главныя черты изъ жизни почтеннаго Модеста Паціенціуса, которыхъ я не смѣю отдать въ печать. Долгомъ поставлю однакожъ уведомить васъ, Гг. Издатели Сѣверной Пчелы, что добрый Паціенціусъ, тщетно употребляя усилія въ продолженіе многихъ лѣтъ, чтобъ учредить въ Европѣ кафедру *здраваго смысла*, Науки, вѣтхиспенной отсюду трансцендентальнымъ любомудріемъ и спекулятивною метафизикою, рѣшился удалиться на Сандвичевы острова, гдѣ Ученые еще не занялись изъясненіемъ

первыхъ причинъ и таинствъ творенія, и — по счастью, нашли тамъ мѣсто. Наконецъ образовавъ тамъ нѣсколько учениковъ, способныхъ къ занятію его званія, онъ вознамѣрился употребить остатокъ своей жизни на собраніе матеріаловъ для *Исторіи глупостей человеческого рода*, предоставляя потомству продолжать этотъ трудъ и издать оный въ свѣтъ. — Вотъ, что говоритъ самъ почтенный Модестъ Паціенціусъ о семъ предметѣ: «Осмнадцатый вѣкъ названъ былъ *философическимъ*. Кстати и не кстати къ всему приплетали философію, и не только сказки, романы, мелкія стихотворенія, трагедіи, комедіи и поэмы, но даже математическіе трактаты, химическія изслѣдованія, коммерческія книги и самая бухгалтерія дышали философіей. Всевѣдущіе мудрецы до того уподичивали своею философіей избалованныхъ дѣтокъ старой кокетки, Европы, что они передрались между собою, перебили своихъ учителей, и наконецъ бросились въ другую крайность, и утверждаютъ теперь, что всякая философія вредо-

поспа или бесполезна. Точно такъ же, человекъ упившись виномъ и надѣлавъ неприличностей, на другой день мучимый недугомъ и раскаленіемъ, клянется не употреблять вина, и утверждаетъ, что оно вредно для здоровья, когда напротивъ того, рядомъ съ нимъ, искусный Медикъ прописываетъ вино больному, а нѣсколько умеренныхъ сельчаковъ чокаются стаканами, и поютъ любовь и радость, восхваляя спасительный нектаръ. Наконецъ прошелъ философическій вѣкъ. — Эмпирическая философія погрузилась въ бездну, куда отъ созданія міра выбрасываются всѣ созрѣлыя глупости человѣческія, а изъ этой бездны возстало какое-то трансцендентальное чудовище, которое слава Богу, весьма не многихъ привлекло къ себѣ, своимъ таинственнымъ лепетаніемъ. Насталъ девятнадцатый вѣкъ, вѣкъ математическій, *положительный*. Мудрецы стали объяснять все посредствомъ *плюса* и *минуса*, и все подводить подъ одного знаменателя, который, по несчастію, есть *нуль*. Пошли открытія въ физическомъ

міръ: Химія изъ кабинетовъ ученыхъ переселилась въ кухни и прачешныя съ парами и газами, а механика, лишивъ пропитанія безземельныхъ работниковъ, стала дѣлать перчатки для бездѣйственныхъ рукъ. Для повѣрки часовъ и барометровъ, люди понеслись къ полюсамъ! Эта *тожность* и *положительность* обуяла также Литературу, и какъ Исторія есть родъ нравственной математики, то все заговорило Исторіей! Каждая травка, каждое насекомое имѣетъ нѣтъ свою особенную исторію. Ученые мужи занимаются болѣе исторіею каждой науки, нежели ея усовершенствованіемъ. Даже филолога забросали бы камнями критики, еслибъ онъ издалъ Словарь или Грамматику безъ исторіи языка. Мало этого: не только каждая функція физическаго состава человека, но каждое чувство и чувствованіе имѣетъ свою особенную исторію, кромѣ тысячи тысячъ всеобщихъ и частныхъ исторій рода человѣческаго. Поэты, романисты, сказочники принялись такъ усердно шарить въ области Исторіи, что ни одинъ вымы-

сезъ не можетъ показаться нынѣ въ свѣтъ безъ нѣсколькихъ громкихъ историческихъ именъ, нѣсколькихъ исковерканныхъ происшествій, искаженныхъ событій. Я долго молчалъ, и внималъ терпѣливо этому историческому жужжанію моихъ собратій; наконецъ увѣрившись, что ни въкъ философскій, ни въкъ историко-математической не сдѣлалъ людей лучшими, я, увлекаемая примѣрами и стремленіемъ историческимъ, вознамѣрился составить *Исторію глупостей рода человеческого*, въ противоположность нѣсколькимъ уже напечатаннымъ *исторіямъ человеческого разума*. Не думаю, что бы какойнибудь Авторъ началъ писать безъ убѣжденія, что его книга принесетъ пользу. По крайней мѣрѣ я взялся за перо въ надеждѣ на пользу отъ моихъ трудовъ, и такъ прошу читателя быть благосклоннымъ *ради цели*. — Изъ сего краткаго отрывка изъ предисловія почтеннаго Модеста Паціенціуса, вы, Гг. Издатели Свв. Ицелы, можете усмотрѣть образъ мыслей Автора. Записная его книжка довольно толста, но вы изволь-

те печатать только тѣ листки, гдѣ написано его собственною рукою: *печатать въ числѣ прогнѣхъ глупостей*. Надобно уважать волю хозяина, хотя я не знаю, гдѣ онъ находится, откуда прѣзжалъ сюда, и куда уѣхалъ. Онъ безъ сомнѣнія путешествовалъ *инкогнито*, потому, что это нынѣ въ большой модѣ. За снѣмъ писавый кланяюсь. *Карлъ Ругенталь*, хлѣбопашецъ Дерптскаго округа.

Стр. 7-я Записной книжки. — *Определение глупости*. Только тотъ можетъ дѣлать дурное, кто умѣетъ отличать дурное отъ хорошаго. Лошадь не виновата, если она пойдётъ на поле, засѣянное хлѣбомъ, и изомнетъ его; а человекъ, который вмѣсто того, чтобъ обойти поле, пойдётъ прямо и изомнетъ взрослую рожь, безъ сомнѣнія виновата, ибо знаетъ, что этимъ причинитъ убытокъ хозяину. Какая цѣль человеческой жизни? — Быть счастливымъ, споспѣшествуя счастію своихъ собратій. И такъ не только каждый человекъ, но цѣлыя общества, избирая кривые пути для достиже-

нѣя счастья, зная притомъ настоящую прямую дорогу, отступаютъ отъ здраваго смысла, а кто только отступаетъ отъ здраваго смысла, тотъ дѣлаетъ *глупости*. Народы дикіе, погруженные въ варварство и невольство, могутъ дѣлать жестокости, несправедливости и вообще подвергаться поступкамъ, унижающимъ природу человѣческую. Люди не образованные, хотя и не дикіе, могутъ впадать въ проступки и преступленія. Но только люди умные, образованные, просвѣщенные, ученые въ состояніи дѣлать *глупости*, изъ желанія сдѣлать изъ *хорошаго лучше*. Умный, образованный, ученый человѣкъ знаетъ, что хорошо, что дурно, что полезно, что вредно, что ведетъ за собою блага или вредныя послѣдствія; по расчету вѣроятностей, онъ по настоящему и прошедшему можетъ даже читать нѣсколько въ будущемъ, и если при свѣтильникѣ ума и пособіи наукъ, онъ заблуждается, это значитъ, что онъ свертываетъ съ пути разума на одну изъ стезей *глупости*, которыми пересѣкается поприще жизни, наподобіе Аи-

гайскаго сада. И такъ дѣлать *глупости*, есть исключительная привилегія умныхъ людей, слѣдовательно я долженствовалъ искать матеріаловъ для моей Исторіи въ просвѣщенной Европѣ, между людьми образованными. Въ истинѣ моихъ изысканій и опредѣленій предоставляю увѣриться самому читателю.

Первая глупость умныхъ людей. Спросите у каждаго умнаго человѣка, чего онъ желаетъ для своего счастья. Вы вѣрно получите въ отвѣтъ: «тихой, безмятежной жизни въ кругу милаго семейства, въ обществѣ нѣсколькихъ избранныхъ друзей. Небольшое число хорошихъ книгъ, малый доходъ для удовлетворенія первымъ потребностямъ жизни, а иногда лишній рубль для вкушенія утонченныхъ удовольствій.» Если умный человѣкъ имѣетъ независимое состояніе, то ему не трудно пополнить остатокъжелаемаго; если жъ онъ бѣденъ, то съ умомъ и хорошимъ поведеніемъ не трудно снискать безбѣдное пропитаніе и лишній рубль для певниныхъ наслажденій. Отъ чего же случается, что

такъ много умныхъ людей несчастны? Отъ того, что они переступаютъ за черту тихой безмятежной жизни, и добровольно лѣзутъ въ кругъ, гдѣ свирѣствуетъ повальная болѣзнь на умныхъ людей, порождаемая *извѣстностью* или *слагою*. Одинъ пріятель написалъ въ моемъ альбомѣ переводъ притчи съ неизвѣстнаго мнѣ языка, слѣдующаго содержания: «Какой-то Царь поручилъ двумъ своимъ царедворцамъ сдѣлать списокъ всѣмъ счастливымъ и всѣмъ умнымъ людямъ въ своемъ государствѣ по собственному сознанию каждаго. Тотъ который списывалъ счастливыхъ, нашелъ ихъ очень мало, а списывателю умныхъ не достало бумаги!» — Смыслъ этой притчи ясенъ. Нѣтъ ни одного чело­вѣка въ свѣтѣ, который былъ бы увѣренъ, что онъ глупъ, и сознался бы въ этомъ; между тѣмъ, какъ найдете многихъ, которые сознаются не только въ своихъ слабостяхъ, но даже въ порокахъ и гнусныхъ привычкахъ. Если бъ чело­вѣкъ сознался въ своей глупости, то съ той самой минуты пересталъ бы быть глупцомъ. На

противъ того, каждый чело­вѣкъ и чело­вѣчекъ почитаетъ себя умнѣ другаго, и чѣмъ кто глупѣе, тѣмъ болѣе думаетъ о своемъ умѣ. Изъ этого источника истекаютъ всѣ шутки, всѣ насмѣшки надъ ученостью и надъ учеными. Каждый неученый говорить въ утѣшеніе себя: «такой-то ученѣе меня, но я умнѣ его.» — Иногда это бываетъ правда, но чаще неправда, потому что и неученые глупцы утѣшаются тѣмъ же. А какъ каждый почитаетъ себя умнѣ другаго, то чело­вѣкъ, который захочетъ блистать своимъ умомъ передъ другимъ и искать извѣстности и славы превосходствомъ своего ума, оскорбляетъ самолюбіе всѣхъ, отдѣляется отъ толпы и подвергаетъ себя ея непріязненнымъ дѣйствіямъ. Стрѣлы зависти и клеветы тотчасъ посыплются на него со всѣхъ сторонъ. Пускай кто нибудь скажетъ въ толпѣ: «Не­правда ли, что Модестъ Паціенціусъ очень уменъ?» «Да,» скажутъ ему въ отвѣтъ: «но....» а изъ этихъ *но* составить такую длинную цѣпь, что бѣднаго Модеста Паціенціуса, по приговору большинства голосовъ, должно

сковать и посадить или въ домъ сумасшедшихъ или въ тюрьму. Чѣмъ занимаются невѣжи и злые въ обществахъ? Сплетнями. Перебравъ по питочкѣ всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ, они начинаютъ кусать извѣстныхъ людей, которыхъ знаютъ только по наслышкѣ, подобно голоднымъ волкамъ, которые, разогнавъ стадо, бросаются на пастуха. Дѣлаетъ ли кто дурако, онъ не боится невѣждъ, полагая, что они не постигаютъ его козней; ему страшны умные люди, и онъ, какъ медвѣдь, хотѣлъ бы задушить пчелыниковъ, чтобъ безпрепятственно обдирать улья. Но съ кого начать? Разумѣется, съ людей извѣстныхъ, съ людей, которые живутъ подъ *вытѣского ула!* Ихъ примѣръ устрашить другихъ, кроющихся въ толпѣ. Чѣмъ же кончится все это? Если не погибелю умнаго человѣка, то вѣчнымъ мученіемъ, безпокойствомъ, которые превращаютъ въ адъ его существованіе. — Надобно ли примѣровъ? Прочтите нѣсколько біографій истинно умныхъ извѣстныхъ людей: вы увидите истину. Но вотъ что удивительно

и непостижимо! Всякой умный человѣкъ знаетъ, что ожидаетъ его на попринцѣ извѣстности, а между тѣмъ безсмысленно гонится за мыльными пузырями, разрушая собственное счастье! Я самъ, Модестъ Пациенціусъ, едва спасся отъ извѣстности на Сандвичевыхъ островахъ, и теперь заключаю: что *величайшая глупость умнаго человѣка* есть то, если онъ, не имѣя въ безотвѣтномъ распоряженіи по крайней мѣрѣ двухъ сотъ тысячъ войска и 300 пушекъ, хочетъ быть извѣстнымъ въ свѣтѣ или славнымъ.

Вторая глупость умныхъ людей. Человѣкъ съ обыкновеннымъ умомъ живетъ отъ дня до дня, не помышляя о прошедшемъ, не безпокоясь о будущемъ. На противъ того, воображеніе умнаго человѣка безпрестанно работаетъ и, подобно волшебному фонарю, создаетъ карикатурныя фантазмагорическія картины, которыя отражаются на душѣ и безпрестанно тревожатъ человѣка, точно также, какъ уродливыя изображенія волшебнаго фонаря пугаютъ ребен-

ка. Проникая умомъ въ будущее, соображая настоящее съ прошедшимъ, умный человекъ выводитъ заключенія изъ каждаго обстоятельства въ жизни, изъ каждаго особеннаго происшествія, и чувствуя опасность своего положенія въ свѣтъ, между злыми и невѣждами, примѣняетъ къ себѣ приключенія другихъ, и рѣдко находитъ что-либо утѣшительное. Человекъ съ умомъ на свѣтскомъ поприщѣ подобенъ человеку, который во мракъ пробивается съ факеломъ сквозь толпу бѣспующихся. Трудно избѣгнуть толковъ! Но зачѣмъ умнику лѣзть въ эту суматоху, за чѣмъ не оставаться спокойнымъ зрителемъ въ безопасномъ мѣстѣ и не ожидать разсвѣта? Онъ хочетъ своимъ факеломъ замѣнить свѣтъ солнца, освѣтить неизмѣримое пространство, или, сказать прямо, онъ хочетъ своимъ умомъ замѣнить общее просвѣщеніе, обратить на себя вниманіе, стяжать удивленіе, а между тѣмъ, зная, что можетъ встрѣтиться на семъ пути, онъ подвигается впередъ, подобно путнику, идущему по скользкой стезѣ между пропастями. Жал-

кое существованіе! Каждый дровосѣкъ, трудящійся спокойно для своего пропитанія, гораздо счастливѣе умнаго человека, проводящаго безпокойную жизнь между страхомъ и надеждою. А кто виноватъ въ этомъ? Ужъ конечно не глупые, которые не станутъ совѣтовать умникамъ. Если кто не умѣетъ плавать и бросается въ воду, чтобъ спасти утопающаго, тотъ при всемъ благородствѣ своего подвига, поступаетъ не умно, потому что онъ подвергается самъ гибели безъ всякой пользы для погибающаго. Точно такъ же, если человекъ съ умомъ, желая трудиться для общаго блага, не имѣетъ довольно твердости въ характерѣ, чтобъ презрѣть всѣ опасности на семъ поприщѣ, то онъ дѣлаетъ *глупость*.

Третья глупость умныхъ людей. Еще Ювеналь сказалъ въ своей сатирѣ: «Тотъ дуракъ, кто говоритъ правду, когда не можетъ ею принести пользы.» — Сколько столѣтій протекло съ тѣхъ поръ, какъ эта истина повторяется людямъ, а между тѣмъ сколько умныхъ людей безпреставно говорятъ

правду, безъ всякой надежды принести пользу, или лучше сказать, какое множество дураковъ между умными! Кто не знаетъ изъ васъ, господа умники, что самое вѣрное средство нажить себѣ непримиримыхъ враговъ — есть говорить правду! Аистъ очищаетъ болото отъ гадовъ, потому, что ему отъ природы дана къ тому сила и способность; но пусть куликъ попробуетъ взяться за ремесло аиста, и онъ погибнетъ, если не улетитъ съ болота. Кто не имѣетъ власти водворять истину, или кто не имѣетъ случая говорить правду, когда его о томъ спросить, тотъ дѣлаетъ *глупость*, благоговѣя для глухихъ или для невѣрныхъ. Но я кончу эту статью, чтобъ не сдѣлать самому глупости, говоря о томъ, о чемъ меня не спрашиваютъ.

Глупость умныхъ женщинъ. Женскій инстинктъ — желаніе правиться. Это неоспоримая истина, законъ природы. Само по себѣ разумѣется, что умъ есть столь же важное достоинство въ женщинѣ, какъ и въ мужчинѣ, и что умная женщина обращаетъ на се-

бя бѣольшее вниманіе, нежели не умная. Известно, что красота правится только условно, т. е. одному болѣе другому менѣе. Напротивъ того, умъ въ женщинѣ долженствовалъ бы казаться правиться всѣмъ умнымъ людямъ, или по крайней мѣрѣ умамъ однороднымъ и одностепеннымъ. Отъ чего же случается, что умныя женщины имѣютъ всегда менѣе обожателей, нежели женщины обыкновенныя? — Буду отвѣчать примѣромъ. Каждый изъ насъ любитъ погрѣться при огнѣ, во время мороза; но ни кто не захочетъ добровольно быть безпрестанно при огнѣ, подобно работнику на стеклянномъ заводѣ. Пріятно побесѣдовать съ умною женщиною въ часы отдохновенія, но тяжело быть *всегда* съ женщиною, которая, заставляетъ насъ чувствовать превосходство своего ума. Каждый человекъ болѣе или менѣе склоненъ къ господствованію, и по крайней мѣрѣ въ своемъ домѣ хочетъ быть полнымъ властелиномъ. (Я говорю объ умныхъ людяхъ). Умная женщина требуетъ, если не раздѣленія власти, то полного господства. Кромѣ

того, одна только умная женщина может выдумать тысячи средств къ взыскательности. Ревность, капризы, нерасположеніе обыкновенной женщины легко изгладить шляпками и ленточками; но умная женщина, зная цѣну вещей, хотя и платитъ дань женскому тщеславію, однако жъ несумолима въ своей взыскательности къ мужу. Я знаю умнаго мужчину и женщину, о которыхъ произнесено было слѣдующее сужденіе: «они оба такъ умны, что имъ должно быть друзьями, а не сунругами.» — Изъ всего сказаннаго однако жъ не слѣдуетъ, что *умъ* въ женщинѣ есть *по-рокъ*. Нѣтъ, это важное достоинство, какъ я уже выше замѣтилъ. — Главное дѣло въ томъ, какъ употреблять умъ. Для этого немного правилъ, и вотъ нѣкоторые изъ нихъ: женщина, которая хочетъ нравиться *всѣмъ* ни когда не понравится *одному* умному человѣку. Женщина, которая хочетъ *повелевать* мужчине, должна *повиноваться* ему. Спротивленіе порождаетъ упорство и охлаждаетъ сердце; повиновеніе женщины уничтожаетъ волю въ мужчинѣ, ибо сила дѣйствуетъ толь-

ко на силу. Вода разрушаетъ плотину, и течетъ спокойно между отлогихъ береговъ. Умъ въ женщинѣ тогда только оцѣняется мужчиною, когда оный не помрачаетъ его собственнаго ума. Умный человѣкъ привязывается къ умной женщинѣ тогда только когда полагаетъ, что она умна до той степени, что можетъ оцѣнять его умъ. Человѣкъ пробивается стѣну, чтобъ видѣть солнечный свѣтъ, но онъ бережетъ деревцо, доставляющее ему пріятную тѣнь, не закрывая лучей дневнаго свѣтила. Женщина, которая хочетъ блистать умомъ, должна ограничиться одною данью удивленія; но умная женщина, которая желаетъ нравиться, должна употреблять свой умъ на то только, чтобъ *понимать* умныхъ людей. Тогда она будетъ имѣть пламенныхъ обожателей. И такъ женщины, которыя *напрягаются* *умомъ*, какъ модными товарами, дѣлають глупости!

ПУТЕШЕСТВІЯ.

— № I. —

✓
ПУТЕВЫЯ ЗАМѢТКИ НА ПОѢЗДКѢ ИЗЪ ДЕРПТА
ВЪ БѢЛОРУССІЮ И ОБРАТНО, ВЕСНОЮ
1835 ГОДА.

И дыма отечества пахъ сладокъ и пріятенъ.

Изъ Горы отъ у.на.

Мы часто жалуемся, что у насъ такъ мало охотниковъ путешествовать по Россіи. Хотя жалобы наши и справедливы въ существѣ своемъ, но должно сознаться, что

предпочтеніе путешествія по чужимъ краямъ, поѣздкамъ по Россіи, по крайней мѣрѣ — извинительно. — Путешествіе по Россіи представляетъ мало наслаждений и еще меньше жизненныхъ удобствъ. Это тяжкій трудъ, подвигъ, нѣчто въ родъ похода или кампаніи. Для этого требуется здоровье, терпѣнье и отсутствіе всякой брезгливости. «*Земля наша велика и обильна (*)*,» по... не вездѣ еще приспособлена къ принятію прихотливаго странника. Особенно земля наша представляется въ непріятномъ видѣ тамъ, гдѣ наши коренныя врожденныя Славянскія авось и какъ нибудь слились съ коренною Еврейскою *ленью* и врожденною *неопрятностью*. — Туда-то именно мнѣ надлежало ѣхать! Однимъ утѣшеніемъ въ пути служило мнѣ повтореніе эпитафы, и надежда, что все со временемъ улучшится.

*Путь отъ Дерпта до Верро, 2-го
Мая.* Окрестности Дерпта верстъ на тридцать.

(*) Слова Славянскихъ пословъ къ Рюрику.
См. Нестора.

цать или на сорокъ кругомъ города представляютъ родъ оазиса, цвѣтущаго плодородіемъ среди почвы неблагодарной, глинистой и песчаной. — За исключеніемъ окрестностей Дерпта и Фелина (*), почва въ Лифляндіи вообще чрезвычайно дурна, и только Нѣмецкое трудолюбіе, постоянство, терпѣнье, были въ состояніи побѣдить упрямую природу, посредствомъ доведенія земледѣлія до высокой степени совершенства, и заставить песчаную и глинистую землю производить богатые урожанъ. — Но упорная песчаная и глинистая почва часто отмщаетъ за насильственное свое преобразованіе, и при каждой засухѣ лишаетъ трудолюбиваго земледѣльца плодовъ его усилій. Прошлый годъ урожанъ въ Лифляндіи были весьма плохи, и если бѣ не было сельскихъ запасныхъ магазиновъ, то нужда въ хлѣбѣ была бы повсемѣстная. Въ нынѣшнемъ году еще ху-

(*) Фелискія окрестности называются по Эстонски: *Войда-Май*, т. е. *мелкая земля*, въ знакъ плодородія.

же, и врядъ ли крестьяне будутъ въ состояніи заплатить долгъ въ магазины и прокормить себя. — Озимый хлѣбъ хорошъ только отъ Дерпта до мызы Варбузь, въ 35 верстахъ отъ города. За глубокимъ оврагомъ, образуемымъ цѣпью холмовъ, составляющихъ прелестный ландшафтъ, начинается безплодіе. Отсюда до самаго города Верро страна пустынная, дикая, бесплодная: песокъ, лѣсъ, кустарники и кое-гдѣ пахатныя поля съ жалкими всходами ржи.

Городъ Верро. Благодарнія, оказанныя Россіи Екатериною Великою, пребудутъ на вѣки незабвенными. Она была исполнителницею умственного завѣщанія Петра Великаго, въ полномъ смыслѣ слова, и, появивъ совершенно Его намѣренія, всю жизнь трудилась для приведенія ихъ въ дѣйствіе. Главный недостатокъ Россіи, малолюдность въ сравненіи съ пространствомъ, и малое число городовъ, средоточія промышленности, Екатерина Великая старалась изгладить, пользуясь всѣми благопріятными обстоятель-

ствами. При ней началъ населяться южный край. Она вызвала колонистовъ въ наши хлѣбородныя степи. Она положила основаніе многихъ городовъ, большое которыхъ число уже процвѣтаетъ. Если бы введенное Ею въ Лифляндію Русское *Городовое Положеніе* удержалось досель, Лифляндскіе города не были бы втянуты въ долги, и теперь процвѣтали бы, какъ и прежде. Заботясь о благосостояніи Лифляндіи, и понимая истинныя нужды этой страны, часто несогласныя съ потребностями нѣкоторыхъ лицъ торговаго сословія, жаждущаго всегда монополій и привилегій, Екатерина Великая вознамѣрилась построить городъ для оживленія пустынной страны между Дерптомъ и Псковомъ. — Выборъ мѣста порученъ былъ Лифляндскому Генераль-Губернатору Броуну. Въ это же самое время предположено было привести въ исполненіе планъ Петра Великаго, а именно, соединить Чудское и Псковское озера посредствомъ Эмбаха и канала съ Балтійскимъ моремъ, подъ Перновомъ. Броунъ сдѣлалъ ошибку,

или, быть можетъ, былъ обманутъ при выборѣ мѣста для новаго города.

Если бы Броунъ основалъ городъ близъ того мѣста, гдѣ находятся мыза Раппинъ (*) (село Ряпино), то по соединеніи Чудскаго и Псковскаго озеръ съ Балтійскимъ моремъ, Раппинъ сдѣлался бы значительнымъ торговымъ городомъ, и не только возвысился бы Перновъ, но самъ соперничалъ бы съ Ригею въ торговлѣ льномъ и вообще Русскимъ товаромъ. Внутренняя Лифляндія, Губерніи Псковская, Новгородская и Витебская оживили бы и процвѣли. Дерптъ также раздѣлилъ бы выгоды внутренней торговли, и не только внутренняя Лифляндія, но

(*) Мыза Раппинъ, по Русски Ряпино, лежитъ при берегу рѣчки, въ четырехъ верстахъ отъ Чудскаго озера. Положеніе этой мызы столь удобно для торговли, что изъ нея образовалось мѣстечко или село, безъ всякихъ пособій со стороны помещика. По завоеваніи Лифляндіи, Раппинъ былъ пожалованъ Петромъ Великимъ знаменитому Ягужинскому.

и Бѣлоруссія никогда не пуждалась бы въ хлѣбѣ, имѣя водяное сообщеніе съ моремъ. Судьба хотѣла иначе. Броунъ основалъ городъ возлѣ мызы Верро, на берегу ручья *Воо*, соединяющаго два небольшіе озера Таммулла и Ваггула, которые полезны только для ловли мелкихъ рыбъ и купанья, а не для торговли. Городу даны права и гербъ, изображающій возрастающую елку на земномъ холмѣ. Городовыя права не обогатили жителей, и елка не возрасла значительно до сихъ поръ. Городъ построенъ правильно; главныя три улицы вымощены, четвертая мостится теперь. Деревянные домики довольно красивы, чисты, покрыты черепицей и выкрашены. Двѣ каменные церкви, одна Лютеранская, другая Православная, служатъ лучшимъ украшеніемъ города. Магистратъ и Почтовой домъ также каменные. Есть также нѣсколько частныхъ каменныхъ домовъ, всего до десяти, изъ которыхъ лучшій принадлежитъ содержанию частнаго мужскаго пансіона, Г. Криммеру.

Этотъ пансіонъ для Верро есть то же, что Университетъ для Дерпта. Они поддерживаютъ оба эти города, и, такъ сказать, живутъ и питаютъ ихъ. — О пансіонѣ Г. Криммера слыхалъ я вездѣ весьма много хорошаго. Обучающихся въ немъ до 65-ти мальчиковъ, между которыми много изъ отдаленныхъ Русскихъ губерній. Г-нъ Криммеръ содержитъ частныхъ учителей, гувернеровъ, и самъ управляетъ учебною, правительственною и хозяйственною частями. Недавно жена учителя Французскаго языка въ пансіонѣ Криммера, Г-жа Симонъ, завела пансіонъ для воспитанія дѣвицъ. Познанія и характеръ Г-жи Симонъ, по увѣренію всѣхъ ея знающихъ, ручаются за успѣхъ ея предпріятія.

Въ городъ всего до ста домовъ и около 700 жителей, Нѣмцевъ, Русскихъ и Эстонцевъ. Въ этомъ числѣ всего двѣнадцать человекъ купцевъ, занимающихся торговлею льна и пеньки и мелкою продажей товаровъ, необходимыхъ въ крестьянскомъ

быту. О предметах роскоши — ни слова! — Городъ только и держится отсутствіемъ всякой роскоши и строгою умѣренностью во всѣхъ отношеніяхъ. Весь торговый оборотъ можетъ простираться, въ хорошее время, до ста тысячъ рублей въ годъ. Не будь этотъ городишка населенъ Нѣмцами, и не будь онъ подъ управленіемъ Нѣмцевъ, онъ давно бы лежалъ въ развалинахъ. Но благодаря Нѣмецкой чистотѣ, Нѣмецкому трудолюбію, праводушію и бережливости, городъ имѣетъ видъ благосостоянія, и гораздо лучше, по крайней мѣрѣ, чѣмъ всѣхъ городовъ уѣздныхъ, видѣнныхъ мною на разстояніи двухъ тысячъ пятисотъ верстъ. — Вотъ образчикъ Нѣмецкой мѣщанской жизни и причина безбѣднаго состоянія Нѣмецкихъ городовъ! Я зашелъ въ Верро къ булочнику, чтобъ купить на дорогу благаго хлѣба, и, по моему обыкновенію, потолковать о здѣшнемъ житьѣ-бытьѣ. Благаго хлѣба не было готоваго, а новый еще не поспѣлъ. (Это было въ четыре часа утра). На мои жалобы булочный мастеръ отвѣчалъ, что продастъ въ сутки

только *на десять* рублей благаго хлѣба, а потому не имѣетъ нужды запасаться имъ. Булочниковъ два въ городъ, и такъ, въ немъ потребляется всего *на двадцать рублей* благаго хлѣба въ день. — Возьмите въ соображеніе, что здѣсь до ста учениковъ достаточныхъ родителей, и что у двѣнадцати купцевъ также должно быть около двадцати четырехъ человекъ дѣтей, которые всѣ вмѣстѣ должны бы скупать, по крайней мѣрѣ, *на двѣнадцать рублей* булокъ, то на весь городъ, въ которомъ болѣе ста семействъ, останется только благаго хлѣба *на восемь* рублей! — Эта мелочная статистика объясняетъ все дѣло. По одеждѣ протягивай ножки.

Трактировъ или заѣздныхъ домовъ въ Верро нѣтъ вовсе. Пріѣзжіе и проѣзжіе останавливаются, или на Почтовомъ дворѣ, или у обывателей. Я остановился у купца Тидемана, который принимаетъ къ себѣ пріѣзжихъ во всякое время и услуживаетъ имъ съ ловкостью и любезностью Французскаго трактирщика. Въ другой комнату, ря-

домъ съ моею, жилъ чудный страпствующій врачъ, нѣкто Г-нъ Гессе, Рижскій уроженецъ, известный во всей Лифляндіи. Это бичъ ужасныхъ солитеровъ! Самый упорный изъ этихъ завоевателей человѣческаго желудка не усидитъ отъ трехъ атакъ Г-на Гессе и долженъ ретироваться изъ своей цитадели. Г-нъ Гессе исцѣлилъ, при мнѣ, хозяина дома, страдавшаго многіе годы, и употребилъ только три приѣма своего лекарства. Въ книгѣ, въ которую вписываются, собственноручно, всѣ исцѣленные Г-нъ Гессе, находится болѣе пятисотъ именъ. Онъ не училъ Медицины и былъ купцемъ въ Ригѣ. Единородный сынъ его страдалъ отъ солитера и былъ исцѣленъ какимъ-то простолудиномъ. — Г-нъ Гессе купилъ у него *секретъ* и пустился лечить изъ любви къ человечеству, какъ онъ говорить. Въ самомъ дѣлѣ, онъ не корыстолюбивъ, не торгуется и доволенъ всѣмъ, что ему дадутъ. Въ доказательство, что лекарство его не заключаетъ въ себѣ ни какихъ ядовитыхъ веществъ, онъ принималъ самъ,

но нѣсколько разъ, свое лекарство, въ моихъ глазахъ. Я не медикъ, не берусь судить о достоинствѣ лекарства Г-на Гессе; но что оно дѣйствительно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Древностей въ Верро нѣтъ ни какихъ, кромѣ старыхъ и ветхихъ половъ. Осматривать было нечего, и я, на другіе сутки, отправился далѣе.

Естественная граница, Нейгаузенъ, Петоры, Изборскъ. Отъ Верро вы можете ѣхать на почтовыхъ, въ *Россію*. Откуда? спросите вы; изъ Лифляндіи. Лифляндецъ, когда ѣдетъ въ Полоцкую Губернію и далѣе, говорить, что онъ отправляется въ *Россію* nach Russland, а когда ѣдетъ въ Нарву или въ другія мѣста Петербургской Губерніи, то говорить, что отправляется въ *Ингерманландію*, nach Ingermanland. Это еще остатки времянь предъ-Петровыхъ.

Правда, что природа и обычаи отдѣлили рѣзкою чертою Лифляндію отъ остальной Россіи. Вѣра, языкъ, образъ жизни

дворянина, мѣщанина и крестьянина, обычаи, чувствованія, понятія о предметахъ, разделяють Лифляндца съ Русскимъ, а соединяють съ Россіей только любовь къ Царствующему Дому и желаніе Россіи блага и величія. Въ этомъ Лифляндцы не уступаютъ самымъ пламеннымъ Русскимъ патріотамъ.

Вотъ послѣдняя грань владѣній древняго Лифляндскаго рыцарства! Замокъ Нейгаузенъ, по Русски *Новгородокъ*, знаменитый въ Исторіи Ливонскихъ войнъ съ Русскими. Замокъ воздвигнутъ на высокомъ холмѣ, у подножія котораго течетъ рѣка. Кругомъ мѣста живописныя. Прежній владѣлецъ Нейгаузена не дорожилъ древностями: изъ камней, составлявшихъ стѣны замка, онъ построилъ скотные дворы и огородилъ свою усадьбу. Остались только развалины двухъ прекрасныхъ башенъ, которыя нынѣшній владѣлецъ, Губернскій Лифляндскій Дворянскій Предводитель (Landmarschall) Г. фонъ-Липгардъ, ревнитель просвѣщенія и любитель

всего изящнаго (*), сохраняетъ какъ святыню. По этимъ остаткамъ можно судить, что замокъ былъ столь же красивъ, какъ крѣпокъ. По стѣнѣ, изъ дикаго камня, сдѣланы узоры изъ крѣпко обожженнаго кирпича, и кажутся издали живописью.— Постройка припоминаетъ средніе вѣки.

Теперь мода на все *готическое*, или правильнѣе, мода на *средніе вѣки*. Костюмы дамскіе, мебели, романы, драмы, все должно отзываться временами рыцарства. По моему мнѣнію, эти времена хороши только для драмъ и романовъ, потому именно, что тогда только страстямъ была полная воля. Если романъ можетъ еще суще-

(*) Г. фонъ-Липгардъ содержитъ на свой счетъ въ Дерптѣ квартетъ, составленный изъ отличныхъ виртуозовъ, приглашенныхъ имъ изъ Германіи. Петербургская и Московская публика знаютъ отличный талантъ Г. Давида на скрипкѣ. Онъ принадлежитъ въ этому квартету. Недавно Г. Липгардъ приобрѣлъ богатую картинную галлерей. Этого не доставало въ ученое Дерптѣ.

ствовать безъ страстей, однимъ характерами, то уже драма или трагедія какъ бы она ни была напигована патріотизмомъ, не можетъ быть безъ страстей. Средніе вѣки — одна длинная драма! Въ существѣ своемъ феодализмъ и рыцарство суть не что иное, какъ геройское варварство въ благовидныхъ формахъ. — Въ чемъ состояла жизнь феодальныхъ бароновъ и рыцарей? — Въ неповиновеніи властямъ, въ притѣсненіи слабого, въ ссорахъ съ сосѣдями, въ пиршествахъ, грабежахъ, битвахъ, турнирахъ и волокитствѣ. Наши дамы восхищаются вѣжностью и постоянствомъ въ любви рыцарей. Но нѣжные любовники рыцарскихъ временъ превращались въ жестокихъ тирановъ послѣ свадьбы, и законы были безсильны для защиты жертвъ. Мы восхищаемся *рыцарскою честью*. Эта честь не заставляла, однакожъ, благородныхъ рыцарей платить долги, не удерживала ихъ отъ грабежа купеческихъ каравановъ и отъ притѣсненія вассаловъ, и даже не обязывала въ вѣрности вѣчанной главѣ рыцарства, когда

государи прибѣгали къ строгому правосудію для усмиренія своевольныхъ. Добродѣтель рыцарства была *храбрость*. Въ этомъ и мы, современники, не уступимъ рыцарямъ, а во всемъ прочемъ мы превосходимъ благородныхъ феодаловъ. Мы чтимъ законы, любимъ просвѣщеніе, художества, и, хотя въ наше время мало предметовъ для драмы и романа въ частной жизни, но жизнь наша полезна для человѣчества. Отъ XVII, XVIII и XIX вѣковъ останутся прочные памятники ума человѣческаго, а отъ рыцарства остались одни — гербы! Вѣчная память тебѣ, презанимательное (издали) рыцарство! Слава Богу, что замки твои въ развалинахъ, а память въ книгахъ и въ мебелихъ.

Я искалъ того мѣста, гдѣ Іоаннъ Васильевичъ стоялъ нѣсколько недѣль, съ восьмьюдесятью тысячами воиновъ, подъ Нейгаузеномъ, который защищали шестнадцать Лифляндскихъ рыцарей. — Восемьдесятъ тысячъ воиновъ! Но что такое была тогдашняя Русская рать! Нестройныя тол-

пы мужиковъ съ кольями, дубинами, рога-
тинами. Стрѣльцы знали весьма плохо свое
ремесло, а артиллерія страшна была толь-
ко *тяжестью пушекъ*. Но все таки я за-
ключаю, что Іоаннъ Грозный не былъ во-
иннымъ гениемъ и не всегда слушалъ полез-
ные совѣты искусныхъ воиновъ. Войско Іо-
анна расположено было въ долину, между
холмами, со стороны Искова. Въ наше вре-
мя каждый артиллерійскій Прапорщикъ раз-
громилъ бы Нейгаузенъ, поставивъ четыре
пушки на высоту, командующей крѣпост-
цей, на разстояніи ружейнаго выстрѣла, а
одна рота гренадеръ съ пѣснями бросилась
бы въ проломъ и очистила бы штыками
замокъ. — Іоаннъ Грозный не могъ взять
Нейгаузена.

Въ семнадцати верстахъ отсюда твер-
дяща древней святой Руси, Печорскій мо-
настырь съ сильною въ свое время крѣ-
постью. Преданіе говоритъ, что *во время*
оно жилъ здѣсь отшельникъ, старецъ Мар-
ко, въ пещерѣ, изрытой имъ въ песокъ, и
что въ послѣдствіи на его могилѣ собралось

нѣсколько благочестивыхъ мужей и основа-
ли здѣсь обитель. — Нельзя утвердительно
сказать, когда воздвигнута здѣсь первая крѣ-
пость, но извѣстно, что послѣ многократ-
ныхъ разореній отъ Ливонцевъ, монастырь
и крѣпость перестроены и приведены въ
нынѣшнее состояніе въ 1519 году. Всѣ мо-
настырскія зданія и церкви расположены
въ глубокомъ оврагѣ, при рѣчкѣ Каменцѣ.
Холмы, окружающіе оврагъ, увѣнчаны крѣп-
кими и высокими стѣнами и башнями, изъ
плиты. Въ свое время, когда артиллерія бы-
ла на низкой ступени, это была неприступ-
ная крѣпость.

Любители древностей должны быть
благодарны почтеннымъ отцамъ за сохра-
неніе стѣнъ крѣпости. Онѣ въ такомъ поло-
женіи, что и теперь могли бы противу-
стоять печальному нападенію. Видъ мона-
стыря и древнихъ стѣнъ съ башнями меж-
ду холмами и оврагами — прелестенъ! —
Въ песчаной горѣ изрыты пещеры, гдѣ
лежать усоншіе здѣсь отшельники и много
свѣтскихъ людей, разнаго званія. Надгро-

бія ихъ начертаны выпуклыми буквами на изразцахъ, вдѣланныхъ въ стѣну. Къ пещерамъ примыкаетъ соборная церковь Успенія Божія Матери, вырытая въ песокъ, въ 1523 году. Своды и даже столпы въ соборѣ и въ пещерахъ изъ песку, и только въ опасныхъ мѣстахъ обдѣланы кирпичемъ, уже въ позднее время. Песокъ этотъ крѣпокъ и сухъ. Я не замѣтилъ ни малѣйшей сырости въ пещерахъ. Въ подземной церкви миѣ показывали древнюю икону, которая, по преданіямъ, принадлежала первому основателю обители, благочестивому Марку. Надъ этою церковью сооружена другая, а всего здѣсь пять церквей. Новая превосходной архитектуры, прочія древняго построенія, чрезвычайно низки и темны.

Въ монастырскихъ воротахъ, при спускѣ съ холма, виситъ картина, писанная на деревѣ, изображающая избавленіе Пскова отъ осады Поляковъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Эта картина, писанная какимъ нибудь Русскимъ иконопис-

цемъ, безъ сомнѣнія, современная. Псковъ представленъ въ планѣ и въ перспективѣ. Далѣе Польскій лагерь и баттарен. Передъ городскими воротами крестный ходъ. Святители въ полномъ облаченіи. Бояре въ высокнхъ шапкахъ, въ нарядныхъ кафтанахъ, съ обнаженными саблями. Воины съ ружьями и бердышами. Чудотворную икону, въ кивотѣ, несутъ, на носилкахъ, бояре и святители. Костюмы сохранены въ точности. На верху надпись, въ которой Стефанъ Баторій названъ Степаномъ *Абатуромъ*. Изъ древностей привлекъ мое вниманіе *сторожесвой шабашъ*. Это огромная шина упругаго желѣза, въ которую били молодомъ для созванія стражи. — Въ колокола звонили только въ важныхъ случаяхъ. Ризницы я не видалъ.

Монастырь, кажется, въ цвѣтущемъ состояніи. Недавно выстроена новая прекрасная церковь; теперь строятся каменные кельи, вмѣсто деревянныхъ. Вездѣ порядокъ и чистота. Здѣсь есть и библіотека съ

рукописями, въ которой работалъ, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ, нашъ почтенный П. М. Строевъ. Я не имѣлъ времени осмотрѣть ее.

Въ монастырь встрѣтилъ я нѣсколько богомольцевъ. Я хотѣлъ завести съ ними разговоръ (потому, что лучшими моими познаніями о мѣстностяхъ каждаго края я обязанъ разговорамъ съ крестьянами); но Русскіе мужички съ бородками, съ волосами въ кружокъ, отвѣчали мнѣ: *Эй муста*. Это были такъ называемые здѣсь: *полустрицы*, пограничные жители, Эстонцы и Латыши, исповѣдующіе Грекороссійскую Вѣру. Весьма немногіе изъ нихъ понимаютъ, плохо, по-Русски, а женщины и дѣти вовсе не понимаютъ. Полуверцами называютъ ихъ здѣсь потому, что они постыщаются, безъ различія, и Православныя церкви и Лютеранскія кирки, какъ случится и какъ придется. — Въ Остзейскихъ провинціяхъ пасторы обязаны знать совершенно языкъ своихъ прихожанъ и проповѣдовать по-Эстонски и по-Латышски. Этимъ

языкамъ обучаютъ даже въ Дерптскомъ Университетѣ и экзаменуютъ въ нихъ при опредѣленіи пастора на мѣсто. Весьма было бы полезно, еслибъ въ Псковской Семинаріи обучали по-Эстонски и по-Латышски тѣхъ, которые назначаются для занятія мѣстъ священниковъ въ Остзейскихъ провинціяхъ. Въ Самогитіи, жители Католики, богослуженіе отправляется по-Латышъ, по всѣ пасторы знаютъ по-Самогитски, или по-Шведски. Отъ того и велико вліяніе духовенства!

Кажется, что сама природа положила черту между двумя племенами, Славянскимъ и Чудскимъ, и она запрещаетъ имъ сближаться. Между Нейгаузеномъ и Печорами пролегаетъ полясъ, верстъ на десять въ глубину, состоящій изъ безплодныхъ, глинистыхъ и песчаныхъ холмовъ, покрытыхъ кустарникомъ. Здѣсь не можетъ быть ни какого поселенія. На каждомъ шагу могильныя насыпи и кресты изъ дикаго камня, подъ которыми покоятся кости Ливонскихъ рыцарей и Русскихъ витязей. Здѣсь каждый

жлочекъ земли унитанъ кровью. Здѣсь безпрестанно Русскіе дрались съ Ливонцами, то за отбитое стадо, то за коней, то за сѣно. Здѣсь было прежде то самое, что теперь на Кавказѣ, только въ другомъ видѣ. Удальцы Русскіе вторгались въ Ливонію для грабежа. Рыцари грабили Русскія поселенія и купеческіе караваны, идущіе въ Псковъ и Новгородъ. Войны всегда были на ногахъ, въ вооруженіи, въ полѣ, на стражѣ или въ разъѣздахъ. — Безопасность была только за высокими стѣнами и башнями. Отъ того видъ стѣнъ не могло быть города, и Печоры, кажется, никогда не были лучше теперешняго. Это просто Русская деревня или посадъ. Но здѣсь есть Магистратъ, бургомистры и чиновники. Мое изжайшее почтеніе!

На разстояніи одного почтового переѣзда, верстахъ въ осемнадцати отъ Печоръ, на высокой, острокопечной горѣ (правильнѣе, холмѣ), возвышаются древнія стѣны и башни (въ видѣ Минервиной короны) священнаго Изборска. Этотъ городъ, если не

древнѣе Новгорода, то ужъ вѣрно его современникъ, и священъ для Россіи, какъ отечество Великой Княгини Ольги, которой отецъ былъ здѣсь сильнымъ Княземъ. Норманскій Князь Рюрикъ, призванный Новгородцами для защиты границъ отъ Чуди и отъ набѣговъ его соотечественниковъ, *срубивъ для себя городокъ*, или построивъ крѣпостцу въ окрестностяхъ Новгорода, отрядилъ брата своего, Трувора, въ Изборскъ, который былъ тогда городомъ и крѣпостію. Съ тѣхъ поръ неизвѣстно, чтобы эти стѣны были когда либо разорены до основанія, хотя Изборскъ и переходилъ, иногда, въ руки непріятельскія. Да и мудро было разорить эти стѣны. Двойная городская стѣна была въ пять саженъ вышины и въ четыре аршина толщины. Башни были въ вышину до тридцати саженъ. Все это сложено изъ огромныхъ плитъ. Пространство крѣпостцы не болѣе двухъ сотъ семидесяти саженъ, и такъ это была только цитадель. Пробраться насильно на гору, съ трехъ сторонъ, почти невозможно. Сто-

ить бросить сверху бревно или камень, чтобъ сшибить съ ногъ цѣлую колонну неприятеля. Стѣны и башни сохранились до сихъ поръ, превосходно. Только въ двухъ мѣстахъ стѣна развалилась и только верхи башней начали обсыпаться. Но все таки въ цѣлой Европѣ едва ли есть развалины, лучше сохранившіяся, а мнѣ кажется, что это самыя древнія на Сѣверѣ, куда не достигала рука Римлянъ и Грековъ.

Нельзя узнать съ точностью, какъ назывался *Изборскъ* до перенемованія его по имени Князя Избора. Нѣмцы называли его *Ольденбургомъ* или *Альтенбургомъ*, т. е. *старый городъ*, въ противоположность *Новгороду*. Нѣкоторые писатели называютъ его *Гушгардомъ* и думаютъ, что здѣсь была столица (по крайней мѣрѣ временная) Гунновъ. Сказка! — Иные именуютъ его *Шуей*. Слѣдовательно *десница* была: *Новгородъ*. Теперь не мѣсто разрѣшать историческія задачи догадками, но вѣрно то, что Изборскъ есть *старый городъ*: *Ольденбургъ*.

Онъ стоитъ при такъ называемыхъ Славянскихъ ключахъ. Одинъ изъ этихъ ключей подъ стѣною крѣпости, въ пещерѣ. Подъ горой течетъ рѣка *Орловка*, впадающая въ озеро *Городицкое*, въ 200 саженьяхъ отъ горы. Можетъ быть, здѣсь былъ старинный городъ, или посадъ надъ защитой *городка*. Слѣдовъ нѣтъ. — Теперь деревня Изборскъ (называемая въ народѣ *городомъ*) лежитъ подъ горой. Внутри стѣнъ, на горѣ, древняя церковь во имя Николая Чудотворца, подъ горой двѣ церкви, всѣ каменные.

Отъ Печоръ до Пскова, чрезъ Изборскъ, по берегамъ рѣки Великой тянется известковая плитная формація земли, точно такая же, какъ въ Ревелѣ, Евѣ, Нарвѣ и по берегу Финляндскаго залива до Петербурга. Геологи говорятъ, что это слѣды *морскихъ водъ* или морская формація. Не хочу касаться ни огня, ни воды, ни времени предпотопныхъ, ни потопа, потому, что хотя Гг. Ученые не горятъ, не тонутъ, однакожъ они вязнутъ въ своихъ предполо-

женіяхъ , а мнѣ надобно скоро ѣхать въ Псковъ.

Псковъ. Какое множество въ Россіи собраній эстамповъ , литографій ! Кто теперь не имѣетъ небольшой коллекціи видовъ , портретовъ ? — Кто изъ насъ не знакомъ съ Швейцаріей , съ Италіей , съ берегами Рейна , хотя бѣ онъ и не бывалъ въ тѣхъ мѣстахъ ! — А у кого есть собраніе *Русскихъ видовъ* ? Гдѣ модели *Русскихъ развалинъ* ? — Неужели они не стоятъ кисти или рѣза художника ? Стоять , во всѣхъ отношеніяхъ стоять ! — *Нейгаузенъ* , *Печоры* , а особенно древній , священный для Русскихъ *Изборскъ* , заслуживаютъ вниманія художника , хотя бы они были даже не Русскіе . Правда , что здѣсь небо не темноглубое , какъ въ Италіи и въ Испаніи ; что здѣсь горы не упираются въ облака и въ долинахъ нѣтъ переливовъ зелени отъ тополя до мирта и померанцоваго дерева . Этого здѣсь нѣтъ . Но наша сѣверная природа имѣетъ свои прелести , болѣе для насъ понятныя ; съ ними свыклось наше зрѣніе . Наши душистыя

сли , наши плакучія березы , наши великолѣпныя липы также образуютъ прекрасныя группы : наши зелѣнющіеся холмы ярко блестятъ въ лучахъ солнца ; широко разстилаются наши сѣверныя рѣки ; а наши развалины , украшая собою ландшафты , краснорѣчиво говорятъ Русскому сердцу . Если бы эти сельскіе виды , эти великолѣпныя развалины перенесены были на холстъ чудной кистью нашего Воробьева , если бѣ развалины *Изборска* оживлены были гениемъ Брюлова , картины эти были бы драгоценнѣе для Русскихъ видовъ *Гнилаго * Моря* и *Послѣднего дня Полтавы* . На небольшомъ пространствѣ , между Нейгаузеномъ и Изборскомъ , можно выбрать предметы для цѣлой картинной галереи , для огромнаго портфеля , призвавъ на помощь преданія Русской старины . Сюда , Русскіе художники ! На васъ лежитъ священная обязанность сохранить для потомства разрушающіеся памятники Русской славы , показать цѣлой Россіи мѣста подвиговъ и могущества предковъ !

* Известная картина Г. Воробьева .

Пошлости, *lieux communs*! скажутъ наши противники. Пусть говорятъ, что имъ угодно. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ мы говорили одно и тоже: не должно воспитывать дѣтей нашихъ дворянъ за границей; не должно повѣрять дѣтей нашихъ иноземнымъ пришлецамъ; не должно говорить по-Французски тамъ, гдѣ можно и должно говорить по-Русски; стыдно и грѣшно тѣмъ родителямъ, которыхъ дѣти не умѣютъ даже молиться Богу по-Русски. — Эти темы мы представляли публикѣ въ тысячныхъ варіаціяхъ. Противники наши гнѣвались и насмѣхались надъ нами; а мы дожили до того, что часть желаній нашихъ уже сбылась. Дождемся, можетъ быть, и того, что картинныя наши галереи украсятся Русскими видами, что мы будемъ имѣть гравюры Русскихъ развалинъ, съ краснорѣчивымъ описаніемъ; что отличные художники и литераторы займутся этимъ благороднымъ дѣломъ и найдутъ ободреніе. — Великъ Русскій Богъ!.....

Но вотъ гигантская глава Псковскаго Собора выглядываетъ изъ-за облаковъ! Еще двадцать верстъ до Пскова! Вихремъ мчатся Русскіе кони; весело напѣваетъ Русскій ямщикъ, чтобъ заставить меня забыть черепашую Лифляндскую почту, ледяныхъ Лифляндскихъ почталіоновъ. — Но мнѣ грустно. Вотъ уже раскрылся передо мной, во всю длину, остовъ одного изъ сѣверныхъ великановъ! Вотъ наконецъ Псковъ, братъ Новгорода Великаго, другъ Ганзы, грозный врагъ Ливонскаго Ордена? — Далеко расбросаны по полямъ кости великана! Нынѣшній Псковъ есть только цвѣтокъ на могилѣ прежняго....

У насъ есть почтенные ученые, которые теперь еще доискиваются причинъ упадка Пскова; есть остроумцы, которые недавно доказывали, что Новгородъ и Псковъ не были республиками или вольными самостоятельными государствами, какъ Генуя и Венеція, а были только *муниципальными городами*. — Почтенному ученому, отыскивающему причинъ упадка Пскова, мнѣ не-

чего говорить, если Исторія упадка Ганзы и построенія Петербурга ему не сказали ничего объ этомъ предметъ; а съ остроумнымъ писателемъ, ниспровергающимъ древнее существованіе Государствъ Псковскаго и Новгородскаго, я могъ бы поговорить, если бъ не былъ увѣренъ, что онъ все знаетъ лучше меня, и говорить парадоксы для того только, что онъ любить собакъ, лошадей, цвѣты или деревья. — У всякаго свой вкусъ. Что такое значить *муниципальный* городъ? Городъ, имѣющій свои привилегіи, изъ которыхъ главная состоитъ въ томъ, чтобъ избирать изъ среди гражданъ своихъ правителей города или членовъ магистрата, и распоряжать независимо городскими доходами. Въ средніе вѣки, когда феодалы и Европейскіе Государи имѣли нужду въ деньгахъ для крестовыхъ походовъ, многіе города купили себѣ *муниципальныя права*, которыми прежде управлялись знаменитѣйшіе города Римской Имперіи. Марсель, на примѣръ, былъ муниципальнымъ городомъ до самой Французской революціи.

Но эти *муниципальные города* признавали надъ собою власть Государя, покорялись его Губернаторамъ (Lieutenant) въ полицейскомъ отношеніи, и въ дѣлахъ внѣ коммерческаго и административнаго круга состояли въ вѣдѣніи Парламентовъ и всѣхъ вообще Государственныхъ судищъ. *Муниципальные города* не то, что *вольные города*, не то, что Гамбургъ, Франкфуртъ и Любекъ. — Вольные города мы должны почитать независимыми, самостоятельными Государствами. Если Гамбургъ, Франкфуртъ и Любекъ не имѣютъ того вѣсу въ политикѣ, что Англія и Франція, то это отъ того только, что эти города не имѣютъ столько народонаселенія, столько доходовъ, какъ Англія и Франція, а слѣдовательно не могутъ имѣть столько войска. Но нравственно и политически Гамбургъ, Франкфуртъ и Любекъ совершенно равны Франціи, Англіи, Голландіи и всѣмъ самостоятельнымъ, независимымъ Государствамъ, потому, что эти вольные города подчинены своимъ законамъ, своимъ правителямъ, и суть только союзниками

или нераздѣльными членами Германскаго Союза, радѣющаго и пекущагося о благе и самостоятельности всѣхъ Государствъ Германіи. — Псковъ и Новгородъ, двѣ древнѣйшія колоніи Славянскія на Сѣверѣ, не признавали никого своимъ властелиномъ. Говорили: «*Господиѣ тѣи нашіѣ, Великій Новгородъ.*» Князья въ Псковѣ и въ Новгородѣ были то же, что Штадгудеры въ Голландіи. Они избирались по достоинству, и удалялись, когда хотѣли нарушить права города. Тогда въ Россіи еще не было единоподержавій; тогда въ Россіи еще не было *общаго хозина*, а потому Пскову и Новгороду нѣкого было признавать властелиномъ. Великій Князь Кіевскій или Владимірскій или Московскій и *всѣя Руси* — былъ только титулъ, такъ сказать, право председательства въ сонмѣ Князей Русскихъ. Новгородъ и Псковъ не получали приказаній отъ Князей *всѣя Руси*, а входили съ ними въ союзы, когда находили это выгоднымъ для себя. — Псковъ и Новгородъ имѣли обширныя провинціи, имѣли сильное войско, имѣли своихъ

данишниковъ и союзниковъ. Развѣ это *муниципальность*?

Но зачѣмъ я пустился въ расужденія и доказательства? Мнѣ не убѣдить остроумнаго моего противника, а если бѣ дошло до спора, то онъ закидалъ бы меня своими остроумными парадоксами. Я даже люблю его забавные, веселые парадоксы; они часто развлекаютъ мою хандру. Всѣ вѣрятъ въ Россіи въ Псковъ и Новгородъ, следовательно надобно уничтожить это вѣрованіе. Всѣ читаютъ съ удовольствіемъ Бальзака, Жапена и другихъ; следовательно надобно доказывать, что они безграмотные, безтолковые, безталантные писатели. Чтобъ быть интереснымъ, чтобъ обратить на себя вниманіе, чтобъ заставить глядѣть на себя, надобно непременно стукнуть въ общее мнѣніе. Такъ сдѣлалъ Руссо, написавъ отвѣтъ Дижонской Академіи. Такъ сдѣлали многіе, и такъ будутъ дѣлать многіе, и достигнуть своей цѣли. Но для этого надобно много ума! О, конечно: — безъ ума, остроумія, начитанности и смѣлости нельзя шагнуть на

этомъ поприщѣ.... Поздравляемъ — но не завидуемъ!...

Но вотъ уже я переѣхалъ *Великую* — «*Душа на Волховъ, а сердце на Великой*» — говорили предки, Славяне Сѣверные. Вотъ я въ стѣнахъ Пскова! — Настала почъ. Воетъ вѣтеръ, снѣгъ, градъ, дождь, все вмѣстѣ сыплется и льется изъ черныхъ облаковъ. Проницательный холодъ. Это майскіе сѣверные гости! Спѣшу въ *Нѣмецкій* трактиръ. Во всѣхъ углахъ земли есть *Нѣмецкіе* трактиры. Въ цѣломъ свѣтѣ Нѣмцы услуживаютъ за деньги. Спасибо имъ за это! — Видь Нѣмцы здѣсь не чужіе, со временъ Ганзы. Предоставляю ученымъ рѣшить: были ли здѣсь Нѣмцы трактирщиками во время Ганзы, и были ли здѣсь трактиры; но что здѣсь были Нѣмецкіе сапожники и портные, за это можно поручиться. Куда только можетъ пролѣзть шило и игла, туда проберется Нѣмецкій сапожникъ и портной. Все это прекрасно, но жаль только, что дѣти ихъ стыдятся отцовскаго ремесла и непременно хотятъ быть чиновниками и дворянами. Зачѣмъ это?

Отъ древняго Пскова не осталось ни какихъ величественныхъ памятниковъ. Великолѣнный Троицкій Соборъ былъ нѣсколько разъ возобновляемъ, и кромѣ подземныхъ ходовъ и гробницъ, въ немъ все почти новое. Сохранились остатки городскихъ стѣнъ, складеныхъ изъ плиты, и огромные амбары изъ плиты же, съ развалинами стѣнъ, извѣстные подъ именемъ *Поганкиныхъ палатъ*. Судя по обширности, занимаемой древнею городскою стѣною, старинный Псковъ былъ великъ и могъ вмѣщать въ себя, по крайней мѣрѣ, до двухъ сотъ тысячъ жителей. Теперь въ немъ до девяти тысячъ жителей обоего пола, и до тысячи домовъ, вмѣстѣ съ казенными зданіями, а въ томъ числѣ только сто семнадцать каменныхъ. Почти вездѣ между домами порожнія мѣста, гдѣ, вѣроятно, прежде были дома. Благодаря нынѣшнему попечительному управленію, Псковъ имѣетъ видъ какой-то свѣжести. Порожнія мѣста застроены заборами, дома выкрашены и выбѣлены, ветхія крыши исправлены, ули-

цы исправно вымощены и содержатся въ чистотѣ, а для пѣшиходовъ устроены тротуары, по Макъ - Адамовой системѣ, т. е. насыпные булыжникомъ и укатанные крѣпко. Лѣтъ за двадцать предъ симъ, всего этого не было и городъ имѣть видъ печальный и унылый. Удивительно, что здѣсь на 9,000 жителей 37 каменныхъ и одна деревянная церковь, между тѣмъ, какъ въ Дерптѣ, при 10,000 жителей, всего одна Лютеранская и одна Греко-Россійская церкви! Это дѣлаетъ честь благочестію Псковитянъ. Просвѣщеніе здѣсь также стало примѣтно возрастать. Гимназія, бывшая прежде въ упадкѣ, теперь въ хорошемъ состояніи, и Благородный Пансіонъ при ней съ каждымъ днемъ поселяетъ болѣе довѣренности къ себѣ въ отцахъ семейства. Здѣсь есть также Семинарія, а всего въ духовныхъ и свѣтскихъ училищахъ обучается до полуторы тысячи юношей. Полагая въ городъ до 5,000 жителей мужескаго пола, слѣдуетъ, что число учащихся содержится къ числу жителей, какъ $1\frac{1}{2}$ къ 5. Это утѣшительно! —

Очевидно, что потребность просвѣщенія дѣлается у насъ повсемѣстною. Но для образованія женскаго пола здѣсь мало средствъ, какъ и вообще вездѣ, по губерніямъ, исключая Остзейскихъ провинцій. Матери будущаго поколѣнія, отъ которыхъ зависятъ первыя впечатлѣнія, первыя понятія и ощущенія, стоятъ того, чтобъ пенсись о нихъ. Отъ просвѣщенія женщинъ зависитъ просвѣщеніе, даже характеръ народа. Это почти аксіома

Я только былъ проездомъ въ Псковѣ, не имѣлъ времени осматривать ни церквей, ни какихъ либо общепользныхъ заведеній. Нѣсколько часовъ, проведенныхъ мною въ этомъ городѣ, я употребилъ на то, чтобъ осмотрѣть городъ и поговорить съ жителями объ ихъ житьѣ-бытьѣ. — Изустная статистика вѣрнѣ печатной, и живой человекъ любопытнѣ древнихъ стѣнъ.

— «А какова здѣсь торговля?» — «Плоха.» — «А промышленность, фабрики?» — «Плохи.» — «Отъ чего же?» —

«Во-первыхъ, нѣтъ капиталовъ, потому, что, кто побогаче, тотъ идетъ въ откупа, въ подряды или переселяется въ Петербургъ, и тамъ торгуется. Во-вторыхъ, торговать здѣсь нечѣмъ и не съ кѣмъ.» — На это отвѣтъ: «Попробуйте торговать компаніями. Такимъ образомъ расторгались Англичане, Голландцы и Американцы. Десять тысячъ рублей ничего не значать, а сто разъ десять составляетъ миллионъ. Если миллионъ въ оборотъ даетъ двадцать процентовъ, то на десяти тысячный пай (или акцію) придется барыша двѣ тысячи, и такъ въ пять лѣтъ капиталъ удвоится. Въдь чѣмъ больше капиталъ въ оборотъ, тѣмъ больше и вѣрнѣе прибыль. Чѣмъ торговать! А льномъ, а пенькой, а кожами, а хлѣбомъ! Съ кѣмъ торговать? Съ Ригой. А развѣ нельзя завести полотняныхъ фабрикъ, выписать мастеровъ, машины? Въдь у насъ недостатокъ въ хорошемъ полотнѣ! Полноте, господа! была-бъ охота, дѣятельность, терпѣнье (двойное терпѣнье, *Нѣмецкой работы*), а разжиться и разторговаться мож-

но, особенно, составивъ общество или компанію.» — «Хорошо бы, да какъ за это взяться, кому поручить дѣло!».... «Вотъ ужъ это до меня не касается, господа, прощайте.»

«Что это значить, что я встрѣчаю такъ много хорошихъ экипажей? Отъ чего это, всѣ чиновники такъ чисто и опрятно одѣты? Не праздникъ ли сегодня? Въ дорогѣ я, право, не заглядывалъ въ календарь.» — «Нѣтъ-съ, сегодня не праздникъ, а эти господа идутъ и ѣдутъ къ должности. Это губерніскіе чиновники.» — Я покачалъ головою сомнительно, но меня образумили. — «Извольте видѣть, прежде наши дворяне кто побогаче, да повоспитаннѣе, то все валило въ Петербургъ, на службу. Служить въ губерніи почти стыдились. Теперь дѣло это приняло другой оборотъ. Нашъ Губернаторъ, извольте видѣть, здѣшній родичъ, и былъ долгое время сперва Уѣзднымъ, а потомъ Губернскимъ Предводителемъ Дворянства, избираемый единодушно и единогласно. Онъ всѣхъ знаетъ и его здѣсь всѣ

знають, такъ всѣ и хотять служить съ нимъ. А онъ, разумѣется, беретъ только тѣхъ, кто получше, да поспособнѣе. Такъ вотъ наше лучшее дворянство и нашло себѣ случай быть полезнымъ отечеству, не рыскал по свѣту. А отъ этаго двойная польза. Въ нашемъ городѣ нѣтъ роскоши и промотаться не на чѣмъ. Самъ начальникъ, хотя гостепріимень и радушень, по старому Русскому обычаю, но не любитъ ни пировъ, ни картежной игры, ни лишняго щегольства и мотовства, такъ и всѣ за нимъ живутъ хотя пріятно, каждый по своему состоянію, но не мотовато. Если бъ вы пожили здѣсь, особенно зимой, то право не захотѣли бы въ Петербургъ. Собранія здѣсь очень часты, но не разорительны, и общество самое пріятное. А главное, чтобъ быть принятымъ хорошо, надобно служить хорошо и вести себя прилично званію. Такъ вотъ у насъ и истребилось прежнее удалство, картежъ, попойки — все это сдѣлалось преданіемъ. Не вѣрите мнѣ, спросите у кого хотите. Вотъ, сударь, что значить

одинъ человекъ! Вотъ у насъ въ Россіи нужень только *прилиръ* и *поощреніе*, а при нынѣшнемъ ходѣ просвѣщенія всѣ улучшения у насъ удадутся» Я отъ радости обнялъ раскашка. Мнѣ хотѣлось взглянуть на почтеннаго мужа, о которомъ шла рѣчь. Его не было въ городѣ.

Стоя на берегу рѣки Великой и смотря на древнія стѣны, на высокую башню Троицкаго Собора, я сталъ размышлять о старинахъ. Что такое были Псковъ и Новгородъ въ ихъ величій? — О богатствѣ этихъ городовъ свидѣлствуютъ и свои и чужіе летописцы, но объ образованности нѣтъ и помину. Не осталось ни памятниковъ художествъ, ни Литературы. — Были летописи, грамоты, законы, то есть, было *основаніе* гражданственности или *духовной культуры*, но *излишняго* не было. Что были за люди эти древніе Псковичи и Новгородцы? — Мнѣ кажется то же самое, что нынѣшніе наши гостинодворцы, люди умные, смышленные, умѣющіе продать товаръ лицомъ,

грамотные, то есть, сперва читающіе Св. Писаніе и грамоты, а теперь читающіе объявленія къ Санктпетербургскимъ и Московскимъ Вѣдомостямъ, духовныя книги, а подѣ часть и свѣтскія, *скуки ради*; знающіе Тарифъ, Вексельный Уставъ и Уставъ о банкротѣхъ, и отчасти Городовое Положеніе. Между умными нашими гостинодворцами есть люди съ высшими умственными способностями, которые, засѣдая въ Городской Думѣ, въ Магистратѣ или въ другихъ мѣстахъ, обсуживаютъ тамъ дѣла не хуже древнихъ Посадниковъ Пскова и Новгорода; чудно понимаютъ выгоды своего сословія, и только въ дѣлахъ судебныхъ, при истолкованіи законовъ, падаютъ иногда въ подъяческую западню. То же было и въ старину. Дьяки и подъячіе также водили за носъ Посадниковъ. Иначе быть не могло. — И такъ, древняя *знать* Пскова и Новгорода, эти важные именитые граждане, Посадники, Тысяцкіе, были то же, что нынѣ наши гостинодворцы, съ той разницей, что наши современники знаютъ болѣе словъ

и видятъ то, чего предки наши не видали. — Въ существѣ это одно и то же. — Тогда, какъ и теперь, наши умные купцы были умны только дома и позволяли чужеземцамъ обманывать себя *въ большомъ размахѣ*, en grand, надувая гостей своихъ только *по мелочи*, en détail. Иностранная торговля была и прежде, какъ теперь, въ рукахъ чужеземцевъ, а Псковъ и Новгородъ были также только складочными мѣстами товаровъ, какъ теперь Петербургъ и Москва. Просимъ покорнѣйше всѣхъ любителей Русской Статистики заглянуть въ издаваемые при Министерствѣ Финансовъ акты, подѣ заглавіемъ: *Государственная выписная торговля, въ разныхъ ея видахъ*. Тамъ помѣщаются, по алфавитному списку имена купцевъ, торговавшихъ съ чужими краями. Русскія имена видны *только* по Кяхтинской торговлѣ, а по морской торговлѣ нѣтъ и трехъ Русскихъ именъ, на сто иностранныхъ. При этомъ должно замѣтить, что изъ ста иностранныхъ купцевъ, торгующихъ въ Россіи, едва десять родились въ ней и едва ли

одинъ изъ ста продолжаетъ торгъ, *послѣ отца*. Напротивъ, почти всѣ эти господа новые гости, новоприбывшіе и *новопришедшіе*, которые въ теченіе десяти, двадцати лѣтъ, изъ писарей въ конторѣ сдѣлались сами держателями конторъ, принимаютъ комиссіи, или заказы изъ-за границы, и отсылаютъ товаръ, не рискуя ни одного гроша.— А что дѣлаютъ наши Русскіе купцы? Продають на биржѣ Русскій товаръ иностраннымъ комиссіонерамъ, и покупаютъ, у нихъ же, колоніальныя товары, для отправки внутрь Россіи. Почти то же было въ древнемъ Псковѣ и въ Новгородѣ. Я ни мало не вооружаюсь противу иностранцевъ, торгующихъ въ Россіи, напротивъ того, благодаренъ имъ и желаю имъ всякихъ благъ. Что они пужны у насъ, это доказывается тѣмъ, что какъ только Ганза вывела свои конторы изъ Пскова и Новгорода, то и города эти упали совершенно. Псковичи и Новгородцы не умѣли пособить себѣ въ бѣдѣ. Сосѣдство Риги не принесло пользы Пскову, какъ слѣдовало ожидать, потому,

что Псковъ не умѣлъ сдѣлаться *складочнымъ* и мануфактурнымъ городомъ. — А онъ могъ бы быть этимъ, не взирая на открытіе порта Архангельскаго и на основаніе Петербурга, могъ бы вести обширную торговлю льномъ, поташемъ, мѣхами, полотнами, кожами, юфтью и проч. — Рига покупала бы во Псковѣ, а Псковъ покупалъ бы въ Ригѣ. Зимній путь замѣнили бы каналы и чугунныя дороги. Богатѣе безъ большаго труда могутъ только такіе порты, какъ Рига и Петербургъ. Для возвышенія Пскова надобно большихъ трудовъ и соображеній, надобно терпѣнія и постоянства. Извините, но это не въ нашемъ Славянскомъ характеръ! — Намъ подай, да выложи! — раздумывать намъ нѣкогда! Благодарительное просвѣщеніе, душа человѣческихъ обществъ, отъ тебя ожидаемъ нашего перерожденія! — Почтенные господа! учите дѣтей вашихъ, *основательно*, Исторіи, Географіи, Статистикѣ, Государственной Экономіи, Финансовымъ, или камеральнымъ Наукамъ, новымъ языкамъ! Вперль-

те нмѣ, что купеческое сословіе, въ высшемъ значеніи, также почтено и полезно отечеству, какъ и сословіе чиновниковъ; что всѣ сословія суть пружины одной великой машины, называемой Государствомъ, и что одна слабая пружина ослабляетъ цѣлую машину! Пусть дѣти купцевъ будутъ почтенными и *почетными* гражданами и купцами *просвѣщенными*, знакомыми и съ Манчестеромъ и съ Ливерпулемъ, съ Буэносомъ и съ Гаванной. Я передъ ними сниму шапку и поклонюсь имъ также низко, какъ всякому почтенному Статскому Совѣтнику и Кавалеру!

Теперь Псковъ, безъ торговли и безъ фабричной промышленности, держится только присутственными мѣстами или судами, Епархіей и учебными заведеніями. Даже новое шоссе изъ Петербурга въ Динабургъ, и далѣе въ Варшаву, миновало его; а потому я не удивляюсь и не гнѣбаюсь, что въ лучшемъ *Нильекопъ* Псковскомъ трактирѣ гостинныя комнаты грязны, какъ въ

Жидовской корчмѣ, что окна и двери въ немъ трещать при каждомъ вѣтрѣ, а постели приводятъ въ ужасъ. — Проѣзжихъ черезъ Псковъ мало, а заѣзжихъ туда еще менѣе. Трактирищику не изъ-чего хлопотать.

Прощай, древній Псковъ! ъду по тому пути, по которому шелъ къ тебѣ Стефанъ Баторій, и по которому полки его должны были возвратиться въ Литву, не будучи въ силахъ преодолѣть мужественной тѣсноты защиты, и по которому теперь только путешественники страдаютъ отъ упорства станціонныхъ смотрителей. Псковичи все таки остаются побѣдителями, и бѣдный странникъ, или долженъ заплатить дань, или сидѣть цѣлые сутки на станціи и размышлять о станціонныхъ смотрителяхъ....

Островъ. Самое пламенное воображеніе романтическаго поэта замерзнетъ на пути изъ Пскова въ Островъ, и самое высоко-Нѣмецкое терпѣніе истощится отъ зѣтливой трудной ѣзды. Сто верстъ ѣхать и двад-

цать восемь часовъ, три раза нанимая вольныхъ лошадей у крестьянъ, за двойные прогоны. Справа и слѣва большой дороги песокъ, кустарники, лѣсъ, болото и опять песокъ и опять кустарники и опять то же. Народонаселеніе, разумѣется, чрезвычайно слабо. Ни одного порядочнаго села, ни одного господскаго двора при дорогѣ. Большая часть почтовыхъ станцій въ крестьянскихъ хижинахъ, и это еще лучшія станціи, потому что здѣсь видишь по крайней мѣрѣ живыя существа; курицы; ягняты и почтенныхъ супруговъ смотрителей, которыя напоить васъ чаемъ, накормить личинцей. Признаюсь, до сихъ поръ не могу я постигнуть, *за что* дрались здѣсь Ливонскіе Рыцари, Литва, Поляки! — Неужели песокъ и болото прежде были въ большой цѣнѣ? — Или манила ихъ сюда планта по берегамъ и на днѣ рѣки Великой?

Вотъ и *Островъ*, или по старинному *городъ на острову*. Развалины замка на острову, обмываемомъ Великою, живописны

и сохранились довольно хорошо. О времени построения его нельзя узнать навѣрное, но можно догадываться, что это было въ самой глубокой древности, хотя надпись на церкви не далѣе 16-го вѣка. Здѣшній замокъ служилъ вѣроятно Пскову оплотомъ противу храбрыхъ Кривичей, а послѣ противу Польши. Теперешній городъ построенъ на твердой землѣ, по берегу Великой, и соединяется съ Островомъ мостомъ на козлахъ. Городъ деревянный и имѣетъ только одну мощеную улицу. Жители (числомъ до 1150 душъ обою пола) занимаются по большей части хлѣбопашествомъ. Купцевъ всего едва 28 человекъ. Благодаря Бога и Государя, здѣсь есть уѣздное училище и даже хорошее. Но промышленности нѣтъ ни какой; а что значить городъ безъ торговли и промышленности! Какая отъ него польза и прибыль сельскому жителю, который только и можетъ держаться городами, потребляющими произведенія земли и снабжающими села плодами промышленности! — Если бъ не храмы Божіи, не Суды и не училище, то

Островъ былъ бы то же, что Изборскъ и что Печеры, то есть его нельзя было бы причислить ни къ селу, ни къ городу.

— «Прошу лошадей!» — «Нельзя-съ» — Развѣ нѣтъ? — «Есть-съ, да нельзя дать. Ждемъ Петербургской почты.» — А когда она будетъ? — «Не могу сказать-съ. Ждали въ ночи. Можетъ быть, придетъ сегодня, а не то *завтра!*» — Я хотѣлъ опять ѣхать на вольныхъ, но съ меня запросили пятьдесятъ рублей, за двѣ станціи. Я рѣшился жить въ Островъ до тѣхъ поръ, пока будетъ возможность продолжать путь на почтовыхъ.

Длинныхъ, *широкихъ* (слогъ Русскаго романтизма) и *глубокихъ* тридцать часовъ выси́дѣлъ я въ Островъ, укрѣпляя и закаливая мое терпѣнье, и стараясь выгнать изъ сердца гнуснаго и небывалаго гостя, а именно *зависть*. Не завидовавъ никогда, я вдругъ сталъ завидовать тѣмъ, которые не имѣютъ нужды просиживать по тридцати часовъ въ Островъ. Странное чувство эта *зависть*! Я

разсматривалъ ее въ мой умственный микроскопъ, какъ предпотопное насѣкомое. Теперь я понимаю, какъ пишутся критики изъ зависти, какъ сталкиваютъ пріятелей съ мѣстъ изъ зависти и проч. и проч. — Не угодно ли узнать, какъ рождается зависть? Сперва надувается наше самолюбіе. Чѣмъ-де я хуже того, который вчера улучилъ лошадей и проѣхалъ безъ задержанія? или развѣ я не напишу лучше такого-то? Стоить только присѣсть! Прошептавъ это, самолюбіе подаетъ вамъ увеличительное стекло чернаго цвѣта, въ которое заставляетъ васъ смотрѣть на малѣйшія слабости и недостатки вашего противника; тамъ лукавый подаетъ свои инструменты — и пошла потѣха! Но прочь, зависть! Сгинь ты и пропади! Я могу думать, могу читать, могу марать бумагу, слѣдовательно я не долженъ скучать даже въ Островъ, потому что здѣсь есть воздухъ и пространство, и что я не лишень воли. Имѣя эти блага въ своемъ распоряженіи, стыдно и грѣшно жаловаться на судьбу.

Я имѣлъ еще болѣе въ Островѣ, а именно, чистую и покойную комнату въ трактирѣ, на почтовой станціи, и услужливаго, добраго хозяина, Русскаго купца. — Онъ мнѣ пособилъ выбраться изъ Острова, и я на другой день отправился въ путь, чрезъ Ельню и Вышгородокъ.

Имя Вышгородка говорятъ за себя. Это крайній пунктъ Псковской Губерніи, древней Псковской Республики, высокая, остроконечная гора, на которой, въ древности, былъ *городокъ*, или укрѣпленіе. Теперь тамъ стоитъ церковь. Почва за Островомъ лучше, и страна пріятнѣе для глазъ. Здѣсь уже видны господскія усадьбы, или дворы и воздѣланныя нивы. — Изъ Вышгородка перѣхалъ я въ Витебскую Губернію.

Отметъ о видѣнномъ и слышанномъ въ Псковской Губерніи. Простой народъ въ Псковской Губерніи отличается и отъ иноплеменной Чуди (Эстовъ), и отъ Латышей, своихъ сосѣдей, и отъ Бѣлоруссовъ-Славянъ,

ростомъ, тѣлосложеніемъ, правами, обычаями, образомъ жизни и способностями. Псковичи, въ умственномъ отношеніи, ниже Великороссіянъ при-Московскихъ и за-Московскихъ губерній, но гораздо выше Эстовъ, Бѣлоруссовъ и Литвы. Псковичъ выше ихъ ростомъ, плотнѣе, сильнѣе, трудолюбивѣе и болѣе наклоненъ къ промышленности. Псковской народъ есть средняя пропорціональная точка (говоря математически) между Смолянами, Бѣлоруссами и Литвою, и Великороссіянами, и равенъ, въ нравственномъ и физическомъ отношеніяхъ, народу Новгородскому. — Находясь между двумя *винолюбивыми* народами, Эстами и Бѣлоруссами, Псковичи болѣе склонны къ горячимъ напиткамъ, нежели Великороссіяне, и даже переняли Чухонскую лѣнь. Псковичи имѣютъ свое собственное нарѣчіе, свойственное всѣмъ потомкамъ Кривичей, Сѣверянъ, Дряговичей и Радимичей, то есть они *цѣлкуютъ* и *дзвѣкаютъ* *, и укарачиваютъ мно-

(*) Т. е. вмѣсто *д* произносятъ *дз* и вмѣсто *т* — *ти* въ весьма многихъ словахъ.

гій слова, не произнося последней буквы или слога. Купчихи и мѣщанки Псковскія имѣютъ свой особый костюмъ, который теперь уже выходитъ изъ употребленія. — Что сказать о просвѣщеніи народа? Въ городахъ кое-какъ маракують грамоту а грамотъ крестьянина я не встрѣтилъ. Хотя разговаривалъ съ каждымъ встрѣчнымъ и поперечнымъ. Всѣ народныя свѣдѣнія почерпаются изъ рассказовъ извозчиковъ. о Москвѣ, Питерѣ, Ригѣ, Чухонщинѣ, Латышинѣ, Литвѣ, Польшѣ, и изъ повѣствованія старыхъ служивыхъ. о *Нѣмечинѣ*, гдѣ мужики пьютъ кофе, и о *Большой лѣстечкѣ* Парижѣ, гдѣ вмѣсто квасу пьютъ *ренское*. Въ Псковскомъ народѣ не замѣтно той веселости, охоты къ пѣснямъ и играмъ, какъ въ Великороссіянахъ. — Исключая *удѣльныхъ крестьянъ* поселенные вообще бѣдны, и по той дорогѣ, по которой я проѣзжалъ, живутъ неопрятно, въ дурныхъ хижинахъ. Возлѣ питейныхъ домовъ я находилъ вездѣ многолюдныя собранія.

Достаточное дворянство воспитывается, служить и жить въ соседней столицѣ, въ Петербургѣ. О степени просвѣщенія дворянства нельзя сказать ничего особеннаго. Здѣсь, какъ и вездѣ, говорятъ по-Французски, танцуютъ Французскую кадрили, кое-что почитываютъ, и, разумеется, разсуждаютъ о прочитанномъ. Какъ — не наше дѣло! — Словомъ: *chez nous c'est comme partout, et partout c'est comme chez nous.* — Псковская Губерція есть родина перваго нашего современнаго поэта, А. С. Пушкина. Въ Псковской своей деревнѣ онъ написалъ лучшее свое произведеніе, которое переживетъ всѣ прочія цѣлыми вѣками. Мы не называемъ этого сочиненія, для избѣжанія всякаго спора. — Пушкинымъ Псковъ выплатилъ Россіи за все прочее, до части просвѣщенія.

Можно ли издали упрямлять хорошо нмѣемъ? Врядъ ли! Можно ли быть и чиновникомъ въ столицѣ, и помѣщикомъ за двѣсти верстъ? Мудрено! Отъ того хозяйственная часть въ Псковской Губерніи, съ

малыми исключеніями, въ весьма плохомъ состояніи. Кажется даже, что и живущіе по деревнямъ помѣщики, держатся болѣе *старинки*, и не подвигаются впередъ на попріища рачіональнаго хозяйства. Я видѣлъ только два отлично устроенныя имѣнья. Первое принадлежитъ Лифляндскому помѣщику Барону Фитингофу, а второе (возлѣ самой Ельни) одному отставному Маіору и Совѣстному Судѣ, въ Островѣ. Кругомъ безплодіе на превосходной почвѣ, а въ этихъ двухъ имѣньяхъ хлѣбъ какъ въ Украинѣ въ лучшіе годы. Важное доказательство, что Псковская Губернія такъ же можетъ быть плодородною какъ и Лифляндія. — Но я говорилъ уже много объ этомъ — довольно!

По Исторіи извѣстно намъ, что Великая Княгиня Ольга, проѣзжая изъ Кіева въ Новгородъ, основала Псковъ и *раздѣлила область на погосты*. Что такое погостъ? То же, что село, деревня съ церковью. Эти погосты находятся въ извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго, какъ *кирхчинили* въ Лифляндіи, Эстляндіи и Финляндіи. — Вѣроятно

погосты были то же встарину, что нынѣ *уѣзды*. Любители Этимологіи могутъ производить слово погостъ, отъ глагола *гостить*. Быть можетъ, это были пункты, гдѣ посадники княжескіе *гостили* (или имѣли свое временное мѣстопробываніе) во время объѣздовъ своихъ, для суда и расправы. Можетъ быть, эти погосты были, въ то же время, то самое, что почтовые станціи, *relais*. Все это *можетъ быть*, а гдѣ нѣтъ вѣрнаго, тамъ позволено догадываться и судить по аналогіи.

Но вотъ ужъ я въ Бѣлоруссіи! Вотъ уже появились Жиды въ своей черной одеждѣ... Какъ мухи по хлѣбу, ползають они по этой странѣ; не жнутъ, не сѣютъ, какъ птицы небесныя, т. е. галки и вороны, а питаются и размножаются все болѣе и болѣе. — «Гуте шабась!» — «Шаламалихъ!» — Бррррр!

Взлѣдъ на Бѣлоруссію а vol d'oiseau. Между Курляндіей, Лифляндіей, Губерніями Псковской, Смоленской, Орловской, Черниговской и Минской лежитъ страна, назы-

вающаяся издревле у Русскихъ *Бѣлою Россією*, или *Бѣлоруссією*, а у Поляковъ *Руссью*. Она вся состоитъ изъ холмовъ, лежащихъ грядами отъ сѣвера къ югу и юго-западу, Промежъ холмами болота, озера или слѣды высохшихъ болотъ и озеръ, низкія мѣста, которыхъ почва свидѣлствуетъ что они образовались изъ-подъ воды. — Прежде холмы и промежутки между ними, покрыты были непроходимыми лѣсами; теперь лѣса начинаютъ уже исчезать съ лица земли, и въ Бѣлоруссіи есть уже *лѣста безлѣсныя* [Мстиславскій Уѣздъ въ Могилевской Губерніи и окрестности). Сѣверная часть Бѣлоруссіи, т. е. Витебская Губернія, холмистѣе, и отъ того имѣетъ болѣе озеръ и болотъ. Великолѣпныя рѣки орошаютъ Бѣлорусскій край. Двина, вытекая изъ Тверской Губерніи, входитъ, съ сѣвера, изъ Псковской Губерніи, въ Витебскую и, почти обгибая ее, впадаетъ въ Балтійское Море, пробираясь чрезъ пороги, при городѣ Дзиснѣ. Знатнѣйшія рѣки, впадающія въ Двину, въ Бѣлоруссіи, суть: Евсть, Дрисса, Оболь,

Межа, Каспля и Ула. Днѣпръ, вытекая въ Смоленской Губерніи, входитъ въ Могилевскую съ сѣверо-востока, и протекаетъ всю длину ея, принимая въ себя, въ Бѣлоруссіи: Сожь, Березину, Друць. Въ Сожь впадаютъ: Ипуть, Бесѣдь, Проца, Остеръ, Вехря. Кромѣ того, множество мелкихъ рѣкъ пересѣкаютъ Бѣлоруссію въ разныхъ направлѣніяхъ, украшая и оплодотворяя страну.

Бѣлоруссія страна живописная, изобилующая прелестными мѣстополюженіями. Почти всѣ ея рѣки протекаютъ между крутыми берегами, обѣиными великолѣпными деревьями, исполинскими тополями и липами, по берегамъ Днѣпра, красивыми елями и березами, по Двинѣ. Долины, по которымъ впадаютъ меньшія рѣки въ главныя, представляютъ самыя прелестныя ландшафты. Въ Бѣлоруссіи, на каждыя десяти верстахъ, находится видъ и мѣста, въдесятеро красивѣе прославленной Ливонской Швейцаріи. Недостаетъ Лиляндскаго порядка и трудолюбія.

Почва не вездѣ одинакая. Въ сѣверной части Витебской Губерніи почва трудная къ воздѣланію и удобренію: подзолъ и глина, земля холодная и неблагодарная, боящаяся малѣйшей засухи, нетерпящая сильныхъ дождей. Уѣзды Люцинскій, Динабургскій и Режицкій, называвшіеся *никогда* Польскою Лифляндіей, славились (также *никогда*) плодородіемъ и цѣнностью имѣній: теперь незаметно здѣсь ни плодородія, ни богатства, хотя почва удобна къ плодородію. Окрестности Полоцка также имѣютъ хорошую почву, но вообще, Губернія Витебская имѣетъ гораздо болѣе мѣсть красивыхъ, нежели плодородныхъ. Здѣсь Природа разсыпала болѣе *пріятнаго*, нежели *полезнаго*. Витебская Губернія есть *блдная красавица*.

О Могилевской Губерніи можно сказать то же, да не такъ. Это также *блдная красавица*, но у этой красавицы впереди богатое наслѣдство. Могилевская Губернія *можетъ быть* богатой. Между Витебскомъ и Могилевомъ сыпучій песокъ. Уѣзды Ор-

шинскій, Бабиновичскій, часть Копыскаго тонуть въ песокъ. Уѣздъ Климовецкій также имѣетъ неблагодарную почву, песокъ и подзолъ; но въ Уѣздахъ Бѣлицкомъ, Рогачевскомъ, Быховецкомъ, Чаусовскомъ, Мстиславскомъ, части Чириковскаго, т. е. въ трехъ четвертяхъ Могилевской Губерніи, почва превосходная и благодарная. Здѣсь могутъ быть столь же изобильные жатвы, какъ въ Украинѣ. Стоитъ захотѣть крѣпко!

Посреди самой роскошной природы, между красными холмами, на берегахъ великолѣпныхъ рѣкъ, въ пышной зелени, видны какія-то *черныя пятна*. Это Бѣлорусскіе города и села! — Вся разница между деревней и, такъ называемымъ, *мѣстечкомъ* состоитъ въ томъ, что въ семь последнемъ хижины крыты не соломой, а деревомъ, по большей части неструганымъ, а просто *щепленнымъ*, что въ мѣстечкѣ есть великолѣпный Католическій костелъ, или монастырь, нѣсколько огромныхъ корчемъ, и что здѣсь толпы *оборванныхъ Жидовъ* мѣсятъ

грязь другого разбора, пежели въ деревняхъ. Какимъ образомъ составились эти *мѣстечки*, во время древняго Польскаго правленія! Не понимаю! Кажется, будто какой нибудь духъ, враждебный Польшѣ, сыпалъ изъ одного рукава Жидовъ, а изъ другого рукава грязь, и что изъ этого составилось броженіе, образовавшее Польскіе мѣстечки, или, какъ говорятъ Нѣмцы, *Жидовскія гнѣзда* (Judenneste). — Едва ли какалъ человѣческая сила, или какой умъ въ состояніи ввести гражданственность, порядокъ, довольство, чистоту въ городахъ, въ которыхъ жители не имѣютъ въ сердцѣ любви къ гражданственности, къ порядку, къ чистотѣ, и, чуждаясь всего Европейскаго, не хотятъ сродниться съ правильными понятіями о торговлѣ, о промышленности, о благосостояніи, прячась отъ просвѣщенія какъ отъ язвы, могущей уморить древніе предрасудки. Мѣстное начальство должно быть въ вѣчной войнѣ съ Жидами, чтобъ приводить въ исполненіе благодѣтельные мѣры мудраго Правительства, къ пользѣ самихъ же Жидовъ. Виновать ли

докторъ, если больной, вмѣсто того, чтобъ принимать лекарство, выливаетъ его украдкой, за окно — и страдать? — Большая часть Польскихъ Жидовъ суть нравственно больные, и притомъ упорные. Вся нравственная болѣзнь заразительна, и зараза распространилась по всему необразованному сословію Бѣлоруссіи.

Между этими *черными пятнами*, свѣтлѣютъ два прекрасные города: *Витебскъ* и *Могилевъ*, и два мѣстечка, *похожія* на города: *Полоцкъ* и *Мстиславль*. Въ Губернскихъ городахъ порядокъ, чистота, видъ довольства и, что всего пріятнѣе, много образованности. Объ этомъ поговорю подробнѣе, и начинаю отчетомъ о моемъ странствіи, отъ вѣзда въ Бѣлоруссію.

Люцинъ. Прелестнѣйшее мѣстоположеніе, на берегу озера! На высокомъ холмѣ, развалины древняго замка и церковь. У подножія горы, Жидовское мѣстечко съ площадью и нѣсколькими улицами. На площади два каменные строенія: присутственные

мѣста и домъ Русскаго купца, съ мѣлочной лавкой, которая здѣсь то же, что Англійскій магазинъ въ Петербургѣ. При вѣздѣ въ городъ, со стороны Пскова, большой, нѣкогда красивый деревянный домъ, съ садомъ, принадлежавшій родителямъ героя Кульнева, гдѣ онъ провелъ первые годы дѣтства. Съ любопытствомъ расхаживалъ я по аллеямъ сада, гдѣ, вѣроятно, славный нашъ пѣздникъ развѣзжалъ на палочкѣ, и рубилъ головы подсолнечникамъ. — «Гони натуру въ дверь, она влетитъ въ окно,» сказалъ поэтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Кульневъ былъ вонномъ съ дѣтскаго возраста, и еслибъ обстоятельства заставили его оставить военное поприще въ молодыхъ лѣтахъ, и сдѣлали судьбою или литераторомъ, то все таки сердце билось бы въ немъ сильнѣе при звукѣ военной трубы, нежели другаго. Такіе люди, какъ Кульневъ, рождены воннами.

Я зналъ лично Кульнева въ Финляндскую кампанію. Онъ былъ тогда Маіоръ въ Гродненскомъ Гусарскомъ полку, и коман-

довалъ летучимъ авангарднымъ отрядомъ въ корпусъ Николая Михайловича Каменскаго. Финляндская война была единственная въ своемъ родѣ. Въ эту войну, почти каждый офицеръ имѣлъ случай дѣйствовать самостоятельно, а эскадронные, ротные, батальонные командиры и шефы полковъ могли блистательнымъ образомъ выказать свои дарованія, потому, что мы дрались, по большей части, малыми отрядами, въ мѣстоположеніяхъ, гдѣ надлежало имѣть и воинскій глазомѣръ, и тактическія познанія. Каменскій скоро разгадалъ Кульнева, и поручилъ ему два самыя важныя дѣла: оберегать корпусъ отъ печальнаго нападенія непріятеля, и непрерывно тревожить его. Кульневъ, во всю войну, былъ, такъ сказать, въ виду у Шведовъ, непрерывно, то переговариваясь, то перестрѣливаясь съ ихъ пикетами, не зная усталости, пренебрегая непогодой. Никто не видалъ его спящимъ! Онъ только дремалъ, иногда, при бивачномъ снѣгѣ, склоня голову на камень. Ростъ его, фізіономія и самая одежда возбуждали и въ своихъ, и

въ непріятель какое-то необыкновенное чувство. Онъ носилъ длинную гусарскую куртку, съ черными шнурками, и широкіе казацкіе шаравары. На плечахъ у него была бурка, а на головѣ, вмѣсто фуражки, *красный, шерстяной колпакъ*, какіе носятъ Финскіе крестьяне. Въ рукахъ его была нагайка, съ пулей на концѣ. Это было его *любимое* оружіе, которое не одному жестоко *нагрѣло* спину! — Длинные черные бакенбарды висѣли на воротникѣ, а усы ниспадали почти на грудь. Орлиный носъ, черные, искрящіеся глаза, навислыя брови придавали его смуглому лицу какое-то ужасное выраженіе. — Онъ былъ нѣсколько сутуловатъ, и ѣздилъ на лошади, нагнувшись впередъ, по-казацки.

Кульневъ всегда былъ веселъ и разговорчивъ, когда подчиненные исполняли хорошо свое дѣло, и никогда небылъ такъ шутливъ, какъ подъ пулями. Я какъ теперь вижу его, какъ онъ мчался на своемъ сіромъ донцѣ, по линіи стрѣлковъ, помахивая и восклицая: «Впередъ, впередъ! Вспомните,

ребятушки, старика Суворова: пуля дура, штыкъ молодець! За камнемъ пулей не достанешь, а штыкомъ хоть изъ-подъ земли выроешь.» Пули сыпались кругомъ Кульнева, убивали людей, а въ него тогда не попадали! Онъ, казалось, искалъ смерти, а смерть ждала его на родинѣ... Солдаты обожали Кульнева, всѣ любили и уважали. Онъ былъ кормилецъ цѣлаго авангарда.

Здѣсь, въ бѣдномъ Люцинѣ, протекла юность его. Здѣсь, быть можетъ, онъ мечталъ о будущей славѣ, о войнѣ. Вотъ и Люцинъ можетъ теперь гордиться!

Но Жиды не дали мнѣ покоя и въ запустѣломъ домѣ Кульнева! Они преслѣдовали меня отъ почтового двора, съ фуражками, саногами, томпаковыми кольцами, ситцевыми платками и кренделями (баранками), *принуждая* меня купить чего нибудь, или заставить ихъ служить мнѣ. Чтобъ отдѣлаться, я велѣлъ вести себя въ Нѣмецкій трактиръ, заплативъ указателю или фактору за трудъ. Въ трактиръ я спросилъ *попсть*,

но мнѣ отвѣчали, что здѣсь можно только *пить*, ибо изготовленнаго кушанья нельзя такъ сохранять какъ ромъ и водку, да при томъ же здѣсь не мода *псть* въ трактиръ. Веселый городъ, гдѣ есть нечего, а пить можно во всякое время!

Отъ Люцина идетъ большая дорога на Динабургъ, а малая, чрезъ Себежъ, прямо въ Полоцкъ. Я поѣхалъ по малой, гдѣ на станціяхъ не болѣе какъ по шести лошадей.

Себежъ. Опять прелестнѣйшее мѣстоположеніе, и опять Жидовскія хижины и Жидовская нечистота! Себежъ узкій городъ, который можно спрятать въ подъячскій карманъ, лежитъ на полуостровѣ, соединяющемся съ твердою землею весьма узкимъ перешейкомъ. — Озеро окружено со всѣхъ сторонъ холмами и зеленью. Видъ живописный! — Я сталъ спрашивать одного мѣшанина о городѣ, онъ мнѣ отвѣчалъ: «Кругомъ вода, а въ серединѣ бѣда!»

Тѣмъ бы и надлежало кончить о Се-

бежъ, но я напелъ здѣсь и добро, а именно двухъ братьевъ Русскихъ купцевъ, людей молодыхъ, любителей всего отечественнаго, а въ томъ числѣ и нашей бѣдной Словесности! Русская Словесность въ Себежѣ! *ouï diable va-t'elle se nicher!* — Случайно встрѣтись съ этими единственными здѣсь Русскими купцами, я обрадовался, найдя въ нихъ, при Русскомъ гостепріимствѣ, умъ и добродушіе, а отъ жителей города я узналъ что они пользуются довѣренностью всѣхъ окрестныхъ помѣщиковъ, которые, со времени переселенія сюда этихъ Русскихъ купцевъ, перестали покупать товары у Жидовъ, потому именно, что эти Русскіе купцы торгуютъ честно и хорошимъ товаромъ. Господа Русскіе торговцы! извольте прислушать. Въ Бѣлоруссіи много мѣстечекъ и почти всѣ они болѣе и лучше Себежа. Торговать и расторговаться здѣсь очень можно, только надобно уметь перехитрить Жидовъ. Мудрено, скажете. Ни чуть! Ларчикъ отворяется весьма просто. Стоитъ только быть честнымъ и имѣть хороший товаръ. — До этой

хитрости большая часть Жидовъ еще не достала!

Въ *Обзорѣннѣ состояніи городовъ въ 1833 году* сказано: въ Себежѣ 1043 жителей мужескаго и 1044 женскаго пола, въ Люцинѣ 1093 мужескаго и только 350 душъ женскаго пола. И такъ въ Себежѣ, одною прекрасною болѣе мужчинъ, а въ Люцинѣ, напротивъ, мужчинъ вътрое болѣе женщинъ. Виновать, я никакъ не замѣтилъ въ Люцинѣ такого чрезвычайнаго недостатка въ этомъ драгоценномъ матеріалѣ для счастья рода человѣческаго. Площадь покрыта была *прекрасными* полами, и пронзительный крикъ его оглушалъ меня.

Въ Люцинѣ бываетъ знаменитая въ тѣхъ мѣстахъ ярмарка, въ Маѣ, гдѣ особенно можно запастись рабочими лошадьми. Я встрѣтилъ цѣлые табуны. Почва вокруг Люцина превосходная; въ окрестностяхъ Себежа песокъ и глина. Промышленности нѣтъ ни какой. Въ поляхъ — плохо.

Отъ Люцина до Полоцка ѣду на ра-

кахъ, т. е. на крестьянскихъ лошадей, — истощенныхъ, обыкновенно гдѣ весну, ростомъ съ добраго Украинскаго тележка. Шесть почтовыхъ лошадей заняты лазною издольностью.

Вотъ наконецъ добрался я до одного любопытнаго мѣста! Вотъ *Клястицы*, гдѣ было знаменитое сраженіе, въ 1812 году. Отсылаю любопытныхъ къ Исторіи войны 1812 года Г. Бутурлина. Славное мѣстечко для драки! Есть гдѣ разгуляться конница, есть мѣсто для артиллеріи, и чудесныя лазейки для стрѣлковъ. У насъ обыкновенно говорятъ и пишутъ, что Кульневъ убитъ *въ сраженіи при Клястицахъ*. Несправедливо. Онъ убитъ при деревнѣ Сивошинѣ, при устьѣ рѣки Нищи въ Дриссу, при преслѣдованіи Французовъ отъ Клястицъ до Полоцка. Кульневъ, переплывъ рѣку съ своими гусарами, взѣхалъ на холмъ, и лишь только успѣлъ взглянуть на отступающаго непріятеля, роковая пуля поразила его, и онъ палъ мертвъ. Здѣсь воздвигнуть ему прекрасный надгробный памятникъ изъ гранита, чугуна и брон-

зы. На памятникъ начертаны стихи В. А. Жуковского, въ его Пѣвца во станѣ Русскихъ воиновъ:

Гдѣ Кульневъ нашъ, рушитель силъ,
Свирѣпый пламень брани?
Онъ палъ — главу на щитъ склонилъ,
И стиснулъ мечъ во длани!
Гдѣ жизнь судьба ему дала,
Тамъ брань его сразила;
Гдѣ колыбель его была,
Тамъ днесъ его могила. —

Последніе *четыре* стиха объясняются здѣшними жителями слѣдующимъ образомъ. Мать героя Кульнева, будучи беременною, возвращаясь въ Люцинъ изъ Полоцка, почувствовала себя нездоровою; недоѣзжая до Сивошина, вышла изъ экипажа и родила у подножія этого холма, въ рошѣ. — Не знаю, справедлива ли эта повѣсть, и стихи ли породили сказаніе или сказаніе произвело стихи.

На послѣдней станціи до Полоцка достигла меня буря съ градомъ, дождемъ и

снѣгомъ. Шесть каракатицъ скакали во всю конскую прыть цѣлую станцію, по горамъ и оврагамъ: бодрый Бѣлорусъ кричалъ и понукалъ непрерывно своихъ *кониковъ*, и жестоко жарилъ ихъ плетью. Въ полночь я пріѣхалъ въ Полоцкъ, и вообразите мое удивленіе, когда я удостоверился, что меня везли двадцать пять верстъ, въ темную ночь, по горамъ и оврагамъ — *безъ возжей!* Шесть лошадей, безъ форейтора и безъ возжей! Крестьяне, запрягая въ торопяхъ и въ винныхъ парахъ, забыли взнуздать лошадей, и мой почталіонъ ухватясь за веревку, вообразилъ, что онъ держитъ возжи и помчался! — Характеристика Бѣлорусскаго крестьянина! — Домъ его, упряжь, одежда, домашнія утварь все кое-какъ и какъ нибудь. — Проезжая возлѣ одной мельнички, которая тряслась въ основаніи при каждомъ поворотѣ колеса, я спросилъ мельника, какъ держится эта мельница. «Словомъ Божіимъ!» отвѣчалъ онъ прехладнокровно. — Многое, весьма многое здѣсь держится только словомъ Божіимъ! Здѣсь господствуетъ пословица:

«бѣдненькій охъ, а за бѣдненькимъ Богъ! Въ Великой Россіи держатся пословицы: «На Бога уповай, а самъ не плошай!» — Отъ того Русскій мужикъ дюжъ, силенъ и промышленъ, а Бѣлоруссы малъ, тонъ и сонливъ. Дастъ Богъ, и Бѣлоруссы переродятся! Предки ихъ, Кривичи, Сѣверяне, Радимичи, Дряговичи, Полочане, были славные ребята, добрыя и храбрыя, Славянскія племена, составленныя изъ крѣпкихъ, сильныхъ людей. Они пріобрѣли знаменитость въ Исторіи. До нынѣшняго болѣзненнаго состоянія довели Бѣлоруссовъ два зловредные вѣтра: одинъ, дувшій съ береговъ Вислы, а другой, повѣвающій съ береговъ Иордана. Но теперь все идетъ у насъ быстрыми шагами къ лучшему, благодаря Бога и Царя; авось либо укрѣпятся и наши Бѣлоруссы!

Полоцкъ современенъ Великому Новгороду, Смоленску, Киеву, а можетъ быть, и древнѣе ихъ. *Я полагаю*, что Норманны утвердились здѣсь гораздо прежде пришествія Рюрика. Можетъ быть даже, что спо-

койное правленіе Норманновъ въ Полоцкъ (Полтоскъ), подадо мысль Новгородцамъ призвать ихъ къ себѣ. Родъ первыхъ Норманскихъ влѣстителей, въ Полоцкъ, прекратился какъ извѣстно, съ истребленіемъ рода Рогвольдова (Рингвольда) Владиміромъ, за отказъ Рогви́ды. Послѣ того Русскіе Князья владѣли здѣсь отъ Изяслава Владиміровича до 1219 года. Въ это время Полоцкомъ овладѣла дикая и свирѣпая Литва. Первымъ Княземъ Литовскаго рода былъ Борисъ сынъ Гинвиллы. Сперва эта страна дана была ему только въ управленіе, но онъ, женившись на Тверской Княжнѣ, принялъ Христіанскую Вѣру (Православную), и объявилъ себя независимымъ Княземъ. Болѣе двухсотъ лѣтъ Полоцкое Княженіе было сильнымъ владѣніемъ на Сѣверѣ, пока наконецъ вошло въ составъ Литвы, а съ Литвою присоединено къ Польшѣ. Но Русскіе Великіе Князья, а послѣ того Цари никогда не отрекались отъ правъ своихъ на Полоцкъ, и, до Петра Великаго, Полоцкое Княженіе находилось въ Царскомъ титулѣ.

Царь Иванъ Васильевичъ взялъ Полоцкъ въ Ливонскую войну, въ 1564 году. Стефанъ Баторій отнялъ его штурмомъ въ 1599 году. * Лѣтописатель того времени, Нейгебауеръ, говоритъ, что при покореніи города найдено въ Русской соборной библіотекѣ *множество Русскихъ лѣтописей и церковныхъ книгъ*, переведенныхъ съ Греческаго языка на Славянскій Меѳодіемъ и Константиномъ. Гдѣ теперь эти сокровища — неизвестно.

Тотъ же Нейгебауеръ пишетъ, что вся Полоцкая область, во время взятія Полоцка Русскими, въ 1564 году, была пустыня, покрытая непроходимыми лѣсами и болотами; что въ цѣлой области былъ только одинъ городъ *Полоцкъ* и замокъ *Озерище* или *Иезерище*, и что Стефанъ Баторій, для прохода своего войска, долженъ былъ про-

* Полоцкъ взятъ былъ также при Царѣ Алексѣ Михайловичѣ въ 1656 году, но отданъ обротно Польшѣ при заключеніи мира. Царь самъ былъ здѣсь.

рубать въ лѣсахъ дороги, и устилать болота фашинами. Народъ, спасшійся отъ Русскаго меча, скрылся въ лѣсахъ. Вездѣ было дико, пусто, глухо. Стефанъ Баторій, присоединивъ Полоцкую область къ Польшѣ, возобновилъ здѣсь Воеводство, роздалъ земли Польской шляхтѣ, и поручилъ Иезуитамъ нравственное образованіе народа. При Сигизмундѣ III Иезуиты получили новую силу, новыя права и привилегіи. Съ тѣхъ поръ существовала здѣсь Иезуитская Академія. По изгнаніи Иезуитовъ изъ Католическихъ Государствъ, Полоцкій Иезуитскій Коллегіумъ сдѣлался *главною квартирою* Иезуитскаго Ордена въ Европѣ. Вліяніе Иезуитовъ на нравственность и умы народа было неограниченное.

Еще при Баторіи, Иезуиты затыляли *Унію*, стоившую столькохъ слезъ и крови. При Сигизмундѣ III, они уже дѣйствовали открытою силой, гдѣ не могли дѣйствовать хитростію. Поселяне, по повелѣнію господъ своихъ, и не привыкши разсуждать, почти всѣ сдѣлались Уніятами. Православіе уцѣ-

дѣлю только въ городахъ, между богатыми кушачами и мѣщанами, которыхъ не успѣли переманить къ Католицизму *приманкою дворянства*. Кто только вникалъ въ духъ Исторіи, тотъ удостовѣрится, что Унія есть важнѣйшее происшествіе на Сѣверѣ, въ теченіе трехъ вѣковъ. Унія лишила Польшу силъ и умертвила ее, возвысивъ Россію, присоединеніемъ къ ней Малороссіи. Но объ этомъ долго говорить! Скажу только, что Іезуиты, воспитаніемъ юношества, *по своему*, и введеніемъ Уніи, нанесли первый ударъ Польшѣ отъ котораго она исхла и скончалась.

Не скажу, чтобъ Іезуитское воспитаніе было вредно во всѣхъ отношеніяхъ: я знаю весьма много почтенныхъ и умныхъ людей, воспитывавшихся у Іезуитовъ. Бывшій Министръ Просвѣщенія, Графъ Завадовскій также воспитывался у Іезуитовъ. Сущность ихъ воспитанія состояла въ слѣдующемъ. Они слѣдовали системѣ средних вѣковъ, обучали болѣе всего древнимъ языкамъ, записывали болѣе всего Грамматикой,

Логикой, Риторикой, и неохотно допускали своихъ учениковъ къ новымъ открытіямъ въ нравственныхъ и Физическихъ Наукахъ, опасаясь ослабить фанатизмъ. Если же приподнимали завѣсу, то не иначе позволяли смотрѣть на умственный міръ, какъ чрезъ призму Католицизма. Они болѣе занимали память, нежели разсудокъ своихъ учениковъ, и тѣхъ только изъ нихъ допускали въ тайники Наукъ Политическихъ и Философскихъ, которыхъ надѣялись заманить въ свой орденъ или которыхъ не могли удерживать въ умственномъ полетѣ. Всѣ усилія своего ума и всю ловкость свою употребляли Іезуиты къ тому, чтобъ посвятить въ сердца учениковъ свой безпредѣльный фанатизмъ, нетерпимость въ Вѣрѣ, вражду къ иновѣрцамъ и ко всемъ противникамъ Іезуитскаго Ордена. Постигая, что нравственность цѣлаго поколѣнія зависитъ отъ матерей, Іезуиты совершенно овладѣли умами женщинъ, и болѣе всего, дѣйствовали чрезъ нихъ. Зная всѣ домашнія тайны, и имѣя вездѣ своихъ учениковъ и приверженцевъ,

Иезуиты вскорѣ овладѣли цѣлою Польшей, и нравственно господствовали въ ней вмѣстѣ съ женщинами. Мастера своего дѣла!

Со времени учрежденія здѣсь Иезуитскаго Коллегіума, и переселенія Польской шляхты, страна застроилась мѣстечками, селами, мызами, и введено *нѣчто похожее* на благоустройство. Земледѣіе доставляло, встарину; выгоды, потому что земля не была истощена, давала богатые жатвы, даже при дурномъ воздѣлываніи, и не только Англія, Швеція, сѣверныя приморскіе города, но и отдаленныя колоніи безпрестанно требовали земныхъ произведеній изъ Польши и Литвы. Хозяйственная система въ Европѣ *измѣнилась*, а въ Бѣлоруссіи *ничто не перемѣнилось*. Земледѣіе мало гдѣ улучшилось, жизненные потребности умножились, а Рига не сыплетъ болѣе золота за хлѣбъ, пеньку и ленъ. Новаго ничего не придумано къ пріобрѣтенію денегъ; земля безъ удобренія становится все хуже и хуже; скотъ повыпалъ, и край обѣднѣлъ.

Полоцкъ древній, сильный Полоцкъ есть живая вывѣска положенія края!

Полоцкъ лежитъ на горѣ, по скату ея, и у подножія, при впаденіи Полоты въ Двину, въ самомъ выгодномъ мѣстоположеніи для торговли и мануфактуръ. Городъ раздѣляется на *верхній* и *нижній*; былъ нѣкогда обнесенъ землянымъ валомъ, котораго остатки существуютъ. Въ *нижнемъ* городѣ есть особое укрѣпленіе, построенное Баторіемъ. Въ городѣ считается 8888 (странное число) душъ обоего пола, 8 каменныхъ и 5 деревянныхъ церквей, 31 каменное зданіе и 1056 деревянныхъ домовъ. По этимъ числамъ надлежало бы судить, что городъ значителенъ, а онъ чрезвычайно маловаженъ, по недостатку промышленности и торговли, *душъ и здоровья* городовъ. Въ городѣ нѣтъ ни какихъ слѣдовъ глубокой древности, но за то есть множество новыхъ развалинъ. Главная улица, по которой въѣзжаешь въ городъ, имѣетъ множество каменныхъ, еще не отштукатуренныхъ

домовъ, которые уже открыты для летучихъ мышей, совъ и воронъ, и стоятъ печально безъ крышъ и оконъ, между низменными хижинами или, такъ называемыми, Жидовскими гнѣздами. Мостовая, кажется, намощена Лиссабонскимъ землетрясеніемъ, при помощи Везувія. Немощенныя улицы, въ несчастное время, доступны только Жидамъ, повелевающимъ Наполеоновскою стихією *, потому, что они родятся въ ней, живутъ и умираютъ. Въ лавкахъ, похожихъ архитектурой на кѣтки, въ которыхъ держатъ медвѣдей, лежатъ товары съ Московскаго толкучаго рынка: Торгуютъ Жидовки, между которыми есть удивительныя красавицы. Черты и цвѣтъ лица необыкновенные, а глаза — *огни небеса*!... Но выраженіе лица непріятно, въ приемахъ нѣтъ ловкости, во взглядахъ нѣтъ нѣжности, и вообще нѣтъ того, что я назову *прищипкой сердца*. Красота ихъ пластиче-

* Наполеонъ въ шутку говаривалъ, что онъ открылъ новую стихію въ Литвѣ — *грязь*.

ская; онѣ хороши, но *не милы*. — Есть и между Жидами люди съ необыкновенными лицами, настоящіе красавцы, но ихъ приемы, походка, движенія, взгляды еще болѣе непріятны, а иногда даже отвратительны. «*Вся кошачья хватка*» какъ сказано въ *Горь отъ ума*.

Площадь покрыта народомъ. Сегодня торговый день. По нѣскольку человекъ Жидовъ увиваются около одного мужика, чтобъ купить у него скудный его запасъ, а между тѣмъ Жидовка тянетъ его, съ тылу, за воротъ, расхваливая громко свою водку. Вотъ, подхватили подъ руки жену крестьянина, и ведутъ, въ торжествѣ, въ корчму, а Жиденокъ схватилъ за узду лошадь и тянетъ за собой. Бѣдный мужикъ отпрашивается, бранится и идетъ, куда его ведутъ. Оттуда его выведутъ хмѣльнаго, съ пустой мошной и, можетъ быть, съ долгомъ! Вотъ образчикъ Еврейской внутренней торговли! — А вотъ факторы! Они поглядываютъ на проѣзжаго, какъ лица на курицу, и на

дыпочкахъ, все подходя ближе и ближе, наконецъ окружаютъ васъ, и предлагаютъ шопотомъ свои услуги.

Что только есть въ городѣ, вы все можете достать чрезъ факторовъ, продажное и завѣтное. Это наши Фигаро! А если, за недостаткомъ газетъ, вамъ угодно послушать городскихъ сплетней, то вы въ полчаса узнаете всю подноготную. Разумѣется, что этимъ разсказамъ должно вѣрить, какъ Французскимъ журнальнымъ статьямъ о Россіи. Но все таки разсказъ пріятенъ, потому что всѣ факторы болѣе нежели юмористы и сатирики. Факторъ живетъ слабостями и недостатками нашими, питается человѣческими пороками, видитъ родъ человѣческій, со всѣхъ сторонъ, на распашку, и не смѣя бранить его, смѣется надъ нимъ, когда ему позволять. Увѣряю васъ, что нѣтъ ничего забавнѣе и занимательнѣе, какъ факторскіе вѣсти и разсказы.

Факторъ, какъ Асмодей радуется всему злему. Вся Бѣлоруссія, особенно По-

лоцкѣ, гдѣ была главная квартира 2-го Французскаго корпуса, съ ужасомъ вспоминаютъ о нашествіи Французовъ, послѣ котораго, до сихъ поръ, не могутъ поправиться, а мой факторъ говорить, что это были *самыя лучшія времена*, потому что было много денегъ въ оборотъ, много разврату, много потребностей. Какая нужда фактору, награбленнымъ ли деньги издерживалъ Французскій гренадеръ или благопріобрѣтенныя; главное въ томъ, чтобъ издерживали деньги при помощи фактора. Какая ему нужда, на что издерживаютъ деньги, на хорошее или на дурное, лишь бы деньги проходили чрезъ его руки! — Знаете ли что? Право этотъ факторъ лучше многихъ *нефакторовъ*, потому, что онъ откровененъ и не стыдится ни своего ремесла, ни своего образа мыслей, а другіе дѣлаютъ то же *во имя добродѣтели*, и притомъ не такъ забавны, какъ факторъ!

Предшествуемый Жидомъ, я пошелъ бродить по городу, пробираясь по камнямъ.

и кочкамъ. Видѣлъ я нѣсколько пріятныхъ, чистенькихъ домиковъ и слышалъ, изъ-за заставсей, звуки фортепіана. Факторъ, подобно Лесажеву хромоногому бѣсу, срывалъ передо мной крыши, и раздвигалъ стѣны домовъ, чтобъ я заглядывалъ въ ихъ внутренность. Любытнаго ничего нѣтъ. Вездѣ одно и то же: плачутъ и смѣются, любятъ и ненавидятъ, обманываютъ и обманываются, даютъ и берутъ и проч.

До 1796 года Полоцкъ былъ провинціальнымъ городомъ Полоцкаго Намѣстничества. Присутственные мѣста и Іезуитскія школы заставляли многія семейства жить здѣсь. У насъ вообще города только и держатся школами и судами. Есть слѣды, что Полоцкъ былъ лучше, *во время оно*.

Виды съ вала въ поле и на Двину очаровательные. Съ каждой точки новая картина, новая панорама, только нѣтъ жизни. Пустыня.

Наконецъ я вышелъ на площадь, на которой стоитъ огромное зданіе Іезуитскаго

Коллегіума. Оно теперь перестроено и исправлено, для помѣщенія Полоцкаго Кадетскаго Корнуса, который, въ это время, не былъ еще открытъ. Я осмотрѣлъ зданіе отъ чердака до погреба. Великолепныя залы, прекрасные корридоры, покойныя лѣстницы, все во вкусѣ Италіанской архитектуры среднихъ временъ. — Церковь есть одно изъ лучшихъ зданій въ Европѣ. Пропорція частей, при необыкновенной вышины, удивительная. Сводъ легокъ и пріятенъ для взора. Нельзя отвести глазъ. — Плафонъ и хоры расписаны альфреско. Говорятъ, что Іезуиты заплатили живописцу десять тысячъ червонныхъ. Церковь эта освящена въ Русскій Соборъ, и будетъ передѣлываться. Теперь здѣсь временной иконостасъ.

Въ погребахъ, нѣкогда наполненныхъ старымъ Венгерскимъ, я видѣлъ тюрьмы, или *in pace*, откуда жертва не выходила болѣе на свѣтъ Божій. — Еслибъ эти стѣны могли говорить, то мы узнали бы механизмъ тайной пружины Іезуитскаго Ордена, одно-

го изъ самыхъ любопытныхъ учреждений въ Европѣ. Иезуиты называютъ себя *воинами Папы*. Въ войнѣ пельзя обойтись безъ стратегіи, а мы только знаемъ слѣдствія войны Иезуитской, и до сихъ поръ не открыли ихъ стратегіи.

Физическій кабинетъ, бібліотека и музей отвезены въ Петербургъ. Здѣсь осталось только нѣсколько механическихъ игрушекъ и фокусъ-покусовъ, которыми Иезуиты дѣйствовали на воображеніе своихъ учениковъ. У Иезуитовъ все имѣло свою цѣль.

Учрежденіе здѣсь Кадетскаго Корпуса есть величайшее благодѣяніе для цѣлаго края. Образованность сдѣлалась потребностью вѣка; средствъ къ тому внутри нашей Россіи мало, и не всякой родитель въ состояніи везти дѣтей въ столицы или содержать въ отдаленіи. Притомъ же, воспитаніе на родинѣ есть почти то же, что въ семействѣ, а что семейственное воспитаніе дѣйствуетъ сильнее на нравственность, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

Прощай, Полоцкъ, и ради Бога, не развались, пока я выѣду за ворота!

Витебскъ лежитъ на крутыхъ берегахъ Двины, по обѣимъ сторонамъ ея. Лучшія зданія и присутственныя мѣста находятся на лѣвомъ берегу. Здѣсь городъ построенъ на холмахъ, между которыми глубокіе овраги. Въ одномъ изъ нихъ протекаетъ рѣка *Витба*. Здѣсь, въ старину, было два замка съ земляными валами, которыхъ видны теперь слѣды. На одномъ изъ нихъ, на берегу Двины, устроено прекрасное гульбище, осыпанное тополями.

Городъ чрезвычайно чистъ и опрятенъ. Это весьма удивительно, когда взглянешь на толпы Жидовъ! Главная улица застроена каменнымъ зданіями. Рынокъ, гдѣ лавки, и площадь прекрасны. На рынокъ взъѣзжаютъ по каменному мосту, построенному бывшимъ здѣсь Губернаторомъ (нынѣ Сенаторомъ) П. И. Сумароковымъ. Это мнѣ рассказали на площади. Память помезнаго дѣла сохраняется въ народѣ! Вообще Ви-

тебскъ имѣть видъ довольства и благосостоянія. Во всемъ порядокъ. На улицахъ видны красивые экипажи и порядочно одѣтые люди. Въ лавкахъ много товару, вообще Русскихъ фабрикъ. Дома выкрашены, крыши въ исправности. На каждомъ шагу замѣтно попеченіе о благоустройствѣ; боковыя улицы застроены чистыми и красивыми деревянными домиками. Католическіе костелы, какъ гиганты, стоятъ между частными зданіями. Фасады этихъ костеловъ принадлежатъ къ Италіанской архитектурѣ. Вкусъ Греческій смѣшанъ съ готическими формами. Эта архитектура мнѣ чрезвычайно нравится, и я не могу налюбоваться на костелы.

Витебскъ весьма древень. Въ лѣтописяхъ упоминается объ немъ въ X вѣкѣ. Вероятно онъ основанъ Норманами, и былъ послѣ столицей особаго Княженія, когда Норманскіе пришельцы раздѣлили между собою Славянскую землю. — Ольгердъ, В. К. Литовскій, женившись на Юліанѣ, дочери

Витебскаго Князя, присоединилъ Витебскъ къ своимъ владѣніямъ. По соединеніи Литвы съ Польшею, Витебскъ принадлежалъ ей до возвращенія Россіею древняго своего достоинства, при Екатеринѣ II-й. Въ древнее Польское правленіе, Витебскъ былъ весьма важный городъ какъ пограничная крѣпость, какъ пограничный торговый городъ и какъ средоточіе праменія сѣверныхъ Русскихъ областей. Народонаселеніе здѣсь было Русское, Православнаго исповѣданія, слѣдовательно привязано душою къ Россіи. Настала *Унія*, и здѣсь, болѣе нежели въ другихъ мѣстахъ, старались ввести ее. Съ поселянами легко было сладить, потому что они не понимали дѣла и повиновались приказанію. Но городскіе жители сильно противились. Знаменитый Архіепископъ Полоцкій Іосафатъ Кошцевичъ дѣйствовалъ сильными средствами, и наконецъ рѣшился запечатать Грекороссійскія церкви. Православный народъ: *«спалъ въ грѣхѣхъ»* какъ гласитъ современная рукопись, писанная Бѣлорусскимъ царьичемъ, и доведенный

до отчаянья, убили Концевича, въ 1624 году. Иезуиты провозгласили его мученикомъ, и сочинили въ память его пѣсню, въ которой описано происшествіе. Пѣснь эту, распѣваютъ при костелахъ пниціе.

Много претерпѣли здѣсь Православные, и наконецъ, въ 1654 году, обрадованы были появленіемъ единовѣрцевъ. Царь Алексѣй Михайловичъ взялъ Витебскъ, и самъ былъ здѣсь въ 1656 году. Все надеялось, что городъ останется за Россіей, но случилось иначе. Православные снова приуныли, а Иезуиты и Уніа возвысили чело. Наконецъ дѣло рѣшено *на стѣнѣ стѣновъ*, однимъ почеркомъ пера Великой Екатерины! — Аминь!

Витебскъ былъ встарину богаче, потому, что велъ обширную торговлю хлѣбомъ, льномъ и пенькою съ Ригею. Теперь торгъ этотъ незначителенъ, да и требованій гораздо менѣе. Въ семнадцатомъ вѣкѣ въ Витебскѣ было восемь Католическихъ монастырей, множество Уніятскихъ церквей (сколь-

ко именно, не извѣстно), одинъ Православный монастырь и 1249 обывательскихъ домовъ. Въ Иезуитскомъ и Піарскомъ училищахъ обучалось до 500 юношей. Въ концѣ осьмнадцатаго вѣка, здѣсь было Католическихъ монастырей 6, костеловъ 2, Уніятскихъ церквей 5 каменныхъ и 6 деревянныхъ, и одинъ только Православный монастырь и гарнизонная церковь; домовъ обывательскихъ было 2033, и въ томъ числѣ только 16 каменныхъ; всѣхъ жителей было 4055 душъ. Теперь здѣсь 2486 домовъ, въ томъ числѣ 95 каменныхъ, и 14,324 * души народонаселенія, церквей каменныхъ 20, деревянныхъ 7. Здѣсь одно духовное и три свѣтскія училища. Въ первомъ обучаются 59 юношей, въ послѣднихъ 223 юноши и только 6 дѣвочекъ.

По этимъ *даннымъ*, теоретикъ скажетъ, что благосостояніе города значительно увеличилось, а просвѣщеніе упало, ибо

* Извлечено изъ Обзорія состоянія городовъ въ 1833 году.

пъ прежнихъ Иезуитскихъ и другихъ монастырскихъ Католическихъ школахъ бывало до 500 учениковъ. Почтенный теоретикъ ошибется, какъ вообще ошибаются все теоретики.

Народонаселеніе увеличилось, потому что теперь каждый свободный человекъ можетъ записываться въ цехи, въ мѣщанство и въ купеческое званіе, а въ древнемъ Польскомъ правленіи это было весьма тяжело, точно также, какъ теперь въ Лифляндіи, гдѣ города имѣютъ свои привилегіи и монополіи. Народонаселеніе еще увеличилось отъ того, что нынѣ, благодаря Бога и Государя, не позволено Жидамъ жить по деревнямъ и высасывать кровь изъ бѣднаго крестьянина. Жиды должны жить въ городахъ. Число каменныхъ домовъ умножилось, потому, что они принимаются въ залоги по подрядамъ. — Учащихся мало теперь потому только, что по уничтоженіи монастырскихъ Католическихъ училищъ, новый порядокъ вещей еще не укоренился, и родители еще, такъ сказать, не осмотрѣлись.

Теперь время перехода отъ стараго къ новому, время всегда и во всемъ тяжелое и затруднительное. Черезъ нѣсколько лѣтъ мы увидимъ, что Гимназіи будутъ полны. Родители привыкли отдавать дѣтей подъ надзоръ монахамъ, въ такъ называемый *конвиктъ*, или пансіонъ. Если при Гимназіяхъ учредятся пансіоны, то вскорѣ забудется о монастырскомъ воспитаніи.

На счетъ благосостоянія вотъ что я думаю. — Нѣтъ сомнѣнія, что денегъ было больше въ то время, когда Англія, Швеція и Южная Америка требовали изъ Польши хлѣба, пеньки, льну и воску, и платили золотомъ. Купцевъ было меньше, и въ Бѣлоруссіи, вообще, было меньше роскоши нежели теперь. Паньы содержали музыку, поили своихъ приверженцевъ винами, но не знали тѣхъ мелкихъ расчетовъ роскоши, которые поглощаютъ достояніе. Дома были меблированы просто: столъ уставленъ былъ домашними произведеніями, безъ дальнихъ вымысловъ, и деньги не сорвались въ

губерний. Всѣ жили дома. Шляхта, т. е. небогатые дворяне, лакомилась у богачей, а дома жила чрезвычайно просто. Купцы были, большею частию, Жиды, которые не имѣли случая разораться въ заманчивыхъ подрядахъ и откупахъ, ибо, должно замѣтить, что всѣ Жидовскіе купеческіе дома падаютъ въ подрядахъ и откупахъ. Купцы Христіане не слыхали даже щеголять роскошью. Шляхта приколотила бы ихъ за чванство. — Недвижимыхъ имѣній не гдѣ было закладывать, потому, что банковъ не было. Помѣщики занимали у своихъ собратій, и имъ закладывали имѣнія, а потому проценты оставались дома. — Притомъ же, повинностей почти ни какихъ не было, народъ жилъ въ *пріятнои безпорядкѣ*! Улицъ не мостили, вязли въ грязи. На мостахъ ломали шен, на большихъ дорогахъ не было проѣзду. Лишь только на Сеймѣ заикнулся кто либо о *податяхъ*, тотчасъ раздавался ужасный ревъ: *veto, не позволяли*, и проч.

Изъ всего этого я заключаю, что хотя денегъ могло быть болѣе, но *благососто-*

янія не было, ибо не было порядка, благоустройства, всеобщей безопасности и твердости въ законахъ.

Теперь деньги разсыпаны въ большемъ числѣ кармановъ, и хотя ихъ немного, но за то, болѣе такихъ людей, которые могутъ добыть ихъ. — Теперь помѣщикъ, имѣющій сто душъ, долженъ одѣваться такъ, какъ помѣщикъ, имѣющій тысячу душъ, и хочетъ даже въ домѣ подражать богачу. Это общее зло въ цѣлой Европѣ! Прежде, панъ подпоясывался золотымъ кушакомъ, а бѣдный дворянинъ не стыдился подпоясываться шелковымъ. Теперь формы образованности и лакъ просвѣщенія сравнивали всѣхъ. Когда же усияетъ просвѣщеніе, тогда люди почувствуютъ, что не наружность доставляетъ уваженіе. Можетъ ли быть чтонибудь смѣшнѣе, ничтожнѣе, какъ человекъ, который хочетъ обратить на себя вниманіе своимъ рысакомъ! Кланяемся рысаку, а не тебѣ, любезнѣйшій! Вотъ вамъ *практика*, въ противоположность *теоріи*!

Въ Витебскѣ жить не дорого, по крайней мѣрѣ, сколько я могу судить по трактирной жизни. Трактировъ здѣсь два; они содержатся опрятно. Кушанье хорошее и чрезвычайно дешевое. Въ Петербургѣ нѣтъ такого ситнаго хлѣба, какъ здѣсь: онъ бѣлый, какъ пшеничный. Пиво превосходное, мясо и зелень дешевы и хороши — чего же больше! Въ ученомъ и просвѣщенномъ Дерптѣ хлѣбъ почти всегда невыпеченный и грязный, а пиво тогда только хорошо, когда удастся. Добрые Нѣмцы должны пить, морщась, кислую бурду, если пиво *не удалось* пивоварамъ, которыхъ только два въ городѣ. Мясa нельзя купить такого, какъ вы хотите; вы должны брать то, что вамъ дастъ мясникъ, и если вы скажете, что не хотите костей, то онъ вамъ отвѣтитъ: «*a развѣ вы безъ костей!*» Не гнѣвайтесь за эти мелочи и не пренебрегайте ими! Изъ нихъ извлекаются важныя *послѣдствія*, а именно, *доказательство преимущества городовъ на Русскомъ положеніи предъ привилегированными городами*. Въ привилегированномъ го-

родѣ, каждый ремесленникъ чванится передъ тѣмъ, кому онъ служить за деньги, и дѣлаетъ что хочетъ. Не устоялъ ли онъ въ словѣ, сдѣлалъ ли дурно заказанное вами, вы не можете принудить его чрезъ полицію къ исправленію дурнаго и къ устоямъ въ словѣ. Вы должны *судиться* съ нимъ нанимать адвоката, платить *шпортели*, т. е. канцелярскія издержки, и ждать рѣшенія дѣла годъ или два, изъ пары сапоговъ! За грубость нѣтъ ни суда, ни расправы! Это также *нѣчто*, въ родѣ привилегіи Нѣмецкихъ биргеровъ! — Въ Витебскѣ я имѣлъ дѣло съ ремесленниками, и изъ любопытства расхаживалъ по всемъ лавкамъ. Не могу нахвалиться порядкомъ и исправностью. Это дѣлаетъ величайшую честь городскому управленію.

Въ Витебскѣ не большой, но отличный кругъ общества. Берегитесь, Гг. Русскіе писатели! Намъ читаютъ и намъ судятъ въ провинціи, едва ли не строже, чѣмъ въ столицахъ. Въ столицахъ нѣкогда заниматься Словесностью. Такъ, по крайней мѣрѣ,

всѣ говорятъ. Въ столицахъ автора судятъ, часто, по его положенію въ свѣтъ. Тамъ есть свои разношники *въстѣй*, разношники *литній*, и многіе присвонваютъ готовые *литній*, порождаемыя личностями, а послѣ, выдаютъ за свои *собственныя*, *безпристрастныя сужденія*. Въ провинціи, всѣ судятъ по собственному убѣжденію, и не иначе, какъ прочитавъ книгу. Особенно въ Витебскѣ тонъ высшаго общества отзывается истиннымъ патріотизмомъ, любовью ко всему Русскому. Почитаю излишнимъ называть виновника этого благороднаго направленія умовъ!

Въ Витебскомъ дворянствѣ много заслуженныхъ людей, украшенныхъ знаками отличія: Русскій языкъ здѣсь чрезвычайно распространенъ. По-Польски говорятъ только въ семьѣ. Всѣ дамы также говорятъ прекрасно по-Русски. Въ Литвѣ еще много незнающихъ вовсе Русскаго языка.

Древностей, кажется, здѣсь нѣтъ ни какихъ: мнѣ показывали церковь, будто бы

построенную Великою Княгинею Ольгою. Это одно преданіе.

Я весьма сожалею, что мнѣ нельзя было пробыть долѣе въ Витебскѣ. Мнѣ чрезвычайно здѣсь понравилось. Прелестное мѣстоположеніе, порядокъ и благоустройство города, просвѣщенное общество, гостепріимство, радушіе, необыкновенная вѣжливость высшихъ особъ, все это сдѣлало для меня драгоценнымъ воспоминаніе о Витебскѣ. Я здѣсь, какъ говорится, *отвелъ душу*, т. е. надышался атмосферой образованности и привѣтливости. Мнѣ стало грустно, когда я выѣхалъ изъ Витебска. Рѣдкое чувство для человѣка, привыкшаго къ семейной жизни.

Дороги и погмы въ Бѣлоруссіи. По присоединеніи Бѣлоруссіи къ Имперіи, въ 1777 году, первымъ Генералъ-Губернаторомъ новопріобрѣтеннаго края былъ Генералъ-Аншевъ Графъ Чернышевъ. Императрица Екатерина II пожаловала многимъ изъ своихъ приближенныхъ богатые вотчины

въ Бѣлоруссіи, и нѣкоторое время, между знатію была мода жить въ Бѣлорусскихъ имѣніяхъ. Графу Чернышеву пожалованъ былъ городъ *Чечерскъ*, съ принадлежностями. Графъ управлялъ краемъ съ особеннымъ попеченіемъ. Между прочимъ онъ устроилъ знаменитыя Бѣлорусскія дороги. Между всеми городами Бѣлоруссіи проведены березовыя аллеи, дороги окопаны рвами и уровнены. Въ прежней Польшѣ этого не бывало никогда, да и Русскія дороги были тогда въ жалкомъ положеніи. Теперь насажденные Графомъ Чернышевымъ деревья сдѣлались огромными. Путешественникъ ѣдетъ въ тѣни, какъ въ паркѣ. Почты въ Бѣлоруссіи лучшія по цѣлой Россіи. Въ этомъ увѣряли меня военныя и гражданскіе чиновники, проѣхавшіе Россію вдоль и поперекъ. Лошади превосходныя, ѣзда скорая — только держись! На станціяхъ нѣтъ ни малѣйшихъ прижимокъ и задержаній. Писаря, изъ туземцевъ, вѣжливы. Но ужъ за то кромѣ воздуха нечего проглотить на станціи! Кажется, будто для того только вась-

и везутъ скоро, чтобъ не уморить съ голоду. Между Витебскомъ и Могилевомъ почти всѣ станціи содержатъ Жиды.

Что сказать объ уѣздныхъ городахъ *Бабиновичахъ* и *Оршѣ*? Не могу ничего придумать. — Сто пятьдесятъ деревянныхъ домиковъ, большею частью хижинъ, поросшихъ въ сыпучемъ песку, и двѣ деревянныя церкви, составляютъ *Бабиновичи*. Жителей до семисотъ душъ. *Орша*, если не лучше, то болѣе и многочислѣе *Бабиновичъ*. Въ Оршѣ есть по крайней мѣрѣ великолѣпные костелы, до четырехъ сотъ домовъ, въ томъ числѣ пять каменныхъ, и болѣе двухъ тысячъ жителей. Мѣстоположеніе Орши на берегу рѣки Оршицы, близъ Днѣпра, весьма выгодно въ стратегическомъ отношеніи, и потому — то здѣсь дрались всѣ тѣ, которые нападали на здѣшній край и защищали его: Татары, Шведы, Поляки, Литва, Русскіе и наконецъ Французы. Окрестности усажены могилами. Видъ Орши пустынный и печальный.

Въ двадцати двухъ верстахъ отъ Могилева лежить знаменитый *Шкловъ*, вторая Еврейская столица въ бывшей Польшѣ. (Первая столица *Броды*, а третья *Бердичевъ*.) — Шкловъ принадлежалъ, встарину фамилии Ходкевичей. Знаменитый Гетманъ Іоаннъ Карлъ Ходкевичъ построилъ здѣсь замокъ, котораго теперь нѣтъ слѣдовъ. По присоединеніи Бѣлоруссiи, Шкловъ пожалованъ былъ Императрицей Екатериной Генералъ-Маіору Графу Зоричу, родомъ Сербу. Зоричъ хотѣлъ затмить роскошью и великолѣпіемъ всѣхъ прежнихъ Польскихъ магнатовъ. Онъ выстроилъ здѣсь огромный дворецъ, театръ, развелъ великолѣпные сады, выписалъ актеровъ, завелъ балетную труппу, нѣсколько оркестровъ музыки, хоры пѣвчихъ, и зажилъ шумно, вполонину по-Азіятски, вполонину по-Европейски. Гости съѣзжались въ Шкловъ издалека, изъ столицъ и изъ губерній, а все лучшее Бѣлорусское дворянство почти насильно удерживаемо было въ Шкловѣ. Зоричъ былъ холостъ, но дамы ѣздили къ не-

му на балы, въ маскарады и въ театръ. Въ карты играли не по пышному. Сотни тысячъ лопали на одной картѣ! Вся Бѣлоруссiя была какъ въ чадѣ. Всѣ хотѣли подражать, хотя въ маломъ видѣ, Зоричу, Пасеку, Потемкину. Вездѣ завелись оркестры, вездѣ стали давать балы, съѣзжаться на охоту. Чѣмъ все это кончилось! По смерти Зорича парижена была коммисія для уплаты долговъ, продажи вотчинъ. Многіе изъ пріятелей Зорича также обанкротились; другіе подражатели разорились въ половину, и теперь, послѣ Зорича, остались въ грязномъ жидовскомъ мѣстечкѣ развалины его дворца, слѣды его садовъ, и погорѣлое зданіе, въ которомъ былъ Кадетскій Корпусъ, переведенный въ Гродно, а послѣ того въ Смоленскъ. Все исчезло какъ дымъ! Шкловъ приносилъ чрезвычайные доходы своему властителю, которыхъ большая часть, вмѣстѣ съ вотчинными, погружалась въ карманахъ разнородныхъ поставщиковъ и торговцевъ. Денегъ была бездна въ Шкловѣ. Здѣшніе Жиды, кромѣ того, вели обшир-

ную торговлю колоніальными товарами и мануфактурными издѣліями всѣхъ странъ. Въ Польсѣ вовсе не было мануфактурной промышленности; въ Россіи очень мало. Жиды наводняли Русскія и Польскія армарки предметами роскоши и мелочами. Кромѣ того, они тайно ввозили въ Россію хлѣбное вино и вывозили мѣдную монету, для переплавки. Дѣятельность была необыкновенная. Большія и переселочныя дороги завалены были огромными жидовскими фурами, движущимися вокругъ трехъ центральныхъ точекъ, Бердичева, Бродъ и Шкловъ.

Эти города состояли подъ особеннымъ покровительствомъ богини Еврейскаго происхожденія, по имени *контрабанда*. Она сыпала золото на племя Иуды изъ рога изобилія. Она подрывала всѣ фабрики и мануфактуры и всякую законную торговлю. — Со времени вступленія въ Министерство Графа Е. Ф. Канкринъ, и въ управленіе Департаментомъ Внѣшней Торговли Д. Г. Бибикова, рогъ изобилія богини *контрабан-*

ды изсякъ, и сама она, исчахнувъ, уже лежитъ на смертномъ одрѣ. Жрецы ея жалуются на *дурныя времена!* Порядокъ, благоустройство, законность, возвышеніе отечественныхъ мануфактуръ, а съ ними просвѣщенія, суть въ Еврейской терминологіи то же, что *дурныя времена*.

Спрашивается: гдѣ же слѣды бывшихъ *хорошихъ временъ?* Милліоны червонцевъ протекли чрезъ жидовскія руки. Гдѣ дѣти отцевъ, ворочавшихъ милліонами? Гдѣ древніе купеческіе Еврейскіе дома? — Чудное дѣло, что у Жидовъ весьма рѣдки примѣры, чтобъ богатство отца перешло къ сыну, а особенно къ внуку. Я даже не слышалъ ни объ одномъ случаѣ. Жидовская казна надувается какъ мыльный пузырь, блещетъ и лопается; такъ же скоро какъ и раздулась. Жидъ, въ торговлѣ, всегда ставитъ *ва банкъ* (va banque). Чѣмъ болѣе удачи, тѣмъ болѣе риску.

Лишь только экипажъ подъѣдетъ къ Шкловской станціи, толпа факторовъ и

разнощиковъ товаровъ окружаетъ путешественника, и тѣснится за нимъ въ комнату. Факторы шепчуть вамъ на ухо, съ двусмысленной ужимкой, что здѣсь можно достать прекрасныхъ *заграничныхъ* товаровъ, за *весьма дешевую цѣну*. Приносятъ товары. Бѣда незнатому! На товарахъ нѣтъ ни клейма фабрики, ни клейма таможеннаго. Вамъ говорятъ, что это *остатки*, и говорятъ жалкимъ голосомъ, съ такимъ взглядомъ, что вы можете думать, что вамъ угодно. Если вамъ пришло въ голову, что это иностранный товаръ и *контрабанда*, тѣмъ лучше для купца. Онъ продастъ вамъ Московское издѣліе за Французское или Англійское, и возьметъ съ васъ втрое дороже. Великіе мастера здѣсь также подмѣивать проданный товаръ! Впрочемъ, всѣ эти продѣлки знаютъ хорошо и *не Жиды*.

Въ Шкловѣ бываетъ знаменитая ярмарка, на которую съѣзжаются много Русскихъ купцевъ и дворянства. Меня увѣряли, что кто знаетъ всѣ жидовскія уловки, тотъ

охотнѣе покупаетъ у нихъ, чѣмъ у Христіанскихъ купцевъ. Въ мытарствѣ я не судья.

Изъ прежняго величія Шклова осталась великолѣпная жидовская божница, или синагога. Здѣшніе Раввины пользуются особеннымъ уваженіемъ, потому что сюда выбираютъ мудрѣйшихъ изъ мудрыхъ. О народонаселеніи невозможно знать съ точностью. Не взирая на строгость и проникаемость начальства, при описи, Жиды умѣютъ всегда скрыть настоящее число душъ. Это уже неоднократно доказано. Одни говорятъ, что здѣсь, до 6000 душъ, другіе утверждаютъ что до 7000, а одинъ Еврей на дорогѣ увѣрялъ меня, что здѣсь до 10,000 Жидовъ съ захожими. — Здѣсь нѣтъ ни Полицеймейстера, ни Городничаго, но чиновникъ земской полиціи имѣетъ здѣсь постоянное пребываніе.

Толпа факторовъ, купцевъ и купчихъ съ товарами подѣ мышкою, не оставляя меня ни на минуту, отъ вѣзда до отѣзда

бормоча безпрестанно и расхваливая свои товары, не взирая на то, что я нѣсколько разъ отгонялъ неотвѣзныхъ. Одинъ Жидъ кричалъ изъ толпы по-Французски, чтобъ обратить на себя вниманіе, и когда я подошелъ къ нему, онъ объявилъ мнѣ, что былъ факторомъ *Наполеона*, въ 1812 году! Разумѣется, что Жидъ лгалъ. По-Французски зналъ онъ нѣсколько словъ. Насилу выбрался я изъ жидовщины!

Могилевъ. Что за прелесть этотъ городъ! Онъ лежитъ на крутомъ берегу Днѣпра, утопая въ зелени садовъ. Улицы чисты, вымощены, но исключая одной улицы, гдѣ лавки, и площади, гдѣ присутствуютныя мѣста, каменныхъ домовъ почти нѣтъ въ городѣ. Изъ частныхъ каменныхъ домовъ здѣсь нѣтъ такихъ большихъ и красивыхъ, какъ въ Витебскѣ. Здѣсь всего 86 каменныхъ зданій. Деревянныхъ домовъ до 1900, но предмѣстія, или лучше сказать слободы, едва ли не обширнѣе самаго города, который весьма не великъ, и состоитъ

изъ двухъ главныхъ, нѣсколькихъ поперечныхъ улицъ и двухъ площадей. Одна изъ нихъ превращена въ публичное гульбище. Вокругъ ея устроенъ бульваръ, обсаженный прелестными тополями, а въ серединѣ Англійскій садикъ. Деревянные домики все выкрашены и содержатся опрятно.

Въ Могилевѣ семнадцать каменныхъ и одиннадцать деревянныхъ церквей. — Все каменные церкви, Православныя и Католическія, прекрасны, а нѣкоторыя великолѣпны. Здѣсь есть Гимназія, Уездное Училище, Семинарія, съ подвѣдомственнымъ ему училищемъ. Жителей обоаго пола здѣсь около 15,850 душъ. Учащихся въ духовныхъ училищахъ 305, въ свѣтскихъ 334 человека. — Купцевъ первой гильдіи нѣтъ вовсе, а торговцевъ обоаго пола, большею частью Жидовъ и Жидовокъ, до 170 человекъ.

Могилевъ въ древнее Польское правленіе принадлежалъ къ удѣльнымъ вотчинамъ Польскихъ Королей (*Ekonomia Krolewska*)

до 17-го вѣка. Въ Польскихъ лѣтописяхъ упоминается о Могилевѣ, какъ городѣ, и прежде 14-го столѣтія. При Сигизмундѣ III и при Владиславѣ IV городъ опоясанъ былъ землянымъ валомъ, котораго теперь видны остатки, а между рѣчкою *Дубровинскою* и *Дибпролю*, на возвышеніи, устроено было укрѣпленіе, въ родѣ замка. Здѣсь была также оружейная фабрика. Могилевъ былъ взятъ Русскими въ 1654 году при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, и оставался за Россіею до 1661 года. Во время знаменитой Шведской войны, Петръ Великій былъ здѣсь нѣскольکو дней. До сихъ поръ показываютъ любопытнымъ домъ, гдѣ Онъ жилъ. Этотъ домъ лежитъ на Виленской улицѣ, и принадлежитъ помѣщику Маковецкому. Карлъ XII, шествуя къ гибели своей, подѣ Полтаву, несправлялся здѣсь чрезъ Дибпръ, 5-го Августа 1708 года. Наконецъ здѣсь была главная квартира Наполеона. — Во время путешествія Императрицы Екатерины II, съ Императоромъ Іосифомъ, въ Крымъ, Августѣйшіе Путешественники присутствовали

при заложеніи Православнаго Собора, на Шкловской улицѣ, который освященъ во имя Св. Іосифа. Между стариками сохранилась еще память о пребываніи здѣсь Князя Потемкина-Таврическаго: онъ жилъ въ Могилевѣ съ пышностью, о которой разсказываютъ чудеса.

Климатъ здѣсь прекрасный, здоровый и пріятный. Здѣсь, такъ сказать, переливъ южной полосы Россіи въ среднюю. Вся дѣревья растутъ здѣсь великолѣпно, сочно и притомъ долговѣчны. Жители любятъ садоводство. Плоды чрезвычайно вкусны и произрастаютъ въ изобиліи. Въ Дибпрѣ много рыбы. Здѣсь ловятся осетры, а иногда и стерляди. Особенно вкусная рыба *вырѣзубъ* (по здѣшнему *впрозубъ*), которая водится только въ системѣ водъ, впадающихъ въ Черное Море. Рыба эта имѣетъ клыки, похожіе на человѣческіе зубы. Почва, какъ я уже выше сказалъ, чрезвычайно плодородная, въ большей части губерніи. Дибпръ споспѣшествуетъ торговлѣ. Могилевская губернія

можетъ быть одною изъ богатѣйшихъ, а Могилевъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ городовъ въ Россіи. — Здѣшніе мыщане искусно выдѣлываютъ кожи, которыя развозятся далеко по ярмаркамъ. Могилевская юфть, подошвы и опойки славятся прочностью. О торговлѣ должно то же сказать, что было говорено выше, о Витебскѣ. Лавки наполнены произведеніями Московскихъ фабрикъ.

Было время, что въ Могилевѣ жили чрезвычайно весело, когда богатое дворянство съѣзжалось на зиму для того только, чтобъ пожить. Теперь въ городѣ живутъ только чиновники и дворяне, служащіе по выборамъ. Могилевское дворянство изстари славилось гостепрѣимствомъ. Добродѣтель эта и теперь процвѣтаетъ во всей силѣ. Иноплеменники думаютъ, что наше Славянское гостепрѣимство состоитъ въ томъ только, чтобъ накормить и напоить гостя. Неправда! На это у насъ есть особенное выраженіе — *хлѣбосольство*. Гостепрѣимство есть искусство принять гостя, быть съ нимъ любезнымъ, доставить ему всѣ пріятности се-

мейныя и, такъ сказать, привязать его къ семьѣ хозяина, къ его дому. Для этого необходимы въ хозяйкѣ и въ хозяинѣ радушіе, откровенность, веселость, образованность, и все это есть съ избыткомъ въ высшемъ Бѣлорусскомъ дворянствѣ. Въ Петербургѣ и въ Литвѣ многіе ошибаются на счетъ Бѣлорусскаго дворянства, думая, что оно предано лѣбдѣ. Это лзва, которою страдаетъ мелкое дворянство въ Бѣлоруссіи, въ Малороссіи и въ Литвѣ, лзва, порожденная Литовскимъ Статутомъ, которому вѣчную память отпѣли уже въ Бѣлоруссіи, къ радости всѣхъ благомыслящихъ людей. Аккораты, кондеминаты, аксесорійные и суммарійные регистры продолжали тяжбы до безконечности, и питали цѣлые рои адвокатовъ и дѣльцевъ. Я знаю случай, что два помѣщика тягались *двадцать лтъ* изъ того только, чтобъ узнать, изъ аксесорійнаго ли или изъ суммарійнаго регистра *пагати* тяжбу! — Но высшее дворянство не только не было причастно лѣбдѣ, напротивъ, само страдало отъ лѣбдниковъ. Кромѣ туземнаго дворянства, здѣсь

много Русскихъ фамилій, Графы Толстые, Графы Салтыковы, Князья Мещерскіе, Нарышкины, Черемисиновы и проч. и проч. Вообще здѣсь Русскій тонъ хорошаго общества и образъ жизни полурусскій и полупольскій. Русскій языкъ во всеобщемъ употребленіи.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Могилева лежитъ родовое имѣніе героя нашего времени, Графа Паскевича-Эриванскаго Князя Варшавскаго, гдѣ онъ родился и провелъ годы дѣтства. Здѣсь объ немъ говорятъ съ восторгомъ. Онъ истинный отецъ для своихъ крестьянъ и памятникъ на всѣ прежнія связи. Всѣ пожилые почтенные люди радуются счастьемъ героя, какъ счастьемъ собственныхъ дѣтей.

Почитаю неприличнымъ публично хвалить высшихъ чиновниковъ, но не могу удержаться, чтобъ не сказать, что Могилевская губернія почитаетъ себя теперь счастливою. Правосудіе и ласковость, гоненіе зла и уваженіе къ добру — вотъ все, чего люди тре-

буютъ. Все это есть здѣсь теперь. Особенно поразили меня чрезвычайное уваженіе и преданность всѣхъ сословій, и даже Католиковъ, къ здѣшнему Архипастырю. Во время архіерейскаго служенія и въ праздники высшее дворянство, Русскіе и Католики, спѣшать въ Русскую церковь, и потомъ, съ изъявленіемъ уваженія, въ домъ къ Преосвященному, единственно изъ любви къ нему. Многіе Уніаты обратились къ Православію изъ уваженія къ нему. Не могу безъ умиленія, вспомнить о счастливыхъ минутахъ проведенныхъ мною въ его поучительной бесѣдѣ. Это олицетворенная кротость! Ничто такъ сильно и такъ благотельно не дѣйствуетъ на умы и на сердца въ странѣ иновѣрческой, какъ высшее духовенство, которое есть истинный представитель господствующаго народа. Въ Бѣлоруссіи любятъ и уважаютъ Русскихъ. У Его Высокопреосвященства видѣлъ я весьма важныя и рѣдкія печатныя книги, рукописи, относящіяся къ Исторіи Уніи и вообще къ Исторіи Бѣлорусскаго края.

Вмѣстѣ съ любимымъ и уважаемымъ начальникомъ губерніи ѣздилъ я къ *Пипенбергу*, посмотрѣть одно изъ занимательнѣйшихъ заведеній, а именно женскій пансіонъ, содержимый Г-жею Савичъ. — Пипенбергъ, дача на берегу Днѣпра, находится въ пяти верстахъ за городомъ, въ самомъ очаровательномъ положеніи; построена была бывшимъ здѣшнимъ Генералъ-Губернаторомъ Пассекомъ, а послѣ принадлежала извѣстному здѣсь Ячиппу (сыну знаменитаго откупщика Потемкинскихъ временъ), который подарилъ дачу главной квартирѣ Русской арміи. Государь Императоръ, покровительствуя все благое, позволилъ Г-жѣ Савичъ помѣстить здѣсь ея пансіонъ, заслуживающій вниманіе и даже удивленіе во всѣхъ отношеніяхъ. Г-жа Савичъ, видя совершенный недостатокъ средствъ для образованія дѣвицъ небогатыхъ родителей, изъ чистаго патріотизма завела пансіонъ, въ которомъ дѣвицы за *триста рублей ассигнаціями* въ годъ, обучаются всему тому, чему обучаютъ въ другихъ мѣстахъ за нѣсколько тысячъ

рублей, и содержатся съ необыкновеннымъ попеченіемъ. Дѣти обучаются танцамъ, языкамъ Французскому, Нѣмецкому, Русскому, Исторіи, Географіи, Арифметикѣ, рисованію, женскимъ рукодѣліямъ. — Комнаты чистыя, садъ обширный, столъ здоровый и вкусный. Для пристрастнаго есть гувернантки. Но сама почтенная Г-жа Савичъ, какъ нѣжная мать, неустойчива въ надзорѣ и въ преподаваніи наукъ. Къ чести учителей здѣшней Гимназіи должно сказать, что многіе изъ нихъ обязались *бездѣлжно* преподавать уроки въ пансіонѣ, который пользуется всеобщою довѣренностью, и, очевидно, единственно для общей пользы. Воспитавши здѣсь всего до семидесяти, и между ними нѣсколько пансіонерокъ Государыни Императрицы и Высочайшей Фамиліи. При мнѣ происходилъ экзаменъ, и я не могъ надивиться познаніямъ воспитавшицъ, хорошей методѣ ученія и вообще всему заведенію.

Я имѣлъ случай узнать нѣсколькихъ учителей здѣшней Гимназіи. Судя по тому,

какіе были учителя Гимназій въ провинціи, (особенно въ Бѣлоруссіи), за двадцать пять лѣтъ предъ симъ, и какіе теперь, можно заключить, какими исполнскими шагами двинулась Россія на поприщъ просвѣщенія. Я нашелъ молодыхъ людей ученыхъ и образованныхъ, которые могли бы вездѣ занять профессорскія кафедры. — Съ удовольствіемъ вспоминаю о преподавателяхъ Русской и Латинской Литературы. По несчастію, здѣсь чрезвычайно ощутителенъ недостатокъ въ Русскихъ книгахъ, по недостатку средствъ. Удивительно, что здѣсь принуждены читать *Телескопъ* и *Молеу*! Какое понятіе юноши получаютъ о Русской Словесности, о достоинствѣ авторскомъ, изъ этихъ двухъ журналовъ, наполненныхъ, отъ доски до доски, бранью, неумѣстными выходками, насмѣшками, грубостями и личностями противу писателей не *Телескопскаго прихода*! Душевно сожалѣемъ о юношахъ и ихъ наставникахъ!

Въ Могилевѣ одинъ Нѣмецкій трактиръ, въ которомъ останавливаются всѣ путе-

шественники. Содержатель Нѣмецъ, Г-нъ Штанге, человѣкъ услужливый, а поваръ его, Русскій, учился у знаменитаго Верн. Въ одно время со мной жилъ извѣстный Московскій гастрономъ Г. И. Ѳ. Т., и былъ совершенно доволенъ столомъ; следовательно, мнѣ остается только провозгласить славу Г-на Штанге, и не на шутку, потому что хорошій трактиръ у насъ, такъ же важенъ, какъ колодезь въ пустыняхъ Аравійскихъ.

Проживъ недѣли двѣ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ, въ кругу добрыхъ, умныхъ и образованныхъ людей, и милыхъ, умныхъ Русскихъ дамъ, въ замужествѣ за Поляками, и въ кругу любезныхъ, веселыхъ Полекъ, я выѣхалъ изъ Могилева въ уѣзды *Климовецкій* и *Мстиславскій*. Объ уѣздныхъ городахъ *Чуриковъ* и *Чаусахъ* не скажу ничего, кромѣ того, что они обширны какъ Марсель и Ліонъ, хотя малолюднѣ одной Ліонской улицы, грязнѣ жидовской чернилицы, и разбросаны архитекторомъ, какъ будто здѣсь былъ ураганъ южныхъ морей. Климовичи замѣча-

тельны тѣмъ, что если Парижъ, Лондонъ и Петербургъ суть *первые города* въ Европѣ, то Климовичи есть *последній* городъ въ мірѣ, слѣдовательно *весьма важенъ* въ Географіи. Въ Климовичахъ нѣтъ даже ни одной церкви! Это просто жидовская деревушка, состоящая изъ двухъсотъ бѣдныхъ хижинъ и одной порядочной корчмы, единственнаго прибѣжища странниковъ и чиновниковъ, обитавшихъ жить здѣсь. Для присутственныхъ мѣстъ выстроены два каменные дома, въ полѣ, которое названо *площадью*. Другая, такъ называемая, *площадь*, есть не что иное какъ *болото* съ пнями и кочками. Зимой здѣсь разгуливаютъ волки, а лѣтомъ зайцы и лисы, единственные *променеры* въ городѣ Климовичахъ! Здѣсь нѣтъ ни лавокъ, ни товаровъ, ни мастеровыхъ. Все, что нужно, покупается въ частныхъ городишкахъ *Костюковичахъ*, гдѣ даже уѣздная школа, и въ *Кричевѣ*. Въ семъ последнемъ городѣ предполагалось учредить уѣздъ, но онъ подаренъ былъ Князю Потемкину-Таврическому, который продалъ его здѣшнему помѣщику Голыинско-

му. Кричевъ порядочный городокъ, на высокомъ берегу рѣки Сожи; торгуетъ съ Малороссіей и съ Ригой льномъ и пенькой. Покойный Внк. Иван. Голыинскій построилъ здѣсь великолѣпный, обширный домъ, богато меблировалъ его, собирався здѣсь жить, и умеръ, не выдавъ его! — Здѣсь толкуютъ, что городъ назывался въ древности *Кривичевъ*, и былъ столицей *Кривичей*. На берегу рѣки видны курганы, или древнія городища. Здѣсь было поселеніе Славянъ въ языческія времена. Это неоспоримо.

Послѣ Чирикова, Чаусъ, Климовичей, Кричева и всѣхъ вообще Бѣлорусскихъ городовъ, въ томъ числѣ и Полоцка, (исключая только Витебскъ и Могилевъ) Мстиславъ оказался мнѣ столицей! — Здѣсь три каменные и четыре деревянные церкви, семь каменныхъ и 600 деревянныхъ домовъ и до 4,600 жителей обоего пола. Много красивыхъ домиковъ, особенно на площади; новый соборъ великолѣпнѣе; Католическіе костелы превосходной, и, такъ сказать, не-

наглядной архитектуры; порядочныя лавки и вообще много жизни и движенія въ городѣ, въ которомъ много Русскихъ торговцевъ. Здѣсь даже есть аптека, и прекрасная! Это болѣе нежели удивительно. Городъ лежитъ на крутомъ берегу рѣки *Вехри*. Со стороны рѣки, видъ на городъ прелестный. До сихъ поръ сохранились остатки земляного вала, которымъ обнесенъ былъ городъ.

Мстиславъ весьма древній городъ. Въ Россіи было *пять* Князей Мстиславовъ, но вѣроятно, что этотъ городъ построенъ Княземъ Романомъ Смоленскимъ, около 1180 года, и названъ по имени сына его, Мстислава, которому былъ назначенъ въ удѣлъ. Въ 1359 году, Ольгердъ, В. К. Литовскій, завоевалъ Мстиславъ, и отдалъ сыну своему Скиригайлу, котораго сынъ Юрій принялъ названіе Князя Мстиславскаго. Потомъ Княженіе перешло Князю Михайлу Ивановичу Чаславскому, въ приданое, за дочьрю Юрія, Ульяною. Въ 1450, Литовскій Князь Казимиръ Ягелло отдалъ Княженіе ушед-

шему изъ Новгорода, Князю Юрію Семеновичу Лугвеневу, который владѣлъ имъ недолго. Въ 1446 году, Княженіе отдано было Князю Василию Ярославичу, бѣжавшему въ Польшу изъ Москвы, по ослабленіи Шемякою Московскаго Князя Василья Васильевича, прозваннаго *Темнымъ*. Въ 1514 году, во время опустошенія Русскими всей страны, Князь Феодоръ Михайловичъ Мстиславскій поддался Московскому Великому Князю, въ 1526 году, но вскоре присталъ снова къ Польшѣ. Въ 1569 году, Княжество Мстиславское переименовано было въ Воеводство, и оставалось въ такомъ положеніи до присоединенія его къ Россіи.

Въ Мстиславѣ замѣчательнъ *Кармелитанскій* монастырь (нынѣ упраздненный) считающій 600 лѣтъ своего существованія. На стѣнахъ его изображены, аль-фреско бывшіе въ разныя времена приступы къ замку и битвы, также казни монаховъ, во время войны, сохранившей въ народномъ преданіи прозваніе *Трубецкой войны*. Война

эта была въ 1386 году. Князь Смоленской, Святополкъ, и Князь Трубецкой, Вигундъ, разоряли страну, жгли селенія и убивали жителей. Знаменитый Витовтъ, В. К. Литовскій, послѣдшилъ на помощь странѣ, разбилъ непріятелей, Святослава убилъ, а Вигунда (брата Ягелла) взялъ въ плѣнъ.

Не доѣзжая до Мстиславля осматривалъ я Уніятскій монастырь Св. Онуфрія, и видѣлъ древній портретъ Князя Симеона Ольгердовича, писанный въ 1407 году. — Въ бывинѣ Мстиславскомъ Воеводствѣ заключень, въ селеніи *Андрусовъ*, извѣстный пятнадцатилѣтній миръ между Россією и Польшею, въ 1667 году.

Мстиславль былъ цѣлью моего путешествія: отсюда отправился я въ обратный путь, въ Дерптъ, тѣмъ же путемъ. Все, что изъ видѣннаго и ощущаемаго мною можно было высказать, я высказалъ моимъ читателямъ.

Теперь, для любителей положительныхъ

истинъ, для любителей Статистики, сообщу извѣстія, собранныя мною на мѣстѣ, за вѣрность которыхъ смѣло ручаюсь, хотя числа, разумеется, только приблизительны, какъ во всѣхъ Статистикахъ.

Могилевская губернія.

Городовъ уѣздныхъ и губернскій 12. Мѣстечекъ и слободъ 3,591. Сель и деревень 4,787. Всего заселенныхъ мѣстъ 8390. Всего народонаселенія (безъ войска) 350,024 человека. Въ томъ числѣ казенныхъ крестьянъ и вольныхъ хлѣбопашцевъ 17,814, удѣльныхъ 717, помѣщичьихъ и духовныхъ 243,276. Всей земли въ губерніи 4,244,426 десятинахъ. Въ томъ числѣ пахатной около 1,700,000 десятинъ, сѣнокосной около 200,000 десятинъ, подъ лѣсами около 1,869,855 десятинъ. Доходовъ должна получать казна, если бы не было недоимокъ, 2,593,277 рублей. Церквей каменныхъ 84, деревянныхъ 700, монастырей (съ 23 упраздненными Католическими) 45, часовень 4, всего 833. Въ томъ

числѣ Лютеранскихъ церквей 2. Католическихъ 57, каплицъ (т. е. часовень) и домовыхъ Католическихъ церквей 145, Сверхъ того, раскольниковыхъ молельнъ 43, Еврейскихъ синагогъ 170, учебныхъ заведеній: Гимназія 1, Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищъ 15, въ нихъ обучающихся до 1000 человекъ. Богоугодныхъ заведеній: въ губернскомъ городѣ, больницъ 2, для помѣщенія 65 человекъ; для неизлечимыхъ и ума лишенныхъ больницъ 2, въ конхъ помѣщается двадцать человекъ. Въ уѣздныхъ городахъ 20 больницъ. Богадельнъ, въ губернскомъ городѣ 2, для призрѣнія 165 человекъ; въ уѣздныхъ городахъ 4 богадельни, для призрѣнія 42 человекъ. Въ Могилевской губерніи находится фабрикъ: суконныхъ 2, полотняныхъ 4, парусинныхъ 2. Заводовъ: стеклянныхъ 6, мѣдныхъ 4, свѣчныхъ 5, винокуренныхъ 560. Сумма, выручаемая отъ фабричной промышленности, простирается *при-
мѣрно* до 150,000 рублей, Главныя произведенія земли: пенька, ленъ, конопляное масло, льняное семя, воскъ, медъ, и строе-

вой лѣсъ. Товары отправляются къ Рижскому, С. Петербургскому, Копенгагенскому портамъ и къ портамъ Чернаго Моря, чрезъ Одессу. Медъ и воскъ покупаются на мѣсть Русскими торговцами. Фабричныя произведенія развозятся по ярмаркамъ. Почтовыхъ станцій всего 45, и на нихъ лошадей 1053.

Витебская губернія.

Городовъ уѣздныхъ и губернской 12. Мѣстечекъ и слободъ 43. Сель и деревень 14,298; заселенныхъ мѣсть вообще 14,353. Всего народонаселенія, безъ войска, 7-й ревизіи: 598,882 человекъ. Въ томъ числѣ помѣщичьихъ крестьянъ, мужескаго пола 198,011, жен. 214,173, всего 412,184 душъ.—Казенныхъ обоюго пола: 66,578 душъ. Удѣльныхъ обоюго пола: 3,557 душъ. Крестьянъ обоюго пола, принадлежащихъ духовнымъ, 30,734 души. Вольныхъ хлѣбопашцевъ 257 душъ. Пандырныхъ Бояръ (*): 30,734.

* Свободные хлѣбопашцы, которые были обязаны въ древней Польшѣ нести военную службу, и быть на посылахъ у правительственныхъ мѣсть, отправлять курьеровъ и проч.

Всей земли въ губерніи 4,006,925 десятинъ и 1,922 сажени. Въ томъ числѣ пахатной 1,726,737 десятинъ; подъ сѣнокосами 150,255; подъ лѣсами около 2,250,000 десятинъ. Доходовъ съ губерніи должна была бы получать казна, если бъ не было недоимокъ, 2,539,399 руб. Церквей Грекороссійскихъ: Уніятскихъ, Католическихъ и Евангелическихъ 446; монастырей, мужескихъ 10, женскихъ 6. Старобрядскихъ молеень 41, часовень и капищъ 258. Еврейскихъ синагогъ 62. Учебныя заведенія: Духовная Семинарія 1, учащихся 170 человекъ. Свѣтскихъ: Гимназій 2, Уѣздныхъ и Приходскихъ Училищъ 12, обучающихся всего 882 человекъ. Частныхъ женскихъ пансіоновъ 7, обучающихся дѣвицъ 175.—Больницъ въ губерніи 10, въ нихъ призрѣвается 443 человекъ. Богадѣльня 1, въ ней призрѣвается 229 человекъ. Частныхъ богадѣленъ 27, въ нихъ призрѣвается 204 человекъ. Аптекъ въ губерніи 10. Заводовъ въ губерніи, винокуренныхъ 595, пивоваренный 1, медоваренный 1, стеклянный 1, кожевенный 1, свѣчныхъ 7, маслбойный 1, изразцовыхъ

3, кирпичныхъ 43, поташныхъ 3, сахарный 1. Фабрикъ, суконная 1, шерстепрядильныхъ 3, полотняная 1, канатныхъ 7.—Главное произведеніе *пенька*, которая теперь, отъ истощенія земли и недостатка въ удобреніи, родится весьма плохо.

Изъ приведенныхъ приблизительныхъ чиселъ можно видѣть, что сѣнокосовъ *весьма мало* въ обѣихъ губерніяхъ, въ сравненіи съ пахатною землею, слѣдовательно: *винокуреніе* есть *необходимость* въ тѣхъ странахъ, ибо безъ него невозможно прокормить зимою скота, для удобренія пашни. Кормовыя же травы, въ большомъ количествѣ, снять можно только при усиленномъ хозяйствѣ на тучныхъ земляхъ, имѣя множество рабочихъ рукъ. На заведеніе искусственныхъ луговъ надобно много труда, времени и опытовъ.

Бѣлорусскій крестьянинъ, какъ я уже выше сказалъ, ниже всѣхъ Славянскихъ племенъ образованностью и бѣднѣе всѣхъ жителей Россіи. О причинахъ говорить не-

чего: онъ всѣмъ извѣстенъ. Теперь сдѣланъ шагъ къ улучшенію ихъ состоянія, запрещеніемъ Жидамъ жить по деревнямъ. Правительство печется теперь объ уничтоженіи другихъ препятствій къ благоденствію поселянина. Будемъ надѣяться на Бога и на Царя! Все идетъ теперь къ лучшему. Вирочемъ, не взирая на нищету и невѣжество, Бѣлорусскій крестьянинъ *добродушенъ до крайности*. Никогда не покусится онъ на убійство или на большое воровство. Украсть ремешекъ, возжи, мѣшокъ, вотъ его дѣло. Вспомнивъ, до какого состоянія довели его Жида, нельзя не подивиться этой врожденной добротѣ нашего Славянскаго племени.

Въ заключеніе скажу, что я душевно убѣжденъ въ томъ, что Бѣлоруссія можетъ быть богатою страной, имѣя множество большихъ рѣкъ, много лѣсовъ и большую часть земли плодородной, требующей только удобренія. Но физическія средства ничтожны безъ нравственной силы. Надобно просвѣщенія, просвѣщенія и просвѣщенія!—

Просвѣщеніе породить фабричную и мануфактурную дѣятельность, улучшить земледѣліе, откроетъ новые пути торговли, и, облагородивъ человека, исторгнетъ его изъ постыднаго усыпленія. Безъ просвѣщенія, всѣ начинанія, всѣ планы къ улучшенію, всѣ благодѣтельные мѣры не принесутъ ожидаемой пользы, ибо, *во-первыхъ*, надобно, чтобъ человекъ *понималъ* добро, а *во-вторыхъ*, чтобъ *умѣлъ исполнить* благое предначертаніе. Молю Господа, да удѣлитъ Бѣлоруссіи десятую долю Лифляндскаго порядка, просвѣщенія, бережливости и хозяйственности, а взаимно Лифляндіи ниспослетъ хотя сотую долю Бѣлорусскаго радушія и гостепріимства.

— № II. —

РЕВЕЛЬ ЛѢТОМЪ.

1835 года.

Если вы не видали иностранныхъ городовъ, времянь Ганзы и Феодализма, то не только не можете читать съ пріятностью Исторіи Среднихъ Вѣковъ, но даже романовъ Вальтера-Скотта. А какъ теперь мода на все готическое, на все рыцарское, отъ браслетовъ дамскихъ до Литературы, то я вамъ совѣтую съѣздить въ Ревель, и полю-

боваться этимъ древнимъ рыцарскимъ и Ганзейскимъ гнѣздышкомъ, чудесно уцѣлѣвшимъ во время жестокихъ сѣверныхъ бурь. Вы насладитесь не только видомъ живой картины древности, но и свѣжимъ, очаровательнымъ ландшафтомъ Природы, подышите чистымъ, здоровымъ морскимъ воздухомъ, укрѣпите нервы въ морскихъ волнахъ, и, главное, отдохнете отъ дѣлъ, отъ заботъ, отъ хлопотъ житейскихъ, потому что человеку дѣловому, заботливому нельзя иначе отдохнуть, какъ удалившись, на время, отъ поприща своей дѣятельности. Проживъ лѣто въ Ревель, вы скажете мнѣ: *спасибо!*

Говоря о Ревель, я не стану утомлять васъ ни археологическими тяжеловѣсными поясненіями, ни скучными, и всегда непонятными описаніями Природы. Для исторіи и древностей Ревеля совѣтую вамъ записаться основательною книгою *. Что же ка-

* Manuel Guide de Reval et des environs Orné de vues, 1833.

сается до Природы, то для наслажденія ею рекомендую вамъ собственные глаза ваши и собственное ваше сердце. Съ Природы, какъ съ *милой* жепщины, невозможно снять похологаго портрета. Надобно ее видѣть и говорить съ нею. А Природа, какъ вамъ извѣстно изъ разсказовъ поэтовъ, премило разговариваетъ шумомъ рошей, журчаніемъ ручьевъ, и даже чудесно поетъ бурами и кипѣньемъ моря. Все это вы услышите въ Ревель, и сверхъ того, увидите Природу въ такихъ прелестныхъ нарядахъ, какихъ она не надѣваетъ даже въ Петергофъ и Парголоу. О Петербургскихъ островахъ и любимой вашей *Черной Ривьѣ* — ни слова! Все прекрасно — но не по мнѣ. И въ красавицъ и въ Природу я люблю немножко дикости. Излишняя ученость и излишняя искусственность подавляютъ воображеніе и холодятъ сердце. Людямъ, живущимъ непрерывно въ толпѣ людей, зависящимъ отъ людей, не нужно вовсе ни воображенія, ни сердца, а надобны только умъ и знаніе общечитія. Но человекъ, живущій въ уединеніи,

пропалъ бы безъ воображенія и безъ сердца! Вѣрно, что каждому чувствительному существу нужно *хоть кратковременное уединеніе*, какъ настройка музыкальному инструменту. И такъ снова приглашаю васъ въ Ревель, на лѣто!

Но о чемъ же мнѣ говорить съ вами, исключивъ древности и видоописаніе изъ моего разсказа? Ужели о медицинѣ, по *слухамъ* морскихъ купалень? — Сохрани Боже! — Я боюсь медицины, болѣе нежели болѣзни, боюсь какъ *Раи* боятся Паша, а между тѣмъ, почти всегда непослушенъ ей, и даже пытаюсь обманывать ее. Мы поговоримъ съ вами такъ, кой о чемъ, о моихъ впечатлѣніяхъ, ощущеніяхъ и объ мысляхъ... Нѣтъ... Я ѣздилъ въ Ревель не затѣмъ, чтобъ мыслить! Я размышляю дома, наединѣ, въ моемъ рабочемъ уголкѣ, и размышляю *про себя*. Вѣдь какъ станешь думать вслухъ, такъ иногда и нездоровится. Это, извольте видѣть, препятствуетъ пищеваренію, и притомъ не всѣмъ нравится, потому именно, что

каждый, и мыслящій и не мыслящій, имѣеть свой образъ мыслей, и почитаетъ его лучшимъ. Для-того и выдумана, на Руси, поговорка: «всякій Еремей про себя разумѣй.»

Почтенные господа геологи! скажите мнѣ, какимъ земнымъ или планетнымъ переворотамъ набросало на здѣшнемъ морскомъ берегу эту ужасную громаду плитняка? Ужели это случилось предъ потопомъ или во время всемірнаго потѣпа! Не знаю, какъ это сдѣлалось, но вижу, что земля здѣсь наежилась плитнякомъ не по добру. Ужъ вѣрно ее сковеркало здѣсь въ лихую годину! Почти вся Эстляндія устлана плитою, такъ, что во многихъ мѣстахъ едва на четверть аршина земли, а здѣсь, на берегу морскомъ, вдругъ эта плита накинута въ массу, горой, которая съ одной стороны почти отвѣсна. И на этой-то грудѣ плиты люди выстроили, изъ плиты же, городъ Ревель, еще въ XIII вѣкѣ, (по показаніямъ слѣпой Исторіи), обнесли городъ высокою и толстою стѣною, съ высокими башнями, и стали жить да поживать кое-какъ, безъ вели-

кой мудрости и безъ большихъ прихотей. Люди эти, т. е. первые жители и строители Ревеля, были туземцы, полудикіе Эстонцы, и, господа ихъ, пришлецы, полуварвары Датчане. Для заведенія порядка и всякаго добра они *выписали изъ-за моря*, изъ Любска и Бремена, Нѣмцевъ, народъ умный, торговый и промышленный, и съ тѣхъ поръ Ревель сдѣлался Ганзеатическимъ городомъ, торговымъ и богатымъ. Присемъ должно замѣтить, что ни одинъ городъ не можетъ построиться, и ни одна страна не можетъ образоваться безъ Нѣмцевъ. Примѣръ: Россія и Америка. Нѣмцы въ гражданской жизни нужны какъ часы, какъ вѣсы, какъ аршинъ... и... какъ совѣсть! Да, какъ совѣсть! Воля ваша, а съ Нѣмцами жить, если не слишкомъ весело, за то покойно и безопасно. И такъ, Нѣмцы доставили Ревелю богатство и ничто, въ родѣ образованности. Но при богатствѣ надобно быть или чрезвычайно сильнымъ, или весьма хитрымъ, особенно имѣя бѣдныхъ и храбрыхъ соседей. А какъ Ревель былъ не силенъ и не

весьма хитеръ, то и попался въ лапы Ливонскому Ордену. Долгое время кущи спорили съ рыцарями, храбрились, дрались даже, и, получивъ право свободнаго управленія въ городѣ, осмѣливались иногда прижимать рыцарей, при удобномъ случаѣ. Такимъ образомъ Гг. Бургмистры и Ратсгеры отрубали, своимъ судомъ, голову на плахѣ, одному изъ господъ рыцарей (Иксулю). Но рыцари за эту кровавую обиду стали жестоко надѣдаться почтеннымъ Ревельскимъ биргерамъ, а наконецъ, поссорились съ Гермейстерами, съ Рижскими Епископами и съ кѣмъ только можно ссориться. Когда же Ливонскій Орденъ ослабѣлъ и не могъ защищать Ревеля и Эстляндіи ни отъ Русскихъ, ни отъ Поляковъ, тогда биргеры и рыцари помирились со всей Эстляндіей, и поддались Швеціи, которая владѣла ими до тѣхъ поръ, пока исполниская Россія не протянулась, проснувшись, и не заняла, плечкомъ, всей Лифляндіи, Эстляндіи и проч. и проч. Тутъ кончилась вся Исторія— и слава Богу! Жаль только, что при совер-

шенномъ измѣненіи Европейской Географіи и Политики переимѣнились все торговые пути. Первенство на Сѣверъ осталось за Ригой и Петербургомъ, а Ревелю досталось въ удѣлъ торговать, почти, одной салакушкой! За то въ Ревель превосходный военный портъ, да и какъ чудесно построенъ! Стѣною опоясана часть моря. На морѣ подланы отдѣльныя укрѣпленія. На берегу строятся теперь огромныя блокгаузы, изъ плиты, въ родѣ замковъ. Попадись сюда незванный гость — бѣда! Изъ корабля сдѣлають рѣшето. Да ужъ вѣрно никто сюда и не сунется. Пожиться здѣсь нечѣмъ, развѣ плитой, а того и гляди, что канешь на дно. Со всѣхъ сторонъ баттаренъ смотреть, надувшись, въ море. — Какъ гаркнуть — такъ и adieu!

На гавань и въ море смотрѣлъ я изъ долины, которая съ правой стороны оканчивается крутымъ и высокимъ берегомъ плоской возвышенности, называемой Лаксбергомъ, а съ другой утесами, на которыхъ построенъ Ревель. Эта долина заселена, за-

строена дачами, слободами и Царским дворцем Екатериненталемъ, отъ котораго и получила названіе. — Дворецъ Екатерининтальскій не великъ, но очень милъ. Новые павильоны — прелесть. Садъ въ старомъ вкусь и славенъ огромными каштановыми деревьями и липовыми аллеями, посаженными во время Петра Великаго, и по Его повелѣнію. Видъ изъ дворца и изъ павильоновъ на городъ безндобный. Неподалеку отъ дворцоваго сада находится знаменитое заведеніе Г. Витта, садъ, нѣсколько домиковъ, чистенькихъ и миленькихъ, для найма, морскія купальни, теплыя и холодныя и, такъ называемая *зала* (salon). Въ этой залѣ бывають балы и концерты, въ лѣтнее время. Напротивъ заведенія Г. Витта лежитъ слобода, однимъ фасомъ къ морю, а другимъ къ дворцовому парку и каналу, или рѣчкѣ. Эта часть чрезвычайно напоминаетъ *Черную Рѣчку*, противъ Строгановскаго сада. Я нарочно прохаживался здѣсь, чтобъ вспомнить, какъ бывало ходилъ по берегу *Черной Рѣчки*, къ другу моему Г. — Во время этихъ прогу-

локъ, я переносился мыслію въ прошедшее и грустить, но грусть эта доставляла мнѣ наслажденіе, потому что тогда пробуждалось во мнѣ чувство, котораго не признають ни психологи, ни физиологи, ни въ насвѣтъ *логи*, чувство, называемое *память сердца*. Какъ сладко жить на свѣтѣ, когда знаешь и увѣренъ, что тебя любятъ нѣсколько умныхъ и благородныхъ, чистыхъ сердцемъ и душою людей, и когда самъ ихъ любишь пламенно! Я испыталъ этотъ рай на землѣ. Благодарю Творца моего, и хоть теперь готовъ лечь въ могилу! Я живъ.

Идя изъ слободы въ городъ, вы проходите мимо прекрасной дачи здѣшняго купца Мартинсена, построенной во вкусь Петербургскихъ дачъ. На этой дачѣ есть такіа чудесныя произведенія Природы, для которыхъ стоило бы Карлу Брюлову прѣхать изъ Италіи въ Ревель, чтобъ списать ихъ своею волшебною кистью. Я видалъ эти чудесныя произведенія Природы *на балѣ*, въ залѣ Г. Витта теперь вы понимаете, что это такое тсъ! Ни словечка!

Ну, вотъ входите въ Нарвское предместье, лежащее также въ долину, у подножія города, при гласисъ крѣпости. Главная улица широкая, мощеная (т. е. предурно) и преважная. Это здѣшній Сень-Жерменъ, разумѣется лѣтомъ; здѣсь живутъ знатные и незнатные, но богатые посѣтители морскихъ куналенъ, по большой части, всегдашніе Петербургскіе жители. Здѣсь, у воротъ скромныхъ домиковъ, вы видите швейцаровъ лакеевъ въ ливреѣ, богатые экипажи, а въ окнахъ цвѣты, блондовые ченцы, модныя Петербургскія шляпки, Турецкія шали. Въ воздухѣ раздаются звуки Французскаго языка, который, въ Остзейскихъ провинціяхъ, употребляется только въ дѣвчечьихъ пансіонахъ и въ сношеніяхъ съ Русскими, *comme il faut*. — Въ другое время, на этой улицѣ на васъ бросаются большія собаки, дворняжки, а теперь съ тоненькимъ лаемъ, кусаютъ васъ за ноги премиленькія собаченки, болонки, карлики, вскормленныя цыплятами и рыбчиками. Изъ оконъ повѣваетъ ароматомъ.... идѣ слышны звуки арфы, фортепіана, раздается арія

Мейербера, Россини, Беллини.... Здѣсь высшій кругъ общества, высшая образованность, утонченность.... А мы, бѣдные провинціалы, мы надуваемся, проходя по этой улицѣ, стараемся принять важный видъ, чтобъ показать, будто мы также что нибудь значимъ! — Конечно, и мы значимъ что нибудь на нашемъ картофельномъ полѣ, въ присутствіи, въ казначействѣ... т. е. мы значимъ много въ своей сферѣ — такъ и останемся въ ней. — Будь человекъ семи няней во лбу, онъ всегда смѣшонъ, когда хочетъ казаться не тѣмъ, что онъ есть, и когда лѣзетъ туда, гдѣ не стояла его колыбель. О мудрые наши брадатые праѣды! не вы ли сказали: *Знай свертокъ свой шестокъ!*

Что до меня касается, то я крѣпко держусь своего шестка, помня пословицу: *большому кораблю большое и плаванье*. Эту пословицу услыхалъ я, въ первый разъ, отъ преумнаго и пречестнаго Русскаго мужичка, или торговца, съ сѣдою бородою, который у меня покупалъ хлѣбъ, и обу-

сталъ меня, безденежно *Русской правительственной статистикѣ* и *Русской природной философіи*. Онъ мнѣ посоветовалъ также не изгонять изъ Русскаго языка словъ *сей, сія, сіе, оный, оное, опыл*. — «И, батюшка!» — сказалъ мнѣ добрый старикъ: «вѣдь какъ станемъ общипывать наше родное слово, какъ курицу, такъ чужіе люди зажарятъ его да и съѣдятъ, а намъ оставить однѣ косточки. Придетъ къ тому, что внуки наши не выразумѣютъ ни церковныя книгъ, ни Св. Писанія, ни царскихъ указовъ, ни того, что писали наши славные сочинители на хвалу нашей матери Россіи...» Спасибо тебѣ, добрый старикъ!

Углубясь въ *сихъ-то*, или въ *этихъ-то* размысленіяхъ, я шелъ чинно и смиренно по Нарвской улицѣ, къ своему скромному жилищу, также на Нарвскомъ предмѣстьѣ, но въ части, соответствующей Парижскому *Marais*. При самомъ гласисѣ, на морскомъ берегу, находится заведеніе морскихъ кучаленъ, съ квартирами, принадле-

жащее Г-жѣ Крауспе. Это заведеніе хотя не столь блистательно, какъ заведеніе Г. Витта, но также чисто, покойно и ближе къ морю. Одинъ Русскій поэтъ, теперь уже покойникъ, говаривалъ, что онъ предпочитаетъ ромъ винограднымъ винамъ, для того, что ромъ *ближе къ цѣли*. Ища воды, я по той же причинѣ помѣстился въ заведеніи Г-жи Крауспе, т. е. чтобы быть ближе къ цѣли, и не могу довольно нахвалиться услужливостью хозяйки, порядкомъ и чистотою въ ея заведеніи. Впрочемъ, хваля одно заведеніе, я не имѣю намѣренія унижать другое. Ласковость, вѣжливость, услужливость Г. Витта, и удобства его заведенія всѣмъ извѣстны и не требуютъ похвалъ. Кто жилъ однажды у него, всегда возвращается къ нему.

Право не знаю, совѣтовать ли вамъ прогуливаться пѣшкомъ по городу! Мостовая ужасная и притомъ неумытая и нечистая, какъ Чухонская дѣва, изъ окрестностей Верро. Прогуливаться въ экипажѣ

не только хуже, но почти невозможно. Исключая двухъ съ половиною улицъ, по которымъ можно разѣзжать, прочія улицы такъ узки, неровны, извилисты, что вы должны кружиться и лазить, какъ въ улитковой раковинѣ. Тѣсно, душно, грязно, темно — но прелестно для глазъ. Ей Богу, прелестно! Это то же, что Романтическая Литература. Все подвержено критикѣ, а иногда и справедливымъ упрекамъ, а между тѣмъ *цѣлое* занимательно и пріятно. Не будучи въ состояніи обознаться съ городомъ, расхаживая по улицамъ, съ утра до вечера, я взобрался, наконецъ на башню церкви Св. Олая, чтобъ обнять взоромъ все, и городъ, и окрестности. Съ избыткомъ былъ я награжденъ за этотъ трудъ.

Олайская башня занимаетъ, въ цѣломъ мірѣ, *четвертое* мѣсто по высотѣ своей. Церковь Св. Петра въ Римѣ имѣетъ 487 Парижскихъ футъ: высочайшая изъ Египетскихъ пирамидъ 448; соборъ, называемый *Миистеръ*, въ Страсбургѣ, 445, а

Олай въ Ревель 429 Парижскихъ футъ. Вы знаете, что шпиль и внутренность этой гигантской церкви сгорѣли отъ молнии, въ 1820 году. Теперь церковь возобновляется, и шпиль выведенъ по прежнему размѣру, но еще не обитъ мѣдью. *Eyola raha*. Лѣса, отъ основанія церкви до маковки шпица, устроены съ величайшимъ искусствомъ, прочностью и красотою. Кажется, будто башня заключена въ филагратовомъ футлярѣ. Я вошелъ туда, гдѣ кончится башня и начинается шпиль, и, какъ по балкону, расхаживалъ по подмосткамъ. Первая мысль моя вознеслась къ небу, а первый взоръ опустился на землю. Городъ, морской заливъ, окрестности, укрѣпленія гавани лежали предо мной, какъ игрушки на столѣ, какъ модель искусной работы. Люди, ходившіе по улицамъ, казались мнѣ не болѣе полуаршина. — Впрочемъ, если смотреть на людей снизу вверхъ, то они также малы. Велики только помыслы и дѣла великихъ мужей, которыхъ было и будетъ все-

гда *очень мало*. Не надувайтесь и не вытягивайтесь напрасно!

Долго, долго любовался я прелестными видами города и окрестностей, и наконецъ долженъ былъ сойти съ высоты. Неприятно спускаться! Это я чувствую теперь, и не удивляюсь, почему люди такъ плотно держатся на высокихъ мѣстахъ, и такъ неохотно съ нихъ сходить.

Если я васъ заманиваю на лѣто въ Ревель, то не подумайте, чтобъ я васъ заманивалъ на веселости, на забавы. Старожилы рассказываютъ, что *прежде* здѣсь было *очень весело*! И теперь еще забавляются разговорами о прежнемъ, но нѣтъ слѣду, ниже духу этого прежняго. Пріѣзжіе на воды живутъ въ своемъ кругѣ, и забавляются по-своему. Туземцы круты на знакомства, и точно такое же имѣютъ понятіе о Русскомъ гостепріимствѣ; какъ мы о составѣ Галлсевой кометы. Но во всякомъ дѣлѣ нѣтъ правила безъ исключенія. Вы найдете здѣсь два чудно гостепріимные дома: начальника губерніи и морска-

го Генерала Л. В. С.ф.р.ва. — Домъ Генерала истинно Русскій. Кто только былъ въ Ревель, тотъ унесетъ самое пріятное впечатлѣніе о радушіи хозяина и любезности его семейства. Почти всѣ прочіе дома закрыты наглухо для странника, хотя доступны семейнымъ и гражданскимъ добродѣтелямъ. Неподобно ни гнѣваться, ни обижаться: *Что городъ, то и порогъ*.

Въ залѣ Г. Витта бываютъ балы и концерты. Съ нѣкоторого времени завелась мода смотрѣть въ окна на балъ. За мѣста за окнами, на галереѣ, должно платить! Этотъ обычай ввели наши Петербургскія дамы, которымъ казалось *неприличнымъ* посѣщать *общественные балы*!! Это не въ Петербургскихъ нравахъ. Но иногда, условившись прежде, Петербургское общество съѣзжается на публичный балъ, и тогда бываетъ очень весело; потому что Петербургскія дамы чрезвычайно любезны и милы, какъ всѣмъ извѣстно. Жаль, что здѣсь вообще мало танцоровъ, особенно когда флотъ въ

морь. Танцоровъ изъ туземцевъ не видно. Половина юношества на службѣ Государевой, другая половина хозяйничаетъ, или приучается къ хозяйству. — Здѣсь есть Нѣмецкій театръ, оживляемый, иногда, привѣжными отличными артистами. Въ мое время не было привѣжныхъ талантовъ, а домогощенныхъ гениевъ я не ходилъ смотрѣть, изъ уваженія къ Германской Музѣ.

И такъ, помните хорошенько, что я зову васъ къ Ревель не на свѣтскія забавы, не на блистательныя собранія, не на торжество Талии и Мельпомены, не на веселые пиры, подслащенные любезностью свѣтскихъ женщинъ. Городъ Ревель, зимою и лѣтомъ, похожъ на древнее аббатство, съ семейными кельями. На него только надобно *смотреть*, и все прочее дорисовывать своимъ воображеніемъ. И такъ, я зову васъ на *декорации древности* и, какъ говорить поэты: на *пиръ Природы*. Все прочее привозите съ собою, т. е. вашу любезность, вашу живость, ваше остроуміе и об-

щежительность. Оставьте дома этикетъ, припужденность, три четверти свѣтскихъ приличій, и вы прекрасно и прелестно проживете лѣто въ Ревель. Осмотръ древнихъ Ревельскихъ церквей и старинныхъ зданій дастъ пищу вашему уму, а посѣщеніе прелестныхъ окрестностей усладитъ сердце и разсѣетъ мрачныя мысли, которыхъ сѣмена непременно таятся въ душѣ у каждаго, по выѣздѣ изъ столицы.

Изъ окрестностей первое мѣсто занимаетъ *Фаль*, вотчина Графа А. Х. Бенкендорфа. — *Фаль* вѣдали бы смотрѣть путешественники, если бѣ онъ лежалъ даже близъ Парижа, Лондона или Рима. Я не могу описывать *Фалл*. Это цѣлая поэма! Надобно быть Делилемъ, чтобъ поэтически описать это очаровательное мѣсто. Въ тридцати верстахъ отъ Ревеля, на берегу моря, былъ лѣсъ, лѣтъ за десять предъ симъ; въ лѣсу протекала между крутыми берегами рѣчка, низпадая съ скалы, образуя водопадъ и впадая въ море. Неподалеку отъ это-

го водопада была небольшая ветхая мыза — вот и все тутъ! Теперь на мѣстѣ ветхой мызы возвышается прелестный, хотя небольшой замокъ, въ готическомъ вкусѣ. Вокругъ хозяйственныя заведенія и зданія, премилой сельской архитектуры, также въ готическомъ родѣ; Православная церковь прелестнѣйшей отделки и архитектуры, Флигель для гостей, гостиница для прѣѣзжихъ и проч. Лѣсъ превращенъ въ паркъ, съ величайшимъ искусствомъ и вкусомъ. Холмы украсились храмами и бесѣдками; одна чугунная, въ воспоминаніе посѣщенія Росударя Императора и Августѣйшей Фамиліи. Дорожки проложены между луговъ, возвышеній и цвѣтниковъ. Вездѣ журчитъ ключевая вода, и течетъ въ рѣчку по поверхности земли и подъ землею. Вездѣ соблюдены правила перспективы, и все припоровлено къ тому, чтобъ ни одно мѣстоположеніе не закрывалось отъ взоровъ. Съ балкона замка, вы видите нѣсколько водопадъ и за нимъ рядъ готическихъ зданій. Передъ вами утесистые берега рѣчки, покрытые

лѣсомъ, и между деревьями, развалины и высокій холмъ, на которомъ легкая бесѣдка. Вправо, по теченію рѣки видно вдаль море, которое между лѣсомъ кажется гигантскимъ зеркаломъ, въ зеленыхъ рамкахъ. Между домомъ и моремъ лугъ, или бульваръ, блистающій цвѣтами. — При каждомъ измѣненіи солнечнаго свѣта, при каждомъ новомъ положеніи луны измѣняются очаровательные виды *Фалъ*, и каждый разъ, взоръ не можетъ насытиться; сердце не можетъ довольно насладиться. Природа и искусство, покоренныя, такъ сказать, изящнымъ вкусомъ, въ свою очередь порабощаютъ человека, одареннаго способностью чувствовать красоту и гармонию.

Кто только былъ въ Ревель, тотъ былъ въ *Фалъ*. Онъ доступенъ каждому и во всякое время. Почтенные хозяева простерли до такой степени свою снисходительность къ посѣтителямъ, что даже внутреннія комнаты замка можно видѣть въ каждую пору дня. Помѣщеніе не большое, но

уютное, какъ Англичане называютъ: comfortable. Это храмъ не богатства, но вкуса. Мебели и все устройство комнатъ соответствуютъ паружности замка. Окна, двери, столы, стулья, рамы картинъ, ширмы, словомъ, всё въ готическомъ вкусѣ, все отдѣлано съ величайшимъ искусствомъ и тщательностію. Каждая вещь заказана и сдѣлана нарочно для занимаемаго имъ мѣста въ домѣ. Для каждой вещи выбрано самое удобнѣйшее мѣсто. Во всемъ руководилъ изящный вкусъ. Нельзя наглядѣться на эти прелестныя вещи, на все вмѣстѣ! Это поэзія въ вещественности.

Въ гостиной комнатѣ, три портрета поражаютъ взоры и возбуждаютъ къ размышленію о великой судьбѣ Россіи. Вы видите Петра Великаго, Карла XII и Николая I-го.

Мнѣ невозможно описывать въ частности всѣхъ красотъ *Фалла*, всѣхъ прелестей дома. Для этого надобно было составить цѣлую книгу. Поѣзжайте и полюбуи-

есь! Вы пріѣдете и увидите оттуда съ пріятнымъ чувствомъ. Благословеніе Божіе почиетъ надъ домомъ cadaго честнаго и благороднаго челоука, особенно же надъ домомъ утѣшителя страждущихъ, защитника безпомощныхъ....

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Ревеля, на морскомъ берегу, лежитъ прекрасная мыза Вимсъ, съ роскошными садами и оранжереями, въ самомъ пріятномъ мѣстоположеніи. Я видѣлъ ее съ вершины Олая, въ подзорную трубу. Туда позволено ѣздить только въ назначенные дни, по назначенной хозяиномъ дорогѣ, и проч. Я преодолѣлъ любопытство, и не побѣхалъ въ Вимсъ, потому что люблю прогуливаться по своей, а не по чужой волѣ, и тогда, когда мнѣ угодно. Богъ съ тобой, Вимсъ!

Прости, море, прости, Ревель, и извини меня, что я не описывалъ твоихъ древностей, твоихъ храмовъ, затканыхъ пестрыми гербами рыцарей, покоящихся те-

перъ въ сырой землѣ, вмѣстѣ съ не рыцарями, твоей величественной ратуши съ бойницами и рѣдкою рѣзбою, твоего Дома (Dom) (*), холма, гдѣ нѣкогда была цитадель, и гдѣ теперь живутъ одни только дворяне, гдѣ нѣтъ ни лавокъ, ни мастеровыхъ, и даже неупомянулъ... нѣтъ! этого нельзя пропустить, и такъ, я вамъ долженъ сказать, что вы нигдѣ не увидите такихъ свѣжихъ женскихъ лицъ, такихъ скромныхъ взглядовъ, какъ въ Ревель. Морской воздухъ, домашняя тихая жизнь, простая, здоровая пища, способствуютъ красотѣ тѣла и души.

Вообще образованный классъ общества (gebildeter Stand) здѣсь отличается нравственностью и тѣсною красотой. Исключенія рѣдки. Нигдѣ не видалъ я также такихъ красивыхъ старичковъ, какъ между здѣшними горожанами, которыхъ называ-

(*) Въ старыхъ Нѣмецкихъ городахъ, Dom называется мѣсто, гдѣ была юрисдикція соборной церкви

ютъ шпизьбиргерами (*)! Даже простой народъ красивѣе, нежели въ сосѣднихъ съ *Латвиинской* мѣстахъ; а между служаночками попадаются такія личики, что хоть сейчасъ въ историческую картину. Всего этого нѣтъ въ *Путеводитель по Ревелю* (см. выше), и потому я долженъ былъ напомнить.

Позвольте еще добавить нѣсколько *тяжелой прозы*, которую, впрочемъ многіе предпочитаютъ поэзіи. Въ Ревель жить весьма дешево. Только квартиры дороги, когда вы ищете впередъ, за полгода, чрезъ коммиссіонеровъ. Лошадей своихъ извольте прислать изъ Петербурга, съ вещами, потому что здѣсь нанимать весьма дорого, а на почтъ лошади такъ дурны, что въ *Фаль* везли меня *пять часовъ* (50 верстъ). — Книгъ не берите съ собою. Въ книжной лавкѣ Г. Криха вы достанете всѣ новости для прочтенія, и можете купить. — Русскихъ книгъ

(*) Spiesbürger шуточное названіе отъ шпигли, которую имѣли право носить почетные баргеры

и журналовъ здѣсь нѣтъ, какъ и во всѣхъ Остзейскихъ Губерніяхъ. Нынѣ благополучно царствующій Государь велѣлъ опредѣлить учителей Русскаго языка въ здѣшнія учебныя заведенія. Благодареніе Русскому Царю! — Въ Эстляндіи почти всѣ дворяне служатъ, служили и выучились въ службѣ по-Русски, а въ Лифляндіи и въ Курляндіи, между неслужившими, почти мода, bon ton, не умѣть по-Русски! А мы такъ учимся по-Нѣмецки, и прекрасно дѣлаемъ. — Будемъ все учиться, да читать, тогда, въ свою очередь, и иноязычные захотятъ учиться и читать по-Русски....

Вотъ-те и заговорился! Какъ дойдетъ дѣло до Россіи, до Русскаго языка, такъ невольно забываешься. Пора кончить. О Ревель болѣе ничего не скажу: все благополучно, новаго ничего нѣтъ!

— N° III. —

ПРОГУЛКА ПО ЛИВОНІИ.

ВВЕДЕНІЕ.

*Историческій, статистическій и юмористическій * взглядъ на Ливонію.*

—

Удивляюсь себѣ, что я, привыкнувъ странствовать, усидѣвъ восемь лѣтъ безвы-

* Осмѣливаюсь употребить это прилагательное, отъ Англійскаго слова *humour*, котораго невозможно перевести. Французы и Нѣмцы ввели оное въ свой языкъ. Нитотъ есть веселость, приправленная сатирическимъ духомъ.

тѣдно на одномъ мѣстѣ! — Правда, Петербургъ прелестное мѣстопробываніе: но и самое лучшее хорошо только по сравненію съ худшимъ. Одни лица, одиѣ стѣны, одинакій образъ жизни, одни занятія охлаждаютъ воображеніе, порождаютъ пресыщеніе и располагаютъ человѣка къ хандрѣ. — Надобно прогуляться, разсѣяться на обширномъ пространствѣ: ѣду въ Ливонію.

Увѣдомляю читателей, которые благосклонно принимали мои бездѣлки, что я постоянно буду сообщать имъ мои мысли, чувствованія, наблюденія во время моего странствованія, а иногда волшебнымъ жезломъ воображенія оживлять древность, вызывать тѣни рыцарей изъ развалинъ, поросшихъ мохомъ, и заставлять ихъ рассказывать событія страны. Приготовляясь къ путешествію, я до изнеможенія читался древнихъ хроникъ; онѣ попеременно заставляли меня смѣяться, скучать, сердиться, иногда даже едва не проливать слезы. По временамъ онѣ усыпляли меня, и это было самое благо-

ворное ихъ дѣйствіе, отъ того, что иногда мнѣ снились самые героическіе и романтическіе сны и самыя пріятныя похожденія рыцарей. Изъ всѣхъ Историковъ Ливоніи, Меркель болѣе другихъ удовлетворялъ моему сердцу и разуму. Исторія Ливоніи весьма любопытна, и я сожалею, что не могу передать ее въ томъ видѣ, какъ бы желалъ. Всѣ писали цѣлые томы, а мнѣ должно представить мой приступъ къ путешествію на нѣсколькихъ страничкахъ. Не хорошо быть слишкомъ обширнымъ, но бѣда, если надобно быть слишкомъ краткимъ. Чувствую, однакожъ, что прежде, нежели стану писать въ частности о Ливоніи, должно представить ее въ общемъ видѣ, чтобы читатель, вспомнивъ главные событія, могъ легче выразумѣть отдѣльныя происшествія.

Начитавшись Нѣмецкихъ книгъ, я по неволѣ слѣдую Нѣмецкой системѣ изложенія, и начинаю, какъ говорится, ab ovo, т. е. съ древности. Ливонскую Исторію я раздѣляю на три главные періода. *Первый* заключаетъ

въ себѣ состояніе Ливоніи до пришествія Нѣмцевъ въ сію страну, т. е. отъ преданій и повѣствованій древнихъ Историковъ о народахъ, паселявшихъ Ливонію, до 1158 года по Р. Х. *Второй* періодъ вмѣщаетъ въ себѣ правленіе Епископа и Гермейстеровъ ордена Меченосцевъ, до Готгарда Кетлера, или до паденія рыцарства и присоединенія Ливоніи къ Польской коронѣ, въ 1560 году. *Третій* періодъ излагаетъ происшествія отъ сего времени до присоединенія Ливоніи къ Россіи, при Петрѣ Великомъ, въ 1721 году, и Курляндіи при Екатеринѣ II въ 1795 году. Здѣсь я долженъ предупредить читателей, что подъ древнимъ именемъ Ливоніи, я разумѣю Эстляндію, Инфляндію и Курляндію.

Въ Остзейскихъ провинціяхъ обитали до пришествія Нѣмцевъ, какъ и нынѣ, три главныя племени: 1) Латыши, 2) Ливы и 3) Эстонцы или Чудь. Разсмотримъ каждое изъ нихъ въ особенності.

1.) Латыши суть древніе Пруссы, которыхъ Тацитъ называетъ Эстами (Aesti)

или Гуттонами *, а Историки VI и VII вѣка Видіоварами или Витландцами. Они въ первое время Христіанскаго лѣтосчисленія обитали въ нынѣшней Пруссіи, на берегахъ Балтійскаго моря, и занимались хлѣбопашествомъ, рыболовствомъ и добываніемъ янтара. Во время перваго набѣга Германскихъ народовъ на Римскую Имперію, бѣлая часть народа Эстовъ оставила свои осѣлости и вмѣстѣ съ другими, отправилась на грабежъ въ Италію въ отмщеніе за всесвѣтныя разбой, производимыя Римлянами. Эта эпоха была ужасна для Европы. — Народы, какъ стада хищныхъ волковъ, рыскали изъ одного мѣста въ другое; нападали на слабыхъ и погибали отъ сильныхъ. Племена раздроблялись, а малые отряды, не будучи въ состояніи жить грабительствомъ, поселялись между другими племенами. Въ землѣ Гуттоновъ поселились такимъ образомъ Славяне, пришедшіе съ юга; толпы Финновъ съ востока, и Аланы, изг-

* Не должно смѣшивать Aesti Эстовъ, съ Esthen, Эстонцами.

нанные Гуннами отъ устья Днѣпра, въ 375 году, къ которымъ присоединились толпы сего же народа, возвратившіяся изъ неудачнаго похода, противу Римлянъ. Всѣ сін племена были дики, жестоки, воинственны; они не имѣли никакого общаго правленія. Жили разсѣянно, управлялись старшинами и вели между собою непрерывную войну. — Самые бѣдные и самые жестокіе между ними были Финны, самые тихіе Славяне, а образованнѣе прочихъ Аланы, которые заняли кое-что у Римлянъ, во время своихъ набѣговъ. Такое состояніе сихъ народовъ, безъ сомнѣнія, кончилось бы чужеземнымъ игомъ, или совершеннымъ истребленіемъ, какъ обыкновенно кончится все безпорядочное, нестройное. — Явился великій человекъ — силою своего гения далъ устройство и видъ безобразной массѣ. — Въ концѣ V или въ началѣ VI вѣка, Аланскій мужъ, по имени Видевуть, убѣдилъ дикія орды подчиниться порядку, далъ имъ законы для огражденія собственности, и изъ преданій составилъ одну общую религію. — Главнымъ сборнымъ мѣ-

томъ онъ назначилъ Романове, надъ Нѣманомъ, вѣроятно въ память Рима, который въ Европѣ почитался тогда столицею міра. Главный богъ, громовержецъ, назывался Перкунъ. Каждый отецъ семейства былъ въ то же время и жрецомъ; храмовъ не было, и жертву богамъ приносили въ рощахъ, на пашняхъ и на берегахъ водъ. Для общаго народнаго богослуженія были четыре главныя мѣста: въ Романовѣ, въ Велау, въ Гейлигенбейлѣ и Маріенбургѣ. Верховный первосвященникъ назывался Криве - кривейто; онъ имѣлъ обширную духовную и свѣтскую власть, какъ обыкновенно водится у необразованныхъ народовъ, которыхъ жрецы стращаютъ небомъ для своихъ земныхъ выгодъ.

Нѣкоторые Историки почитаютъ Видевута баснословнымъ лицомъ, потому, что извѣстія о немъ сохранились въ преданіяхъ, а не на металлѣ и мраморѣ. Обыкновенный порядокъ вещей! Люди сомнѣваются въ добромъ, и охотно вѣрятъ злему. — Никто еще не усомнился въ существованіи какого

иногда разбойника или завоевателя, известного по однимъ преданіямъ, а многіе не хотятъ вѣрить въ существованіе законодателей и благодѣтелей челоуѣчества. Правда, послѣдніе являются рѣже.

Послѣдствія доказываютъ истинну и обнаруживаютъ ложь. Видно, что законы Видевутовы были хороши, когда народъ, соединенный и образованный имъ, размножился чрезвычайно: этого иначе быть не можетъ, какъ при благоденствіи. Вскорѣ Витландцы, занявъ цѣлую Пруссію, выслали поселенцевъ въ Мекленбургъ, Померанію, Самогитію и Подляхію. Подвигаясь даѣе къ сѣверу, они въ X или XI вѣкѣ заняли среднюю часть Курляндіи и Лифляндію. *

* Латыши обитали около Вольмара на рѣкѣ Аа, въ окрестностяхъ Ронненбурга, Смильтена, Трикатена, Буртиска и Кокенгуза, до Двины за Крейцбургъ. Главнѣйшія ихъ посады (ибо городами называть ихъ нельзя) назывались: Сегсвольдъ, Беверинъ, Куббегеле, Песбелю, Сербепъ. Нынѣ они занимаютъ почти всю Лифляндію, Курляндію и Семигалию. Ла-

въ Литвѣ они образовали сильное Государство, которое не разъ потрясало Россію и Польшу, и было ужасомъ Ливоніи. Но воннами сдѣлались Витландцы послѣ, а прежде были только земледѣльцами. Видно, что сперва они дрались только для собственной защиты, а послѣ полюбили ремесло, съ которымъ въ древности ни сѣяли, ни пахали, а собирали жатву. Будучи земледѣльцами, Витландцы поселялись въ дикихъ странахъ, очищали поля и вырубали лѣса. Думаютъ, что отъ этого занятія дано имъ названіе Латышей, ибо они и по нынѣ называютъ себя Витландцами. * *

тышское племя, Куры, занимали страну отъ Нѣмана до Гольдингена и Амботена. Мемель или Клайпеда была ихъ главною крѣпостью и посадомъ. Кромѣ того известны древніе посады: Лена (нынѣ Либавъ) и Виндая (Виндава).

* Lata и Lihdum, означаютъ новину, землю очищенную для пашни. Ułaiwias, latwo, latwie, по Польски значить: приспособлять, облегчать, легко, приспособлено. Латышей въ древнихъ хроникахъ называютъ Latweeschi (Латвеші).

2) Финское племя причисляемое всѣми Историками-Критиками къ Азіятскому роду Торковъ или Тюрковъ, есть одно изъ самыхъ многочисленнѣйшихъ на земномъ шарѣ. Исторія молчитъ объ ихъ происхожденіи и первобытномъ отечествѣ, а о появленіи ихъ въ Европѣ находимъ одни догадки. Вѣрно то, что въ началѣ Христіанскаго лѣтосчисленія, они вдругъ сдѣлались извѣстными на берегахъ Каспійскаго, Балтійскаго и Сѣвернаго морей. Они занимали всю сѣверную Россію до пришествія туда Славянъ. Къ Финскому племени Историки причисляютъ, Ижоровъ или Ингерманландцевъ, Эстонцевъ или Чудь, Ливъ, собственныхъ Финляндцевъ, Саволаксовъ, Кареловъ въ Финляндіи, Зырянъ, Вотяковъ, Черемисовъ, Чувашей, Мордву, Пермьяковъ, Вогуличей, (отъ которыхъ происходятъ нынѣшніе Венгерцы), Остяковъ, Тептерей, Самоѣдовъ, даже Лопарей и другія малыя племена. Финны занимали чрезвычайно обширное пространство и жили отдѣльными племенами, а потому и не были никогда сильными и завоевателями.

Древнія Скандинавскія Саги упоминаютъ о двухъ сильныхъ Финскихъ Государствахъ: *Финмаркѣ* или нынѣшней Финляндіи, и *Бярміи* на Сѣверной Двинѣ. Извѣстія о семъ послѣднемъ Государствѣ въ IX и X вѣкѣ наполнены баснословіемъ и самыми нелѣпыми сказками. Люди вообще любятъ *прикрашивать* или сказать яснѣе, говорить неправду; они въ повѣствованіяхъ болѣе руководствуются воображеніемъ, нежели разсудкомъ; и если это часто случается съ нынѣшними, просвѣщенными Историками и путешественниками, то нѣчего дивиться, когда у Норманскихъ Поэтовъ находимъ небылицы о Бярміи! По словамъ Поэтовъ, Бярмія была страна богатая, благоустроенная, изобильная всѣмъ. Истуканы боговъ Бярмійскихъ блестяли золотомъ и драгоценными камнями. Достоверно однакожъ то, что Бярмія велла обширную торговлю съ Азіею, были богаче и образованнѣе другихъ племенъ, любили музыку и Поэзію, и даже имѣли своего Орфея, который назывался Вайнамейиенъ. Чухонскій Орфей—чудно! Желалъ бы я по-

слушать его! За все это Норманы называли их волшебниками. Умныхъ людей всегда и вездѣ не любили невѣжи, и всегда всклепывали на нихъ небылицы: отъ того и Бярмійцы прослыли колдунами. Въ наше просвѣщенное время можно только бранить и тайно вредить умнымъ людямъ, а богатымъ даже не возможно. Но въ то время было иначе. Богатство и образованность Бярмін привлекали туда удалцевъ и грабителей изъ всего Сѣвера. Норманы и Славяне, поселившіеся въ послѣдствіи на Волховѣ, до того терзали и грабили Бярмию, что она наконецъ пала, а народъ ея разбѣлся въ разныя стороны. Финмаркъ еще прежде платилъ дань Скандинавіи.

Финское племя поселившееся въ нынѣшней Эстляндіи и Лифляндіи, извѣстное подъ имѣнемъ Чуди, никогда небыло богатымъ. Бѣдность не порокъ: это правда, но Чудь была притомъ хищнымъ и безпокойнымъ народомъ. Пускай бы они за свои права сражались съ Славянами, съ Латышами, съ Норманами и со всѣми приморскими гра-

бителями: это похвально. — Но сами Эстонцы были не лучше своихъ непріятелей, и также грабили безпрерывно на сушѣ и на морѣ. — Тогда былъ такой обычай, или по нынѣшнему *мода*. Но какъ въ то время, разбойничества не прикрывали благовидными предлогами и дипломатикою; то мы безпощадно бранимъ древнихъ разбойниковъ и честимъ новыхъ. — Это дѣло условнос. Нынѣ изобрѣтены прекрасныя слова: контрибуція, побѣда, покореніе, поединокъ, вмѣсто прежнихъ: грабежъ, истребленіе, неволя, убійство. Прежде дрались, убивали за сущую бездѣлицу, а нынѣ бездѣлицу превращаютъ въ дѣло, и воюють, сражаются или тягачутся по судамъ. Тогда были варвары, а нынѣ народы образованные — а на повѣрку выходитъ одно и тоже. *Ainsi va le monde!*

Для доказательства, что Чудь въ древности извѣстна была своими мужествомъ и набѣгами, скажу, что Эстляндія славится произведеніемъ на свѣтъ сѣвернаго Геркулеса, знаменитаго Пирата Старкатера, ко

торый играет важную ролю въ Скандинавскихъ Сагахъ. — A tout seigneur tout honneur; но мнѣ гораздо болѣе по сердцу Латышь Видевуть, который далъ законы своимъ собратіямъ, и любилъ просвѣщеніе. Даже Чухонскій Орфей нравится мнѣ болѣе головорѣза Старкатера, который измѣнилъ своему благодѣтелю, и надѣлалъ разныхъ проказъ на морѣ и на сушѣ. У всякаго свой вкусъ, но я по вкусу и по ремеслу долженъ говорить въ пользу просвѣщенія.

Эстонцы или Чудь жили точно въ тѣхъ мѣстахъ до пришествія Нѣмцевъ, какъ и нынѣ. * Область ихъ раздѣлялась на участ-

* Главные ихъ посады назывались: Леаль, Виллісде (нынѣ Феллинь), Пернау, Ротула, Оденне (близъ Дерпта), Овеле, Пурке, Аделинда, Тарваупе, Саккала. Въ Эстоніи, до Нѣмцевъ, были два замка, построенные чужеземцами: Юрьевъ или Дерптъ, основанный Русскимъ Княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ въ 1030 году для удержанія Чуди въ послушаніи, и Ревель, основанный около 1196 года Датскимъ Королемъ Канутомъ.

ки, изъ коихъ большая часть понынѣ сохранила древнія свои названія. Участки сіи управлялись старшинами, которые совѣщались между собою въ дѣлахъ общественныхъ. Въмѣсто законовъ, служили обычаи и прежніе примѣры, а гдѣ таковыхъ не доставало, тамъ прибѣгали къ совѣтамъ жрецовъ или Нендовъ. О просвѣщеніи Чуди сказать нечего, потому что его не было. — Доказательствомъ служить послѣднее обстоятельство.

Чудь платила дань попеременно, то Норманамъ, то Датчанамъ, то Славянамъ, а иногда силою оружія свергала съ себя постыдное иго. Кажется, что Чудь иногда бывала и въ дружескихъ связяхъ съ Русскими, потому что и понынѣ называютъ Россію Венне-Маа, т. е. братская земля. Изъ Исторіи, однако жъ, видно, что ихъ

Чудь взяла обратно Юрьевъ въ 1191 году, и отняла замокъ Ревель у Датчанъ. — На мѣстѣ Ревеля туземцы основали селеніе, и назвали оное Лиданисса, отъ словъ *линь* — городъ, и *Данисса* — Датскій.

братство стоило добраго вражества. То же бываетъ и съ нынѣшними союзами!

3) Ливъ, * Финское племя, никогда не мѣшалось и понынѣ не мѣшается ни съ Латышами, ни съ Чудью. О Ливи упоминаютъ Плиній и Клавдій Птоломей. Языкѣ и вѣра Ливи были тѣ же; что и у Чуди, но первые были всегда болѣе трудолюбивы и нѣсколько образованнѣе. Они имѣли, до нашествія Нѣмцевъ, множество крѣпостей

* Ливъ обитала по Двинѣ, Аа, и вдоль морскаго берега, между Двиною и Салисомъ. Главнѣйшіе ихъ посады и крѣпости назывались: Торсида, въ честь бога Тора (Сѣвернаго Марса), гдѣ нынѣ Трайдень на рѣкѣ Аа; Агсраденъ, гдѣ имѣлъ пребываніе главный ихъ Старшина и гдѣ послѣ Нѣмцы построили замокъ, коего развалины и понынѣ существуютъ. Икскуль, Ленсварденъ, Мемекуль (нынѣ Ригмансгофъ), Синегунда, Р одспошъ, Сатезле и Гольмо. Кромѣ того, въ сердцѣ Ливоніи, до Нѣмцевъ, было Русское Двинское Княжество съ главными городами Коксенойсомъ и Герсике, на Двинѣ: объ участи сего Княжества сказано будетъ въ своемъ мѣстѣ.

или мѣсть, огражденныхъ насыпями и грудами камней, безъ спалнія оныхъ извѣстью. Сии крѣпости построены были для предохраненія семействъ ихъ и запасовъ отъ частыхъ набѣговъ Латышей и Чуди. Развалины нѣкоторыхъ изъ сихъ крѣпостей понынѣ сохранились. Ливъ имѣла въ землѣ своей многія большія селенія, которыми управляли старшины. Сіе племя всегда было малочисленнѣе другихъ, а понынѣ ихъ осталось не болѣе 150 семействъ въ Курляндіи, и около 300 душъ въ Лифляндіи. Къ Ливи пристали въ первый разъ Нѣмцы, въ 1158 году, и по ихъ имени вся новооткрытая страна названа Ливонією.

Кромѣ того, въ Исторіи находимъ нѣсколько названій племенъ, повсе исчезнувшихъ или слившихся съ другими. Кажется, что это были только родовыя прозванія, и всѣ племена были отрасли главныхъ корней. Но Венды, построившіе Венденъ и давшіе названіе рѣкѣ Виндавѣ, суть Славяне. Нынѣ ихъ нельзя отличить отъ природныхъ жите-

лей. Они пришли въ Ливонію, кажется, прежде Латышей.

Исторія сохранила имена и подвиги нѣкоторыхъ изъ знаменитѣйшихъ Старшинъ Ливоніи, во время нашествія Нѣмцевъ. Коббе или Каупо изъ Коббеселе, первый принялъ Христіанство, помогая усердно и распространенію онаго, и удостоился быть представленнымъ Папѣ, подъ именемъ Ливонскаго Короля. Это льстило свѣтскому честолюбію Папы, и напоминаетъ намъ подобное обстоятельство, когда Анахарсисъ Клоцъ, во время политической лихорадки Франціи, одѣлъ дюжины двѣ поденщиковъ въ маскарадное платье, и представилъ ихъ Конвенту подъ именемъ Депутатовъ цѣлаго земнаго шара! Лембитъ изъ Леаля, взялъ на себя гораздо лучшую ролю, нежели театральнаго Короля: онъ хотѣлъ быть освободителемъ своего отечества отъ власти чужеземной — и погибъ. Ако также возставалъ противу притѣснителей, и также погибъ. Вестгардъ, военачальникъ Семигалии, способствовалъ Нѣм-

цамъ къ покоренію Ливии и Чуди, и тѣмъ приуготовилъ пагубу своего собственнаго племени. Извѣстный также Дабрель изъ Торенды, и Телебальдъ изъ Беверна.

Читатель видѣлъ, кто населялъ Ливонію до пришествія Нѣмцевъ, и каково было положеніе сей страны. Теперь бросимъ взглядъ на Исторію покоренія оной, или на второй періодъ.

Городъ Висби, на островѣ Готландѣ, былъ средоточіемъ сѣверной торговли въ XII и XIII вѣкахъ. Сюда прѣзжали Новгородцы съ Азіятскими и Русскими товарами, и всѣ купцы изъ городовъ, лежащихъ при Нѣмецкомъ морѣ, съ своими произведеніями, также серебромъ и золотомъ. — Одинъ Любскій корабль, подъ начальствомъ какого-то Венда (Славянина), спасаясь отъ бури, вошелъ въ устье Двины. Дикари окружили его на своихъ лодкахъ, и хотѣли истребить пришлецевъ, но Славянинъ обезоружилъ ихъ приманкою торговли, и промѣнялъ имъ разныхъ бездѣлушекъ на воскъ и кожи. Ли-

ви. поправилось новое знакомство, и они просили Нѣмцевъ возвратиться. Установилась постоянная торговля, и Ливъ позволила Нѣмцамъ построить крѣпостцу для охраненія своихъ товаровъ отъ хищныхъ Латышей. Такъ обыкновенно начинаются всѣ покоренія: Сперва укрѣпляются для своей безопасности, потомъ для безопасности туземцевъ строятъ крѣпости, а наконецъ изъ множества крѣпостей рождается слабость гостепріимнаго народа, и вся крѣпость или сила остается при завоевателяхъ.

Около 26 лѣтъ Нѣмцы спокойно торговали въ Ливоніи, какъ вдругъ въ Германіи появился монахъ Католическій, по имени Мейнгардъ, который захотѣлъ спасти душу свою обращеніемъ поваго народа въ Христіанство, и съ позволенія Бременскаго Епископа, отправился въ Ливонію на Нѣмецкомъ кораблѣ, въ 1174 или въ 1184 году. Ливъ въ то время платила дань Псковскому Князю Владиміру, и потому Мейнгардъ отправился къ сему Князю, просить

позволенія построить церковь и проповѣдывать Христіанство. Русскіе во всѣ времена отличались вѣротерпимостью, и побирая дань съ сосѣдей идолопоклонниковъ, не заботились ни объ ихъ внутреннемъ образѣ правленія, ни о богослуженіи, по пословицѣ: вольному воля, спасенному рай. Владиміръ позволилъ Мейнгарду проповѣдывать, но не предвидѣлъ, что Нѣмцы станутъ мечемъ доказывать аргументы, вмѣсто того, чтобы убѣждать разумомъ и примѣромъ. Мейнгардъ построилъ церковь въ Икскуль, пригласилъ къ себѣ монаховъ и множество ревнителей вѣры, и началъ дѣло, сперва богоугодно, какъ слѣдуетъ, а потомъ, какъ не слѣдуетъ. Онъ построилъ замокъ въ Икскуль и набралъ въ Германіи воиновъ, чтобы содержать въ свѣтскомъ послушаніи свое духовное стадо. Лѣтописи говорятъ, что туземцы приступили однажды къ замку, въ намѣреніи разрушить его, и не зная какъ взяться, зацѣпляли веревками за каменные башни и стѣны, не предполагая, что онъ

скреплены цементомъ. Мейнгардъ трудился много для водворенія истинной вѣры и особенно обязать Старшинъ Каупо въ успѣхъ пачатаго дѣла. Историки описываютъ Мейнгарда, перваго Епископа Ливоніи, добрымъ старикомъ, который по возможности старался удерживать злоупотребленія своихъ подчиненныхъ. Онъ умеръ въ 1196 году. Одинъ Историкъ Ливоніи сравниваетъ его съ шакаломъ, который открываетъ добычу лвамъ. Въ самомъ дѣлѣ, пришедшіе послѣ Мейнгарда Нѣмцы, подобно лвамъ, растерзали несчастную Ливонію и умертвили ее политически.

Послѣ смерти добраго отца Мейнгарда, Архіепископъ Бременскій назначилъ въ Епископы Ливоніи Бертольда, монаха Цистерскаго ордена. Бертольдъ, прибывъ въ свою паству, увидѣлъ, что она болѣе походить на волковъ, нежели на овецъ. Народъ согласился называть Епископа *отцель*, слушалъ проповѣди, и даже принималъ Святое

Крещеніе, но не хотѣлъ работать для пришецовъ и платить имъ дань безъ всякой основательной причины. Бертольдъ боролся сколько могъ, чтобъ подчинить народъ своей земной власти, но видя невозможность, возвратился въ Германію, испросилъ у Папы Целестина буллу или позволеніе проповѣдывать крестовый походъ на Ливонію, и началъ въ сѣверной Германіи вербовать войско, обѣщая, вмѣсто жалованья, спасеніе души. Возвратившись съ войскомъ, онъ сдѣлался ненавистнымъ для туземцевъ. Настала кровопролитная война: Ливонцы сражались мужественно за свою независимость, но почти всегда были побѣждаемы Нѣмецкою тактикою. Епископъ Бертольдъ самъ предводительствовалъ войскомъ и сражался въ первыхъ рядахъ. Однажды, въ погонѣ за бѣгущими Ливонцами, лошадь занесла его въ ряды непріятельскіе: Ливонецъ Имонтъ отрубилъ Бертольду голову, а народъ растерзалъ на части тѣло своего духовнаго отца. Это случилось въ 1198 году.

Если умъ, хитрость, дѣятельность и неограниченное честолюбіе составляютъ величіе, то третій Епископъ Ливоніи, Альбертъ фонъ - Букстевденъ, безъ сомнѣнія, долженъ быть названъ великимъ. Папа объявилъ, что всякій, отправляющійся въ Ливонію, получаетъ то же отпущеніе грѣховъ, какъ и крестовые рыцари въ Палестинѣ. Альбертъ собралъ около 600 крестовыхъ рыцарей, (изъ коихъ многіе имѣли свою свиту), и на 23 корабляхъ отправился въ Ливонію, въ 1199 году. Онъ по справедливости долженъ назваться первымъ завоевателемъ Ливоніи. — Неусыпно трудясь въ продолженіе 28 лѣтъ къ достиженію своей цѣли, онъ успѣлъ покорить или ослабить туземцевъ, большую часть изъ нихъ заставилъ называться Христіанами и совершенно поработилъ своей власти. Съ прибытіемъ Альберта, начинается новая эпоха для Исторіи Сѣвера, и потому я долженъ упомянуть о нѣкоторыхъ главнѣйшихъ обстоятельствахъ его правленія. Въ 1200, онъ основалъ Ри-

гу, и въ 1201 Динамидъ. Крестовые войны обязывались служить только одинъ годъ, и послѣ того возвращались въ Германію грѣшить наново, чтобы послѣ новымъ походомъ купить индугенцію. Альбертъ, чтобы удержать ихъ, выдумалъ отдавать имъ земли въ видъ ленныхъ помѣстьевъ. Первые господа или властители въ Ливоніи были: Конрадъ фонъ - Мейндорфъ и Альбертъ Баннеровенъ. Имъ отданы были Искюль и Линеваденъ на Двинѣ. Но какъ Альбертъ не имѣлъ столько земли, чтобы вознаградить большое число воиновъ, въ которыхъ онъ имѣлъ нужду, то онъ выдумалъ другое средство. Онъ, съ позволенія Папы Иннокентія III, учредилъ военно-духовный орденъ Креста Господня, по статуту Рыцарей Храма, въ 1204 году. Сей орденъ, коего члены назывались Меченосцами, по соединеніи своемъ съ орденомъ Тевтоническимъ въ Пруссіи, въ 1237 году, игралъ весьма важную роль на Сѣверѣ, прославился мужествомъ и честолюбіемъ, и оставилъ по се-

въ Исторію, въ которой каждая страничка написана кровью и засыпана пепломъ ко-
стей несчастныхъ жителей Ливоніи. Одно
общее варварство тѣхъ временъ извиняетъ,
нѣкоторымъ образомъ всѣ жестокости. Ры-
цари, при вступленіи въ орденъ, обязались
быть послушными Епископу Рижскому, со-
блюдать чистоту нравовъ, отказывались отъ
любоостязанія и клялись мужественно сра-
жаться съ невѣрными. Они въ точности ис-
полнили только послѣдній обѣтъ, ибо въ то
время одно мужество почиталось добродѣ-
телью людей благородныхъ. Представляю
здѣсь таблицу съ именами всѣхъ Епископовъ
и Гермейстеровъ ордена, почерпнутую мною
изъ сочиненія Графа Б. *, а имѣ выписан-
ную изъ Архива Кокенгофскаго. Это одна

* Essai critique sur l'Histoire de Livonie
est. Это критическій опытъ, наполненный воору-
женіями противу Реформаціи Лютера и противу ту-
земцевъ. Я долженъ объявить, что держусь против-
наго мнѣнія.

только вещь, которою я воспользовался въ
семъ сочиненіи. *

Я уже сказалъ, что въ Ливоніи суще-
ствовало Русское Двинское Княжество. Нѣ-
мецкіе Историки упоминаютъ о двухъ Рус-
скихъ Короляхъ, изъ коихъ Всеволодъ цар-
ствовалъ въ Герсикъ, а Вячеславъ въ Ко-
кенойскъ или Кокенгузъ. Карамзинъ назы-
ваетъ одного только Всеволода Княземъ, а
Вячеслава или Вячко, Полководцемъ. Такъ
кажется, и справедливо. Въ 1202 году, Ал-
бертъ, по правиламъ политики, (которая

* *Имена Ливонскихъ Епископовъ, Гохлей-
стеровъ Тевтоническаго ордена въ Пруссіи, и Гер-
мейстеровъ ордена Метеновцевъ въ Ливоніи, съ озна-
ченіемъ годовъ ихъ правленія и построенія крепо-
стей и замковъ въ Ливоніи.*

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохлей- стеры въ Пруссіи.	Гермей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и замковъ.
1168.	* Мейн- гардъ.			Нискуль и Далень.
1196.	Бертольдъ, убить въ 1198 году.			

* По другимъ Историкамъ, Мейнгартъ прибылъ въ 1176 или
1184 году. Вообще, я не ручаюсь за вѣрность лѣтоисчисленія сей
таблицы, и совѣтую при каждомъ годѣ прибавлять: *ОКОЛО*.

не всегда согласуется съ правами народными), вознамѣрился уничтожить Княжество, лежащее въ срединѣ его добычи, т. е. страны вновь покоряемой. Началась война кровопролитная. Всеволодъ былъ побѣжденъ, Вячко погребся подъ развалинами Кокевойса. Полоцкій Князь Владиміръ вмѣшался въ эту войну, но безъ успѣха. Послѣ продолжительной брани, Двинское Княжество сдѣлалось добычею Алберта, потому что

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохлей- стеры въ Пруссіи.	Герлей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и замковъ.
1200.				Рига
1202.			Винно фонъ-Рорбахъ.	
1208.			Волквинъ Шенкъс.	Вендъ, Зеегевольдъ, Трейдъ, Кременъ.
1213.				Дерптъ въ 1225 покорень, Одемпе построенъ.
1218.				Ревельскій замокъ вновь выстроенъ.

хитрость почти всегда торжествуетъ надъ открытымъ мужествомъ. Орденъ, сражаясь непрерывно съ туземцами, съ Русскими и съ Литовцами, превозмогъ всѣ успія своихъ непріятелей, безпрестанно строилъ замки и крѣпости, и наконецъ успѣлъ, до 1219 года, покорить всю Ливонію и Эстонію, и ввести повсюду Христіанство, исключая нѣкоторыя укрѣпленные мѣста въ Эстоніи, какъ то: Ревель, Везенбергъ, Нарву и дру-

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохлей- стеры въ Пруссіи.	Герлей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и замковъ.
1230.	Николай, ум. 1233.			Нарва, по преданію, построена Датскимъ Королемъ Валдемаромъ, вѣроятно около 1220.
1233.	Албертъ Саурберъ.	1-й Архіепископъ въ Ригѣ.		
1238.	Германъ фонъ-Зальцъ.	Германъ Балкъ отказался въ 1243 году.		
1240.			Конрадъ.	

гій, принадлежавшія по трактату Датчанамъ. Сія города завоеваны были рыцарями въ 1228 году. Въ этомъ же году умеръ Альбертъ, основатель независимаго владѣнія, монахъ, воинъ и политикъ, достойный быть основателемъ ордена не только Меченосцевъ, но даже Іезуитовъ! Въ его правленіе, Ливонія ставила уже въ поле болѣе 20,000 воиновъ, что было весьма много для тогдашняго времени. Онъ построилъ многія

Годы.	Рижскіе Епископы.	Голландскіе стерги въ Пруссіи.	Германскіе стерги въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и законовъ.
1245.			Генрихъ фонъ-Гейм- боръ.	
1247.	Альбертъ. Архiepи- скопъ.		Дидрихъ фонъ-Грe- нингенъ	
1249.				Монастырь. Падисъ.
1250.			Андрей фонъ Штикландъ.	
1252.		Вонпо фонъ Остерлингъ или Остер- нау.		

церкви, замки и города. Нѣмцы плакали по его смерти, туземцы радовались — и обѣ стороны были правы. Для первыхъ онъ былъ благодѣтелемъ, для другихъ притѣснителемъ: онъ ласкалъ и дарилъ первыхъ, чтобъ посредствомъ ихъ брать съ послѣднихъ и для себя и для другихъ.

Отъ учрежденія ордена, Исторія Ливоніи представляетъ рядъ битвъ, осадъ, нападеній, опустошеній и внутреннихъ раз-

Годы.	Рижскіе Епископы.	Голландскіе стерги въ Пруссіи.	Германскіе стерги въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и законовъ.
1256.			Эбергардъ фонъ-Штей- неръ.	Іюргенс- бургъ.
1258.			Анно или Го- днъ фонъ- Зангергау- зенъ	
1261.			Борхардъ фонъ-Горн- гаузенъ, у- битъ на сра- женіи въ Кураляндіи въ 1264 г.	Добленъ.

стройствъ. Съ одной стороны Шведы и Датчане, съ другой Русскіе, Литовцы и наконецъ Поляки безпрестанно сражались съ Ливонскимъ орденомъ, опустошали его земли, брали и разоряли города, умерщвляли безвинныхъ туземцевъ. — Бѣдные! имъ всегда доставалось то отъ своихъ, то отъ чужихъ. Рыцари также отнимали своимъ соседямъ, также грабили и разоряли ихъ земли. А когда миръ существовалъ изъ

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохлей- стеры въ Пруссіи.	Герлей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и замковъ.
1265				Русь. Ма- лѣй и боль- шой Ропъ.
1264.	Аино или Юлиньфонъ- Зангергау- зенъ.		Иргенъ фонъ Тохштатъ.	
1267.			Вернеръ фонъ - Брет- гаузенъ или Фрицгаузенъ.	
1268.			Конрадъ фонъ - Ман- деръ.	

виѣ, они ссорились и дрались между собою, или спорили съ Римскими Епископами, ко-
торыхъ власть имъ наскучила, какъ обык-
новенно всякое духовное вліяніе на дѣла
свѣтскія. Описывать всѣ сіи войны значило
бы написать цѣлый томъ, или, что еще
хуже, утомить читателей сухостью сокра-
щенного рассказа. О главнѣйшихъ происше-
ствіяхъ я буду говорить на мѣстѣ, въ виду
городовъ и замковъ, бывшихъ свидѣтелями

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохлей- стеры въ Пруссіи.	Герлей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и замковъ.
1270.				Вейсенштейнъ.
1271.				Нійстенъ и Лаудонъ.
1272. Иоаннъ фонъ Лу- ненъ.			Отто фонъ- Роденн- тейнъ.	Оберпаленъ.
1273				Нейгаузенъ на Рейтшской границѣ.
1274.			Андрей Ве- стпаленъ.	
1275.	Германъ фонъ-Гель- друнгенъ.	Валтеръ фонъ-Нор- декъ.	Эдереленъ, Тарвасть и Мезотенъ.	

достопамятныхъ происшествій. Теперь упо-
мяну о важнѣйшихъ событіяхъ, имѣвшихъ
вліяніе на участь цѣлой страны. Это будетъ
родъ исторической панорамы, въ которой
видны только мѣста самыя близкія и самыя
возвышенныя. — Историкъ Яннау (Jannau)
раздѣляетъ время правленія Гермейстеровъ
въ Ливоніи на три періода: 1) Отъ утвер-
жденія ихъ власти въ 1257 году до совер-
шеннаго покоренія сей страны въ 1289 го-

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Голландскіе стеры въ Пруссіи.</i>	<i>Германскіе стеры въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и заказовъ.</i>
1277.				Нейштадъ и Нейгаузенъ на границѣ Самотиціи.
1278.			Эрнстъ фонъ- Рацебургъ.	Динабургъ.
1279.			Конрадъ фонъ-Фейх- твагенъ.	Варнебекъ и Рупиталь.
1281.	Конрадъ фонъ-Фейх- твагенъ.		Вильгельмъ фонъ-Шур- бургъ или Шауербургъ. Семитальца- ми убиты 53 рыцарей.	Церковь въ Венденъ.

ду. 2) Безпрерывныя брани Гермейстеровъ
съ Архіепископами Рижскими, отъ 1289
до 1494. 3) Отъ Аристократіи ордена 1494,
до паденія онаго въ 1560 году. Памятнѣй-
шія войны, междоусобія и происшествія
суть: возстаніе туземцевъ въ Эстоніи, въ
1343 противу Датскаго Правительства: на-
паденіе Литовцевъ и Русскихъ на Ливонію
въ 1345 году; уступка Ревеля и всѣхъ Эс-
тонскихъ городовъ Датчанами ордену, за

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Голландскіе стеры въ Пруссіи.</i>	<i>Германскіе стеры въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и заказовъ.</i>
1283.				Городъ и за- мокъ Воль- маръ, а также Гейлигенбургъ.
1284.				Бурнекъ, Трикатуръ, Загницъ и Ро- звинтень.
1286.	Іоаннъ фонъ- Фех- тень.			
1287.			Конрадъ фонъ Герцогенш- тейнъ.	Добленъ вновь остро- нъ, и Семи- гальцы поже- жены.

сумму 19.000 марокъ серебра, въ 1348 году. Война съ Великимъ Княземъ Иоанномъ Васильевичемъ I, въ 1480 году, и основаніе Русскими Иванъ-города, въ 1492 году. Война сія продолжалась съ величайшимъ ожесточеніемъ, должно сказать правду, къ славу Ливоніи. Гермейстеръ Плетенбергъ, мужъ истинно великій, восторжествовалъ надъ сильнымъ воинствомъ Иоанна и заключилъ выгодный для Ливоніи миръ. Начало и рас-

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Гохлей- стеры въ Пруссіи.</i>	<i>Герлей- стеры въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и замковъ.</i>
1389.			Бальто фонъ- Гогенбахъ.	Рамернъ.
1392.				Фиксаль.
1392.				Эцъ и Мари- снгаузенъ.
1394.	Иоаннъ Графъ фонъ-Шверинъ.		Генрихъ фонъ- Думпенстагенъ	
1396.			Брунно.	
1397.	Готфридъ фонъ-Гоген- бахъ.			
1398.			Готфридъ фонъ-Ронга.	

пространеніе Реформациі 1522 году, при Плетенбергъ. Ужасная и кровопролитная война съ Иоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, начавшаяся въ 1558 году. Война сія памятна въ Ливоніи, какъ потопъ или черная смерть—Иоаннъ, грозный въ Россіи, былъ ужасенъ въ Ливоніи. Города и села пылали, замки разрушались на его пути, несчастныхъ туземцевъ толпами предавали смерти за вѣны ихъ властителей. Гермейстеръ Фирстенбергъ кон-

Годы	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Гохлей- стеры въ Пруссіи.</i>	<i>Гермей- стеры въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и замковъ.</i>
1299.				Тукумъ и Ма- ріенбургъ.
1500.	Изарнусъ Фридрикусъ изъ Богеміи, 1502.			
1504.				Любанъ.
1507.			Конрадъ фонъ-Поке или Зоке, покорилъ Псковъ.	
1509.		Зигфридъ фонъ-Фейх- твангенъ.		

чилъ жизнь въ плѣну, а послѣ его несча-
стія, Готардъ Кетлеръ, Гермейстеръ орде-
на, не могъ остановить стремленія Іоанно-
ва на пути побѣды. Тщетно онъ просилъ
защиты у Швеціи, Даніи и у Императора;
наконецъ онъ нашелъ слабую помощь у
Польскаго Короля Сигизмунда, за уступку
нѣсколькихъ городовъ. — Между тѣмъ Ре-
вель и вся Эстонія отложились отъ ордена,
который не могъ защищать ихъ отъ Рус-

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Голланд- скія въ Пруссіи.</i>	<i>Герман- скія въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и заказовъ.</i>
1310.				Въ Ревель каменная стѣ- на распро- странена.
1312.	Карлъ Бет- фордъ.			
1320.				Эрмисъ и Ро- деншонъ.
1325.	Вернеръ ванъ- Эвельтъ.			
1327.		Эбергардъ фонъ-Мон- геймъ.	Замокъ въ Ри- гѣ. 1338.	

скихъ, и добровольно вступили въ поддан-
ство Шведовъ. Видя совершенную невозмо-
жность оградить отечество свое отъ Іоанна,
который между тѣмъ заключилъ миръ съ
Швеціею и призналъ Эстонію ея владѣніемъ,
Кетлеръ рѣшился уступить Ливонію Поль-
скому Королю Сигизмунду, что и воспослѣ-
довало въ 1560 году. Орденъ уничтоженъ,
Дворянство и Духовенство сохранили свои
права и пренимущества, а Готардъ Кетлеръ

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Голланд- скія въ Пруссіи.</i>	<i>Герман- скія въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и заказовъ.</i>
1331.			Людертъ Гартвинъ фонъ Бра- уншвейгъ.	
1335.			Диррихъ Графъ фонъ- Альтенш- тейнъ.	
1340.		Энгельбрехтъ фонъ-Даленъ.		
1341.			Бурхардъ фонъ-Дрей- левель.	
1342.		Рудольфъ. Кенигъ.		

получилъ въ наслѣдственное владѣніе Герцогство Курляндское съ зависмостью отъ Польши. Есть Историки, которые хвалятъ этотъ поступокъ Кетлера: по мнѣ, такъ надлежало бы взорвать на воздухъ всѣ крѣпости и умереть съ оружіемъ въ рукахъ за свободу отечества.

Іоаннъ не признавалъ сего порядка вещей, и наименовалъ Королемъ Ливонскимъ Магнуса, сына Короля Датскаго Хри-

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Голландскіе стерги въ Пруссіи.</i>	<i>Германскіе стерги въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и законовъ.</i>
1345.				Зезинбургъ.
1346.		Генрихъ Десменъ.	Босвинъ фонъ- Тексъ.	
1348.	Фромгольдъ фонъ-Фукгузепъ.			
1351.	Генрихъ фонъ- Книгвекеде.			
1354.				Альтскау.
1357.				Зербенъ.
1360.		Арнольдъ фонъ- Фитингофъ.		
1361.				Кевелехтъ.

стіана II и брата Короля Фридерика II. Сей Магнусъ былъ человекъ непостоянный, легкомысленный, предавшій роскоши, неспособный къ дѣламъ. Онъ желалъ въ одно время пользоваться покровительствомъ Россіи и Польши. Іоаннъ долго опустошалъ Ливонію для удержанія Магнуса въ достоинствѣ Короля Ливоніи; наконецъ открыть его измѣну, взявъ въ плѣнъ, и обременить укоризнами, изгнать отъ себя, какъ недо-

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Голландскіе стерги въ Пруссіи.</i>	<i>Германскіе стерги въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и законовъ.</i>
1363.			Вильгельмъ фонъ-Фример- сенъ.	
1367.				Шмидтсенъ.
1369.	Зигфридъ фонъ-Блом- бергъ.			
1372.				Альствагенъ.
1372.	Іоаннъ фонъ- Зингенъ.			
1383.		Конрадъ Цольперъ фонъ-Ро- тенштейнъ.	Люббе фонъ-Наль- зенъ.	

стойнаго милостей, и велѣлъ Ливонцамъ присягать себѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что вся Ливонія и Эстляндія были бы въ то время покорены и присоединены къ Россіи, если бѣ Швеція и Польша не устрашились успѣховъ Іоанна, и не заключили союза противъ него въ 1578 году. Король Польскій, Стефанъ Баторій, восторжествовалъ надъ Іоанномъ, который не былъ любимъ своимъ народомъ за жестокость, и опасенъ былъ

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохлей- стеры въ Пруссіи.	Герлей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и заключеніе.
1391.		Конрадъ фонъ-Вальсродъ.		
1394.	Іоанъ фонъ-Вальсродъ.			
1399.		Конрадъ Ингингъ.	Вольдемаръ фонъ-Брихгеней.	
1404.			Конрадъ фонъ-Фитингофъ.	
1407.	Ухърихъ фонъ-Юнгингенъ.			

всѣмъ сосѣдямъ своимъ властолюбіемъ. Счастье оставило челоуѣко-отступника. Послѣ кровопролитной и достославной войны, Баторій заключилъ миръ съ Россіею въ 1581 году, по которому Ливонія досталась Польшѣ, а Эстонія Швеціи. Царь Феодоръ Іоанновичъ, вступивъ на престолъ, вознамѣрился возвратить Россіи ея древнее достоинство, и завоевалъ Иванъ-городъ и всю Ингрію, которыя и остались за Россіею, по трактату 1595 года.

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохлей- стеры въ Пруссіи.	Герлей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и заключеніе.
1410.		Генрихъ Рейсъ.		
1413.		Михаилъ фонъ-Штерибергъ.		
1414.			Данрихъ Бирке.	
1417.	Іоанъ Габунди.			
1418.			Зигридъ фонъ-Шнангеймъ.	
1422.		Павелъ Полицеръ фонъ-Русдорфъ.		

Ливонія, переставъ воевать за свои собственные выгоды, страдала за чужія. Вскорѣ она сдѣлалась театромъ войны, возникшей между Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ III и дядею его, Герцогомъ Зюдерманландскимъ Карломъ, присвоившимъ себѣ Королевское достоинство въ Швеціи. Несчастная страна была опустошаема безпрерывно въ продолженіе многихъ годовъ, наконецъ Польскій Король Іоанъ Казимиръ,

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохмей- стеры въ Пруссіи.	Гермей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и замковъ.
1425.			Цизе фонъ- Рейттенбергъ.	
1424.	Георхъ Шарфш- бергъ.			
1434.			Франке фонъ- Керцендорфъ.	
1435.			Георхъ фонъ- Букенроде, и иначе Шни- гельсъ.	
1459.			Георхъ Фин- ке фонъ-Ауер- бергъ.	

заклучилъ миръ съ Шведами въ 1660 году, извѣстный подъ именемъ Оливскаго. По сему трактату, малая часть Лифляндіи осталась при Польшѣ, а вся Эстляндія и Лифляндія съ островами уступлены Швеціи. Наконецъ Петръ Великій, побѣдивъ Карла XII, покорилъ Ливонію, которая, по Нейштадскому трактату $\frac{20}{8}$ Августа 1721, присоединена на вѣчныя времена къ Россіи. Сими счастливымъ миромъ Россія обязана

Годы.	Рижскіе Епископы.	Гохмей- стеры въ Пруссіи.	Гермей- стеры въ Ливоніи.	Построеніе городовъ и замковъ.
1441.		Конрадъ фонъ- Эрлинггау- зенъ.		
1449.	Сильвестръ.			
1450.		Людвигъ фонъ Эрлингс- гаузенъ.		
1451.			Іоаннъ Ост- гофъ фонъ- Мендгенъ.	
1469.		Георхъ Рейссъ фонъ- Плауэнъ.		
1470.		Георхъ Россле.		

генію Петра и искусству Министра его Остермана. Съ тѣхъ поръ утверждено владычество Россіи на Сѣверѣ — и навсегда. Въ Курляндіи родъ Кетмеровъ прекратился въ 1736 году. Императрица Россійская Анна Іоанновна утвердила на Герцогскомъ престолѣ Бирона. Участь сего любимца счастья извѣстна. Герцогство возвращено было его роду, и послѣдній Герцогъ Петръ Биронъ уступилъ въ 1795 году добровольно Россіи

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Гохмей- стеры въ Пруссіи.</i>	<i>Гермей- стеры въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и заключенъ.</i>
1475.			Іоаннъ фонъ- Вальтгаузенъ.	Тольсбургъ
1477.			Бернгардъ фонъ Боръ.	
1479.	Мартинъ Трукеъ.			
1480.	Стефанъ.			
1484.	Михаилъ Гильде- брандъ.			
1885.			Іоаннъ Фрей- тагъ фонъ-Мо- ринъ Фъ.	

Курляндію, которая съ тѣхъ поръ составляетъ одну изъ Остѣ-Зейскихъ губерній.

Рыцарство хорошо только въ Романахъ, но на самомъ дѣлѣ оно не принесло ни малѣйшей пользы, человечеству, а всѣ учрежденія должно мѣнить снѣмъ мѣриломъ. Обѣты рыцарства, какъ я уже сказалъ, были прекрасны, но какъ самые лучшіе законы ничего не значать, если не соблюда-

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Гохмей- стеры въ Пруссіи.</i>	<i>Гермей- стеры въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и заключенъ.</i>
1486.		Іоаннъ фонъ- Тинзенъ.		
1492.				Иваньгородъ
1495.		Вальтеръ фонъ- Илтенбергъ.		
1498.		Герцогъ Фриде- рихъ Ваксеринъ.		
1509.	Каспаръ фонъ-деръ Линде.			
1510.		Маркграфъ Ал- брехтъ Брау, си- бургскій.		

ются, то рыцарскіе обыты оставались только на пергаментъ. Поединки были позволительны и означали молодечество, и старшіе, для избѣжанія фамиліной вражды, смотрѣли сквозь пальцы на безпорядки, принимаемые младшими. Одно мужество доставляло уваженіе. Просвѣщенія не было: каждый рыцарь былъ записной врагъ ученія и всего письменнаго, и почиталъ Науки занятіемъ недостойнымъ благородства. Стра-

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Гохмей- стеры въ Пруссіи.</i>	<i>Гермей- стеры въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и заклѣпокъ.</i>
1524.	Іоаннъ Бланкен- фельдъ.			
1527.	Фома Шенингъ.			
1535.	Геррманнъ фонъ-Вриг- геней.			
1539.	Маркграфъ Вильгельмъ Бранден- бургскій.			
1549.		Іоаннъ фонъ- Рексъ.		

сти управляли дѣлами и покорялись одной только силѣ. Получая помѣстья отъ ордена, рыцари въ своихъ замкахъ признавали себя независимыми владѣтелями, и повиновались Гермейстерамъ только въ дѣлахъ общественныхъ, когда шло о выгодахъ цѣлаго ордена, а притомъ и каждого въ особенноти: частныя распри, по большей части, рѣшали они оружіемъ, опустошали со-сѣднія земли и заставляли своихъ вооружен-

Годы.	<i>Рижскіе Епископы.</i>	<i>Гохмей- стеры въ Пруссіи.</i>	<i>Гермей- стеры въ Ливоніи.</i>	<i>Построеніе городовъ и заклѣпокъ.</i>
1551.			Генрихъ фонъ-Балентъ.	
1557.			Генрихъ фонъ- Фирстенбергъ.	
1559.			Готтардъ Кет- тлеръ 49-й и последній Гер- мейстеръ, въ 1561, Герцо- гомъ Курлянд- скимъ.	

ныхъ слугъ, рѣзаться за честь своихъ господъ и грабить подданныхъ. Все доброе и дурное для ордена клонилось всегда къ большому утѣсненію туземцевъ. Счастливая война рыцарей стоила столько же крови и пожертвованій поселянамъ, какъ и несчастная. Вся тяжесть лежала на нихъ, а между тѣмъ съ ними обходились, какъ съ дикими звѣрями, и безъ суда предавали смерти. Некоторые Гермейстеры старались ограничить власть рыцарей, но тогда они вопіяли противу притѣсненія, нарушенія привилегій и часто даже возмущались, чтобъ удержать право утѣснять другихъ. Горе той странѣ, гдѣ нѣтъ единства власти, гдѣ нѣтъ нелицеприятнаго суда для слабого и сильнаго! Въ Ливоніи этого ничего не было, по крайней мѣрѣ до Гермейстера Плетенберга. Этотъ великій мужъ ввелъ нѣкоторый родъ порядка — но это была капля добра въ безднѣ зла.

Рыцари крѣпились въ замкахъ, какъ хищные орлы на утесахъ неприступныхъ скалъ

и высматривали добычу для удовлетворенія своимъ прихотямъ. Небольшая доля просвѣщенія и гражданской образованности сохранилась между духовенствомъ и купечествомъ приморскихъ городовъ, особенно Риги, которая была почти независимою республикою въ самой Ливоніи. Рыцари ссорились съ Епископами, грабили мирныхъ гражданъ, налагали на нихъ контрибуціи, и перенимали отъ нихъ одно дурное, а именно роскошь. — Едва можно повѣрить Ариду и другимъ Историкамъ, до какой степени тогда пресыщались яствами и нажитками. Вся жизнь проходила въ пиршествахъ, которыя обыкновенно кончались дракою, а часто и фамильною враждою, отъ которой страдали подданные Рыцарей. Конечно были между ними люди добрые, честные и челоуколюбивые (сомнѣваюсь, были ли воздержные); они совѣтовали своимъ собратіямъ жить мирно, по правиламъ вѣры; но это былъ гласъ, вопіющій въ пустынь. Звукъ шпоръ, мечей и кубковъ, заглушалъ рѣчи совѣтниковъ мудрости. Ливонскіе рыца-

ри не знали того романческаго волокитства (*courtoisie*), той возвышенной любви къ прекрасному полу, которыя въ западной Европѣ одушевляли рыцарей, и смягчали грубость нравовъ и обычаевъ того времени. Ливонскія красавицы не имѣли никакого вліянія ни на нравы, ни на поступки рыцарей. Онѣ жили уединенно въ своихъ замкахъ, показывались разряженными только въ церквахъ, а на пиршествахъ играли самую жалкую роль. Жены и дочери Ливонскихъ рыцарей болѣе понимали обязанности своего пола; онѣ занимались хозяйствомъ, а буйные хозяева занимались разстройствомъ онаго. Что до меня касается, то я похваляю обычай отдалять женщинъ отъ всякаго вліянія на дѣла, и за это одно хвалю рыцарей Ливонскихъ. Ничего нѣтъ хуже, какъ женское совмѣстничество въ дѣлахъ, выходящихъ за предѣлы дѣтской комнаты, кухни и кладовой. Однако жъ при этомъ не мѣшается, если женщины образованныя участвуютъ въ забавахъ и увеселеніяхъ мужчинъ и смягчаютъ сухость воинской бесѣды

своею любезностью: жаль, этого не было въ Ливоніи.

Наконецъ роскошь и невѣжество развратили нравы и породили эгоизмъ, равнодушіе къ дѣлу общественному. Не было Плетенберга — и орденъ упалъ, какъ обыкновенно упадаютъ царства, гдѣ граждане любить болѣе свои выгоды, нежели отечество. Иныя Государства при такомъ состояніи держатся отъ того только, что имъ упасть нѣкуда, или взять ихъ нѣкому. Но общее правило таково: гдѣ нѣтъ любви къ отечеству тамъ нѣтъ отечества.

По счастью Ливонія болѣе выиграла, нежели потеряла отъ своего паденія. Нынѣ весело посмотреть на Ливонію *. Науки процвѣтаютъ въ ней. Правосудіе въ отличномъ положеніи; просвѣщенное дворянство стремится къ общей пользѣ и усердною службою поддерживаетъ благородное

* Снова припоминаю, что подъ именемъ Ливоніи я разумѣю, по древнему наименованію, три пытливія Остѣ-Зейскія губерніи.

свое происхожденіе; купечество славится честностью, мѣщанство трудолюбіемъ, духовенство отличается ученостью и примѣрною жизнію. Ливонія дала Россіи нѣсколько великихъ и множество полезныхъ Государственныхъ людей. — Екатерина Великая сдѣлала много добра для Ливоніи, но Александръ Благословенный былъ истиннымъ Благотѣлемъ челоѣчества въ сей странѣ, и память Его ежедневно благословляется въ городахъ и въ хижинахъ. Любовь и благодарность народа — неоспоримое право на безсмертіе.

Нынѣшнія Остѣ-Зейскія провинціи могутъ назваться странюю благословенною, по своему положенію въ отношеніи къ торговлѣ, земледѣлію и гражданскому устройству. — Почва здѣсь плодородная, рѣки судоходныя, порты безопасныя. Земля почти вездѣ ровная, исключая двухъ или трехъ возвышеній, которыя можно назвать горами *. Климатъ здоровый. Воды изобилуютъ рыбою, лѣса

* Именно: Блаубергъ въ четырехъ миляхъ отъ Вольмара и Кангеръ.

дичью. Главныя судоходныя рѣки: Видава, двѣ Аа, Салисъ, Пернау, Эмбахъ, Нарова и Двина; большія озера: Пейпусъ или Чудское, Эркель, Вирцъ-Перве, Буртнекъ, Любанъ Юсмитское, Бабитское и болѣе 20 меньшихъ озеръ, способствуютъ взаимному сообщенію и промышленности. Безопасныя порты: Рига, Пернау, Аренсбургъ, Балтійскій портъ и Ревель ожидаютъ только благопріятнаго времени для торговли, упавшей въ цѣлой Европѣ. Кромѣ того нѣсколько прекрасныхъ городовъ внутри земли: Нарва, Митава, Дерптъ, съ знаменитымъ Университетомъ, и много небольшихъ чистенькихъ городковъ украшаютъ сію страну и способствуютъ сбыту произведеній земли. Пространство Ливоніи 79,494 квадратныя версты, и въ томъ числѣ гесьма мало земли неудобной. Народонаселеніе 1,202,638 душъ обоого пола, и въ томъ числѣ много красавицъ, много примѣрныхъ хозяекъ, и много добрыхъ, умныхъ и храбрыхъ людей. Религія болѣе части жителей Лютеранская; но есть Католики, православныя Греческаго исповѣданія и ста-

ровѣры. Остѣ-Зейскія губерніи состоятъ на особыхъ правахъ.

Вотъ слабый очеркъ страны, по которой я намѣренъ прогуляться нынѣшняго лѣта. Меня манятъ туда древности, развалины замковъ, памятники событій, прекрасныя мѣстоположенія и любопытство посмотреть на людей живущихъ въ Россіи по обычаямъ отчасти Русскимъ, отчасти Германскимъ. Надежда общается мнѣ много удовольствія въ семь путешествіи. Если она сбудется, я стану дѣлиться моими наслажденіями съ моими читателями; если же буду скучать, то какъ можно скорѣе ворочусь въ мой тихій пріютъ, и снова начну, въ угоду благосклоннымъ моимъ читателямъ и въ досаду противникамъ, пописывать были и небылицы, вспоминать старое и сочинять новое. Между тѣмъ наступилъ часъ отъѣзда — Прощайте! До перваго письма!

П и с ь м о 1-е.

Нарва, 18-го Маія 1827.

Заботы, печали, грусть, хлопоты — я все оставилъ за заставою, и выбравшись изъ

города въ поле, вспорхнулъ духомъ, подобно птицѣ, выбившейся изъ силковъ. Въ городѣ каждый шагъ напоминаетъ намъ, что вы зависите отъ другихъ людей; приличія и условныя отношенія безпрестанно выводятъ васъ за черту вашего природнаго характера; огромныя зданія, стѣсняя пространство передъ глазами, стѣсняють воображеніе и такъ сказать, держать мысль въ заточеніи. — Въ полѣ человекъ чувствуетъ силы свои. Не видя предметовъ искусства, утомительныхъ для души, при всей своей заманчивости, освобождаясь отъ узъ, сплетенныхъ изъ житейскихъ мелочей, человекъ оживаетъ сердцемъ, освѣжается. — Уединеніе и путешествіе необходимо пужны мыслящему существу.

Дорога до Стрѣльны есть предмѣстье Петербурга. Въ Стрѣльнѣ вы еще не за городомъ. За Стрѣлинскою заставою вы начинаете дышать сельскимъ воздухомъ. До самой Кипени виды прелестныя; съ лѣвой стороны дороги горизонтъ кончится цѣпью горъ,

между кони Дудорова гора красуется болѣе прочихъ зеленою, высокою, и даже, въ подражаніе большимъ горамъ, вѣнчается чело туманомъ, за невозможностью украситься облаками и радужными свѣтами, подобно Монблану или Эльборусу. Такъ маленькіе люди подражаютъ великимъ въ дѣлахъ, которыя, подобно туману, кажутся только издали существенностью. — Царедворцы Александра Македонскаго хотѣли быть кривошеями изъ подражанія; Наполеонисты складывали на груди руки и носили маленькія шляпы. Не хочу продолжать сравненій и распространяться въ исчисленіи нравственныхъ подражаній. Много было бѣды, много было и смѣху отъ того, что малые люди хотѣли подражать великимъ. Я перебиралъ многія подражанія въ моей памяти, и смѣялся. Туманъ надъ Дудоровскою горою породилъ во мнѣ много мыслей. Вотъ что называется изъ песку веревку вить: философствовать, глядя на туманъ!

Городъ, особенно столица, есть средоточіе промышленности, слѣдовательно и бо-

татства для человѣка трудолюбиваго и воздержнаго. Отъ чего же подгородныя деревни возлѣ Петербурга бѣдны и дурно выстроены? Отъ того, что крестьяне болѣе думаютъ о наслажденіяхъ и удовольствіи своихъ прихотей, нежели о средствахъ къ спокойной и безбѣдной жизни. — Въ Петербургъ крестьянинъ можетъ продать все, чего въ отдаленныхъ провинціяхъ не возьмутъ даромъ. Солома, хворостъ, песокъ, камень — все покупается на наличныя деньги. Кто же виновать, если деньги остаются въ городѣ, а крестьянинъ возвращается домой съ пустыми руками и головою болью! Не на кого жаловаться! Посмотрите, въ какомъ довольствѣ живутъ Нѣмецкіе колонисты въ Стрѣльнѣ и Кипени. Дѣти ихъ научаются порядку и благонаравію въ школахъ, вмѣстѣ съ грамотою. Пасторы же проповѣдываютъ воздержность и трудолюбіе; примѣры отцевъ напутствуютъ юношество, и смиренные Нѣмцы работаютъ, живутъ чисто и ни въ чемъ не нуждаются. — Заведеніе колоній подъ Петербургомъ есть благотворная мысль нашихъ му-

дрыхъ Государей, которая со временемъ произведетъ свое настоящее дѣйствіе, т. е. что колоніи подадутъ примѣръ трудолюбія и благопріятія угрюмымъ Ингерманландцамъ. Дай Богъ поскорѣе! Должно имѣть терпѣнье: всѣ нравственныя перемѣны совершаются вѣками или, по крайней мѣрѣ, десятками годовъ.

Какъ хороша *Ропша* съ своимъ зеркальнымъ прудомъ и обширнымъ паркомъ, котораго издали нельзя отличить отъ лѣса, окружающаго сей увеселительной дворецъ съ одной стороны. Виды прелестныя: цѣпь возвышеній со стороны Краснаго села, обширная долина, усыпанная деревушками и зарослями, составляютъ прекрасную картину. Я не зашелъ посмотреть бумажную фабрику. — Механизмъ мнѣ извѣстенъ, бумага у меня въ шкатулкѣ — слѣдовательно довольно. — Я только полюбовался наружностью красиваго зданія.

Отъ Кипени до Чирковицъ, виды по обѣимъ сторонамъ дороги довольно хороши,

хотя много совершенно безплодныхъ мѣстъ. Между Чирковницами и Ополемъ я увидѣлъ въ первый разъ фруктовые сады у крестьянъ, и чрезвычайно обрадовался. Это уже знакъ довольства и нѣкотораго рода роскоши, ибо въ нашемъ Ингерманландскомъ климатѣ, гдѣ (какъ сказалъ одинъ нашъ пріятель) природа съ величайшимъ усиліемъ производитъ вѣники, надобно, чтобы крестьянинъ имѣлъ много времени для попеченія о садахъ. И въ самомъ дѣлѣ, здѣсь крестьяне богаты. Это Русскій народъ, трудолюбивый, смѣливый и промышленный. Село Ополе съ окружающими деревнями, всего около 2500 душъ принадлежало прежде фамиліи Графовъ Головкиныхъ, а нынѣ перешло въ родъ Графовъ Шуваловыхъ. Довольство крестьянъ даетъ самое лучшее понятіе о характерѣ помѣщика. Кто не зналъ покойнаго Генералъ - Адыютанта Графа Шувалова, тотъ пусть почерпнетъ матеріалы для его біографіи въ его вотчинѣ. Я видѣлъ Графа Шувалова на полѣ брани, въ Финляндіи, зналъ его какъ храбраго воина, искуснаго полковника.

водца и пріветливаго начальника — и теперь обрадовался, услышавъ, что Русскіе мужики благословляютъ память его, такъ же, какъ и Русскіе гренадеры. Графъ Шуваловъ безсмертенъ въ Военной Исторіи Россіянъ: онъ первый перешелъ въ Торнео по замерзшему морю, и своимъ чудеснымъ появленіемъ заставилъ гордыхъ Шведовъ смириться, и положить оружіе.

Вокругъ cadaго большаго города какъ вокругъ пчельнаго улья, вьются трутни, т. е. тунеядцы. Настающихъ часто встрѣчаются странники, которые путешествуютъ съ *попутчиками*: этимъ все уже сказано! На одной станціи подходитъ ко мнѣ незнакомый человекъ, небритый, въ пуху, въ картузѣ съ козырькомъ, съ малиновыми оттыками на блѣдномъ лицѣ, и спрашиваетъ меня, откуда я ѣду. Этотъ вопросъ удивилъ меня: всякому извѣстно, что дорога эта идетъ прямо изъ Петербурга. Не желая заводить знакомства, я вздумалъ отподчивать вопрошателя такимъ стѣтомъ, который бы прямо обна-

ружилъ мое намѣреніе: «я ѣду изъ Вѣны.» — «А куда, если смѣю спросить?» — «Въ Египетъ,» — отвѣчалъ я. — «Вѣрно на теплыя воды?» — возразилъ попутчикъ. — «Да, купаться въ Нилѣ.» — Онъ хотѣлъ меня спрашивать о Египтѣ, но я отговорился недосугоми, ушелъ въ другую комнату и заперъ за собою двери. — Я говорилъ уже, что за городомъ человекъ освобождается отъ приличій: это былъ первый опытъ, какъ отвязываться отъ неспособныхъ людей, и опытъ удался.

Древніе Новгородцы и Псковитяне всю западную Ингерманландію называли *Яною*. — Подъѣжая къ Ямбургу, понимаешь всю силу этого названія. По обѣимъ сторонамъ дороги, болота и мелкій лѣсъ, лѣсъ и болота. Туманъ вьется по землѣ и зловонные пары стѣсняють дыханіе. Я ѣхалъ ночью, или лучше сказать безсолнечнымъ днемъ, потому, что такъ было свѣтло, какъ среди туманнаго дня. Знаменитый Италіанскій Трагикъ Альфіери говорить въ своихъ запискахъ, что свѣтлыя ночи мучили его во время путеше-

ствія на Сѣверѣ. Онъ не могъ спать, томился, ожидалъ какого-то феномена въ природѣ, прѣхалъ на почтовыхъ изъ Финляндіи въ Петербургъ, провелъ одинъ день въ трактиръ и убѣжалъ въ свою Италію. Великій Поэтъ — а не догадливый человекъ! Стоило бы нанять квартиру въ домъ, гдѣ есть ставни, и дѣло съ концемъ; онъ могъ бы спать, мечтать во мракѣ, какъ въ Италиі. — Помни, такъ лучше свѣтъ вездѣ и во всемъ. — Мракъ произвестъ не трудно, но никакіе свѣтильники не замѣняютъ природнаго свѣта.

Великій Князь Новгородскій Владиміръ Ярославичъ отпалъ у Чуди Яму или Ингерманландію въ 1042 году. Это вѣрно. Теперь представляю вамъ, любезные читатели, вѣрить или не вѣрить преданію и даже писанному, что Новгородцы построили городъ Яму, въ 1383 году въ продолженіе 33 дней, и притомъ городъ каменный! Въ наше время, въ мѣсяцъ не построишь и одного дома, но древность тѣмъ хороша, что на нее все можно сваливать. — Простите мнѣ, тыи древ-

нихъ строителей города Ямы; но я сомнѣваюсь въ прочности вашей скороспѣлки, а еще болѣе точности повѣствованія Лѣтописцевъ. Если бъ это было сказано о нынѣшнемъ Ямбургѣ — иное дѣло; повѣрилъ бы на слово. Кромѣ огромной фабрики ситцевъ Г. Теша, Гостиного двора, построеннаго въ царствованіе Екатерины Великой и Почтового двора — такой городъ при усиліи можно построить въ 33 дни, Лифляндскіе рыцари сожгли Яму въ 1444 году, до основанія. Послѣ того онъ снова былъ выстроенъ и перешелъ во власть Шведовъ, которыхъ Новгородцы выгнали оттуда въ 1500 году. Не знаю, чѣмъ правился древній городъ Яма, только Шведы снова дрались за него, и взяли въ 1612 году. Петръ Великій кончилъ навѣки споръ, присоединивъ къ Россіи всѣ страны, за обладаніе которыми сосѣди дрались безпрестанно: Ямбургъ завоеванъ Петромъ въ 1703 году, въ эпоху построенія Петербурга. Екатерина Великая перестроила его и населила колонистами. — Здѣсь, еще во время Петра, положе-

но основаніе хрустальнымъ стекляннымъ заводамъ, которые принадлежали послѣ Князю Меншикову.

Рѣка Луга протекаетъ между крутыми берегами подъ Ямбургомъ. Съ этихъ береговъ, вѣроятно не разъ перестрѣливались Русскіе съ Чудью и Ливонцами. Мѣстополюженіе прекрасное для глазъ, но не для экипажей: спускъ труденъ. Можно съ горы прямо окунуться въ рѣку. Я перѣхалъ благополучно на паромъ, и сонный поскакалъ въ Нарву, куда прибылъ въ три часа утра.

П и с ь м о 2-е.

Нарва, 1-го Мая.

Если бѣ Нарва лежала ближе средоточію Европы, то романтическій видъ этого города былъ бы прославленъ Живописью и Поэзіею. Когда вы будете въ Нарвѣ и пожелаете насладиться симъ прелестнымъ зрѣлищемъ, то остановитесь въ Петербургскомъ предместьѣ, на скатѣ возвышенія, по кото-

рому проходить большая дорога. Я цѣлый часъ не могъ налюбоваться этою картиною. Влѣво отъ дороги возвышаются огромныя башни и колоссальныя стѣны Иванъ-города, построенныя на холмѣ, противъ замка Выи-города, съ высокою четверугольною башнею и каменною стѣною, утвержденною на крутомъ берегу быстрой и шумной Наровы. Рѣка разделяетъ сіи твердыни, нѣкогда враждебныя; теперь онѣ, подобно могиламъ двухъ непримиримыхъ непріятелей, стоятъ смиренно, въ мѣстахъ, бывшихъ свидѣтелями ихъ вражды, и только въ преданіяхъ оживляютъ прежніе ужасы. Иванъ-городъ есть памятникъ силы характера Іоанна Великаго. Только Воля Самодержца Россіи могла воздвигнуть сіи стѣны на ружейный выстрѣлъ отъ вражеской твердыни, на самомъ рубежѣ безлюдной Ингріи, въ отдаленіи отъ Русскаго народонаселенія. Самое строеніе носитъ на себѣ отпечатокъ величія перваго строителя: Иванъ-городъ, кажется, построенъ исполинами. Огромные камни и плиты, сложенные съ удивительнымъ искусствомъ до вы-

соты необыкновенной, образуютъ красивыя башни, правильные своды, извилистые переходы и бойницы, устремленные на городъ. Направленіе бойницъ показываетъ цѣль построения замка. Теперь гроза Нарвы служить ей украшеніемъ. Замокъ Вышгородъ соединяется съ стѣнами, окружающими городъ Нарву, которыя, такъ сказать срослись съ крутымъ и каменистымъ берегомъ Наровы. За сею крѣпостною стѣною, прямо передо мною, свѣтятся высокія черепичныя крыши и готическія окна древнихъ домовъ, и нѣсколько башенъ возвышается изъ кучи строеній. Кругомъ зелѣются поля и рощи; вдали видны селенія. Картина прекрасная, величественная!

Нарва, подобно старой кокеткѣ, скрываетъ свои лѣта. Время построения ея неизвѣстно, и знаютъ достовѣрно только то, что Датскій Король Вольдемаръ укрѣпилъ ее около 1220 года. Съ тѣхъ поръ Исторія Нарвы представляетъ одни бѣдствія, и умалчиваетъ о временахъ ея благоденствія. Нарва

часто переходила изъ рукъ въ руки, то продажею, то союзами, то силою. Иванъ-городъ, вскорѣ послѣ построенія, взятъ былъ Шведами, но отнять обратно Русскими, которые безпрестанно беспокоили окрестныхъ жителей набѣгами изъ сей крѣпости, и довели Ливонцевъ до того, что знаменитый Плетенбергъ, Гермейстеръ ордена, рѣшился внести войну въ сердце Россіи. Счастіе измѣнило покорителю Казани и Астрахани; Плетенбергъ, пользуясь превосходствомъ своей артиллеріи и регулярной конницы, одержалъ побѣду надъ Русскими, и въ 1501 году взялъ многіе города, разорилъ замки и между прочими сжегъ Иванъ-городъ. Послѣ этой войны миръ между Россією и Ливонією продолжался пятьдесятъ лѣтъ. Ливонія ожила; земледѣліе и торговля распространились, жители отдохнули, ибо одна Россія была ужасна ордену. Эта эпоха была благодѣтельною для Нарвы, и поставила ее въ число первыхъ торговыхъ городовъ Ливоніи, но не на долго. Іоаннъ Грозный вторгнулся въ Ливонію съ многочисленнымъ войскомъ (въ 1558 году) въ отомщеніе

за обиды, нанесенныя его дѣду и въ наказаніе за вѣроломство Ливонцевъ, которые, отклонивъ вооруженіе Іоанна обѣщаѣмъ платить дань, вскорѣ отказались отъ сей обязанности. Какъ истребительное пламя, разлилось Русское войско по несчастной странѣ, распространяя повсюду смерть и опустошеніе. Нарва подверглась участи пограничныхъ крѣпостей: одинъ отрядъ Русскихъ разоривъ окрестности, приступилъ къ сему городу, и началъ бомбардировать его столь сильно, что въ одинъ день брошено было болѣе 300 ядеръ и бомбъ. Устрашенные жители просили перемирія и позволенія послать выборныхъ въ Москву, для исходатайствованія милости Русскаго Царя. Іоаннъ согласился оставить городу весь привилегіи, съ тѣмъ, чтобы онъ правилъ Русскій гарнизонъ. Но между тѣмъ, пока переговоры происходили въ Москвѣ, Нарва пала подъ ударами Русскихъ мечей. Приближеніе Кетлера къ Нарвѣ возвысило гордость ея жителей; они, не взирая на перемиріе, въ одинъ праздничный день вздумали стрѣлять по осаж-

дающимъ и убили нѣсколько Русскихъ. Сіе вѣроломство возбудило жажду мести въ Русскихъ войнахъ, и пока начальники разсуждали о мѣрахъ къ нападенію на городъ, пожаръ печально возникъ въ Нарвѣ. Русскіе воспользовались смятеніемъ, бросились въплавъ чрезъ быструю Нарову, отбили ворота и овладѣли городомъ. Жители спаслись въ замкъ, и послѣ краткихъ переговоровъ, получили свободу остаться въ городѣ или искать убѣжища въ другомъ мѣстѣ. Городъ вновь выстроили, и онъ остался во власти Русскихъ до окончанія несчастной войны, въ которой Іоаннъ долженъ былъ уступить искусству и мужеству врага своего, Стефана Баторія.

Въ то время, когда Русскіе опустошали Ливонію, Нарва обогащалась посредствомъ торговли. Корабли Нѣмецкихъ приморскихъ городовъ приходили къ устью Наровы, чтобы имѣть непосредственную торговлю съ Россією. Заря благоденствія возсіяла надъ Нарвою, но на короткое время. По заключеніи союза между Польшою и Швецією противъ,

Россіи, Понтусъ де ла Гардій, съ отрядомъ Шведовъ вступилъ въ Эстонію, покорилъ многіе города, а между прочими взялъ штурмомъ Нарву и Иванъ-городъ. Грабежъ, убійство снова возобновились въ несчастномъ городѣ. Изнеможенная Нарва осталась въ рукахъ Шведовъ до временъ Петра Великаго. Время исцѣлило ея раны, и счастливое ея мѣстоположеніе для торговли снова обогатило ея жителей.

Настала ужасная борьба двухъ героевъ Сѣвера, и Нарва была свидѣтельницею первой неудачи Петра Великаго. Въ 1700 году 40,000 Русскихъ, подъ начальствомъ Принца де ла Кроа и Князя Долгорукаго, осадили Нарву. Известны несчастныя послѣдствія сего сраженія. Малодушіе Принца де ла Кроа, перешедшаго къ непріятелю, неустройство Русскихъ войскъ, неопытность начальниковъ доставили побѣду Карлу XII, предводительствовавшему малочисленнымъ, но отличнымъ и благоустроеннымъ воинствомъ. Великая душа не сму-

щается неудачами, и Петръ снова приступилъ къ Нарвѣ въ 1704 году. Шведы защищались отчаянно, и городъ взять штурмомъ. Ужасно было мщеніе Русскихъ за претерпѣнныя бѣдствія. Разъяренные воины не щадили ни лѣтъ, ни пола, и безъ разбора умерщвляли воиновъ и гражданъ. Узкія улицы Нарвы завалены были тѣлами несчастныхъ жертвъ и облиты кровію: имущество расхищено или истреблено. Вопли отчаянія заглушали воинскіе крики; звуки мечей и выстрѣлы раздавались въ домахъ: вездѣ сражались, повсюду умерщвляли безпощадно. Начальники не могли остановить кровопролитія и обезоружить мести. Самъ Петръ съ мечемъ въ рукъ пробѣгалъ по улицамъ, призывалъ къ должности воиновъ и увлеченный справедливымъ негодованіемъ, каралъ непослушныхъ. Вошедши въ домъ Бургомистра Гете, гдѣ собраны были старшины города, съ трепетомъ ожидавшіе смерти, Петръ, бросивъ на столъ окровавленный мечъ, сказалъ: « это кровь моихъ подданныхъ, проліянная для вашей защиты!»

— Старшины упали къ ногамъ побѣдителя, и получили помилованіе.

Симъ кончится краткая, но кровавая Исторія Нарвы. Послѣдній ударъ сокрушилъ навсегда ея могущество, и Нарва осталась понинѣ малолюднымъ и унымымъ городомъ.

Приводя на память всѣ горестныя событія, я печально проходилъ по тѣснымъ и пустымъ улицамъ города. Хотя погода была прекрасная, но я не встрѣтилъ ни одного жителя, и только видѣлъ древнія изваянія надъ дверями домовъ готической архитектуры. Преображенскій Соборъ, Греко-Россійскаго исповѣданія, былъ прежде завоеванія Нарвы Лютеранскою церковью. Наружность его не представляетъ ничего великолѣпнаго: это четверугольное низкое зданіе съ высокою башнею, построенною въ самомъ фасадѣ. На деревянныхъ хорахъ, на амвонѣ, и на большихъ стѣнныхъ часахъ, равно какъ вокругъ стѣнъ сохранились Нѣмецкія надписи изъ Священнаго Пи-

санія. Подъ часами означенъ 1666 годъ. Амвонъ поддерживается деревянною фигурою рѣзной работы. Царскія двери, рѣзной работы, украшены рѣзными же изображеніями Божіей Матери и 12-ти Апостоловъ. Вокругъ алтаря Ангелы держатъ подсвѣчники. Всѣ сіи украшенія принадлежали древней Лютеранской церкви, и сохраняются какъ памятники великаго событія временъ Петра Великаго. Полъ составленъ изъ надгробныхъ камней Шведскихъ и Эстляндскихъ дворянъ, съ гербами и надписями на Нѣмецкомъ, Шведскомъ и Латинскомъ языкахъ. Самое древнее надгробіе принадлежитъ къ половинѣ 16-го вѣка. Лютеранская церковь, находящаяся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Русскаго Собора, почти такой же архитектуры. Въ ней замѣчательны органы отличной работы. Во время игры, два позолоченные Херувима ударяютъ въ литавры. Полъ также составленъ изъ надгробныхъ камней; но самый древній памятникъ не далѣе половины 17-го вѣка. Въ городѣ находится еще

новая Финская церковь, которой я не осматривалъ.

Обошедъ вокругъ города, я возвратился въ предместье, и осмотрѣлъ внутренность Иванъ-города. Здѣсь находится древняя Русская церковь, которой внутренности я не видалъ. Близъ оной стоитъ ротонда, весьма хорошо сохранившаяся, отличной архитектуры, въ Италіянскомъ вкусѣ. Неизвѣстно, что было въ ней, но вѣроятно Католическая или Лютеранская церковь, построенная Ливонскими рыцарями, во время обладанія Иванъ-городомъ. Стѣны и башни вокругъ обрушаются съ внутренней стороны: время грызетъ крыши на башняхъ и разгребаетъ крѣпко спаленные утесы. Темныя подземелья, дышащая сыростью, заставляютъ угадывать о первоначальномъ ихъ назначеніи, когда обычай повелевалъ отмщать на плѣнникахъ понесенный вредъ или оскорбленіе отъ непріятеля. Въ Иванъ-городѣ, кромѣ магазина и двухъ небольшихъ казармъ, нѣтъ никакихъ строеній. Тамъ,

гдѣ нѣкогда буйная рать воспламенялась жаждою кровавыхъ боевъ, нынѣ садятъ огородные овощи. Одно лучше и полезнѣе другаго.

Въ замкѣ Вышгородѣ, напротивъ того, находятся большія казармы и жилища для чиновниковъ; но древняя башня и ея крыша уже начали споръ съ сокрушительнымъ временемъ.

Не знаю, весело ли жить въ Нарвѣ, но на меня навела она грусть мрачными воспоминаніями битвъ и штурмовъ, тѣсными улицами, безмолвіемъ и бездѣйственностью. Можетъ быть, я понаѣмъ туда въ тихій часъ (въ 11 часовъ утра); но въ продолженіе двухъ часовъ, я слышалъ въ городѣ только отдаленный шумъ Наровы и звуки шаговъ моихъ. Все это не мысляетъ семейственному счастью, и въ Нарвѣ, подъ высокими черепичными крышками, вѣроятно, болѣе семейныхъ добродѣтелей, нежели въ шумныхъ, волнуемыхъ страстями столицахъ. Можетъ быть, это лучше для нравовъ, что

здѣшнія красавицы не ходятъ безъ надобности по улицамъ, которыя, кажется, вымощены ревнивыми мужьями именно для того, чтобъ отвадить отъ прогулки. Впрочемъ въ домахъ здѣсь чрезвычайно чисто, и сквозь свѣтлыя окна выглядываетъ здоровье и довольство. Петербургскій трактиръ на углу площади отличается чистотою и красивостью зданія. Я весьма сожалею, что остановился на почтовомъ дворѣ, по незнанію мѣстностей. Совѣтую всѣмъ путешественникамъ останавливаться въ трактирахъ, гдѣ лучше услуживаютъ, лучше кормятъ и берутъ за все вдвое дешевле, нежели на почтовыхъ станціяхъ.

Нарескій водопадъ, 19-го Мая.

Рѣка Нарова выходитъ изъ Чудскаго озера, и протекая по рубежу Ингерманландіи, около 70 верстъ, впадаетъ въ Финскій заливъ въ 12 верстахъ отъ Нарвы. Въ двухъ верстахъ выше города русло рѣки опускается на 20 футовъ, и Нарова раздѣляясь на два рукава, низвергается быстро съ камен-

ныхъ утесовъ по обѣимъ сторонамъ острова, и такимъ образомъ составляетъ два водопада, большой и малый. У самого водопада находится прекрасная мыза Іоала или Ювала, принадлежащая Коммерціи Совѣтнику Венедикту Венедиктовичу Крамеру. На берегу построены пыльные и мукомольныя мельницы; въ нѣсколькихъ шагахъ ниже водопада стоитъ мостъ, по которому проѣзжаютъ на островъ, называемый по имени влстителя Сутговымъ, гдѣ также пыльные мельницы. На противоположномъ берегу лежитъ суконная фабрика и строенія, принадлежащія къ мызѣ Іоала. Вотъ краткая топографія окрестностей водопада.

При самомъ выѣздѣ за городскія ворота, слышенъ шумъ водопада, увеличивающійся по мѣрѣ приближенія къ оному. Прибывъ къ мызѣ Іоала, я пошелъ пѣшкомъ на холмъ, лежащій по лѣвую сторону дороги, гдѣ находится небольшая часовня и Русское кладбище. Отсюда я въ первый разъ взглянулъ на водопадъ, и нѣсколько минутъ оставался въ совершенномъ забвеніи.

Какое величественное зрѣлище, и какимъ образомъ передать его моимъ читателямъ! Какъ назвать этотъ цвѣтъ воды, кипящей внизу и образующей надъ рѣкою радужное облако? Этого цвѣта нельзя сравнить ни съ близкою снѣга, ни съ блестящимъ инеемъ, ни съ легкою пѣною. Я не могу выразить иначе видимой мною картины, какъ повторяя стихи Державина:

Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыре скаламъ;
Жемчугу бездна и серебра,
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далеко ревъ въ лѣсу шумитъ.

Вотъ картина водопада, списанная съ природы со всюю точностью Поэта-Живописца! Нѣтъ, это не напыщенность слога, не преувеличеніе, не ипербола, не вымыселъ Поэзіи, но истина. Кажется, будто видишь растопленное серебро, выброшенное на поверхность земли вулканомъ, и брызжущее

жемчугомъ и алмазами. Очарованіе столь сильно дѣйствуетъ на воображеніе, что долго не хочется вѣрить, чтобы вода, чистая вода въ сліяніи съ солнечными лучами, могла производить столько блеску и раждать столько радужныхъ цвѣтовъ. Удивляясь водопаду и Державину, я невольно вспомнилъ о его подражателяхъ, усиливавшихся стихами описать величіе сего зрѣлища. Державину досталось серебро и брилліанты, а подражателямъ — вода!

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ водопада, вода ниспадаетъ зеркальною дугою, которая кажется неподвижною; но почти вездѣ вода, разбиваясь о неровную покатость утеса, летитъ внизъ серебряною струею. У подножія сей природной стѣны, перестѣкающей рѣку, брызжутъ зеркальные и пѣнистые фонтаны. Въ самомъ водопадѣ, вы видите только силу воды; далѣе видна быстрота ея теченія. Волны какъ мысль скользятъ по поверхности утесовъ и уносятся въ море — въ вѣчность! Ужасы природы рас-

полагають душу къ смиренію и къ унылымъ опущеніямъ. Передо мною сверкала съ ревомъ водопадъ, вокругъ меня разбросаны были могильные кресты. Сила природы и слабость человѣчества были у меня передъ глазами; величіе созданія и ничтожество нашихъ замысловъ рѣзкими чертами изображались на утесахъ, разрываемыхъ волнами и на надгробныхъ камняхъ, исчерченныхъ рукою человѣка. На кладбищѣ глядя на ревущій водопадъ, я повторялъ стихи Державина :

Не такъ ли время съ неба льется,
Кипитъ стремленіе страстей,
Честь блещетъ, слава раздается.
Мелькаетъ счастье нашихъ дней !

Сильныя впечатлѣнія утомляютъ душу, точно такъ же, какъ необыкновенный трудъ изнуряетъ тѣло. Я сошелъ съ кладбища и пошелъ по мосту на островъ.

Близъ самаго водопада на козлахъ укрѣплены доски, каждая съ выдавшимся кон-

цемъ, на которомъ смѣлый рыболовъ, держится одною силою тяготѣнія, надъ смертію, и съ острогомъ сторожить рыбу, которая снизу подходитъ къ водопаду, извиваясь между камнями на свѣтломъ днѣ. Одно неправильное движеніе, одно неловкое наклоненіе — и рыболовъ низвергается на камни; но онъ ознакомленъ съ опасностью, и будучи самъ на волосъ отъ смерти, истребляетъ другія существа, ищущія, подобно ему, пропитанія. Смиримся предъ законами Провидѣнія !

Я вошелъ въ пыльную мельницу, и былъ почти оглушенъ удвоеннымъ шумомъ отъ колесъ и отъ водопада. Промышленность изъ всего извлекаетъ пользу, и люди заставили грозный водопадъ вертѣть колеса мельницы ! Работники всѣ Русскіе: одинъ изъ нихъ отворилъ мнѣ опускающія двери въ полу мельницы, и цѣлый адъ открылся предо мною. Стукъ, ревъ, брызги, пѣна — я захлопнулъ дверь: голова у меня закружилась.

Подивитесь Русской смѣлости; на пильной мельницѣ есть работникъ Иванъ, родомъ изъ Вологодской губерніи, человѣкъ лѣтъ сорока, который, въ угодность путешественникамъ, спускается въ самый водопадъ и на четверенькахъ проползаетъ чрезъ всю рѣку узкою тропою, между скалою и низвергающеюся водою. Онъ говоритъ, что этотъ путь неопасенъ, что подъ водою свѣтло, но что мѣсто слишкомъ тѣсно и скользко, и потому, если бревно нанесется водою, тогда можно быть раздавленнымъ. Я посмотрѣлъ на шестъ, по которому Иванъ спускается въ подводный путь, но не хотѣлъ испытывать его мужества. Я бы всю жизнь не простилъ себѣ, если бъ, для удовольствія пустаго любопытства, былъ причиною гибели человѣка.

Съ полнымъ сердцемъ и смѣшанными мыслями, я возвратился на почтовую станцію. Хотѣлъ писать и не могъ. Завтра ѣду въ Дерптъ, и съ дороги напишу о Нарвѣ.

П и с ь м о 3-е.

Путь отъ Нарвы до Дерпта, (19 и 20 Мая).

Слава Русскихъ ямщиковъ гремить по свѣту болѣе и далѣе, нежели слава многихъ нашихъ словесниковъ и разумниковъ. Всѣ путешественники, свои и чужіе, превозносятъ ловкость, искусство и доброхотство Русскихъ ямщиковъ — и мнѣ остается только подтвердить всѣми сказанное. Въ одну минуту экипажъ подмазываетъ, лошади выпряжены. По вашему мановенію ямщикъ, иногда мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, вспрыгиваетъ на козлы; встряхнулъ возжами, свиснулъ, крикнулъ и понесся вихремъ по ровному шоссе, которое устроено отъ Петербурга до Нарвы, и содержится въ самомъ лучшемъ порядкѣ.

Въ Петербургской губерніи всѣ почтовые станціи выстроены и меблированы на казенный счетъ, по одному образцу. Это самое производитъ въ путешественникъ странная впечатлѣнія: ѣдешь двадцать, пятьдесять

сать, сто верстъ, входишь въ домъ, и кажется, будто не выѣзжалъ съ первой станціи; все одно и тоже. Эти казенные дома обитаемы обыкновенно двумя разнородными властями. Смотритель станціи занимается только прописываніемъ подорожныхъ, и имѣетъ начальство надъ ямщиками. Содержатель гостиницы обязанъ удовлетворять гастрономическимъ потребностямъ проезжихъ, и наблюдать за чистотою ко инать. Смотрители вообще вѣжливы и услужливы, но содержатели гостиницъ весьма морщатся и косо поглядываютъ на проезжихъ, которые не чувствуютъ ни голода, ни жажды, и обыкновенно заставляютъ платить одного прогодовавшагося за десятерыхъ сытыхъ, которые проѣхали мимо, не требуя ничего въ трактиръ. Самые пріятные путешественники для содержателей трактировъ были бы, извѣстный въ древности атлетъ Милонъ Кротонскій, (который убилъ кулакомъ быка и съѣлъ его въ одинъ день) и современный намъ Англійскій пивоваръ (не помню его прозванія), который выпивалъ въ сутки два

ведра портеру и дюжину бутылокъ вина. Только сомнѣваюсь, чтобы яствы и напитки нашихъ гостиницъ, пришли по вкусу ненасытнаго атлета и винопійцы Англичанина! При томъ же цѣны зависятъ отъ расположенія духа хозяевъ гостиницы, и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, горячая вода продается вътрое дороже, нежели въ другихъ мѣстахъ горячіе напитки. Чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ цѣны выше и неопредѣленнѣе.

Земля вокругъ Нарвы, (и по Дерптской дорогѣ, на разстояніи двухъ съ половиною станцій), состоитъ изъ плитнаго камня, прикрытаго на четверть плодородною землею. Твердую и ровную дорогу можно назвать природнымъ шоссе. Окрестности, до самой станціи Іеве, имѣютъ пріятный видъ: земля вездѣ хорошо воздѣлана и господскіе дома красивой наружности; они окружены садами и парками, которые чрезвычайно украшаютъ прелестныя, холмистыя мѣстоположенія. Мыза близъ станціи Вайвары и огромный господскій домъ въ Чудлѣ, отличаютъ

ся отъ другихъ мызъ прекраснымъ своимъ мѣстоположеніемъ и чистотою отдѣлки всѣхъ частей хозяйственныхъ заведеній. Между сими двумя станціями, дорога лежитъ вдоль Финскаго залива, по большою части, между воздѣланными полями. На каждомъ шагѣ встрѣчаются прекрасныя виды.

Что означаетъ это огромное, четвероугольное, деревянное зданіе, прикрытое полуспинившею соломою, съ закопѣлыми отверстиями, вмѣсто оконъ? Это жилище Эстонскаго поселенина; не домъ, а сарай, гдѣ цѣлѣ семейство помѣщается съ лошадьми, коровами и мелкимъ домашнимъ скотомъ, отдѣляемымъ только перегородками. Всѣ обитатели сего сарая, живутъ въ тѣсной дружбѣ и примѣрномъ согласіи между собою, питаютъ другъ друга и природною теплою нагрѣвають общее жилище, въ которомъ дымъ отъ огня, разложеннаго въ серединѣ, и запахъ крѣпкаго курительнаго табаку, суть самыя пріятныя благовонія. Надъ очагомъ виситъ котелъ, въ которомъ по временамъ

варится пища. Я не умѣю назвать ее: это родъ журнальной смѣси. Мука, картофель, рѣпа, молоко, мясо или сельди, все перемѣшано и сбито въ одну гущу. Вино, сельди и табакъ суть необходимы, безъ которыхъ Эстонецъ не можетъ жить. Вокругъ огня помѣщается семейство, въ часы отдохновенія, или въ ожиданіи *вкуснаго* обѣда. Растрепанныя Эстонскія красавицы съ серебряными большими запонками на груди, въ чепцахъ или въ красныхъ суконныхъ повязкахъ; полунагія ребятишки, родъ живыхъ копченыхъ окороковъ, и угрюмые, длинноволосые, сухощавые взрослые мужчины, такъ сказать, сросшіеся съ небольшими курительными трубками, составляютъ живописныя группы, для изображенія которыхъ кисть Теньера была бы слишкомъ нѣжною. Прибавьте къ этому нѣсколько животныхъ, ненавидимыхъ Евреями и Мусульманами, и кучи навоза, вокругъ стѣнъ внутри жилища, и вы будете имѣть понятіе о пріятности этой семейственной картины, или, какъ Нѣмцы говорятъ, *Familiengemälde*. Не бѣдность

и нужда заставляют Эстонцев вести этот образъ жизни. Сдѣланы были многіе опыты, со стороны Правительства и помѣщиковъ, чтобы заставить ихъ жить въ чистыхъ домахъ, которые строили для нихъ безденежно. Эстонцы почитали это насиліемъ и просили оставить ихъ въ покоѣ, при образѣ жизни ихъ предковъ.

Но не думайте, чтобы Эстонцы, похожіе образомъ жизни и наружностью на туземцевъ Мыса Доброй Надежды, были столь же дики и необразованы, какъ сіи послѣдніе. Нѣтъ! всѣ Эстонцы умѣютъ читать и писать на своемъ природномъ языкѣ, имѣютъ основательныя понятія о религіи, усердны къ вѣрѣ, съ удовольствіемъ слушаютъ церковныя поученія и основательно разсуждаютъ о предметахъ, непревышающихъ степени ихъ образованности и относящихся до ихъ благосостоянія. Привычка, другая природа, заставляетъ ихъ придерживаться старины, которая хотя непривлекательна для насъ но дорога для людей съ чувствомъ. Сія при-

вязанность къ древнимъ обычаямъ, есть черта ихъ твердаго, неукротимаго, настойчиваго характера. Эстонцы, (какъ я уже сказалъ въ обзорѣ Ливонской Исторіи), всегда отличались мужествомъ, и Карлъ XII почиталъ Эстонскіе полки лучшими въ своей арміи. Эстонецъ вѣренъ добродушному и благодаренъ за сдѣланное ему добро; но мстителенъ въ случаѣ обиды и оскорбленій. Грубость его, которую нѣкоторые приписываютъ дикости, есть слѣдствіе народной гордости. Эстонецъ почитаетъ себя выше другихъ племенъ, и о Нѣмцахъ, которыхъ онъ называетъ Саксами, говорить съ презрѣніемъ. О способностяхъ Эстонцевъ къ принятію высшаго образованія, можно судить по дворовымъ людямъ. Нѣкоторые служанки и слуги, воспитанные въ домахъ господскихъ, выучившіеся Нѣмецкому языку и приглядѣвшіеся къ утонченностямъ жизни, удивляютъ своимъ умомъ, понятливостью и пріемами: ихъ можно почтить Нѣмцами изъ среды просвѣщенной Германіи. Все зависитъ отъ воспитанія!

Почти всѣ путешественники осыпали Эстонцевъ бранью и упреками. Я, напротивъ того, имѣю къ нимъ уваженіе за твердость ихъ характера, богобоязливость и за то, что они чувствуютъ достоинство чело-вѣка. Конечно, послѣ Русскихъ удалцевъ, непріятно имѣть дѣло съ неповоротливимъ, безмолвнымъ Эстонцемъ, который обращаетъ болѣе вниманія на свою трубку, нежели на вашъ экипажъ, не трогается вашими угрозами и понужденіями, гордо посматриваетъ на васъ, и даже тихою ѣздою отмщаетъ за грубость путешественника. Но Эстонецъ чувствителенъ къ ласковому обхожденію. Доброе слово, шутка, стаканъ вина выводятъ Эстонца изъ его угрюмости: онъ весело везетъ васъ, шутитъ, старается угодить и рекомендуетъ на другой станціи *добраго господина*. Добро, подобно теплотѣ, проникаетъ нечувствительно самыя грубыя и твердыя тѣла. Правда, надобно имѣть много терпѣнія съ Эстонцами: но чело-вѣкъ, который ставитъ себя выше другихъ умомъ, дол-

женъ быть снисходительнѣе другихъ къ слабости и необразованности.

Отъ станціи Малой Пунгернъ до Ранна-Пунгернъ, дорога песчаная, скучная, идущая по землѣ безплодной; а отъ Ранна-Пунгернъ до Ненналя, лѣсъ, песокъ, болото, безплодье, безлюдье и скука. Но пустыня сія оживляется видомъ Чудскаго озера, которое начинаетъ быть видимымъ съ дороги, при въѣздѣ въ небольшую Русскую деревню: какъ будто волшебствомъ вы переноситесь въ Россію. Здѣсь, среди инноплеменниковъ, ошутительно превосходство Русскаго народа, въ отношеніи къ промышленности, предъ всѣми народами, населяющими обширную Имперію. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ малой деревни, на берегу озера, лежитъ большое Русское село, называемое *Черною деревнею*. Для Русскаго путешественника это то же, что нечаянная встрѣча роднаго брата въ Аравійской пустынѣ. — Черная деревня построена прекрасно: большая часть домовъ въ два этажа съ вышками и балконами. По-

встоду видны лавки, ремесленные заведенія, рыболовные орудія; отвстоду выплывають довольство и веселость. Я проѣзжалъ черезъ Черную деревню вечеромъ. Многочисленное стадо рогатаго екота возвращалось съ поля. Улицы наполнены были пародомъ. Рослые, здоровые и сильные мужчины толпились на срединѣ; румяныя и блондины красавицы стояли у воротъ, ожидая коровъ. Дети, прекрасныя какъ амурь, порхали изъ одного мѣста въ другое. Я остановился, чтобъ поговорить съ крестьянами, полюбоваться на красавицъ, расцѣловать милыхъ ребятъ, и наговориться по-Русски до сыта. Я узналъ, что здѣшніе крестьяне экономическіе, и что въ деревнѣ много мѣщанъ. Они все старообрядцы, и переселились сюда во время Шведскаго владычества. По произношенію, я тотчасъ догадался, что они Псковичи, или, по раздѣленію покойнаго Зоріява Ходаковского, принадлежать къ племени Кривичей. Здѣшніе поселяне ведутъ обширную торговлю сухою рыбою и пенькою, ткуть полотно, из-

возникають, преимущественно же занимаются рыбною ловлею; небольшія поля и огороды обрабатываютъ только для домашняго обиходу. Все они знаютъ Эстонскій языкъ, но живутъ по-Русски. Они весьма довольны своимъ состояніемъ и въ полной мѣрѣ счастливы. Состояніе ихъ улучшилось въ теченіе послѣднихъ пятнадцати лѣтъ.

Чудское озеро простирается въ длину на 84 версты, въ ширину на 56 верстъ, и имѣетъ нѣсколько острововъ, изъ которыхъ нѣкоторые обитаемы. Оно принимаетъ въ себя 90 рѣкъ и рѣчекъ, и втекаетъ въ море одною только Нарвою. Суда изъ Чудскаго озера могутъ по Наровѣ доходить на три версты до водонада, и отъ того съ моремъ нѣтъ водянаго сообщенія. Если бы возможно было прорыть каналъ отъ сего мѣста за Нарву, гдѣ Нарва снова становится судоходною, то внутренняя промышленность получила бы значительныя выгоды, и быть можетъ, что на берегу Чудскаго озера, возникли бы города на сыпучемъ песку, подобно Ригѣ. Препж.

де, Чудское озеро было пограничнымъ между Россією и Ливонією, и оно было свидѣлемъ многихъ кровавыхъ битвъ и блестящихъ подвиговъ. До 17-го столѣтія въ Дерптѣ, на Эмбахѣ, была верфь, гдѣ строились военныя парусныя и гребныя суда. Нѣтъ сомнѣнія, что и древніе Псковичи, на своихъ ладьяхъ, воевали на озерѣ и нападали на непріятельскіе берега. И нынѣ падутъ суда изъ рѣки Великой къ самымъ Наровскимъ порогамъ, но суда мирныя, нагруженныя произведеніями земли и промышленности. Воображенію моему представились тѣ времена, когда удалство почиталось добродѣтелью во Псковѣ и Новгородѣ, когда буйное юношество, алчное боевъ, искало славы и добычи на сушѣ и на водахъ, собиралось толпами и вторгалось въ иноплеменные предѣлы, распространяя повсюду смерть и опустошеніе. По Невѣ, Русскія ладьи спускались въ Финской заливъ и Балтійское море, по рѣкѣ Великой входили въ Чудское озеро; прибрежные жители всегда были въ страхѣ отъ печальныхъ нападеній, или принуждены

были покупать спокойствіе богатою данью. Передо мною мелькали теперь легкія суда рыболововъ: спокойствіе и тишина царствовали кругомъ. Цѣлое столѣтіе протекло съ тѣхъ поръ, какъ звуки военной трубы раздавались надъ волнами озера.

Въ 1702 году, Шведская флотилія на Чудскомъ озерѣ побѣждена простыми Русскими лодками. Шведскій Капитанъ Гекен-Флихтъ, будучи окруженъ гребными Русскими судами, предпочелъ геройскую смерть плѣну: самъ зажегъ порохъ въ крѣпостной камерѣ и взлетѣлъ на воздухъ съ 70 человѣкъ экипажа. Въ 1704 году, во время осады Дерпта Генераломъ Шереметевымъ, 14 Шведскихъ судовъ, на которыхъ находилось 108 пушекъ, были взяты также Русскими лодками близъ устья Эмбаха. Шведскій Полковникъ Лешеръ не хотѣлъ пережить стыда и также взорвалъ на воздухъ свой корабль. Память героевъ всѣхъ націй священна для человечества, и слава побѣжденныхъ отражается на побѣдителяхъ.

Я имѣлъ время размышлять, едва двигаясь по бесчаному морю отъ Ранна-Пунгеритъ, до Пенналя и до самой Черной дельвины. Шесть тощихъ лошадей съ трудомъ тащили мой легкій экипажъ. Одни воспоминанія прошедшаго разгоняли грусть, наводившую печальными окрестностями. Въ полночь я прибылъ въ Торма, остановился только для перемѣны лошадей и встрѣтилъ восходящее солнце въ Ихгаферъ. Отсюда до самаго Дерпта, за исключеніемъ нѣсколькихъ верстъ, прекрасные виды и воздымавшіяся поля представляются по обѣимъ сторонамъ дороги; небольшія возвышенія, утѣшительныя зеленые, разнообразяющія ландшафты. Душа невольно повинуется вѣтвицамъ впечатлѣніямъ: я ожилъ духомъ, выѣхавъ изъ песчаныхъ стѣнъ, и наслаждался пріятнымъ утреннимъ воздухомъ, пѣніемъ птицъ и картинами природы. Въ самомъ веселомъ расположеніи, выѣхавши въ Дерптъ въ 7 часовъ утра, и увидѣвъ Профессоровъ и студентовъ здѣшняго Университета, толпившихся на улицахъ съ книгами и бумагами, вос-

кликнуть, подобно челоѣку, спасшемуся отъ кораблекрушенія: земля, земля! люди, люди!

П и с ь м о 4-е.

Дерптъ, 20, 21 и 22 Мая.

Проѣхавъ по чистымъ Дерптскимъ улицамъ, между рядами красныхъ каменныхъ домовъ, я остановился на главной площади, открытой и нѣсколько покатой къ великолѣпному мосту на рѣкѣ Эмбахъ, напротивъ котораго возвышается Ратуша, съ высокою башнею. Удержавъ тяжестью металла нестерпимое Эстонскаго почталіона, я пошелъ пѣшкомъ отыскивать для себя квартиру, или, по старой военной привычкѣ, рекогносцировать предъ занятіемъ лагеря. Трактиръ Лондонъ показался мнѣ неудобнымъ для долгаго квартированія, не взирая на внутреннюю чистоту и красивую его наружность. Комнаты въ немъ, такъ сказать, слишкомъ сбиты въ одну кучу; въ промежутокѣ мало простору, а къ тому жъ нѣтъ

каретныхъ сараевъ, и дворъ или дворикъ миніатюрнаго пространства, въ это время уставленъ былъ экипажами и наполненъ служителями. Мы повторяемъ въ ежедневной молитвѣ: *и не введи насъ со искушеніе*. Благо-разуміе велитъ намъ предупреждать зло и удалять не только отъ себя, но и отъ другихъ всѣ случаи къ посползновенію, къ возможности сдѣлать дурное. Не подозрѣвая никого въ дурномъ умыслѣ, я не желалъ на счетъ моихъ сундуковъ, испытывать Эстонскихъ почталіоновъ и проѣзжихъ служителей, твердо ли они соблюдаютъ осьмую заповѣдь, не хотѣлъ также отряжать въ безсмысленный караулъ моего служителя, и потому рѣшился искать просторной квартиры. Нужду мою повѣрилъ я прохожему, доброму Нѣмцу, который мнѣ сказалъ: «подавай отсюда, находится Петербургскій трактиръ: его содержитъ 38 лѣтъ пожилая, почтенная хозяйка, Г-жа Баумгартенъ. Этотъ трактиръ нынѣ мало посѣщаемъ: дилжансы и всѣ почти проѣзжіе останавливаются въ Лондонѣ.» — Я поблагодарилъ учтиваго прохожаго и по-

ѣхалъ прямо къ Г-жѣ Баумгартенъ изъ любви къ древностямъ, къ простору и по чувству справедливости.

Описывая пребываніе мое въ Дерптъ, я долженъ начать съ моего жилища. Скажу въ короткихъ словахъ, что отъ самаго Петербурга до Полаנגена, я нигдѣ такъ хорошо и такъ дешево не жилъ, какъ въ Дерптѣ. Комнаты чистыя, столъ за два рубля, прекрасный, и къ тому же, при домѣ есть садикъ, наполненный цвѣтами и душистыми деревьями, гдѣ въ лѣтнее время гораздо пріятнѣе обѣдать и проводить время, нежели въ душныхъ комнатахъ. *Tel maitre, tel valet.* У привѣтливой и добродушной Г-жи Баумгартенъ не многочисленная, но усердная прислуга въ трактирѣ. Если кто изъ моихъ читателей будетъ проѣзжать чрезъ Дерптъ и остановится въ Петербургскомъ трактирѣ, то вѣрно подтвердитъ все сказанное мною.

Въ Дерптѣ живешь, уже 4 года, нашъ Поэтъ Языковъ, успѣвшій въ юныхъ лѣтахъ составить себѣ блестящую извѣстность

(réputation) въ Литературѣ. Поэзія есть даръ природы, не приобретаемый ученіемъ. Это правда. Но тѣ ошибаются, которые думаютъ, что Поэтъ не долженъ заниматься Науками, а только прогуливаться, питаться и спать въ ожиданіи вдохновенія. Всѣ великіе Поэты были людьми учеными. Байронъ, Гете, Шиллеръ учились въ Университетахъ, и нашъ великій Державинъ, принадлежавшій изученію Древнихъ и чтеніемъ, замѣнилъ недостатокъ первоначальнаго воспитанія. — Гений художникъ, природа матеріалъ, Наука орудіе, безъ которыхъ художникъ никогда не соорудитъ зданія твердаго, прочнаго, образцоваго. — Языковъ, какъ человѣкъ съ необыкновеннымъ дарованіемъ, постигнулъ свое назначеніе. Онъ, въ юныхъ лѣтахъ, будучи полнымъ властелиномъ своей воли, посвятилъ Наукамъ то время, которое другіе юноши, жадные чиновъ, употребляютъ на переписку бумагъ въ канцеляріяхъ, не будучи въ состояніи, по молодости и по неопытности, заняться важными дѣлами. Отъ того-то, всѣ про-

изведенія Языкова, носятъ на себѣ отпечатокъ ранней зрѣлости, познанія Исторіи, мѣстностей, нѣтическихъ принциповъ, кромѣ глубокаго чувства и свѣжести мыслей, которыя принадлежать одной природѣ. Между образованнымъ Поэтомъ, съ одинаковымъ природнымъ дарованіемъ, такая точная разница, какъ между умнымъ грамотнымъ и смышленнымъ безграмотнымъ человѣкомъ.

Любезный Поэтъ взялся быть мовѣмъ путеводителемъ по городу. Дерптъ самый древній городъ въ Ливоніи, но въ немъ нѣтъ древностей, кромѣ остатка стѣны и развалинъ собора, о которомъ сказано будетъ ниже. Не время, но лютоетъ человѣческая и пламя истребили слѣды древняго Дерпта. Городъ построенъ въ долину, между высокими холмами по берегу Эмбаха и на скатѣ возвышеній. По своему положенію, онъ, со многихъ точекъ зрѣнія, представляется въ видѣ панорамы. Съ большой площади мы поднялись на гору, называемую Домъ (Doon), по имени древняго собора, кото-

рый нынѣ служить лучшимъ украшеніемъ городу. Половина его оставлена въ развалинахъ, которыя содержатся въ такомъ порядкѣ, какъ рѣдкость въ Музеѣ любителя древностей. Другая половина собора отдѣльна, и въ ней помѣщается Университетская Библіотека. Величественная готическая архитектура сего зданія и огромность его, заставляють вѣрить преданію о могуществѣ прежнихъ Епископовъ и богатствѣ города. Я не могъ узнать, въ которое время построень сей соборъ, но вѣроятно въ 13 вѣкѣ, при первыхъ Дерптскихъ Епископахъ. Въ 1763 и 1767 году намѣревались сдѣлать крѣпостныя строенія вокругъ Дерпта, по плану Генераль-Фельдцеймейстера Вильбоа; но предпріятіе сіе оставлено безъ исполненія, по той причинѣ, что невозможно было занять укрѣпленіями соседственныя возвышенія. Нынѣ остались только слѣды правильныхъ бастіоновъ на горѣ Домъ, которая принадлежитъ Университету; она усажена деревьями, украшена аллеями и дорожками, и составляетъ самое пріятное го-

родское гульбище, съ котораго видны цѣлый городъ и прелестныя окрестности. Здѣсь была цитадель, во время Шведскаго владычества. Выходить на гору должно чрезъ деревянныя ворота, надъ которыми устроена галлерей, соединяющая два отдѣленія горы, по обѣимъ сторонамъ дороги. На воротахъ начертано посвященіе сего мѣста Музамъ. Въ самомъ дѣлѣ здѣсь истинное жилище Музъ. Кромѣ Библіотеки, на сей горѣ находятся прекрасныя зданія: Обсерваторія, Анатомическій Театръ, и Медико-Хирургическая и Акушерская клиника. Теперь дѣлаются новыя пристройки и распространяются зданія.

Если бѣ гора Домъ съ своимъ Англійскимъ садомъ и развалинами, находилась въ какомъ нибудь Русскомъ или Французскомъ городѣ, то, безъ всякаго сомнѣнія, она была бы сборнымъ мѣстомъ всѣхъ ищущихъ прогулки и развлеченія въ лѣтнее время. Но Дерптскіе жители только въ началѣ весны, при первой зелени, посѣщаютъ сіе преле-

стное мѣсто. Здѣсь, при каждомъ почти домѣ есть садъ, и добрые Нѣмцы любятъ проводить время въ семейномъ кругу или въ обществѣ короткихъ пріятелей. Ливонскія красавицы боялся нескромныхъ взглядовъ пылаго юношества, и въ тѣни домашнихъ садиковъ, между цвѣтовъ, насажденныхъ ихъ нѣжными ручками, лелѣютъ свои прелести и усовершенствуются въ хозяйственныхъ обязанностяхъ. Въ праздничные дни, городскіе жители выезжаютъ за городъ къ знакомымъ помѣщикамъ, или гуляютъ въ уединенныхъ рощахъ, и великолѣпное гульбище, на горѣ Домъ, остается пустымъ.

Другой прекрасный видъ на городъ, изъ сада дворянской мусеи или лѣтняго клуба, лежащаго по правую сторону при въѣздѣ въ городъ отъ Петербурга, по ея сторонѣ Эмбаха. Въ этомъ саду, расположенномъ на скатѣ горы, находится самый возвышенный холмъ. Я съ величайшимъ удовольствіемъ провелъ здѣсь полчаса, любуясь видомъ города, который, какъ вгрупп-

жа, лежалъ передо мною: я могъ бы считать всѣ дома и всѣ улицы.

Развалины древняго собора представлялись отсюда въ самомъ живописномъ видѣ, и среди новыхъ, красивыхъ зданій, казался маститымъ старцемъ, окруженнымъ своимъ потомствомъ. Церковные шпицы и башни блестяли на солнцѣ съ одной стороны, а съ другой бросали длинныя тѣни на красныя черепичныя крыши домовъ. Въ лѣвой сторонѣ, по необозримому дугу, извивался Эмбахъ. Вода была непримѣтна въ отдаленіи, между зеленою; по бѣлые парусы, позлащенные солнечными лучами, указывали направленіе рѣки, и казались движущимися башнями по зеленому дугу. Ландшафтъ со всѣхъ сторонъ ограничивался горами, которыя терялись въ синевѣ горизонта.

По красотѣ домовъ, чистотѣ и широтѣ улицъ, Дерптъ можно назвать миниатюрою Петербурга. Соборная церковь Православнаго Греко-Россійскаго исповѣданія, великолѣпно украшенная внутри, отличается

также прекрасною Греческою архитектурою среднихъ вѣковъ. Университетское зданіе великолѣпнѣе и красивѣе зданія С. Петербургскаго Университета. Лютеранская церковь Св. Іоанна готической архитектуры, составляетъ пріятное разнообразіе съ окружающими ее новыми зданіями. Гостиный дворъ, расположенный на прекрасной площади, по берегу Эмбаха, могъ бы служить украшеніемъ самой многочисленной части столицы. Это обширное четвероугольное каменное зданіе, въ одинъ этажъ, въ видѣ портика съ величественною колоннадою, припоминающею серебряныя ряды въ Петербургѣ. Въ срединѣ чистый дворъ и лавки для поклажи товаровъ. Во время ярмарки, бывающей здѣсь въ Январѣ мѣсяцѣ, Гостиный дворъ, площадь и берегъ Эмбаха оживляются дѣятельностью и промышленностью. Теперь по большей части здѣсь торгуютъ Русскимъ товаромъ. За построеніе сего полезнаго зданія, городъ обязанъ нынѣшнему Генералъ Губернатору Остзейскихъ провинцій, Генералъ-Адъютанту Мар-

кизу Пауллучи. Городская Ратуша, зданіе красивое и огромное, припоминаетъ методу Графа Растрелли, строителя Зимняго дворца въ Петербургѣ. Площадь Ратуши вообще украшена такими домами, изъ которыхъ каждый не обезобразилъ бы лучшей улицы въ столицѣ. Но самое великолѣпное украшеніе города есть гранитный мостъ чрезъ рѣку Эмбахъ, припоминающій гранитные мосты на рѣкѣ Фонтанкѣ въ Петербургѣ. Мостъ сей служитъ памятникомъ благодарности Дерптскихъ жителей Екатеринѣ Великой, за вспомошествованіе, оказанное Ею городу послѣ несчастнаго пожара въ 1775 году, обратившаго въ пепелъ почти весь городъ. Со стороны города, на порталѣ моста, находится слѣдующая надпись:

siste hic impetus flumen
CATHARINA II.
Jubet
Cujus munificentia
haec moles
in commodum Publicum
extracta Livoniaeque primo
Ponte lapideo adornata.
M. D. C. C. L. XXXIII.

Дерить, съ Рижскимъ и Петербургскимъ форштатами (последній лежитъ за Эмбахомъ), имѣть въ длину двѣ версты, въ ширину одну, въ окружности семь-верстъ, а все пространство городекой земли не превышаетъ $4\frac{1}{2}$ квадратныхъ верстъ, включая и пустыя мѣста между строениями. Въ цѣломъ городъ находится съ небольшимъ 800 публичныхъ и частныхъ зданій, и въ томъ числѣ не болѣе 130 каменныхъ домовъ. Число зданій не соразмѣрно пространству; по садамъ и разстоянїямъ между домами, занимаютъ много мѣста. Жителей считается до 8000 съ половиною, или до 9000 обоего пола, Русскихъ, Нѣмцевъ и Эстонцевъ. Улицъ всего 99. Казалось бы по числу жителей, что улицы должны быть нѣсколько оживлены, но кромѣ студентовъ, я почти не видалъ на улицахъ жителей города. Изрѣдка проѣзжаетъ экипажъ по мостовой, сложенной изъ огромныхъ камней, и стукомъ своимъ вызываетъ къ окнамъ затворенныхъ хозяевъ домовъ. Желательно бы видѣть здѣсь частныя собранія, гдѣ умъ и лю-

безность имѣютъ обширное поприще выказаться во всемъ блескѣ, гдѣ скромная красота и ловкость въ обращенїи получаютъ дань похвалъ и удивленія, гдѣ угодливость и почтительная иѣзность изыскиваютъ всѣ средства, чтобы нравиться прекрасному полу и забавлять его. Я вспомнилъ о Франціи и Польшѣ, и не могъ довольно надивиться, что образованные Ливонцы не разучились понынѣ жить кастами. Здѣсь каждое сословіе дѣйствуетъ въ своемъ собственномъ кругѣ, не выходя изъ оный и не впускаетъ туда ни кого. Студенты водятся только между собою, и то еще по губерніямъ или по ландеманшафтамъ. Ученые имѣютъ свой особенный кругъ, рѣдко входятъ въ связи съ дворянами, и титулуются и уважаются не по ученымъ степенямъ, но по гражданскимъ чинамъ. Между помѣщиками, весьма много людей почтенныхъ, извѣстныхъ по отличной службѣ. Многъ съ величайшими похвалами говорили о Ландратѣ Липгартѣ, человѣкѣ ученомъ и богатомъ, который любитъ Науки и ученыхъ людей.

имѣть драгоценную библіотеку, и каждое Воскресенье принимаетъ у себя въ домѣ людей, отличныхъ познаніями въ Наукахъ, извѣстныхъ и значащихъ. Онъ живетъ въ двухъ верстахъ за городомъ, на прекрасной мызѣ Ратсгофъ, въ которой обширный паркъ посвященъ на всенародное гуляище. Я былъ тамъ именно въ Воскресенье, но не будучи знакомъ съ хозяиномъ, не смѣлъ войти въ его собственный садъ, а погулявъ въ паркѣ вмѣстѣ съ горожанами, возвратился въ городъ. За сію поѣздку обязанъ я почтенному Дерптскому полицмейстеру, Полковнику Ясинскому, который около 20 лѣтъ пользуется здѣсь всеобщою любовью и уваженіемъ жителей и студентовъ. Правду должно говорить всегда и вездѣ, и я повторяю только то, что слыхалъ со всѣхъ сторонъ. Почтенный полицмейстеръ, узнавъ по рапортамъ о моемъ пріѣздѣ въ городъ, сѣлся надъ бѣднымъ журналистомъ, заключеннымъ въ трактиръ въ воскресный день, и предложилъ мнѣ свой экипажъ для прогулки за городъ, съ моимъ семействомъ.

Угрюмая зима, стѣсная жизненные силы въ природѣ, заставляетъ сѣвернаго жителя противиться ея угнетенію, и насильственными средствами распространять кругъ своей дѣятельности. Зимой торговля заглядывается въ Дерптъ изъ приморскихъ портовъ и внутренности Россіи. Помѣщики, наскучивъ прислушиваться къ вою бурь и волковъ, пріѣзжаютъ въ Дерптъ, гдѣ въ дворянской и студентской *муссахъ* бываютъ балы, и гдѣ красавицы имѣютъ случай, нѣсколько разъ въ мѣсяцъ, повторить на опытъ уроки танцованья. Бостонъ и вистъ не прерываются отъ перваго паденія снѣга до первой проталины. Чтеніе газетъ соблюдается съ точностью; сужденія о лѣтнихъ происшествіяхъ объявляются уже созрѣлыми, и служатъ обильнымъ источникомъ бесѣдъ. Актеры, изъ Риги или изъ Мемеля, пріѣзжаютъ на время ярмарки, и повторяютъ въ дѣйствіи старыя драматическія произведенія, которыя всѣ образованные люди знаютъ наизусть, и новыя, которыя забываются на другой день представленія. Карна-

валъ влечетъ за собою новыя увеселенія, приправленные болышею свободою, и зима проходить весело. Такъ, по крайней мѣрѣ, мыъ говорили въ Дерптѣ.

Что до меня касается, то я, отвыкнувъ отъ свѣтской разсѣянности, нашелъ въ Дерптѣ то, чего искалъ и ищу въ жизни, а именно людей просвѣщенныхъ, добрыхъ, образованныхъ. Въ бесѣдѣ Ректора Университета, Эверса, изыскателя Россійскихъ древностей, остроумнаго изслѣдователя Истории, соединяющаго ученость съ свѣтскою любезностью и Германскимъ добродушіемъ, я учился и вмѣстѣ отдыхалъ умомъ. Моргенштернъ, знатокъ и любитель Древнихъ, одаренный пѣтическимъ воображеніемъ, доставилъ мнѣ весьма пріятныя минуты въ кругу своего любезнаго семейства. Пламенный Астрономъ Струве, въ порывахъ своего краснорѣчиваго разказа, увлекалъ душу мою въ горніе предѣлы, къ престолу Создателя безчисленныхъ міровъ. Въ домѣ Профессора Моейра, я имѣлъ случай погово-

рить по-Русски съ одною почтенною Русскою дамою, родственницею Поэта Жуковскаго, о Петербургскихъ друзьяхъ моихъ У Языкова, я нашелъ нѣсколько любителей Русской Словесности, которымъ пріятно было слышать новости со святой Руси. Однимъ словомъ, я провелъ время въ Дерптѣ самымъ пріятнѣйшимъ образомъ, и всегда съ удовольствіемъ буду воспоминать о пребываніи моемъ въ семь городѣ.

Весьма жаль, что въ Остѣ-Зейскихъ провинціяхъ, отъ самой Нарвы до Прусской границы, вовсе не занимаются изученіемъ Русскаго языка. Уже 125 лѣтъ, какъ Ливонія присоединена къ Россіи; следовательно уже четвертое поколѣніе принадлежитъ къ большому Русскому семейству, и между тѣмъ, молодые люди и женскій полъ не понимаютъ отечественнаго языка. Я говорю *отечественнаго*, потому что Россія есть общее наше отечество. Пожилые люди, научившись въ службѣ по-Русски, забываютъ языкъ, возвратившись на роди-

пу, не имѣя случая употреблять его, потому что всё дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ производится на Нѣмецкомъ языкѣ. Для Русской Литературы и вообще для языка, весьма большая потеря, что просвѣщенные жители Остѣ-Зейскихъ провинцій не принимаютъ участія въ образованіи сего общаго рудника. Слогъ дѣловыхъ бумагъ образованныхъ чиновниковъ - самоучекъ, которые всегда будутъ слѣдовать извѣстнымъ формамъ, не имѣя довольно силъ, чтобы творить самимъ. Усилія и пожертвованія Русскаго Правительства къ распространенію просвѣщенія въ Остѣ-Зейскихъ провинціяхъ, обращаются на славу Германіи, а не Россіи, ибо полезныя открытія въ Наукѣ, отличныя произведенія Словесности пишутся на Нѣмецкомъ языкѣ, и входятъ въ составъ ученаго богатства Германіи. Кажется, что юношество и отцы семействъ должны чувствовать трудности и непріятности по службѣ военной и гражданской, отъ незнанія Русскаго языка. Русскій солдатъ не можетъ имѣть должной при-

верженности къ офицеру, который коверкаетъ Русскій языкъ, и товарищи гражданского чиновника, незнающаго по-Русски, всегда будутъ чуждаться его, какъ чужеземца. Я говорилъ на этотъ счетъ со многими почтенными людьми въ Дерптѣ; они все соглашались со мною въ справедливости моихъ замѣчаній, но представляя нѣкоторыя невозможности къ распространенію Русскаго языка. Главнѣйшая состоитъ въ трудности имѣть учителей Русскаго языка, по первоначальнымъ учебнымъ заведеніямъ. Кромѣ того, дѣти, не слыша никогда Русскаго языка дома, не могутъ приобрести навыка въ произношеніи, трудномъ для Нѣмцевъ. Если бы у насъ въ Россіи составилось заведеніе, для образованія Русскихъ учителей и гувернеровъ для Остѣ-Зейскихъ и Польскихъ провинцій; то въ короткое время, при дѣятельныхъ мѣрахъ, Русскій языкъ сдѣлался бы тамъ общимъ. Въ примѣръ можно поставить Нидерланды и Голландію, которые въ десять лѣтъ Французскаго владычества совершенно офранцузились. Въ Австріи и Прус-

сія подданные Славянскаго племени иначе не могут вступить въ службу, какъ зная Нѣмецкій языкъ по правиламъ Грамматики.

Впрочемъ должно по совѣсти сказать, что въ Остѣ-Зейскихъ провинціяхъ можно бы найти способы къ изученію Русскаго языка. Для образованія прекраснаго пола, можно имѣть отличныхъ гувернерокъ изъ учебныхъ заведеній въ Петербургѣ, состоящихъ подъ вѣдѣніемъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны. Московскій Университетъ снабдилъ бы учителями, если бы только захотѣли прилично вознаградить ихъ за пожертвованіе драгоценнаго времени въ отечества. О другихъ средствахъ умалчиваю.

Въ Дерптѣ самый любопытный предметъ — Университетъ. Онъ, по своему устройству, привлекалъ бы вниманіе, если бы даже находился на благословенныхъ берегахъ Рейна. Но прежде, нежели я повѣду моихъ читателей въ Университетъ, я намѣренъ имъ рассказать вкратцѣ Исторію Дерпта, кото-

рый, по своимъ несчастіямъ, можетъ быть уподобленъ Вавилону и Іерусалиму. Хотя бѣдственная участь Дерпта не прославлена Поэзіею, хотя существованіе его не было столь громко въ мірѣ, какъ столицы Ассиріи и Іудеи, но бѣдствія жителей Дерпта были столь же велики. Голодъ, зараза, война; пламя и преслѣдованія за Вѣру, опустошали сей несчастный городъ. Жителей его умерщвляли и уводили въ неволю, въ чужую землю. Дерптъ претерпѣлъ 14 осадъ и одиннадцать штурмовъ или опустошеній! Подъ эгидою Русскаго Правительства, онъ возродился и украсился. Музы избрали его для постоянного своего мѣстопробыванія. Нынѣ Дерптъ чело Ливоніи.

Я говорилъ уже, что Русскіе Князья, княжившіе въ Новгородѣ, Псковѣ и Полоцкѣ, почитали Ливонію своею собственностью, гораздо прежде пришествія Нѣмцевъ въ сію страну; брали дань съ Чуди и въ случаѣ непокорности сего народа, дѣлали набѣги и оружіемъ принуждали его къ по-

виновенію. Кромѣ укрѣпленныхъ мѣстъ Герсике и Кокенгуза въ Двинскомъ Княжествѣ, Русскіе утвердились на берегу Эмбаха. Ярославъ, прозванный въ Святѣмъ крещеніи Юріемъ, В. К. Новгородскій, основалъ въ 1030 году, городъ, названный его именемъ. Чудь, по слуху о Татарахъ, опустошавшихъ Россію, почитала ихъ однимъ народомъ съ Русскими, и городъ Юрьевъ прозвали *Тар-тароливъ*, т. е. Татарскій городъ. Такъ и понынѣ Эстонцы называютъ Юрьевъ, который Нѣмцы наименовали Дерптомъ или Дорпатомъ. Во время нашествія Нѣмцевъ, Дерптъ принадлежалъ къ удѣлу, которымъ управлялъ мужественный Вячко. Меченосцы, покоряя всю Ливонію подъ предлогомъ Вѣры, взяли приступомъ Дерптъ, который защищали Русскіе вмѣстѣ съ Чудью, и безчеловѣчно умертвили всѣхъ защитниковъ города, въ 1223 году. Чудь въ окрестностяхъ Дерпта и Ревеля возмущилась, призвала на помощь Русскихъ изъ Пскова и Новгорода, и отняла у Нѣмцевъ Дерптъ, въ слѣдующемъ

1224 году. Епископъ Рижскій Албертъ усмиривъ возставшую Чудь, покорилъ снова Дерптъ и основалъ въ семъ городѣ Епископство, присоединивъ къ нему земли на двѣ мили вокругъ города. Вскорѣ земли Дерптскаго Епископства распространились болѣе, нежели на двадцать миль, до самой Русской границы, и по заключенному миру въ 1245 году, съ Великимъ Княземъ Александромъ Невскимъ, уступлены въ неоспоримое владѣніе Дерптскому Епископу.

Сіе Епископство сдѣлалось независимымъ, наподобіе другихъ Нѣмецкихъ Епископствъ, въ которыхъ пастыри имѣли свѣтскую власть наравнѣ съ Герцогами и Курфирстами. Дерптское независимое Епископство существовало 314 лѣтъ, отъ перваго Епископа, Германа фонъ Апельдерена, до послѣдняго, Германа Вейлаанда. Сія эпоха есть самая блестящая въ Исторіи Дерпта, который достигъ возможной степени могущества и богатства. Благополучіе города не было однако жъ слѣдствіемъ мудраго

правления Епископовъ: они еспышествовали счастьемъ своихъ подданныхъ отрицательно, т. е. не мѣшались вовсе во внутреннее управленіе, довольствовались податью и для удовлетворенія своего честолюбія, предводительствовали воинствомъ во время раздоровъ, ими же возбуждаемыхъ. Магистратъ Дерпта, по примѣру Имперскихъ городовъ, имѣлъ право произносить безъ-апелляціонные смертные приговоры и чеканить монету съ городскимъ клеймомъ. Загадка о причинѣ могущества Дерпта легко объясняется: онъ принадлежалъ къ числу Ганзеатическихъ городовъ, и былъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, ввозимыхъ и вывозимыхъ изъ Россіи по Чудскому озеру. По сей-то причинѣ, въ немъ находилась верфь для строенія судовъ. Здѣсь также былъ Коллегіумъ для образованія юношества и приготовленія оного къ занятію духовныхъ должностей въ цѣлой Ливоніи. И такъ не мудрено, что Дерптъ, будучи средоточіемъ торговли и просвѣщенія обширной страны, былъ богатѣе и многочисленнѣе и безъ посредства Епископовъ. О

великолѣпнѣе города можно судить по отрываемымъ нынѣ фундаментамъ древнихъ зданий, доказывающимъ ихъ обширность; въ многолюдствѣ можно удостовѣриться тѣмъ, что во время язвы, бывшей въ Епископское правленіе, погибло въ городѣ 15,000 человекъ, безъ примѣтнаго ущерба въ народонаселеніи, какъ говорятъ лѣтописи.

Епископы не хотѣли спокойно наслаждаться богатыми своими доходами и почестями: воинская слава Ливонскихъ рыцарей ослабляла ихъ и побуждала къ строптивости. Епископы также жаждали побѣдныхъ лавровъ! Они сперва ссорились съ сосѣдами своими, Русскими, а послѣ съ Орденомъ и Рижскими Епископами. Въ 1272 году, Епископъ Александръ, соединившись съ Ливонскимъ Гермейстеромъ Роденштейномъ, объявилъ открытую войну Россіи. Славолобіе его обнаружилось весьма не кстати и было наказано. Войско Епископа разбили Рускіе на-голову, а его самого убили, и разграбили Епископство до самыхъ стѣнъ горо-

да. Набѣги сіи, повторяемые весьма часто, заставили Епископа Фридриха, наследника Александра, построить замокъ Нейгаузенъ на Русской границѣ. Россія раздѣлена была тогда на малыя княженія и страдала отъ Татарскаго ига. Удѣльные Князья безпрестанно ссорились между собою. Не было единства, согласія, слѣдовательно не было и силы. Не мудрено, что Дерптскіе Епископы, имѣя дѣло не съ Россіею, но съ толпами Русскихъ, спокойно царствовали на рубежѣ Россіи, почти 200 лѣтъ, до вступленія на престолъ Великаго Князя Іоанна Васильевича Великаго. Въ сіе время Епископы, какъ я уже сказалъ, ссорились съ своими земляками: кровавыя явленія часто возобновлялись, и малая война служила Епископамъ забавою. Однажды, въ 1396 году, Гермейстеръ Веннемаръ потребовалъ отъ Дерптскаго Епископа Дитриха II-го, чтобы онъ платилъ Ордену подать, или отказался отъ Епископства. Дитрихъ отринувъ требованіе, вооружился, призвалъ на помощь Русскихъ, Литовцевъ и Самогитовъ,

и началъ войну. По счастью или по несчастью, союзники Дитриха были разбиты Гермейстеромъ на Чудскомъ озерѣ; но Римская политика болѣе помогла Епископу, нежели оружіе. Онъ примирился съ Гермейстеромъ, — и хотя разбитый на войнѣ, но не заплатилъ дани. О спорахъ духовныхъ вовсе не упоминаю. Они обыкновенно начинались отлученіемъ отъ Церкви, и оканчивались пиршествами и подарками.

Наконецъ, въ 1481 году, Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ вторгнулся съ войскомъ въ Ливонію, и началъ войну опустошеніемъ Дерптскаго Епископства. Гермейстеръ Плетенбергъ, восторжествовавъ надъ Іоанномъ, зналъ, что кратковременный успѣхъ въ войнѣ не можетъ навсегда обуздать его. Плетенбергъ призналъ право Русскаго Государя надъ Дерптскою землею и заключивъ мирный договоръ на 50 лѣтъ, постановилъ, чтобы Епископъ платилъ Русскому Князю ежегодно по 10 денегъ съ души. Право сіе основывалось, какъ можно догадываться, на пер-

вомъ позволеній, данномъ Полоцкимъ Княземъ Владиміромъ, Епископу Мейнгарду проповѣдывать Христіанство въ Ливоніи, которую Русскіе Князья почитали своею. Подать сія называлась *Zins des rechten Glaubens*, т. е. подать правовѣрія. Въ первый годъ, Дерптское Епископство заплатило сію подать, но въ послѣдствіи, видя Россію, занятую внутри войнами, пренебрегло условіе, и не отказываясь явно въ платежъ, отмалчивалось или медлило подъ разными предлогами.

Во время сего 50-ти лѣтняго перемирія, возникла въ Ливоніи Реформація, поддерживаемая дворянствомъ или рыцарями и купечествомъ, вопреки главному духовенству. Главнѣйшія причины, побудившія всѣхъ къ принятію Лютерова ученія, были притязаніе Папъ и Епископовъ на всѣ права гражданъ, непрерывныя угрозы отлученія отъ Церкви, безпорядочная жизнь Римско-Католическаго духовенства, страсть духовныхъ вѣншиваться въ дѣла свѣтскія, и непомерная ихъ гордость. Въ 1525 году, нѣкто Мельхіоръ

Гофманъ, изъ Швабіи, началъ проповѣдывать реформацію въ Дерптъ. Самъ Лютеръ писалъ къ Дерптскому Магистрату и гражданамъ посланіе, въ которомъ увѣщевалъ ихъ отложиться отъ Папской власти. Проповѣди Гофмана имѣли большой успѣхъ. Епископъ повелѣлъ заключить его въ темницу, но Дерптскіе граждане взбунтовались, овладѣли замкомъ, гдѣ имѣлъ мѣстопробываніе Фогтъ или Губернаторъ города отъ имени Епископа, освободили плѣнника, ворвались въ Католическія церкви, и въ быщенствѣ забывъ первую обязанность истинныхъ Христіанъ, въротерпимость и уваженіе къ святынямъ, содрали со стѣнъ иконы, и сожгли ихъ на площади. Поступокъ постыдный и недостойный ревнителей ученія Христова! Послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ стычекъ, заключена между Лютеранами и Католиками капитуляція, по которой одна только Соборная церковь оставлена Католикамъ, а прочія три отданы Лютеранамъ. Замѣчательно, что въ сіе время находилась въ Дерптѣ Грско-Россійская церковь, которая во

время народнаго смятенія осталась неприкосновенною. Русскіе оставались спокойными зрителями споровъ за Вѣру, твердо соблюдая Православіе. Они никого не беспокоили по предметамъ Вѣры, и потому ихъ оставляли спокойно исповѣдывать свою Вѣру.

Не взирая на введеніе Лютеранскаго исповѣданія въ Дерптъ, Епископу оставлена свѣтская власть. Его признали властелиномъ земли и города, въ качествѣ Удѣльнаго Князя, съ условіемъ, чтобы онъ соблюдалъ вѣротерпимость. Эстляндскіе поселяне безъ труда обращены были въ Лютеранство. Они не понимали разницы и слѣдовали Вѣрѣ господъ своихъ изъ одного страха, а не изъ усердія.

Въ 1553 году кончился 50-ти-лѣтній миръ, и Іоаннъ Грозный началъ вооружаться на Ливонію, за неплатежъ дани. Не тѣ уже были рыцари, что при Плетенбергѣ! Долговременный миръ, нѣга и роскошь лишили ихъ душевной и тѣлесной крѣпости. Не было ни войска, ни денегъ; прибѣгнули

къ переговорамъ, и Орденъ выслалъ пословъ вмѣстѣ съ послами Дерптскаго Епископа просить 15-лѣтняго мира, обѣщаясь платить впередъ дань исправно и сверхъ того уплатить недоимку, которая составляла, по тогдашнему счету, двѣ бочки золота. Іоаннъ согласился. Вмѣсто приготовленія дани, Епископъ и рыцари начали приспособляться къ войнѣ. Іоаннъ съ своей стороны удвоилъ усилія, и Ливонцы, уstraшенные предстоящею опасностью, собрали 60,000 талеровъ и послали къ Царю. Іоаннъ не успокоился симъ слабымъ торжествомъ, и въ 1558 году вступилъ въ Ливонію съ сильнымъ воинствомъ, раздѣленнымъ на три части. Земли Дерптскаго Епископства первыя подверглись опустошенію. 80,000 Русскихъ осадили замокъ Нейгаузенъ, который защищалъ съ малымъ отрядомъ храбрый Исккуль въ продолженіе 6 недѣль. Замокъ достался Русскимъ, и Воевода Князь Петръ Ивановичъ Шуйскій приступилъ къ Дерпту. Городскія укрѣпленія были въ самомъ дурномъ состояніи; защищали ихъ 300 солдатъ и около 200 воору-

женныхъ гражданъ. Послѣ шестинедѣльной осады, заключена была капитуляція: городъ сдался на условіе пощадить жизнь его обитателей. Епископъ Германъ Вейландъ былъ отосланъ въ Москву, гдѣ и кончилъ жизнь въ бѣдности и поздномъ раскаяніи: съ нимъ кончилось и Дерптское независимое Епископство, въ 1559 году.

Дерптъ оставался 24 года во власти Русскихъ. Между тѣмъ рухнулъ Ганзейскій союзъ, и Англичане, открывъ путь въ Россію чрезъ Архангельскъ, завладѣли всѣми выгодами сѣверной торговли. Одни Голландцы осмѣливались вступать съ ними въ союзнничество, а Нѣмецкіе города потеряли все свое вліяніе. Дерптъ, переставъ быть складочнымъ мѣстомъ товаровъ, лишился вовсе торговли. Новое бѣдствіе скорѣ постигло его жителей. Іоаннъ Грозный, прогнавъ ихъ на Перовскихъ жителей, умышлявшихъ предать городъ Полякамъ, излилъ мщеніе свое на всѣхъ Нѣмцевъ. Жители Дерпта увлечены были въ неволю, во внутренность Россіи;

большая часть дворянства кончила жизнь въ темницахъ.

Готардъ Кетлеръ, предавъ несчастную Ливонію Полякамъ, не успокоилъ ея симъ постыднымъ предательствомъ. Швеція, Польша и Россія имѣли въ ней свои войска, и спорили между собою за ея обладаніе. Ревель и Эстляндія находились въ рукахъ Шведовъ, Русскіе владѣли бывшимъ Епископствомъ Дерптскимъ, Кетлеръ управлялъ Курляндією, а остальною частию Ливоніи владѣлъ Польскій Король Сигизмундъ. Одно маловажное обстоятельство во время сей войны навлекло на Дерпт новыя бѣдствія.

Въ службѣ Русскаго Царя находились два Дерптскіе дворянина, Таубе и Крузе, которые приобрѣли его довѣренность. Іоаннъ послалъ ихъ въ Эстляндію съ тайными порученіями, подговорить Ревельскихъ жителей отказаться отъ Шведскаго владычества и передаться Русскимъ. Посланные не успѣвъ въ своемъ предпріятіи, побоялись возвратитъ-

ся къ Іоанну, зная, что въ минуту неудовольствія онъ велитъ лишить ихъ жизни. Они вступили въ службу Польскаго Короля, обѣщая ему предать свое отечество, Дерптъ. Сигизмундъ далъ имъ роты двѣ солдатъ, расположенныхъ по близости Дерпта, и они вошли въ переговоры съ окрестными дворянами и жителями города, недовольными Русскимъ владычествомъ. Таубе и Крузе, съ своими двумя ротами, подступили ночью къ городу, убили Русскаго часового, овладѣли воротами и ворвались на главную площадь. Въ первомъ замѣшательствѣ множество Русскихъ было побито. Нападающіе отворили городскія темницы, и подкрѣпленные отчаянными толпами преступниковъ и недовольныхъ, распространили повсюду смерть и ужасъ. Русскихъ искали вездѣ и умерщвляли безпощадно. Ночь, неизвѣстность о числѣ непріятеля, безпорядокъ, нечаянность нападенія, все способствовало къ гибели Русскихъ. Русскія женщины спасли городъ. Жены и дочери убитыхъ, возбужденныя мщеніемъ, взобрались на крыши домовъ, и

начали бросать въ убійцъ камнями и черепицами. Нападающіе приведены были въ безпорядокъ. Остальные Русскіе, скрывшіеся отъ неистовыхъ, бросались на нихъ съ топорами и рогадинами; воины подоспѣли на помощь изъ замка; настало ужасное кровопролитіе по улицамъ города. Русскіе, думая, что всѣ Нѣмцы участвовали въ измѣнѣ, умерщвляли всѣхъ безпощадно, безъ различія возраста и пола.

Тѣхъ, которые скрылись отъ перваго мщенія, отослали въ ссылку во внутренность Россіи, и городъ совершенно опустѣлъ. Сіе случилось въ 1571 году.

Накопецъ Стефанъ Баторій своимъ мужествомъ и воинскимъ счастіемъ далъ сей войнѣ другой видъ. Іоаннъ, заключивъ миръ въ 1582 году, отказался отъ всѣхъ своихъ завоеваній въ Ливоніи, и Дерптъ достался Польшѣ.

Іезуиты управляли Польскою политикою въ сіе несчастное время; они завели

Ч. III. 18*

свой Коллегіумъ въ Дерптѣ, и начали употреблять насильственные средства къ введенію Католической вѣры въ Ливоніи. Мудрый Стефанъ Баторій не былъ чуждъ разсудковъ своего времени, и думалъ, что дѣйствуетъ богоугодно, позволяя Іезуитамъ насильствовать. Римско-Католическое духовенство не могло привлечь къ себѣ умовъ. Монахи жили роскошно и вели себя гордо. Кромѣ другихъ утѣснителей и безпорядковъ, они оставили по себѣ ту память въ Дерптѣ, что по нерадѣнію ихъ сгорѣла прекрасная соборная церковь, въ 1596 году. Стефанъ Баторій нашелъ еще другое средство, сдѣлаться ненавистнымъ въ Дерптѣ: подъ предлогомъ наказанія дворянъ за ихъ приверженность къ Россіи, онъ конфисковалъ множество ихъ имѣній, раздарилъ своимъ вельможамъ и часть удержалъ для себя. Сигизмундъ III, столь же усердный къ уничтоженію Лютеранскаго исповѣданія, болѣе предлагалъ старанія, нежели его предшественникъ, къ водворенію торговли въ Дерптѣ, и далъ ему многія привилегіи. Но успѣха его

были тщетны: обстоятельства перемѣнились, и Дерптъ упалъ.

Настала война между Шведскимъ Королемъ Карломъ IX и Польскимъ Сигизмундомъ III за наслѣдство престола. Для Дерпта наступили смутныя времена. Въ 1600 году, 27 Декабря, Шведы взяли штурмомъ сей несчастный городъ. Въ 1603 году, Поляки отняли его, послѣ продолжительной осады. Въ 1607 году, Шведы снова подступили къ Дерпту, и опустошивъ его окрестности, изнуривъ голодомъ жителей, отступили безъ успѣха. Къ увѣчанію всѣхъ сихъ бѣдъ, — ужасная язва распространилась въ Дерптѣ и его окрестностяхъ, въ 1624 году, и большая часть жителей, уцѣлѣвшая отъ меча и голода, истреблена заразою.

Одинъ великій человекъ перемѣняетъ участь цѣлыхъ поколѣній. На поприщѣ войны наслѣдственной появился Густавъ Адольфъ, образецъ героев и Монарховъ. Въ 1625 году, послѣ осьмидневной осады, онъ поко-

рилъ Дерптъ. Продолжая войну за свободу вѣры въ Германіи, великій мужъ въ воинской ставкѣ помышлялъ о благѣ человечества, и съ поля битвы разсылалъ мудрыя повелѣнія о благоустройствѣ покоренныхъ имъ странъ. Онъ занялся возстановленіемъ торговли, земледѣлія и просвѣщенія въ несчастной Ливоніи, которая столь долго страдала отъ раздоровъ сосѣдей и собственнаго нестройства, и назначилъ Генералъ-Губернаторомъ Ливоніи бывшаго наставника своего, Іоанна Скитта, мужа мудраго и добродѣтельнаго. Выборъ добрыхъ и мудрыхъ правителей есть первый залогъ любви Монарха къ какой либо странѣ. Ливонцы чувствовали милость Густава Адольфа, по мудрому управленію Іоанна Скитта. Онъ избралъ Дерптъ средоточіемъ правосудія и просвѣщенія, основалъ здѣсь всѣ Судилища гражданскія и духовныя, и въ 1650 году Гимназію, въ которой учителя имѣли титулы Профессоровъ. Скитте обратилъ все свое вниманіе на образованіе поселянъ; но недостатокъ въ учителяхъ, знающихъ Эстон-

скій и Латышскій языки, удержалъ его рвеніе къ сей ползненной цѣли. Онъ основалъ въ Дерптѣ Университетъ, который, вмѣстѣ съ Консисторіей, трудился надъ переводомъ книгъ Священнаго Писанія и Псалмовъ на Эстонскій и Латышскій языки, и образованіемъ предикантовъ-учителей и заведеніемъ народныхъ школъ. Всѣ мудрыя предположенія и благія начинанія Іоанна Скитте увѣнчались счастливымъ успѣхомъ; ибо доброе всегда созрѣваетъ, не взирая на многочисленныя препятствія. Ливонія и понынѣ благословляетъ память великаго Густава Адольфа и его мудраго наставника.

Съ жизнью Густава Адольфа, кончилось счастье Ливоніи. Во время правленія Королевы Христины, Ливонія истощена была податями; а при Карлѣ X, она снова сдѣлалась театромъ войны. Шведскій Король вторгнулся въ Польшу и Литву, и вздумалъ присоединить къ своему Королевству нѣкоторые Польскія области. Царь Алексѣй Михайловичъ не могъ спокойно смотрѣть на

возвышающееся могущество Швеции, по правилам мудрой политики, онъ объявилъ войну Карлу X, и вторгнулся въ Ливонію, которая находилась въ самомъ дурномъ оборонительномъ состояніи. 40,000 Русскихъ приступило къ Дерпту, который по краткой защитѣ сдался на капитуляцію, въ 1656 году; гарнизонъ, чиновники и Университетъ получили позволеніе выступить изъ города. Дерптъ оставался 5 лѣтъ во власти Русскихъ, и по миру, заключенному въ 1661 году, уступленъ снова Швеціи.

Отъ сего времени, еще сорокъ три года оставался Дерптъ въ Шведскомъ владѣніи, памятномъ только по безпрестаннымъ налогамъ и разнаго рода притѣсненіямъ. Возобновленіе Университета, въ 1690 году, можно назвать однимъ только истиннымъ благодѣяніемъ для сего края, а прочія привилегіи ни къ чему не послужили; ибо обстоятельствами невозможно такъ поведѣвать, какъ людьми. Редукціонная Коммисія лишила дворянство многихъ имѣній, не обогативъ

страны, лишенной промышленности и торговли. Были дѣланы предположенія о соединеніи рѣкъ и озеръ, объ учрежденіи новаго водяного сообщенія между моремъ и Чудскимъ озеромъ, на счетъ дворянства и купечества, но недостатокъ въ деньгахъ уничтожилъ всѣ проекты.

Наконецъ, въ 1704 году, Русскій Генераль Шереметевъ покорилъ Дерптъ, который защищалъ храбрый Шведскій Полковникъ Скитте. Городъ сдался на капитуляцію и гарнизонъ взятъ военнопленнымъ. Дерптъ удержалъ всѣ свои привилегіи, но вскорѣ новое несчастіе постигло его. Русскій Командантъ Нарышкинъ, обвинилъ Дерптскихъ жителей въ умыслѣ измѣны, и жители его въ 1708 году сосланы были въ заточеніе въ Россію, а нѣкоторые казнены на мѣстѣ. Дерптъ снова опустѣлъ; въ развалинахъ его помѣщался одинъ Русскій гарнизонъ до Нейштатскаго мира. Петръ Великій, присевъ на вѣчныя времена Ливонію, возвратилъ Дерптскихъ жителей изъ ссылки, об-

разоваль Магистратъ и возобновили прежнія привилегіи. Городъ снова выстроился, торговля ожива.

Съ сего времени, Исторія Дерпта представляетъ рядъ непрерывныхъ благодѣлій Русскаго Правительства.

Между 1760 и 1776 годами, городъ нѣсколько разъ опустошаемъ былъ пламенемъ, которое истребило его совершенно и лишило жителей возможности возобновить свои жилища. Екатерина Великая и многія благодѣтельные частныя особы, великодушными и усердными пожертвованіями, воздвигли городъ изъ пепла, и Дерптъ возродился въ новой красотѣ. Императоръ Павелъ I положилъ основаніе Университету, подаривъ оному мѣсто. Александръ Благословенный воздвигъ сей памятникъ Наукамъ, и далъ ему Уставъ, 18 Декабря 1802 года. Достоинно вниманія заведеніе для благородныхъ дѣвицъ, основанное Императоромъ Павломъ I, въ 1798 году. Это родъ

монастыря, въ которомъ благородныя дѣвицы, до выхода за мужъ, живутъ подъ управленіемъ начальницы, получаютъ жалованье, имѣютъ экипажи, врача, общій столъ, могутъ выѣзжать куда угодно и принимать гостей. При выходѣ замужъ, онѣ получаютъ приданое, и пока находятся въ заведеніи, въ знакъ отличія, посылаютъ чрезъ плечо ленту оранжеваго цвѣта съ красными каймами, съ зеленымъ крестомъ, оправленнымъ въ золото и вензловымъ именемъ Монарха, учредителя ордена. На казенномъ содержаніи находится 12 дамъ. Кроме того другія могутъ быть приняты на своемъ содержаніи, съ взносомъ известной суммы.

Кончились на всегда безпокойства и кровопролитія въ Ливоніи, которая, на лонъ могущественной Россіи, не перестаетъ наслаждаться счастьемъ и довольствомъ. Дерптъ съ своимъ Университетомъ есть брилліантъ въ вѣнцѣ, изливающейъ благодѣтельной свѣтъ на весь Остъ-Зейскія провинціи. Здѣсь образуются просвѣщенные воины и Государ-

ственные чиновники, искусные врачи и благочестивые пастыри, которые на языках простонародных, проповѣдываютъ Естамъ и Латышамъ, слово Божіе и правила добродѣтели. Я пробѣгу съ моими читателями по богатымъ и отлично устроеннымъ заведеніямъ сего храма Ливонскихъ Музъ, чтобы они видѣли, какъ Остъ-Зейцы умѣютъ пользоваться благотѣяніями Правительства.

Почтенный Ректоръ Университета, Ст. Сов. Эверсъ, самъ былъ моимъ путе- водителемъ по всемъ заведеніямъ. Въ 8 часовъ утра, въ самую пріятнѣйшую погоду, мы отправились въ Ботаническій садъ. Я не знатокъ въ Ботаникѣ, и потому не могъ наслаждаться рѣдкостями и драгоцен- ностями растительнаго царства, но былъ восхищенъ расположеніемъ сада, чистотою, порядкомъ, красотою оранжерей, густыми, тѣнистыми аллеями, и самымъ мѣстополо- женіемъ небольшого пространства, занимае- маго садомъ. Куртины, острова на прекрас- номъ прудѣ, холмики украшены растеніями

всѣхъ странъ и климатовъ. Воздухъ напол- ненъ благоуханіемъ. Взоры не могутъ на- сытиться разнообразными переливами зеле- ни: цвѣтовъ въ эту пору не много на от- крытомъ воздухѣ, но и тѣ въ утреннихъ лучахъ солнца сіяютъ, какъ лхонты на бар- хатѣ. Съ террасы сада—видъ прекрасный. Взорамъ открывается часть города, роскош- ная долина съ извивающимся по ней зер- кальнымъ Эмбахомъ, и горы, увѣнчанныя рощами, усѣяныя домиками. Развалины собора и вѣтряныя мельницы на горахъ — украшаютъ сей ландшафтъ. Полуразрушен- ныя высокія стѣны, казалось, говорили мнѣ *temepto mori*, а быстрыя крылья мельницъ напоминали о скоротечности времени и не- постоянствѣ нашихъ надеждъ и желаній. Богатство природы и щедрость Творца, по словамъ державина, отражались въ семъ собраніи рѣдкихъ и полезныхъ произведе- ній земли, какъ солнце въ малой каплѣ водъ. Я невольно погрузился въ размышле- нія, и Исторія Дерпта возбудила во мнѣ печальныя ощущенія. Природа, въ тысячѣ

видахъ, стремится на пользу и удовольствіе челоуѣка; а челоуѣкъ безпрестанно отдается отъ нея, попираетъ ногами драгоценныя ея дары, и голяется за призраками, счастья, которые порождаются страстями и предразсудками. Одно только просвѣщеніе возвращаетъ челоуѣка на лоно природы; и здѣсь, на землѣ Университетской, я думалъ о высокой цѣли просвѣщенія, и о счастьи, прорастающемъ изъ него для челоуѣчества.

Ученый мой путеводитель вывелъ меня изъ размышленія, обративъ мое вниманіе на драгоценныя прозябанія. Замѣчательно, что здѣсь находятся растенія всѣхъ климатовъ обширной Россіи, произведенія Крыма, Кавказа и Сибири. Многіе Ботаническіе сады въ Европѣ завидуютъ богатству Дерптскаго, особенно въ отношеніи къ сѣвернымъ растеніямъ. Для читателей моихъ, можетъ быть, показалось бы затруднительнымъ исчисленіе всѣхъ рѣдкостей: скажу только, что въ семъ саду находятся, между прочимъ, 123 новыхъ родовъ и 3 совершенно новые вида.

Изъ Ботаническаго сада, мы пошли въ главное Университетское зданіе, гдѣ Профессоры читаютъ свои лекціи, и гдѣ помѣщаются Кабинеты рѣдкостей. Зданіе огромное, въ три этажа, съ великолѣпнымъ фронтономъ и колоннадою. Постройка его стоила не болѣе 207,450 рублей. Я пожалѣлъ, что оно стоитъ не на главной площади, но въ тѣсной улицѣ, хотя передъ зданіемъ сохранено нѣсколько порожняго мѣста, въ видѣ площадки. Мы отвѣчали, что сіе уединеніе избрано именно для того, чтобы не развлекать студентовъ во время лекцій — великимъ шумомъ и происшествіями на улицѣ. Для тихихъ жителей Дерпта, главная ихъ площадь кажется шумною; для меня же, привычнаго къ шуму столицъ, — она показалась пустынною.

Изъ стѣнъ на лѣво, мы вошли въ Физическій классъ и Кабинетъ. Здѣсь встрѣтилъ насъ Профессоръ Физики, Над. Совѣт. Парротъ, сынъ знаменитаго нашего Академика, бывшаго Ректоромъ въ Дерптѣ.

скомъ Университетъ, обогатившаго Науки многими изобрѣтеніями, открытіями и усовершенствованіями. Физическій Кабинетъ чрезвычайно богатъ машинами и аппаратами, изъ коихъ большая часть работы извѣстнаго Парижскаго Физико-механика Шарля. Г. Парротъ, по необыкновенной своей снисходительности, показалъ мнѣ всѣ рѣдкости сего собранія, и даже, узнавъ о моей страсти къ Физическимъ Наукамъ, сдѣлалъ предо мною много весьма любопытныхъ опытовъ. Я замѣтилъ нѣсколько предметовъ, видѣнныхъ мною въ первый разъ, или хотя извѣстныхъ мнѣ, но здѣсь въ усовершенствованномъ видѣ, какъ-то: аппаратъ для параболическаго теченія жидкостей (т. е. для доказательства, что жидкія тѣла, бросаемаыя вверхъ, въ паденіи своемъ описываютъ параболу), и машину для параболическаго паденія твердыхъ тѣлъ. Обѣ машины устроены весьма просто и съ большимъ удобствомъ. Аппаратъ чрезвычайно малосложный, для доказательства, что черныя цвѣтъ есть только отсутствіе бѣлага. Онъ

изобрѣтенъ отцемъ Г. Профессора Паррота, почтеннымъ Академикомъ, и совершенно соответствуетъ своей цѣли. Забѣчательнъ Гелиостатъ или аппаратъ, для остановленія или удержанія на одномъ мѣстѣ отраженія солнечныхъ лучей. * Къ числу полезныхъ изобрѣтеній Г. Академика Паррота, принадлежатъ также видѣнный мною на опытъ дубликатъ электричества, и конусъ гидравлическій, для доказательства упругости воды. Но болѣе всего привлекъ мое вниманіе, видѣнный мною въ первый разъ аппаратъ, для поляризаціи свѣта или для доказательства, что солнечный лучъ имѣетъ двѣ стороны: черную и бѣлую. Послѣ произведеннаго опыта, доставившаго мнѣ чрезвычайное удовольствіе, я не могъ удержаться, чтобы не сказать присутствовавшимъ: „Милостивые государи! вотъ аппаратъ, для доказательства склонности рода человеческого къ порицанію, и вкорененной въ насъ страсти нахо-

* Pour fixer la direction de la réflexion des rayons solaires.

дять вездѣ и во всемъ дурное. Не довольно того, что мы отыскали пятна въ солнцѣ; теперь и въ *солнцѣ* лучъ его видимъ *черную* сторону. Чему же удивляться, если въ нашихъ сочиненіяхъ или самыхъ благонамѣренныхъ поступкахъ, люди, вооруженные аппаратомъ зависти, находятъ черныя стороны!“ — Ученые согласились со мною. Я слыхалъ въ жизни много Профессоровъ, но долженъ признаться, что рѣдко встрѣчалъ столь краснорѣчивыхъ, какъ Г. Парротъ. Завидую его слушателямъ.

Напротивъ Физическаго Кабинета чрезъ сѣни, находится классъ Химическій со множествомъ аппаратовъ, и лабораторія. Здѣсь мы нашли Г. Профессора, Надв. Совет. Озанина (Osann). Онъ во время четырехлѣтняго своего пребыванія въ Дерптъ, занимался тщательно преподаваніемъ лекцій, успѣлъ сдѣлать нѣсколько важныхъ открытій, которыя я видѣлъ въ натурѣ и на опытѣ. Въ Физическихъ Наукахъ, недовольно для Профессора повторять по книгѣ чужія от-

крытія. Этотъ способъ преподаванія никогда не прославитъ Университета, и не возбудитъ въ слушателяхъ рвенія къ Наукѣ. Но когда Профессоръ самъ углубляется въ таинства природы, и собственными наблюденіями расширяетъ кругъ человѣческихъ познаній; тогда только онъ оправдываетъ званіе ученаго, и возносится надъ сферою не простыхъ повторителей чужей учености. Съ особеннымъ удовольствіемъ слушалъ я почтеннаго Г. Озанина, и душою участвовалъ въ его надеждахъ на будущія открытія и усовершенствованія *.

* Открытія, сдѣланныя Надворнымъ Советникомъ Профессоромъ Озаниномъ, во время пребыванія его въ Дерптъ, суть слѣдующія: 1) Онъ нашелъ, что открытія имъ прежде того жидкости, состоящая изъ виннокислой извести и поташа (кали), и изъ виннокислой извести и самородной щелочной соли (natrum), (имѣющая свойство сгущаться въ теплѣ, и въ стужѣ вновь разжижаться) подвергаются, во время сгущенія, разложенію; но произведенное симъ разобщеніе составныхъ частей прекращается, когда сгустившаяся масса простынетъ. Изъ сего явствуется, что сгу-

Г. Парротъ показывалъ мнѣ Минералогическій Кабинетъ, находящійся во второмъ этажѣ главнаго Университетскаго зданія. Весьма сожалею, что по причинѣ болѣзни Г. Профессора Естественной Исторіи, Надв. Совѣт. Энгельгардта, я не могъ съ нимъ познакомиться. Онъ недавно возвратился съ ученаго путешествія по-Россіи, и изъ неисчерпаемыхъ Сибирскихъ рудниковъ обогатилъ Кабинетъ рѣдкими произведеніями ископаемаго царства. Кромѣ штукъ, находящихся за стекломъ для храненія въ Кабинетѣ, Г. Энгельгардтъ уложилъ въ осо-

щеніе сихъ жидкостей въ тѣлѣ и разжиженіе ихъ въ холодѣ, не противорѣчатъ общему закону, разширенія тѣлъ теплотою, но должны быть истолкованы химическимъ измѣненіемъ жидкостей. — 2) Два новые *фасфора*. т. е. два новыя вещества, которыя имѣютъ свойство издавать пріятный ими свѣтъ, гораздо въ большей степени нежели извѣстный настоящій фосфоръ. Одно состоитъ изъ извести и сѣрной сурьмы, а другое изъ извести и сѣрлаго мышьяка. Первое, напитавшись дневнымъ свѣтомъ, издаетъ зеленый, а послѣднее голубой свѣтъ. -- 3) *Палладій*

быхъ шкафахъ пробы всѣхъ извѣстныхъ металловъ и минераловъ, и какъ лекціи бывають въ самомъ Кабинетѣ, то слушатели видятъ въ натурѣ каждый предметъ, о которомъ говорится. Кромѣ многихъ драгоценностей, я замѣтилъ въ Кабинетѣ большіе слитки самороднаго золота и куски малахита, подаренные Университету покойнымъ Государемъ Императоромъ Александромъ. Рядомъ съ Минералогическимъ Кабинетомъ, находится Кабинетъ Естественной

въ Русской платинѣ. Мажье въ Парижѣ, разлагавшій Русскую платину, не могъ найти въ оной палладія, металла, находящагося въ платинѣ Бразильской. Профессоръ О. нашелъ въ платинѣ Петербургскаго чекана 1,6, проц. палладія. — 4) *Рутеній* (*Ruthenium*), металлъ, найденный Профессоромъ О. въ осадкѣ Русской платины, перазагаемой селитряносоляною кислотою. Сей металлъ находится въ весьма маломъ количествѣ въ Русской платинѣ. По предварительнымъ опытамъ, окисъ сего металла есть летучая, и оный, по видимому, составляетъ переходъ отъ сурьмы и висмута къ осмію. Теперь занимается онъ добываніемъ сего металла въ большемъ количествѣ и разсмотрѣніемъ свойствъ оного.

Исторіи, или собраніе рѣдкостей царства животныхъ и мадрепоровъ. Особенно достойно замѣчанія, собраніе птицъ изъ южнаго полушарія, изъ коихъ большая часть привезена Г. Профессоромъ, Надв. Совѣт. Энцишольцомъ (Eschscholtz), совершившимъ путешествіе вокругъ свѣта съ Г. Коцебу. Г. Энцишольцъ обогатилъ также Кабинетъ рѣдкими раковинами, кораллами и собраніемъ насекомыхъ. Я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ симъ ученымъ путешественникомъ.

Въ томъ же этажѣ, напротивъ Миннералогическаго Кабинета чрезъ сѣни, находится Музей Древностей. Онъ обязанъ своимъ существованіемъ, неуспыннымъ попеченіямъ Г. Ст. Совѣт. Моргенштерна, Профессора Крашнорѣчія, древнихъ языковъ и принадлежащихъ къ нимъ Наукъ. Онъ сопутствовалъ мнѣ, во все время осматриванія любопытныхъ предметовъ въ Университетѣ, и здѣсь принялъ меня какъ хозяинъ. Я съ удовольствіемъ осмотрѣлъ собраніе медалей и мо-

нетъ, снимки съ древнихъ камеевъ, или аптиковъ, и много любопытныхъ вещей, пожертвованныхъ любителями и путешественниками: оружіе, орудія и нарядъ дикихъ или отдаленныхъ восточныхъ народовъ и т. п. Известный въ Исторіи Наукъ, Г. Рихтеръ, (ученикъ почтеннаго Эверса), который, къ сожалѣнію всѣхъ любителей просвѣщенія, въ молодыхъ лѣтахъ умеръ въ путешествіи своемъ по Востоку, обогатилъ сей Музеумъ Египетскою муміею, весьма хорошо сохранившеюся, многими папирусами и рѣдкостями. Память Рихтера священна въ Дерптѣ: онъ былъ рожденъ прославить свое отечество и мѣсто своего воспитанія. Въ Музей хранятся портреты двухъ великихъ Писателей нашего времени: Гёте и Гердера, работы известнаго живописца Кюгельхена, который погибъ въ Дрезденѣ отъ руки убійцы.— Сходство лицъ, живопись и память о Кюгельхенѣ, дѣлають сѣи портреты весьма драгоценными.

Послѣ Музея, я взглянулъ на Конференцъ-залу, гдѣ бывають публичныя собра-

нія. Она отлично устроена, обнесена вокругъ колоннадою, поддерживающею галерею для помѣщенія слушателей, и украшена портретомъ Горударя Императора. Подъ портретомъ, стоитъ кафедра, съ которой Гг. Профессоры произносятъ рѣчи.

Изъ главнаго Университетскаго зданія, я поѣхалъ съ Г. Моргенштерномъ на гору Домъ, къ святилищу Музъ, Библіотекъ, которая, какъ я выше сказалъ, помѣщается въ одной части древняго собора, отдѣланнаго въ томъ самомъ вкусѣ, какъ была прежде цѣлая церковь. Какъ любитель и читатель древностей, я съ благоговѣніемъ вступилъ въ пространство, огражденное высокими стѣнами, бывшими свидѣтелями важныхъ событий въ продолженіе многихъ вѣковъ. Обширность сего зданія доказываетъ, что нѣкогда духовная паства въ здѣшнихъ мѣстахъ, была гораздо многочисленнѣе, нежели теперь. Дѣтъ двадцать тому назадъ, намѣревались возобновить древній храмъ, и, въ той части, которая теперь остается въ развалинахъ,

помѣстить Университетскую церковь. Мысль прекрасная и великая, соединить подъ одною кровлею произведенія ума человѣческаго и изліяніе благодарныхъ чувствованій къ Богу, одарившему человѣка умомъ и душою безсмертною!

Со стороны развалинъ, придѣлана лѣстница для входа въ Библіотеку. Мы сначала вошли въ залу втораго этажа, и я пораженъ былъ пріятнымъ удивленіемъ. Красота залы превзошла всѣ мои ожиданія. Она закруглена съ одной стороны, и усъчена прямо со стороны развалинъ. Вокругъ кривой стѣны, сооружены колонны готической формы, поддерживающія галерею. Между колоннами, подѣланы перилы и дверцы, и такимъ образомъ, каждый промежутокъ между ими составляетъ родъ особаго кабинета; во многихъ изъ нихъ находятся столы для работы. Красота рисунка, соразмѣрность всѣхъ частей сей готической архитектуры внутри залы, дѣлаютъ честь художнику. Цѣлая Библіотека состоитъ изъ трехъ такихъ залъ,

помѣщающихся одна надъ другою. Чрезъ готическія окна необыкновенной величины, всѣ залы освѣщены достаточно. Въ средней залѣ помѣщенъ бюстъ Основателя, Императора Александра, и кругомъ бюсты отличныхъ мужей Ливоніи. Собраніе книгъ не превышаетъ 20,000 томовъ, между коими считается 7,000 историческихъ сочиненій. Библіотека существуетъ 20 лѣтъ, и ежегодно полагается 10,000 рублей на ея умноженіе и содержаніе. Я видѣлъ множество богатыхъ изданій, много старинныхъ теологическихъ и юридическихъ книгъ, нѣтъ вышедшихъ изъ торговли, и вообще весьма много драгоцѣннаго для Библіотеки. Все, что касается до Ливонской Исторіи, собрано вполне. Русскія книги составляютъ самый малочисленный разрядъ въ Библіотекѣ. Кромѣ Исторіи Карамзина, нѣтъ почти во все новыхъ Сочинителей и Поэтовъ, прославившихъ вѣкъ Императора Александра. Древняя Россійская Вивліоенка, сочиненія Хераскова, Сумарокова, Тредьяковского и нѣсколько историческихъ книгъ, вотъ все,

что я замѣтилъ. Кажется, Русская Литература менѣ всего обращаетъ на себя вниманіе здѣшнихъ ученыхъ: это я долженъ сказать по совѣсти. Изъ числа рукописей, я замѣтилъ нѣсколько собственноручныхъ писемъ Мартина Лютера, нѣсколько автографовъ новыхъ Нѣмецкихъ Писателей, и между прочимъ, цѣлую тетрадь, писанную собственноручно Виландомъ, и подаренную почтенному Г. Моргенштерну. О достоинствѣ Восточныхъ рукописей, подаренныхъ Библіотекѣ покойнымъ Рихтеромъ, я не могу судить. Въ нынѣшнемъ году, положено купить книгъ на 27,000 рублей изъ числа экономическихъ суммъ, наиболѣе старопечатныхъ Латинскихъ * по части Богословіи и Юриспруденціи, которыя вообще становятся нынѣ рѣдкими, а между тѣмъ почитаются богатствомъ книгохранилищъ. Библіотека открыта для публики два раза въ недѣлю; для Профессоровъ ежедневно.

* Нельзя ли пригрозъ *купить* и Русскихъ?
Ири.м. Изд.

Поблагодаривъ Директора Библіотеки, Г. Моргенштерна, за его въѣливость, я отправился одинъ въ Обсерваторію, гдѣ долженъ былъ найти прежняго моего путевода. Въ путешествіи моемъ, я ищу здоровья, и потому прошелъ мимо Клиники, построенной на прекрасномъ мѣстѣ, противъ Библіотеки. Я любитель театра, но только не Анатомическаго, и потому только снаружи полюбовался прекрасною ротондою, гдѣ дѣлаются диссекціи. Одинъ студентъ Медицины сказалъ мнѣ, что здѣшній анатомическій театръ нуждается въ тѣлахъ для практики. Не будучи Медикомъ, я внутренно порадовался этому, и какъ человѣкъ, не стыжусь въ этомъ признаться. Это знакъ, что въ Дерптѣ мало бѣдныхъ людей, осужденныхъ на госпитальную смерть, которые тѣломъ своимъ должны платить за призрѣніе на одрѣ болѣзни. Жалкая необходимость для успѣховъ Науки!

Я уже сказалъ, что гора Домъ, принадлежащая Университету, отдѣлена Англій-

скимъ садомъ, и служить для публичнаго гульбища. Пробираясь рощею по узкой тропинкѣ, я увидѣлъ родъ бесѣдки; подхожу къ ней, и представьте себѣ мое удивленіе: это сущинныя человѣческихъ костей для дѣланія скелетовъ!

Профессоръ Астрономіи, Над. Совѣт. Струве, нѣсколько лѣтъ сряду занимается практикою въ города. Я былъ такъ счастливъ, что во время моего пребыванія въ Дерптѣ, онъ возвратился сюда на одинъ день. Я воспользовался симъ случаемъ, чтобы познакомиться съ симъ ученымъ мужемъ, составившимъ себѣ блестящее имя въ молодыхъ лѣтахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ, увидѣть первый въ мірѣ рефракторъ. Почтенный Г. Струве повелъ меня на Обсерваторію, устроенную по его предположенію. Механизмъ доведенъ до совершенства: при повертываніи одною рукою колеса вся верхняя часть Обсерваторіи движется съ такою легкостью, что рука вовсе не чувствуетъ сопротивленія. Оптический обманъ представляетъ здѣсь

странное явление: кажется, что вертится нижняя часть Обсерваторіи, т. е. каменная башня, а деревянная приделка на колесах или верхняя часть, которая находится въ движеніи, представляется неподвижною *. Я

* Мнѣ разсказывали забавный анекдотъ, случившійся въ Обсерваторіи. Одинъ путешественникъ, осматривая Обсерваторію, сказалъ въ простотѣ сердца сопутствовавшему ему ученику Г. Струве, что онъ не вѣритъ всѣмъ математическимъ исчисленіямъ, и никакъ не соглашается въ томъ, что земля вертится, а солнце неподвижно, потому, что глаза его удостоверяютъ его ежедневно въ противномъ. Астрономъ, вмѣсто отвѣта, началъ вертѣть колесо и спросилъ, что движется: верхняя или нижняя часть Обсерваторіи? Путешественникъ отвѣчалъ; разумеется, нижняя. Тогда Астрономъ свелъ путешественника внизъ, показалъ ему, что нижняя часть построена изъ камня, на крѣпкомъ гранитномъ фундаментѣ, и удостоверилъ его, что движется верхняя часть; но что оптический обманъ показываетъ противное. Тогда путешественникъ увѣрился въ истинѣ, и согласился, что зрѣнію не должно слишкомъ доверять. Жаль что Галилей не могъ такимъ образомъ убѣдить инквизиторовъ, когда они заставили его отречься отъ открытія.

люблю пламенно Науки и людей, которые съ безкорыстною любовью имъ предаются; и потому съ величайшимъ вниманіемъ и любопытствомъ слушалъ расказъ почтеннаго Струве, толковавшаго мнѣ механизмъ и устройство рефрактора. Мое вниманіе воспламенило любимца Ураніи. Онъ говорилъ какъ вдохновенный. Сѣвъ на свой стулъ, и приводя однимъ пальцемъ въ движеніе рефракторъ, въсомъ въ 3,500 фунтовъ, Струве, казалось, управлялъ теченіемъ звѣздъ. Съ умнленіемъ и слезами на глазахъ, онъ говорилъ мнѣ о своемъ счастіи. »Вы видѣли мое жилище, сказалъ Струве, примыкающее къ Обсерваторіи, окруженное зеленью и цвѣтами, гдѣ я наслаждаюсь спокойствіемъ по трудахъ, и вкушаю блаженство въ пѣдрахъ моего семейства. Здѣсь, въ самой Обсерваторіи: я обладаю первымъ въ мірѣ астрономическимъ орудіемъ, и могу во всякое время наблюдать движеніе небесныхъ тѣлъ, съ большимъ удобствомъ, нежели всѣ бывшіе до меня Астрономы. Казенная типографія печатаетъ всѣ мои наблюденія. Жизнь

моя обеспечена, и со стороны потребностей хозяйственных, и въ отношеніи къ Наукѣ. Всѣмъ этимъ, я обязанъ Правительству, и почитаю пріятнѣйшимъ долгомъ трудиться, сколько станеть моихъ силъ и способностей.»— Я обіялъ почтеннаго Астронома, не какъ ученаго но какъ чловѣка. Я много видѣлъ въ жизни моей людей облагодѣтельствованныхъ, — но не такъ часто встрѣчалъ благодарныхъ Г. Струве говорилъ только о своей благодарности, а молчалъ о своихъ заслугахъ. Онъ издалъ уже 8 частей, въ четвертку, *Астрономическихкихъ наблюдений*, умножилъ Гершелевъ каталогъ неподвижныхъ звѣздъ, отъ 441 до 3063 звѣздъ; образовалъ, и нынѣ образуетъ отличныхъ Астрономовъ, и своимъ стараніемъ доставилъ случай Правительству пріобрѣсть рефракторъ, который почитается чудомъ искусства. Должно вспомнить, что Г. Струве имѣетъ не болѣе 32 лѣтъ отъ роду.

Другіе говорили мнѣ о заслугахъ почтеннаго Струве: онъ говорить только о заслугахъ другихъ, и я раскажу вкратцѣ то,

что слышалъ отъ него о знаменитомъ Механикѣ Фраунгоферѣ, соорудившемъ сей рефракторъ *

Іосифъ Фраунгоферъ родился въ 1787 году. Отецъ его, стекольникъ въ Страубингѣ, (въ Баваріи) училъ его съ малолѣтства своему ремеслу, и потому не имѣлъ времени посылать въ школу. На 11 году своего возраста, Фраунгоферъ остался сиротою, и опекунъ его хотѣлъ, чтобы онъ учился токарному искусству; но по слабости его сложенія, изъ опасенія, что онъ не выдержитъ трудной работы, его отдалъ (въ 1799 году), въ ученіе къ Придворному зеркальному мастеру и стекольному полировщику (Glasschleifer) въ Минхенѣ, Вейссельбергеру. Не имѣя денегъ, чтобы платить за ученіе, Фраунгоферъ обіялся 6 лѣтъ работать безденежно. Ему не позволяли даже посѣщать воскресныя школы, и потому онъ весьма слабо зналъ грамату и Арифметику.

* Биографія Фраунгофера помѣщена въ Rig. st. Blätter 1826.

Чтобы вывести необыкновенныхъ людей изъ толпы, надобны необыкновенные случаи. Въ 1801 году, на второе лѣто ученія Фраунгофера, у придворнаго зеркальнаго мастера, 21 Юля обрушились внезапно два дома въ Мюнхенѣ. Въ одномъ изъ нихъ жилъ Фраунгоферъ, и онъ былъ прикрытъ развалинами. По особенному его счастью, доски и бревна при паденіи составили родъ свода надъ его головою, съ отверстіемъ, чрезъ которое онъ могъ кричать и просить о помощи. Надлежало работать сряду четыре часа, чтобы вытащить Фраунгофера изъ развалинъ. Король Максимиліанъ-Іосифъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ на мѣсто, во время разчищенія развалинъ ободрялъ работниковъ и общалъ имъ награжденіе. Наконецъ, когда мальчика добыли изъ подъ груды камней, Король приказалъ его лечить на свой счетъ, и по выздоровленіи представить къ себѣ. Великодушный Монархъ подарилъ несчастному сиротѣ 18 червонныхъ, общалъ ему заступитъ мѣсто отца, и велѣлъ относиться къ себѣ во всѣхъ

нуждахъ. Фраунгоферъ, на подаренныя Королемъ деньги, купилъ шлифовальную машину, и въ праздничные дни работалъ оптическія стекла, но незная Математики, встрѣчалъ въ исполненіи многія препятствія. Уцшнейдеръ, Баварскій Тайный Совѣтникъ, (основатель Математико-механическаго заведенія; извѣстнаго подъ именемъ Рейхенбахова, Либгера и Уцшнейдерова); узнавшій Фраунгофера по случаю его несчастія, подарилъ ему нѣсколько книгъ математическихъ и оптическихъ. Но хозяинъ Фраунгофера запретилъ ему заниматься книгами, и къ большей бѣдѣ, комната его была безъ оконъ, а хозяинъ не позволялъ ему работать при свѣтѣ, опасаясь пожара. Гений преодолеваетъ всѣ трудности, и Фраунгоферъ, не взирая на недостатокъ времени и способовъ, вскорѣ приобрѣлъ нужныя свѣдѣнія, въ Математикѣ и Оптикѣ. Освободясь отъ хозяина, и купивъ нужные инструменты, онъ началъ на свой собственныя средства, работать оптическія стекла, и для своего содержанія гравировать визитные билеты

занимаясь между тѣмъ изученіемъ Математики. Военныя заботы лишили Фраунгофера всѣхъ средствъ къ пропитанію. Уцшнейдеръ вывелъ его изъ сихъ непріятныхъ обстоятельствъ, помѣстивъ въ заведеніи Рейхенбахомъ, и поручивъ его надзору Профессора Шинге. Вскорѣ онъ занялъ мѣсто своего наставника въ заведеніи, и сдѣлался главнымъ онаго правителемъ. На семь мѣствъ, онъ сдѣлалъ множество открытій и усовершенствованій въ Оптикѣ и Механикѣ, помѣстивъ много ученыхъ статей въ Запискахъ Минхенской Академіи, которая наименовала его Членомъ своимъ, въ 1817 году. Въ 1814 году, Уцшнейдеръ основалъ особенное Оптическое заведеніе, подарилъ Фраунгоферу 10,000 гульденовъ на его часть, и поручилъ ему управленіе надъ заведеніемъ, съ приличнымъ содержаніемъ, предоставивъ раздѣлъ всѣхъ выгодъ на двѣ равныя части. Съ сей эпохи начинается блистательное поприще Фраунгофера. Лучшіе инструменты въ Европѣ дѣлались въ семь заведеній, гдѣ ежедневно ра-

ботали 50 художниковъ. Фраунгоферъ принялъ былъ въ Члены многихъ Академій, получилъ отъ своего Короля орденъ Гражданской заслуги, а отъ Датскаго Короля орденъ Данеброга. Онъ скончался 7-го Іюня 1826 года, отъ разслабленія, произведеннаго излишнимъ напряженіемъ умственныхъ и физическихъ силъ. Лучшее его произведеніе есть Дерптскій рефракторъ, Вотъ какимъ образомъ онъ достался Россіи.

Г. Струве, будучи въ Минхенѣ въ 1820 году, засталъ Фраунгофера, занимающагося сооруженіемъ сего рефрактора. На вопросъ Г. Струве, для кого онъ заказанъ, Фраунгоферъ отвѣчалъ, что это орудіе есть опытъ всѣхъ теорій и усовершенствованій по части Оптики и Механики, и что если бы никто его не купилъ, то онъ намѣренъ подарить своему правительству сей плодъ долготѣнныхъ своихъ изысканій въ наукахъ. Г. Струве просилъ Фраунгофера не продавать никому, пока онъ не получитъ отвѣта отъ своего Университета. По предстательству

Князя К. А. Ливена, поспешительное наше Правительство немедленно повелѣло отпустить сумму 30,000 рублей, и рефракторъ приобритенъ для Россіи. Когда въ Европѣ узнали о совершенствѣ сего рефрактора, то почти всѣ Университеты бросились съ просьбами къ Фраунгоферу, и предлагали ему двойную сумму за подобное орудіе. Смѣль пресѣкла всѣ надежды и желанія — и рефракторъ Фраунгофера остался первымъ и единственнымъ въ мірѣ.

Въ 1824 году, сей рефракторъ доставленъ былъ въ нѣсколькихъ ящикахъ въ Дерптъ. Фраунгоферъ забылъ прислать наставленіе, какъ его сложить и поставить на мѣсто. Г. Струве, въ нетерпѣніи, попытался сложить его, и совершенно успѣлъ въ своемъ предпріятіи. Это удивило самого Фраунгофера.

Я искалъ знакомства съ Дерптскимъ Астрономомъ изъ любопытства, а разстался съ нимъ съ любовью и уваженіемъ.

Скоро сказка говорится, но не скоро дѣло дѣлается. Я осматривалъ Университетъ

съ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера, съ промежуткомъ двухъ часовъ, для подкрѣпленія физическихъ силъ: безъ которыхъ умственные не выдержали бы разнородныхъ впечатлѣній. Я обѣдалъ у почтеннаго Г. Эверса, съ милымъ семействомъ его и нѣсколькими любителями Музъ. Подобно первымъ Христіанамъ, которые посреди идолопоклонниковъ, жили между собою, какъ братья, и при первомъ свиданіи заключали дружескій союзъ, истинные любители Наукъ и Литературы сближаются между собою предметами общаго ихъ уваженія. Откровенность одушевляла нашу бесѣду, и мы въ концѣ нашей трапезы, съ восторгомъ провозгласили тостъ за здравіе Августѣйшаго Покровителя Наукъ и Литераторовъ, и во славу просвѣщенія.

Въ Дерптскомъ Университетѣ находится 400 студентовъ. Они платятъ небольшую цѣну Профессорамъ за лекціи, по примѣру другихъ Нѣмецкихъ Университетовъ. Это самое заставляетъ юношей посѣщать лекціи

съ большимъ прилежаніемъ, ибо даровое не такъ уважается; какъ *покупное* или *пріобрѣтенное* съ пожертвованіемъ. Къ этому должно прибавить, что и Профессоры употребляютъ болѣе усилій къ привлеченію слушателей. Не корыстолюбіе, но самолюбіе дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ — а для успѣха Наукъ двойная польза.

Съ сожалѣніемъ оставилъ я милый Дерптъ, привлекательный по своему мѣстоположенію, по красотѣ зданій, чистотѣ улицъ, общему довольству жителей; драгоценный для меня по знакомству съ людьми отличными на поприщѣ Наукъ, которыя здѣсь зрѣютъ и приносятъ полезные плоды, когда въ другихъ мѣстахъ онѣ только что расцвѣтаютъ.

Одно только привело меня въ удивленіе. Въ Дерптѣ, гдѣ курится оніамъ Музамъ, нѣтъ ни одного періодическаго изданія, посвященнаго Литературѣ и Наукамъ. Одинъ книгопродавецъ издаетъ здѣсь Дерпт-

скую Газету, составленную изъ выписокъ политическихъ и иныхъ происшествій, помещаемыхъ въ другихъ Нѣмецкихъ Газетахъ. Историческія изысканія Г. Эверса, литературныя статьи Г. Моргенштерна, химическія открытія Г. Озана, наблюденія Г. Струве, краснорѣчивыя изъясненія природы Г. Паррота, украсили бы періодическое изданіе, въ которомъ могли бы помѣщать первые свои опыты отличнѣйшіе студенты. Не говорю, чтобы изданіе было срочное: этой обязанности не должно даже брать на себя учное заведеніе, въ которое входятъ учебныя обязанности. Но изданіе могло бы быть въ родѣ Академическихъ Записокъ или трудовъ Членовъ Университета, выходить нѣсколько разъ въ годъ и служить складомъ общихъ усилій къ пользѣ Наукъ, и вмѣстѣ доказательствомъ ученой дѣятельности. Это мое мнѣніе — и только.

Прости, милый, гостепріимный Дерптъ! Не знаю, буду ли я когда восхищаться твоими прелестными видами, но признаюсь,

что я почитаю счастливымъ человека, который въ состояніи провести остатокъ безмятежной жизни въ твоихъ окрестностяхъ. Я храплю въ сердцѣ моемъ и въ головѣ, нѣсколько пріятныхъ ощущеній и воспоминаній о счастливыхъ минутахъ въ жизни. Пребываніе мое въ Дерптъ входитъ въ этотъ разрядъ, и въ часы мрачной меланхоли, нераздѣльной спутницы Литераторовъ и всѣхъ вообще людей, вышедшихъ изъ мрака неизвестности, въ минуты душевнаго недуга, я буду вспоминать о пребываніи моемъ въ Дерптъ — и вѣрно утѣшусь.

Бьетъ 5 часовъ по полудни. Солнце уже начинаетъ раскалять землю: жары нестерпимые. Жалью почтовыхъ лошадей — но долженъ вѣхать въ Ригу.

П и с ь м о 5-е.

Дорога отъ Дерпта до Риги, отъ 23 до 25 Мая.

Образованность есть родъ нравственнаго мундира, въ который облакаются, въ торжественные дни, всѣ жители просвѣщенной Ев-

ропы, принадлежащія къ высшему сословію, по своему воспитанію, рожденію и положенію въ обществѣ. Правда, что и между ними существуетъ нѣкоторая разница *народности* (*nationalité*); но она также мало примѣтна, какъ пуговицы или пуговицы въ мундирахъ. Покрой и цвѣтъ все одинъ и тотъ же. Различія въ обычаяхъ и образѣ жизни разныхъ народовъ и племенъ, должно отыскивать въ хижинахъ поселянъ, и между жителями областныхъ городовъ. Здѣсь сохраняются древніе обычаи предковъ, ихъ образъ жизни и преданія старины. Ученые, составившіе системы о причинѣ различія между народами, приписывали ее, по большей части Вѣрь, климату, законодательству и пищѣ. Во многихъ отношеніяхъ это справедливо, въ нѣкоторыхъ совершенно ложно. Человекъ, по существу своему, есть подражательное животное, и въ образѣ жизни примѣняется къ окружающимъ его людямъ и предметамъ. Малодосужность поселянъ, единообразіе ихъ занятій и привязанность къ мѣсту рожденія и пропитанія, заставляютъ ихъ жить болѣе

въ своемъ кругу, между собою; и потому новыя идеи и впечатлѣнія рѣдко укореняются между ими; привычки и примѣры предковъ превращаются въ другую природу и становятся священными. Большинство вездѣ и во всемъ имѣетъ перевѣсъ, а отъ того между образованными людьми высшаго сословія, болѣе находимъ простонародныхъ привычекъ, нежели между простымъ народомъ модныхъ обычаевъ. Парижанинъ не можетъ удивиться, когда Русскій, приводящій его въ недоумѣніе своею ученостію и начитанностію, находитъ удовольствіе париться въ банѣ, посѣдиться на тройкѣ лихихъ коней по глыбамъ снѣга, слушать Русскія пѣсни съ ауканьемъ и присвистомъ, и за столомъ, уставленнымъ драгоценными винами и плодами, ѣсть соленые огурцы и капусту. Пусть удивляется Французъ,—но это дань, платимая нами нашей Русской природѣ. Между тѣмъ, ни одинъ Русскій крестьянинъ не промѣняетъ своей чарки водки, миски щей съ чернымъ хлѣбомъ, квасу и огурцевъ, на вейнъ-де-графъ, бульонъ и салатъ, или Рус-

скую кулебяку, на Французскій холодный паплетъ. Сколь ни быстры успѣхи Россіи въ образованности, но Русскій крестьянинъ мало перемѣнился въ образъ жизни, привычкахъ и обычаяхъ, со времени Царя Алексѣя Михайловича. Подобно, какъ солнце въ одно время освѣщаетъ только одну половину земнаго шара и мѣста незакрытыя отъ вліянія свѣта: такъ точно и Европейская образованность до сихъ поръ освѣтила только одну половину Россіи, и на той половинѣ находятся еще пещеры и подземелья, непроницаемая для свѣта. Сіи неосвѣщенные мѣста, и вообще цѣлую темную половину, я не называю осеннимъ мракомъ (сохрани отъ того Богъ!); но свѣтлою, сѣверною ночью, во время которой, часто утѣшаетъ насъ сѣверное сіяніе, (составленное изъ природнаго ума и дарованій). На сей-то неосвѣщенной половинѣ, остались слѣды древней нашей народности. Непроницаемый мракъ и сырость находятся въ пещерахъ и подземельяхъ на *свѣтлой* половинѣ!

Простите мнѣ, любезные мои читатели, за сіе краткое отступленіе, съ алгебраическими изъясненіями сущности. Мысли иногда невольно низжуются въ строку, когда думаешь о предметахъ, а выбросить родившуюся мысль, также жалко автору, какъ скупому бросить полтинникъ нищему.

Ливонія болѣе 600 лѣтъ покорена Нѣмцами, которые, господствуя надъ туземцами, просвѣтили ихъ вѣрою, наконецъ, Шведы научили ихъ граммати, но ни тѣ ни другіе не перемѣнили ихъ нравовъ и образа жизни, по крайней мѣрѣ въ главномъ, и особенно въ Эстоніи. То же говоритъ и Меркель, глубокой наблюдатель сердца человѣческаго и проницательный критикъ. Безъ сомнѣнія, Ливонскіе поселяне, съ пришествіемъ чужеземцевъ, приобрѣли много новыхъ понятій о новыхъ предметахъ, и обогатили языкъ многими словами для изъясненія новыхъ впечатлѣній и вещей. Объ этомъ нѣтъ спора. Русскіе поселяне, со времени преобразованія Россіи, также сдѣлали успѣхи

въ этомъ отношеніи. Нѣмецкіе рыцари и кушцы никогда не смѣшивались съ туземцами Ливоніи, разсѣянными на обширномъ пространствѣ, и живущими не многочисленными деревнями, но особыми семействами, отдѣльно одно отъ другаго. Народная ненависть полагала непреодолимую преграду къ подражанію обычаямъ покорителей; бѣдность и угнетеніе отвращали приманку роскоши отъ покоренныхъ, и они понынѣ остались почти тѣми же, какъ были прежде, за исключеніемъ нѣкоторыхъ наружныхъ формъ.

Жилище Эстонца, упряжь, домашняя утварь, земледѣльскія орудія и самая одежда, въ отношеніи къ искусству, находятся на первоначальной степени гражданской образованности. Исключая чугунаго котла и нѣсколькихъ желѣзныхъ орудій, едва ли что новое введено въ хозяйственный бытъ Эстонца, со времени открытія Ливоніи. Серебряное запястьѣ, носимое на груди женщинами, есть простая выпуклая бляха, исчерченная узорами: точно такія же, и даже

гораздо искуснѣйшей отѣлки, находятъ въ древнѣйшихъ гробницахъ туземцевъ. Изъ числа предметовъ роскоши, прибыли табакъ и водка, ибо изготовленіе пива и хлѣбопеченіе у Эстонскаго поселеннаго находятся въ самомъ грубомъ состояніи. Дикіе Тихаго океана ни чуть не ниже Эстонцевъ въ отношеніи къ образу жизни и искусствамъ. Отагитскія цыновки, ихъ убранство изъ перьевъ и раковинъ, ихъ жилища и пища гораздо пріятнѣе для образованнаго Европейца, нежели Эстонскія. При всемъ томъ Эстонцы, какъ я уже сказалъ прежде, образованнѣе многихъ племенъ, живущихъ роскошно по своему состоянію. Природный умъ Эстонца, получивъ новыя способы къ развитію своихъ способностей посредствомъ грамматики, обратился къ предметамъ отвлеченнымъ, по самымъ близкимъ и драгоценнымъ его сердцу, къ Вѣрѣ и правамъ своего состоянія. Эстонецъ разсуждаетъ о предметахъ Божесловія. Неизвѣстно, по какимъ причинамъ секта Герингутеровъ или Моравскихъ братій, чрезвычайно распространилась въ Эстляндіи и Лифляндіи, къ большому неудовольствію Лютеранскихъ Пасторовъ, вообще людей просвѣщенныхъ и пользующихся доходами, достаточными для безбѣдной жизни. Гордость народная, и какое-то непостижимое равнодушіе ко всему житейскому, исключая необходимаго дневнаго пропитанія, отвращаютъ Эстонца отъ слѣдованія по пути усовершенствованій и отъ распространенія своей дѣятельности. Каждый изъ нихъ хочетъ жить такъ, какъ жили его прѣдки, и повиноваться Нѣмцамъ, живя между Русскими, Эстонецъ заставляетъ ихъ учиться своему языку, пренебрегая всѣми чужеземными нарѣчіями.

На одной почвѣ, въ одномъ климатѣ съ Эстонцами обитаетъ другое племя, совершенно отличное въ нравственномъ и физическомъ отношеніи. о Латыши. Между Латышемъ и Эстонцемъ бѣже разницы, нежели между Русскимъ и Нѣмцемъ, между Французомъ и Англичаниномъ, между Италіянцемъ и Испанцемъ. Наслышавшись и начитавшись о сихъ двухъ племенахъ и ска-

затъ по совѣсти) наскучивъ управляться съ неукротимыми Эстонцами, я съ нетерпѣніемъ ожидалъ встрѣчи другаго племени. Девять верстъ отъ второй станціи за Дерптомъ, въ лѣсу, находится корчма Берзе. У воротъ стояло нѣсколько видныхъ мужчинъ, въ полосатыхъ полотняныхъ курткахъ и шаравахъ, въ круглыхъ шляпахъ. Башмаки ихъ безъ подошвъ, суть куски кожи, во время выдѣлки выбитой на колодкѣ въ форму обуви: по краямъ находятся прорѣхи, чрезъ которыя продѣвается ремешекъ, связывающій на ногѣ и удерживающій сей родъ башмака въ его закругленномъ видѣ. Эта обувь есть, кажется, принадлежность Латышскаго племени, и употребляется въ Эстоніи, Лифляндіи, Курляндіи, Старой Пруссіи, Самогитіи и въ Подлясін (древнемъ мѣстопребываніи Латышскаго племени Ядвинговъ или Языковъ, истребленнаго Подьяками). Нѣкоторые изъ поселянъ имѣли чулки, другіе чистыя онучи въ видѣ чулковъ. Всѣ они курили трубки, и при моемъ приближеніи сняли шляпы и вѣжливо мнѣ поклонились. Не

удостоившись никогда перваго привѣтствія отъ Эстонцевъ, я тотчасъ догадался, что это Латыши. Я велѣлъ почталіону остановиться. Вхожу въ корчму, и къ удивленію моему, вижу повсюду порядокъ и чистоту. Кирпичный полъ усыпанъ былъ пескомъ и рубленымъ ельникомъ; длинный столъ былъ, какъ будто покрытъ чистою скатертью. Старушка, на лицѣ которой остались слѣды бывшей красоты, предстала къ нашимъ услугамъ, въ чистой одеждѣ. Любопытство повлекло меня въ другую комнату, чтобы посмотреть устройство хозяйства. Въ этотъ разъ, я былъ награжденъ за любопытство, которое, какъ говорятъ, часто приноситъ горькіе плоды. Преместная дѣвушка лѣтъ 16, дочь хозяйки, встрѣтила меня въ дверяхъ. Русые ея волосы были сплетены въ двѣ косы, которыя связывались напередѣ головы красною лентою. Корсетъ изъ краснаго сукна съ фалдами, выказывалъ тонкій ея станъ: тонкое и отменно чистое бѣлье (съ воротникомъ мужскимъ) закрывало грудь бѣловѣжную; широкіе, вышитые краснымъ га-

русомъ рукава сорочки, составляли пріятную противоположность съ алымъ корсетомъ и голубою, полосатою исподницею изъ домашней тонкой ткани. Прекрасная корчмарка была бы прекрасною и въ чертогахъ, не только въ бѣдной, лѣсной корчмѣ. Свѣжее масло, вкусный и хорошо испеченный черныи хлѣбъ, домашній сыръ, предложили намъ для завтрака въ чистой посудѣ. Первая встрѣча съ Латышами расположила меня въ ихъ пользу.

Говоря о Латышахъ, я долженъ предупредить моихъ читателей, что я не касаюсь Латышей, обитающихъ въ Курляндіи и далѣе въ Пруссіи. Здѣсь идетъ дѣло о Латышахъ, живущихъ въ Лифляндіи, между Дерптомъ и Ригою. Мѣстные обстоятельства произвели небольшую разницу въ характеръ и образъ жизни Латышей разныхъ округовъ.

Изъ краткаго обозрѣнія Ливонской Исторіи, читатели мои уже знаютъ о нашествіи Латышей изъ Пруссіи въ Ливонію, о врожденной склонности сего племени къ

хлѣбопашеству, и объ ихъ трудолюбіи. Сіи похвальные качества оказываются здѣсь на каждомъ шагѣ. Земля вездѣ отлично воздѣлана, и гдѣ только можно бросить зерно между лѣсами, поросшими на пескахъ и болотахъ, вездѣ видны удобренныя нивы, покрытыя хлѣбными произрастеніями. Во время моего проѣзда чрезъ сію страну, уже наливались колосы ржи, поросшей густо и высоко, обещающей щедрую награду за трудъ земледѣльца. Не знаю, могъ ли болѣе наслаждаться хозяйнѣ нивы своего собственностию, какъ я утышался видомъ волнующихся, подобно морю, зеленыхъ колосевъ, которые въ наклоненіи своемъ образовали перелпвы тѣней на свѣтлой поверхности. Холипки съ яровымъ хлѣбомъ, едва возникающимъ, казались земными островами. Хотя вообще отъ самой Нарвы всѣ земныя произрастенія, или какъ говорится, *вегетация*, весьма хороши, но отъ Дерпта до Риги примѣтно лучше, не смотря на то, что земля становится песчанѣе и труднѣе къ удобренію.

Латыши живутъ, подобно Эстонцамъ, или малыми деревушками, состоящими изъ нѣсколькихъ домовъ, построенныхъ не въ линію, но въ безпорядкѣ и по большой части въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ большой дороги, или особо, семействами. Этотъ родъ заселенія страны гораздо удобнѣе для хлѣбопашества, потому, что каждый поселянинъ живетъ при своемъ полѣ, можетъ легче удобрить его, и не терять времени на поѣздки на пашню и обратно. Напротивъ того, въ мѣстахъ, гдѣ деревни состоятъ часто изъ ста и болѣе дворовъ, а иногда изъ тысячи душъ, крестьянинъ долженъ терять въ проѣздѣ половину времени, которое онъ могъ бы употребить на полевые работы. Къ тому же, и страна не столь кажется пустынною. Повсюду видны разбѣившія жилища, гдѣ въ случаѣ какого либо несчастія, можно получить помощь. Эта населенность особенно примѣтна въ безлѣсныхъ мѣстахъ. По несчастію, между Ригею и Дерптомъ много неудобной къ хлѣбопашеству земли и самыхъ печальныхъ мѣстополюженій. Лѣса безъ

полезные, пески сыпучіе. Удобнопахатныя земли лежатъ между бесплодными, какъ *оазисы* въ пескахъ Египта, и видомъ своимъ оживляютъ утомленнаго путешественника.

Латыши, въ сей части Лифляндіи, живутъ въ большихъ домахъ, съ соответственными величинѣ строенія окнами. Домъ разделяется почти всегда на три отдѣленія. Въ серединѣ кухня, изъ которой дымъ съ очага выходитъ чрезъ двери и вѣется подъ потолкомъ. На одной половинѣ черная, на другой свѣтлая изба съ отдѣленіями для склада вещей или помѣщенія семейства. Черная половина обитаема болѣе зимою, свѣтлая лѣтомъ. Домашній скотъ не въ такой чести у Латышей, какъ у Эстонцевъ. Онъ содержится въ порядочныхъ хлѣвахъ, и только куры и рѣзвыя козы, которыхъ вообще много, имѣютъ право прогуливаться иногда чрезъ кухню, и проходить насквозь, на задній дворъ. Молочныя ясты составляютъ ежедневную пищу Латышей. Они даже въ дорогѣ возятъ съ собою (кромѣ масла и сы-

ра) баклаги съ кислымъ молокомъ. Первые необходимости жизни Латыша тѣ же, что и у Эстонцевъ: это соль, сельди и табакъ. Хотя Латыши любятъ водку, но употребляютъ ее съ большою умеренностью, не жели Эстонцы. Дороговизна соли и дурной половъ сельдей почитаются общественными несчастіями. Жаль, что Россія, столь изобильная солью, не можетъ надѣлать ею своихъ Остзейскихъ провинцій и Литвы: провозъ сухимъ путемъ чрезвычайно дорогъ. Соль ввозится чрезъ приморскіе порты изъ за границы, и довольно дорога въ сравненіи съ заграничными цѣнами.

Латыши живутъ лучше и опрятнѣе Эстонцевъ, одѣваются красивѣе и богаче. Особенно женщины въ своихъ кофтахъ и широкихъ исподницахъ (изъ домашняго сукна, голубаго съ бѣлыми полосами), весьма опрятны и похожи на Нѣмецкихъ поселенковъ. Латыши трудолюбивы, бережливы, смѣтливы въ дѣлахъ торговыхъ, и пользуются случаями сбыть произведенія земли

на наличныя деньги. Женщины весьма искусны въ рукодѣльяхъ своего пола, и ткутъ прекрасное полотно и разныя грубыя сукна отличной доброты. Онѣ вообще хорошія домоводки. Латышей должно причислить къ самой красивой породѣ людей: лица ихъ пріятны и выразительны. Нигдѣ я не встрѣчалъ такого множества красавицъ, какъ между Латышскими женщинами. Черты лица ихъ пѣжны и привлекательны; бѣлизна удивительная, глаза живые и обыкновенно пріосѣненные густыми, темными рѣсницами, составляющими противоположность съ бѣлокурыми волосами. Онѣ вообще стройны. Между красавицами, я встрѣчалъ и некрасавицъ, но безобразныхъ и отвратительныхъ лицъ вовсе не видалъ. Можно утвердительно сказать, что въ отношеніи наружной красоты, между Латышами и Эстонцами, находится такая пропорція, какъ 1 къ 10. Это должно приписать образу жизни, лицъ и нѣкоторымъ нравственнымъ причинамъ. Какъ бы то ни было, но я въ Эстляндіи видѣлъ едва нѣсколько порядочныхъ лицъ между

простымъ народомъ, а здѣсь, при каждой встрѣчѣ съ толпою поселянъ, вижу красавцевъ и красавицъ.

Спросите Нѣмца, а особенно купца небольшого городка въ Инфляціи и Эстляндіи, спросите содержателя почтовой станціи, управителя имѣнья или ремесленника, о характерѣ Латышей и Эстонцевъ, и вы услышите одно порицаніе, одну брань и презрительныя выраженія. Эстонецъ уважаетъ своего господина, повинуется властямъ, исполняетъ возложенныя на него обязанности, но не охотно ломаетъ шапку передъ встрѣчнымъ и поперечнымъ; не позволяетъ каждому французскому выходцу, (отличающемуся отъ него не заслугою и просвѣщеніемъ, но Нѣмецкимъ языкомъ и фарфоровою трубкою) поносить себя ругательными словами или поднимать побои. Эстонецъ ужасенъ въ гнѣвъ, доходящемъ до изступленія, но гнѣвается только за несправедливость; онъ работаетъ наивнѣе по болѣе условія, и потому его называютъ злымъ, упрямымъ, мстительнымъ.

Латышъ не позволяетъ обмануть себя въ торговлѣ, знаетъ цѣну своему труду и товару, недоверчивъ къ людямъ, желающимъ пользоваться его нуждою и простотою, не даетъ ничего даромъ, получая самъ бесплатно одиѣ грубости; за ласковое слово и за *ih danke* (спасибо) не примется за работу, но въжливъ, глубоко передъ сильнымъ для избѣжанія непріятностей, и потому его чествуютъ лукавымъ, скупымъ, любостяжательнымъ, льстецомъ. Я повѣрялъ сказанное мнѣ почтенными людьми о характерѣ сихъ двухъ племенъ, и нашелъ, что они гораздо лучше своихъ порицателей, и по истинѣ заслуживаютъ вниманіе и уваженіе.

Эстонцы и Латыши имѣютъ свою Словесность, увѣковѣченную книгопечатаніемъ. Литература первыхъ по болѣе части ограничивается пѣснями, въ которыхъ много чувства и той милой простоты, подъ которую тщетно хотѣтъ поддѣлаться образованные идиллическіе Писатели. Латышская Литература, сверхъ чувства, изобилуетъ умомъ

и плодами воображенія. На Латышскомъ языкѣ издается Журналъ и Газета. По бѣльшей части въ сочиненіяхъ на Латышскомъ языкѣ трудятся Пасторы, по обязанности обучающіеся оному! Но многіе поселеніе печатають въ Журналахъ свои сочиненія, отличныя по вымыслу и изложенію, О Литературѣ сихъ двухъ племенъ, я буду говорить особо и нѣсколько пространнѣе, съ исчисленіемъ именъ и сочиненій. Теперь скажу только, что Латышскій языкъ, по мнѣнію знатоковъ, лучше воздѣланъ, нежели Эстонскій; но что сей послѣдній болѣе способенъ къ Поэзій. Оба языка имѣють свои Грамматикн, и подведены подъ правила. Честь и слава Нѣмцамъ! Усовершенствовавъ свой языкъ, они занялись обработаніемъ чужихъ языковъ, а нѣкоторые наши Профессоры Краспорвчія до сихъ поръ пишутъ о правилахъ Краспорвчія съ грамматическими ошибками; и вмѣсто того, чтобы общими силами стараться объ утвержденіи непреложныхъ правилъ языка, спорять, *спдло* ли происходить отъ *села*, или на оборотъ.

Это невольно припоминаеть споръ о томъ, носъ ли сотворенъ для табаку или табакъ для носа!

Еще въ прошломъ столѣтіи, между Латышами и Эстонцами существовало много суевѣрныхъ обрядовъ и повѣрьевъ со временъ язычества, которые теперь истреблены, по бѣльшей части стараніями Пасторовъ. Остались нѣкоторыя невинныя обычаи. Напримеръ: если Эстонецъ намѣренъ строить домъ, то сперва кладетъ на то мѣсто листь съ дерева, и наблюдаетъ, бѣлый или черный муравей пройдетъ по немъ; въ первомъ случаѣ мѣсто почитается счастливымъ, во второмъ—несчастливымъ. При свадьбахъ Латышей свекровь даетъ пощечину новобрачной, при вступленіи ея въ домъ своего мужа, а молодая жена должна тотчасъ дать пощечину своему мужу. Нѣкоторые толкуютъ, что этотъ обычай означаетъ, что жена должна раздѣлять съ мужемъ всѣ свои чувстваванія, радостныя и горестныя.

Способъ удобренія земли въ Лифляндіи.

дин и Эстляндін отзывается дикостью первыхъ времянь человеческихъ обществъ, когда люди должны были между лѣсами очищать для себя поля. На пашню свозять хворостъ, а иногда цѣлыя деревья, расщепленные на куски, покрываютъ землею и сожигаютъ. По обѣимъ сторонамъ дороги дымъ вился и разлегался по землѣ, и люди, не взирая на несносный лѣтній жаръ, работали въ полѣ, между пылающими кострами, въ густомъ дымѣ. Этотъ способъ удобренія кажется мнѣ неприличнымъ и даже вреднымъ въ наше время. Во первыхъ истребляются лѣса, драгоценная отрасль народнаго богатства; во вторыхъ, могутъ произойти пожары строеваго лѣса и самой земли, какъ то было въ 1826 году, когда многіе легковѣрные люди думали даже, что цѣлая наша планета загорѣлась. Наконецъ, по мнѣнію опытныхъ домостроителей, земля, удобренная такимъ образомъ, плодородна только въ первые годы, и послѣ дѣлается вовсе неудобною къ хлѣбопашеству. Когда я сожалѣлъ объ истребленіи лѣсовъ, то меня увѣ-

явили, что въ полѣ сожигаютъ только сухія тучья. Напротивъ того, я самъ видѣлъ и держалъ въ рукъ зеленныя вѣтви молодыхъ березъ, орѣшника и полѣвныя сосновыя, которыхъ саженъ продается въ Петербургѣ, въ дешевые годы отъ четырехъ до пяти и шести рублей.

На пути отъ Дерпта до Риги, находятся два города, Валкъ и Вольмаръ, въ которыхъ нѣтъ почтовыхъ станцій. Валкъ лежитъ между станціями Тейлицъ и Гульбенъ, въ $10\frac{1}{2}$ верстахъ отъ первой, и въ 8-ми отъ послѣдней. Почтовая станція въ Вольмарѣ находится почти въ двухъ верстахъ отъ городомъ. Жаль, что онѣ не находятся въ сихъ двухъ городахъ, лежащихъ на самой почтовой дорогѣ. Чрезъ это поправлюсь бы благосостояніе городовъ, ибо каждый путешественникъ, утомленный, изнеможенный тихою ѣздою, проголодавшійся на почтовыхъ станціяхъ, наскучивъ отдачею своего кошелька въ полное распоряженіе содержателя станцій, отдохнувъ бы въ городѣ, пообѣдалъ въ трактирѣ и запасся на

дорогу съѣстными припасами. Почтовые станціи въ Остзейскихъ провинціяхъ, содержатся на счетъ дворянства, но оно строитъ только домъ, и приглашаетъ охотниковъ содержать лошадей за прогоны и за фуражъ, отпускаемый въ натурѣ или по цѣнѣ деньгами. Является спекуляторъ съ указнымъ числомъ лошадей, изъ которыхъ нѣсколько хорошихъ, сохраняются для начальниковъ и курьеровъ, а дюжины двѣ достальныхъ для проѣзжающихъ по своей надобности. Въ Лифляндіи на каждой станціи прибита на стѣнѣ печатная табель цѣнъ за всѣ съѣстные припасы. За четыре кушанья положено по два рубля съ персоны. Вамъ дадутъ миску кислаго молока, миску прѣснаго съ тварогомъ, кусокъ соленой рыбы или зелени (возмѣлѣнной въ полѣ матерью природою) и кусокъ стараго жаркаго, и вы, за три персоны, должны заплатить шесть рублей. Ради Бога, не спрашивайте вина, если не хотите, за бутылку уксусу съ виннымъ этикетомъ, заплатить 5, 6 или 8 рублей. На одной станціи, не доѣзжая до Риги, а спро-

сить горячей воды и сливокъ къ чаю. Порція на табели оцѣнена въ два рубля, какъ за полную порцію чаю. Неудобно ли поспорить? Вамъ сей часъ сочтутъ всѣхъ Генераловъ, которые проѣзжали и были всѣмъ довольны, обременять насмѣшками, и наконецъ заставить заплатить. Исключенія весьма рѣдки.

Само по себѣ разумѣется, что содержатели станцій желали бы, чтобы онѣ находились какъ можно далѣе отъ обитасмыхъ мѣстъ, особенно отъ городовъ и трактировъ.

Le monde marche! сказать одинъ писатель. Все на свѣтѣ должно итти впередъ или назадъ, т. е. усовершеняться или портиться, чтобы истлѣвъ, снова возродиться въ лучшемъ видѣ. Въ мірѣ нѣтъ ничего неподвижнаго, или лучше сказать, ненарушимаго. Одинъ только почтовый станціи въ Эстляндіи и Лифляндіи всегда стоятъ на одной точкѣ замерзанія. Всѣ путешественники, лѣтъ сорокъ сряду, словесно и письменно

говорять одно и то же, не исключая и самих Остзейцевъ. Я испыталъ все, сказанное Барономъ Шлиппенбахомъ въ 1814 году *, съ тою разницею, что меня нигдѣ не задерживали, потому именно, что я не то-ропился. Я, по счастью, отѣлся тотько скукою, лишнимъ десяткомъ талеровъ, голо-домъ и порчею желудка.

Маленькій городокъ Валкъ лежитъ между холмами, осененными зеленью, при рѣчкѣ называемой Педель, которая извиваясь между деревьями, спадаетъ въ долину. Мѣсто-положеніе самое живописное, и дома такъ расположены между деревьями, что издали, миниатюрный Валкъ кажется довольно обширнымъ городомъ. Трудно догадаться, подѣ-зкая къ нему, что здѣсь только одна больш-ая улица т. е. почтовая дорога, вымощен-ная, какъ будто бы нарочно для испытанія крѣпости Петербургскихъ экипажей, и че-

* См. *Erinnerungen von einer Reise nach St. Petersburg 1814.*

тыре прилежащія улицы. Въ городъ не бо-лье 450 жителей обоого пола, Нѣмцевъ, по-большей части ремесленниковъ и купцевъ, доставляющихъ сельскимъ жителямъ пред-меты роскоши, вовсе нероскошные. Домовъ всего 4 каменныхъ и 68 деревянныхъ, и од-на Лютеранская каменная церковь. Къ го-роду принадлежать нѣсколько имѣній съ крестьянами и безъ нихъ; доходы употреб-ляются на городскія надобности.

Валкъ не богатъ историческими воспо-минаніями: онъ раздѣлялъ участь цѣлой страны, и не былъ свидѣтелемъ чрезвычай-ныхъ подвиговъ. Онъ построенъ въ 1334 году Орденомъ Эбергардомъ фонъ-Монгеймомъ, и десять лѣтъ спустя, былъ взятъ и разрушенъ Литовцами, которые, соединившись съ Князьями Витебскимъ, По-лоцкимъ и Смоленскимъ, опустошили Ливо-нію, съ войскомъ въ 100,000 человекъ. Они были разбиты Великимъ Магистромъ Тевтоническаго ордена Генрихомъ Десме-

номъ * (Dessmen), близъ Лабіау, и по словамъ летописей, 40,000 неприятелей убито на мѣстѣ. Въ 1435 году, въ день Св. Варвары, заключена въ Валкѣ памятная конвенція, между Рижскимъ Архіепископомъ Генрихомъ фонъ Шарфенбергомъ и Гермейстеромъ меченосцевъ Генрихомъ фонъ Букенроде, послѣ долгихъ распрей, въ которыхъ участвовали Папы и Нѣмецкіе Императоры. Дѣло шло о первенствѣ въ правленіи, или лучше сказать, о владѣніи Ливоніею. Епископы требовали, чтобы орденъ повиновался свѣтской власти духовенства и почиталъ свои земли не собственностью, а леномъ; орденъ, напротивъ того, признавалъ себя властителемъ Ливоніи, (какъ и слѣдовало) и требовалъ, чтобы городъ Рига признавалъ его владычество. Отъ большихъ притязаній, какъ водится, родились мелочи, и орденъ спорилъ даже о покровѣ одежды Епископа! И на сей разъ, орденъ, выигравъ дѣло, былъ обманутъ, во-

* У Графа де Бре, онъ названъ Henri de Dusemer.

влеченъ въ издержки, и долженъ былъ уступить хитрой политикѣ. Съ сего времени до 1501 года, я не нашелъ въ Исторіи ничего примѣчательнаго о городѣ Валкѣ. Въ этомъ году, знаменитый Гермейстеръ Плеттенбергъ заключилъ въ Валкѣ оборонительный союзъ противъ Россіи, съ Литовскимъ Великимъ Княземъ Александромъ, съ Швеціею, Даніею, Норвегіею и съ Епископами Лифляндскимъ, Эстляндскимъ и Курляндскимъ. Русскіе, въ эту пору, уже опустошили Ливонію, въ окрестностяхъ Нарвы и Дерпта. Валкъ былъ любимымъ мѣстопробываніемъ Гермейстера Фирштенберга, кончившаго жизнь въ плѣну въ Россіи. При вторженіи Россійскаго воинства въ Ливонію, при Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, и по взятіи Нейгаузена, Фирштенбергъ, поссорившись съ Дерптскимъ Епископомъ, и не имѣя ни войска, ни духа къ защитѣ провинціи, удалился въ Валкъ. Рыцари собрались въ сей городъ, и въ ужасѣ избрали Готарда Кетлера, Кoadьюторомъ или помощникомъ Гермейстера. Въ концѣ 1559 года, Фирштенбергъ

вовсе отказался отъ своего званія, уступивъ оное своему помощнику. По одному избранію Кетлера, Валкъ становится достопримѣчательнымъ мѣстомъ. Какъ въ то время выборы происходили по большей части въ церквахъ, то я съ любопытствомъ смотрѣлъ на стѣны, отражавшія нѣкогда восклицанія радости и ужаса. Не знаю только, та ли самая церковь существуетъ нынѣ. При Царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ, жители Валка были отчасти истреблены, отчасти разбѣжались: пламя пожара высушило кровь избѣнныхъ гражданъ. Тогда люди за честь себя поставляли превосходить въ люлости хищныхъ звѣрей, и между тѣмъ, были набожны до суевѣрія. Какъ согласить эти противоположности? О просвѣщеніе, просвѣщеніе! ты дѣлаешь человека достойнымъ его высокаго предопредѣленія.

Вольмаръ былъ нѣкогда большимъ и знаменитымъ городомъ, и почитался однимъ изъ лучшихъ, въ числѣ 10 первоклассныхъ городовъ Ливоніи, въ XV вѣкѣ. Онъ построенъ Датскимъ Королемъ Вольдемаромъ II,

около 1219 года, сей Государь помышлялъ объ удержаніи въ своей власти цѣлой Ливоніи. Нынѣ существуютъ въ Вольмарѣ развалины замка, сооруженнаго въ 1283 году, Орденмейстеромъ Вильгельмомъ фонъ Шауэнбургомъ. Городъ окруженъ былъ стѣнами, валами, рвами, и всѣ строенія въ немъ были каменные. Война и пожары поглотили его мужество, и нынѣ Вольмаръ вмѣщаетъ въ себя не болѣе 550 жителей обоего пола. Здѣсь одна только Лютеранская церковь, каменная. Обывательскихъ домовъ всего около восьмидесяти деревянныхъ и 10 каменныхъ. Почтовая дорога проходить чрезъ городъ, который лежитъ въ самомъ живописномъ положеніи надъ рѣкою Аа. Вообще всѣ города и городки въ Лифляндіи отличаются прекраснымъ мѣстоположеніемъ: большія тѣнистыя деревья, липы, дикіе каштаны, которыя жители берегутъ и лѣлѣютъ съ большимъ раченіемъ, украшаютъ прелестные виды. Бѣлые домики съ красными крышками, выглядывающіе изъ густой зелени, тихая Аа, или древнія развалины и цер-

ковъ съ кладбищемъ, составляютъ пріятный ландшафтъ, особенно если смотреть на городъ изъ-за церковной ограды. Жители здѣсь по большей части Нѣмцы, такъ какъ и въ Валкѣ, и занимаются тѣми же промыслами. Вольмаръ также имѣетъ городскія земли и мызы съ поселянами.

Имя Вольмара часто встрѣчается въ Ливонской Исторіи. Въ немъ заключенъ знаменитый трактатъ (въ 1451) между Рижскимъ Епископомъ Сильверстомъ и Великимъ Магистромъ Тевтоническаго Ордена Эрляхсгаузенемъ, по коему Епископъ уничтожилъ всѣ привилегіи духовенства, могущія возродить распри, обязалъ носить одежду ордена и почитать себя и Капонииковъ Рижскаго Капитула членами оного. Ливонскіе рыцари, воспользовавшись симъ первымъ ослабленіемъ власти Епископской, принуждали его въ слѣдующемъ году заключить другой трактатъ въ Кирхгольмѣ, по коему владычество надъ Ригой должно было принадлежать ордену, а не Епископу.

Жители Риги были недовольны сими распоряженіями и принудили Епископа отказаться отъ заключеннаго условія. Началась война между орденомъ и Епископомъ, который призвалъ на помощь иностранныя войска, но былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ въ Кокенгузѣ, и заключенъ въ темницу. Тщетно Папа Сикстъ IV металъ въ рыцарей громы проклятій, съ высотъ Ватикана, и называлъ ихъ *сиглами злобы*. Рыцари усердно молились, постились, и грабили церковныя имѣнія, Сильвестръ умеръ съ отчаянія и первый шагъ его къ гибели былъ трактатъ, заключенный въ Вольмарѣ. Вообще въ политикѣ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ, первая ложная мѣра влечетъ за собою тысячи неизбѣжныхъ погрѣшностей.

Рига, будучи почти независимою подъ управленіемъ Архіепископовъ, которыхъ деньгами удерживала въ предѣлахъ ограниченаго честолюбія, Рига съ ожесточеніемъ противилась притязаніямъ ордена. Послѣ долгой и кровопролитной войны, продол-

жавшейся съ переменнымъ счастьемъ, въ которой Рига имѣла значительное иноземное войско на своемъ жалованьи, орденъ одержалъ совершенную побѣду. Заключение трактата въ Вольмаръ, въ 1491 году, по которому Рига должна была отказаться отъ всѣхъ сношеній съ иностранными Державами, построить на свой счетъ Командорскій замокъ въ городѣ, и исполнить всѣ прежніе трактаты, подчиняющіе городъ ордену. Вольмаръ памятенъ изданнымъ въ ономъ въ 1507, закономъ противу роскоши. Пьянство и обжорство дошли въ Ливоніи до такой степени, что рыцари и купечество проводили всю жизнь на свадьбахъ и другихъ семейныхъ праздникахъ, продолжавшихся въ каждомъ домѣ по нѣскольку недель. Бѣдныя женщины не могли двигаться отъ тяжести драгоценныхъ уборовъ, а приданое дочери и свадебный пиръ разоряли цѣлое семейство. Великій Плетенбергъ думалъ обуздать сію гнусную и смѣшную роскошь — но законы дѣйствуютъ только тамъ, гдѣ чисты нравы: Плетенбергъ не имѣлъ довольно влас-

ти, чтобы силою заставить исполнять писанное. Дубинка Петра Великаго — спасительнѣйшее лекарство противу болѣзни, называемой *законопреступленіе*. Жаль, что Плетенбергъ не могъ употребить его!

По истеченіи 50-ти лѣтняго перемирія, заключеннаго между Плетенбергомъ и Великимъ Княземъ Иоанномъ Васильевичемъ Великимъ, когда Иоаннъ Васильевичъ Грозный уже повелѣлъ вторгнуться войскамъ своимъ въ Ливонію, въ Вольмаръ собрались Ливонскіе Штаты (въ 1554 году), чтобы разсуждать о высылкѣ посольства къ Русскому Царю съ просьбою о продолженіи мира на 30 лѣтъ. Иоаннъ согласился заключить миръ на 15 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы въ продолженіе трехъ лѣтъ уплачены были недоимки известной подати *Glaubens-Zins* (*).

(* Меркель (см. *Die Vorzeit Livlands*) говорить, что *Glaubens-Zins* была подать, которую Дерптскіе поселяне должны были платить Искову за позволеніе ставить ульи въ Русскихъ лѣсахъ, но что

Ливонцы не исполнили условія, и, какъ извѣстно, послѣ кровопролитной брани лишились своей независимости.

Въ краткую эпоху, между переговорами о мирѣ съ Россіею и нашествіемъ Россіянъ въ 1558, споры Епископовъ съ ордеиномъ не только не утихли, но еще болѣе воспламенились: вмѣсто того, чтобы общими силами вооружиться противу угрожающей Россіи, они спорили о правѣ избирать Кoadьютора или помощника въ Рижскій Капитулъ. Вильгельмъ, Архіепископъ Рижскій, для поддержанія избраннаго имъ Кoadьютора, Христофора Герцога Мекленбургскаго, вооружилъ противъ ордена брата своего Алберта Герцога Прусскаго, и Польскаго Короля Сигизмунда. Многіе города и

Іоаннъ Васильевичъ (Царь) почиталъ эту дань поголовщиною. Я уже сказалъ выше мое мнѣніе, основанное на историческихъ изслѣдованіяхъ, и увѣренъ, что эту дань платила Чудь Русскимъ пограничнымъ Князьямъ за свободное отпращиваніе языческаго богослуженія.

земли, принадлежавшіе ордену и Архіепископству: были взяты и сожжены, и наконецъ Архіепископъ восторжествовалъ. 5 Октября 1557, онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Вольмаръ, который, со времени Плетенберга, часто былъ мѣстопребываніемъ Гермейстеровъ, наравнѣ съ Венденомъ. Торжество жалкое и послѣднее въ исторіи Архіепископовъ.

Во время послѣдней войны Россіи съ ордеиномъ, Магнусъ, объявленный Королемъ Ливоніи, имѣлъ свое пребываніе въ Венденѣ, и успѣлъ завладѣть Кокенгузомъ, Ашераденомъ, Леневардомъ, Ленбургомъ, Шванебургомъ и Вольмаромъ. Польскій офицеръ, начальствовавшій въ Вольмарѣ, по имени Александръ Полубинскій, обратился къ Русскому Царю и открылъ ему измѣну Магнуса. Извѣстны послѣдствія сего дѣла, и наказанія за измѣну, которой первая нить открыта въ Вольмарѣ.

По взятіи Вендена и истребленіи всѣхъ жителей въ жестокихъ мученіяхъ, почти та

же участь постигла Вольмаръ. Войско Іоанна Грознаго, какъ водится, слѣдовало примѣру Царя, и жестокость чинима была наравнѣ съ мужествомъ. Вольмаръ былъ сожженъ, жители умерщвлены или увлечены въ неволю. Война, внесенная въ сердце Ливоніи Іоанномъ Грознымъ, положила конецъ благосостоянію бѣльшей части городовъ, а въ томъ числѣ и Вольмара. Съ этихъ поръ, онъ сдѣлался незначительнымъ провинціальнымъ городкомъ.

Когда въ 1582 году, Ливонія раздѣлена была между Швеціею и Польшею, Вольмаръ достался Полякамъ. Католическое Епископство учреждено было въ Венденѣ, а Вольмаръ съ Буртнекомъ и Тракатенемъ отданы были во владѣніе извѣстному Іезуиту Поссевину, который знаменитъ въ Россійской Исторіи переговорами съ Іоанномъ Грознымъ, и хитрыми своими поступками въ продолженіе войны. Когда, въ 1600 году возгорѣлась брань между Польскимъ Королемъ Сигизмундомъ III и дядею его, Правителемъ Швеціи, Герцогомъ Зюдерманацд-

скимъ о наследствѣ престола, Герцогъ, принявшій титулъ Королевскій, подъ именемъ Карла IX, вторгнулся съ войскомъ въ Ливонію, и въ одинъ годъ покорилъ многіе города, а въ томъ числѣ и Вольмаръ. На сей разъ не долго торжествовали Шведы въ Ливоніи: они были разбиты подъ Кирхольмомъ знаменитымъ Польскимъ Гетманомъ Ходкевичемъ, въ 1605 году, и изгнаны изъ сей провинціи. Великій Густавъ Адольфъ, вступивъ на престолъ, далъ иной оборотъ дѣламъ, и снова покорилъ всю Ливонію. Вольмаръ, Мойавъ, Венденъ, Сегевальдъ, Аллансъ, Каистеръ и другія помѣстья и города, отданы были въ вѣчное и потомственное владѣніе знаменитому Министру и Совѣтнику Густава Адольфа, Оксенштирну. По присоединеніи Лифляндіи къ Россіи по Нейштатскому миру, сіи помѣстья поступили въ казну, и при новомъ раздѣленіи провинцій, Вольмаръ назначенъ окружнымъ или уѣзднымъ городомъ, въ 1783 году.

Можетъ быть, я скучно моимъ читателямъ, рассказывая Исторію каждого горо-

да или по крайней мѣрѣ приводя на память главнѣйшія событія. Но всѣ люди похожи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ на того чело-вѣка, который, пообедавъ самъ, думалъ, что всѣ его служители сыты. Мы обыкновенно подбиваемъ тѣмъ, что намъ нравится. Для меня не только городъ или деревня, но камень или дерево драгоценны, если съ ними соединено какъ нибудь историческое событіе или воспоминаніе. Бѣдная существенность исчезаетъ, открывается завѣса, и воображенію представляется драматическое представленіе прошлыхъ вѣковъ. Но несчастію, въ этихъ мелодрамахъ, главныя дѣйствующія лица, по большей части, злодѣи и шуты, которые заставляютъ васъ или трепетать отъ ужаса, или смѣяться надъ глупостью человѣческою. Изрѣдка являются великіе мужи, составляющіе завязку драмы, и умные люди, которые украшаютъ ее чувствомъ и краснорѣчіемъ. Какъ бы то ни было, но Исторія всегда занимательна для мыслящаго существа: по ней мы угадываемъ будущность, какъ въ Математикѣ по

извѣстнымъ числамъ доходимъ до неизвѣстныхъ; изъ Исторіи почерпаемъ уроки и примѣры; Исторіею вознаграждаемъ и наказываемъ сильныхъ и могучихъ. И такъ, извините, любезные читатели, если я васъ обременилъ воспоминаніями о Валкѣ и Вольмарѣ. Разсуждая о незначачихъ по видимому событіяхъ, мы увидимъ, что если бы правители Ливоніи, Архіепископы и Орденсмейстеры, соблюдали и обдумывали свои трактаты, то не навлекли бы несчастій на цѣлую страну; если бы они не обманывали Царя Іоанна Васильевича и заплатили ему дань, или не желая платить, вооружились и рѣшились защищать свое отечество до послѣдней капли крови, то не предали бы всѣхъ городовъ на всесожженіе, и жителей на смерть и неволю. Ливонія все таки досталась бы Россіи въ послѣдствіи, но Вольмаръ и Валкъ были бы теперь большими городами. Наконецъ, если бы Плетенбергъ, издавъ законъ объ уничтоженіи вредной роскоши, исполнялъ его съ такою же твердостью, съ какою мудростью его выдумалъ;

то Ливонцы исправились бы въ правахъ, и во время нашествія Русскихъ на Дерптъ, не прятались бы въ своихъ помѣстьяхъ и городахъ, но вышли бы въ поле, и если бы не побѣдили Юаина, то по крайней мѣрѣ, могли бы заключить выгодный миръ, ибо съ оружіемъ въ рукахъ всегда выгоднѣе траговать о мирѣ, точно также, какъ торговать съ наличными деньгами, и писать съ запасомъ ума и познаній, а не по минимуму вдохновенію. — Вотъ и прагматическая часть Исторіи!

Четвертая станція отъ Риги называется Роопъ. Не доѣзжая до станціи, на горѣ, на правой сторонѣ отъ дороги возвышается древнее зданіе, между оврагами и зарослями, въ самомъ живописномъ положеніи. Это древній замокъ, называемый *Большой Роопъ*. Стѣны и укрѣпленія истреблены временемъ. Въ долинѣ, на берегу ручья находится другой древній замокъ во всей цѣлости, съ башнями и стѣнами: онъ называется *Малый Роопъ*. Кто не видалъ замковъ среднихъ вѣ-

ковъ, тотъ можетъ получить точное понятіе о семъ родѣ частныхъ крѣпостей среднихъ вѣковъ, осмотрѣвъ всѣ части *Малаго Роопъ*, который по справедливости должно называть *Ритербургомъ*, а не замкомъ; ибо въ крѣпостной оградѣ находятся церковь и много отдѣльных строеній, вѣроятно служившихъ некогда убѣжищемъ многимъ семействамъ во время военное. Почти всѣ зданія и стѣны построены изъ большихъ полевыхъ камней, и носятъ на себѣ отпечатокъ древности и готической архитектуры. Оба сѣи замка построены въ 1263 году, братьями изъ фамиліи *Розенъ*. Въ послѣдствіи сѣи замки были монастырями. Большой Роопъ по-Латышски называется *Лесля-Страупе* (*Leela-Straupe*), Малый Роопъ (*Маса Страупе*) *Маса Страупе*. Неизвѣстно, откуда произошло названіе *Роопъ*, и почему замки не сохранили названія первыхъ основателей, Розеновъ. Въ Курляндіи и въ Литвѣ понынѣ существуетъ фамилія *Роопъ*: быть можетъ, замки сѣи некогда принадлежали оной. Нынѣ Большой Роопъ прина-

лежить казнь, а Малый (помнится) фамилии Мейендорфовъ. Мѣстоположеніе сихъ замковъ и строенія послѣдняго, суть самыя романтическія, и я бы совѣтовалъ сочинителямъ Романовъ, рыцарскихъ повѣстей или балладъ, побывать въ этомъ мѣстѣ, для узнанія мѣстностей и древностей.

При станціи Гильхенсферъ, я переправился чрезъ рѣку Аа, на паромъ. Рѣка украшается островками, поросшими лѣсомъ, и песчаные ея берега удобрены трудолюбіемъ жителей. Противъ станціи, лежитъ прекрасная мыза того же имени, на берегу рѣки. Роскошный паркъ и островъ противъ дома привлекли мое вниманіе красотою деревьевъ, за которыми, какъ я выше замѣтилъ, въ цѣлой Лифляндіи наблюдаютъ съ особеннымъ раченіемъ, и умѣютъ ими пользоваться для составленія пріятныхъ сельскихъ видовъ и прогулокъ. Едва дотащился я къ вечеру по песку до послѣдней станціи Нейермиленъ, и рѣшился провести здѣсь ночь, чтобы насладиться видомъ Риги при

солнечномъ свѣтѣ. Отсюда до Риги только 11 верстъ, но желтый сыпучій песокъ до такой степени затрудняетъ проѣздъ, что можно сказать, по немъ должно плыть, а не ѣхать. Въ Нейермиленъ ѣздить изъ Риги на прогулку, лакомиться вафлями, такъ какъ въ Петербургѣ нѣкогда была мода ѣздить, для того же, въ Красный Кабакъ. Положеніе сего трактира и станціи, на берегу рѣчья, довольно пріятное. Вблизи находится мыза, осыпанная деревьями. Здѣсь существовалъ замокъ, построенный Епископомъ Албертомъ въ 1204 году, и пылъ совершенно разрушенный. Измученный, изнеможенный дорогою, я съ радостью вѣхалъ въ 7 часовъ утра въ Петербургскій форштатъ, предполагая отдохнуть въ Ригѣ и вознаграждать себя за всѣ претерпѣнные мною недостатки и постыжечество на станціяхъ. Не даромъ говорятъ, что голодному снится пища. Я мечталъ и во снѣ и на яву о прекрасномъ трактирѣ, который я безъ сомнѣнія найду въ богатой и торговой Ригѣ, о вкусномъ столѣ, о спокойной квартирѣ, о де-

невзвѣтъ товаровъ, получаемыхъ здѣсь прямо изъ-за границы, объ удовольствіяхъ прогулки по многотысячнымъ улицамъ, послѣ скуки, испытанной на почтовой дорогѣ. Я мечталъ много кое о чемъ, дѣлалъ разныя предположенія, и какъ обыкновенно случается въ жизни, ни одно мое предположеніе не сбылось. Я нашелъ то, чего не надеялся, и обманулся въ томъ, что предполагалъ встрѣтить.

Читатели спросятъ меня: неужели со мною не случилось на пути никакого замѣчательнаго приключенія? По счастью, нѣтъ. Если бъ я путешествовалъ по Италіи, то могъ бы составить эпизоды о подозрительныхъ лицахъ, которые съ любопытствомъ спрашивали меня о причинѣ моего странствованія, о разбойникахъ, показавшихся на высотѣ утесовъ; о несчастныхъ случаяхъ, постигшихъ другихъ путешественниковъ и много кое о чемъ занимательномъ для воображенія. Изъ Франціи, я бы сообщилъ моимъ читателямъ любопытныя встрѣчи съ

людьми разныхъ политическихъ партій, игравшими важныя роли въ политической комедіи, и о прекрасныхъ, болтливыхъ Французенкахъ, спутницахъ моихъ въ дилижансѣ. Изъ Германіи, я извѣщалъ бы о знакомствахъ съ учеными и писателями, которые изобилуютъ въ сей странѣ, какъ фруктовые деревья, хотя не всегда приносятъ сладкіе и питательные плоды. Что могло случиться со мною въ тихой, благоустроенной Ливоніи, кромѣ весьма обыкновеннаго и не занимательнаго ~~предмета~~ для кого? Но какъ большая часть нынѣшнихъ путешественниковъ болѣе говорить о себѣ, нежели о видѣнныхъ предметахъ: то и я долженъ невольно покориться общему правилу. Итакъ, послушайте.

Передъ станціей Вольмаромъ, въ ночь, почтальонъ повезъ меня проселочною дорогою, чтобы избѣгнуть песку на почтовой дорогѣ. Дорожка шла лѣсомъ, и сонный почтальонъ, опустивъ возжи на произвольную судьбу, предоставилъ лошадямъ тащить эки-

нажъ по кочкамъ, камнямъ и рытвинамъ. Утомившись чрезвычайно, я заснулъ, лишь только экипажъ покатился по ровной дорогѣ. Вдругъ слышу сквозь сонъ звуки военной музыки и барабановъ. Пробужаюсь, гляжу въ обѣ стороны. Кругомъ лѣсъ и мракъ. Спрашиваю у почтальона; онъ что-то говорить, но я никакъ не могу добиться ни одного Русскаго слова, и ничего не понимаю. Звуки музыки становятся громче; я различаю голосъ кларнета, флейты: играютъ скорый маршъ, кричатъ ура. Что это значить? Я теряюсь въ догадкахъ. По ландкартѣ мнѣ извѣстно, что по близости одинъ только городъ Вольмаръ до котораго еще 10 верстъ; войскъ въ окрестностяхъ нѣтъ: откуда же эта военная музыка и восклицанія? Наконецъ открывается корчма. Нѣсколько десятковъ Латышей, мужчинъ и женщинъ, пляшутъ на открытомъ воздухѣ, въ ночной темнотѣ. Нѣсколько музыкантовъ, изъ поселянъ, играютъ весьма и весьма порядочно на разныхъ инструментахъ. Въ промежуткахъ танцевъ они забавляются воен-

ною музыкою. Я велѣлъ почтальону остановиться; поселане окружили меня и почтили Латышскою пѣсней, которую они пропѣли хоромъ съ большимъ искусствомъ. Это былъ Троицынъ день. Забавы Латышей, ихъ музыка, пѣсни и танцы удостирили меня въ ихъ образованности. Замѣчательно, что между поселянами были нѣкоторые навеселѣ, но ни одного хмѣльнаго. Въмѣсто брани или спора, я слышалъ одни веселые припѣвы и радостныя восклицанія. Это характеризуетъ народъ.

Вотъ одно нечаянное приключеніе отъ Петербурга до Риги. Все прочее было ожиданное, единообразное и расчитанное какъ будто по календарю. Можно бы кое что и выдумать, — но это не мое дѣло. *Правда* есть девизъ моего путешествія.

— № IV. —

МОРСКІЯ КУПАЛЬНИ

ПО БЕРЕГУ БАЛТИЙСКАГО МОРЯ, ВЪ ЗА-
ПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЯХЪ.

Полагенъ, отъ 5 до 27 Июля.

Море. Купанье. Увеселенія и жизнь въ Полагенъ.
Гора Бирута. Янтарь. Люди.

—

Кто не чувствовалъ душевнаго усажденія и умилительнаго восторга къ величію Творца, при видѣ горъ увѣнчанныхъ облаками и открытаго моря, — тотъ долженъ отказаться, не только отъ правъ на Авторство, но и на самую образованность.

Съ восхожденіемъ солнца, вышелъ я на песчаный берегъ, и остановился на курганѣ, поросшемъ соснами. Туманъ, подобно завѣсъ, свертывался на отдаленной чертѣ горизонта: изъ-за него разливалось по своду небесному розовое сіянье. Вдругъ показалось солнце въ видѣ золотого щита: оно блестяло, но не ослѣпляло зрѣнію. Наконецъ, выбившись изъ тумана, солнце вспыхнуло, и яркіе лучи его дивною игрою своею украсили природу. Земля и перелетныя облака позлатились, а пѣныстыя волны переливались серебряною струею. Теплый вѣтерокъ, истребляя влагу въ воздухѣ, освѣжалъ дыханье, и разносилъ крики птицъ, стаями увивавшихся надъ водою. Я былъ одинъ на пустынномъ берегѣ: ни одно мыслящее существо не мѣшало моему наслажденію. Съ жадностью вперялъ я взоры въ открытое море, которое при тихой погодѣ, послѣ ночной бури сильно волновалось, ревѣло и съ плесками разбивалось о берегъ. Когда смотришь вдаль, кажется взору, будто волны катятся съ горы и въ стремленіи

своемъ низринутся на низкій берегъ. Никакая сила не могла бы поставить оплота тяжести и напору разъяренного моря: персть Всевышняго начертала ему предѣлъ! Величественное зрѣлище волнующагося моря, восходящаго солнца и необыкновенная свѣжесть воздуха произвели во мнѣ необыкновенное впечатлѣніе. Я вспомнилъ стихи Гёте.

Und frische Nahrung, neues Blut,
Saug ich aus freyer Welt;
Wie ist Natur so hold und gut,
Die mich am Busen hält!

Т. е. «Изъ свободнаго міра я впитваю въ себя новую кровь, пищу освежительную. Какъ прелестна, какъ добра природа, покоящая меня на своемъ лонѣ!»

Люди въ младенчествѣ міра одушевляли всѣ необыкновенные предметы въ природѣ. Въ минуты пѣническаго располноженія ума, нельзя не почитать Океана существомъ одушевленнымъ. Вѣчное его движеніе есть

эмблема вѣчной жизни. Онъ, кажется, имѣетъ свои страсти: волнуется гнѣвомъ, и тихо покоится въ объятіяхъ любви. Благодѣтельный и неистощимый въ благодѣніяхъ, онъ въ недрахъ своихъ питаетъ миллионы существъ и сокровищами своими обогащаетъ землю. Мысль человѣческая не можетъ представить ничего величественнѣе въ природѣ, какъ небо и море. Океанъ есть также особый міръ, міръ населенный, вмѣщающій въ себя всѣ стихіи, всѣ произведенія трехъ царствъ природы, и, подобно небу и землѣ, украшенный твореніями вымысла и фантазій. Древніе почитали его божествомъ, а естество его, влагу, душею вселенной. Они въ Мнѣахъ своихъ приписывали ему все, что воспалило воображеніе и услаждало душу. По ихъ мнѣнію, любовь родилась въ морскихъ волнахъ. Чертогъ Феба, бога свѣта и изящнаго, находился на днѣ морскомъ. Ахиллесь, образецъ геройства, родился отъ морской богини. Чудный Протей, принимавшій на себя всѣ виды, — есть не что иное, какъ иносказательное изображеніе воды, которой Древ-

ше приписывали магическую силу. — Однимъ словомъ, Древніе, жившіе болѣе воображеніемъ и чувствомъ, нежели холоднымъ разсудкомъ, въ отдѣльныхъ образахъ сильно и кратко изъясняли возвышенныя предметы, которые у насъ теряются въ многословіи и разсужденіяхъ. Мы дѣйствуемъ на разсудокъ, Древніе дѣйствовали на сердце. Они были ближе къ Природѣ. Только бѣсѣда съ нею воспаляетъ воображеніе и возбуждаетъ духъ Поэзіи, которая есть не что иное, какъ чувство Изящнаго въ Природѣ.

Я самъ испыталъ волшебное дѣйствіе моря, и любясь имъ, какъ бы по невольному влеченію повергнулся въ его волны. Какъ вамъ изъяснить, любезные друзья, мои ощущенія? Послѣ мгновеннаго холода, кровь моя закипѣла, чувство приняло въ раздражительность; треніе огромной массы воды производило во мнѣ родъ электрическаго дѣйствія; огонь и здоровье пробѣгали по моимъ жиламъ. Бодро противился я удареніямъ волнъ, которыя съ нѣжнымъ со-

крушаясь на мнѣ, нѣжили мои чувства, и притворнымъ сопротивленіемъ возбуждали желаніе къ новой борьбѣ. Неизъяснимое наслажденіе приковывало меня къ сей игрѣ съ эластическими валами; непринужденное напряженіе мускуловъ развивало во мнѣ юношескія силы. Казалось, будто со мною свершилось баснословное таинство перерожденія: жизнь моя обновилась. Языкъ прозы слишкомъ слабъ, чтобы выразить первое дѣйствіе моря на физическую и нравственную природу человѣка: одна Поэзія въ состояніи изобразить вносказательно то, что выходитъ изъ круга обыкновенныхъ понятій и ощущеній. Великій Гёте, въ своей балладѣ *Рыбакъ*, представилъ очаровательную силу моря надъ человѣкомъ, въ образѣ Нимфы, прельщающей чувства и воображеніе. Поэтъ совершенно постигнулъ и съ точностью выразилъ свой предметъ. Я повторилъ стихи его, сидя въ морѣ, и повѣрялъ на себя всѣ впечатлѣнія Поэта. Изящное не старѣется: помѣщая здѣсь эту балладу съ Русскимъ переводомъ, слово въ слово, какъ бы

въ оправданіе сказаннаго мною. В. А. Жуковский въ прекрасномъ переводъ своемъ, не могъ соблюсти въ Русскихъ стихахъ строгихъ, всей точности выражений Нѣмецкаго Поэта. Каждый переводъ изъ стиховъ въ стихи, есть не что иное какъ подражаніе болѣе или менѣе удачное. Не прогнѣвайтесь любезные друзья, за приведеніе стиховъ, безъ сомнѣнія вамъ извѣстныхъ; но я общалъ рассказать вамъ все, что чувствовалъ, а мнѣ казалось тогда, что дѣйствіе этой балады сбылось со мною.

Der Fischer.

Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll,
Ein Fischer saß daran,
Sah nach dem Angel ruhevoll,
Rüht bis ans Herz hinan.
Und wie er sitzt, und wie er lauscht,
Zheilt sich die Gluth empor;
Aus dem bewegten Wasser rauscht
Ein feuchtes Weib hervor.

Sie sang zu ihm, sie sprach zu ihm:
Was lockst du meine Brut,
Mit Menschenwiß, mit Menschenlied
Hinauf in Todesglut?
Ach! wüßtest du, wie's Fischlein ist
So wohlthig auf dem Grund,
Du siegst herunter, wie du bist,
Und würdest erst gesund.

Laßt sich die liebe Sonne nicht
Der Mond sich nicht im Meer?
Kehrt wellenathmend ihr Gesicht
Nicht doppelt schöner her?
Lockt dich der tiefe Himmel nicht,
Das feuchtverklärte Blau?
Lockt dich dein eigen Angesicht
Nicht her in ew'gen Thau?

Das Wasser rauscht, das Wasser schwoll,
Nest ihm den nackten Fuß.
Sein Herz wuchs ihm so sehnuchtsvoll,
Wie bey der Liebsten Gruf.

Sie sprach zu ihm, sie sang zu ihm;
Da war's um ihn gesehn:
Halb zog sie ihn, halb sank er hin,
Und ward nicht mehr gesehn.

Рыбакъ.

«Шумитъ вода, вздымается вода: на берегу сидитъ рыбакъ и смотритъ спокойно на жало уды, проникнутый прохладою до глубины сердца. Вдругъ волны разверзлись, и влажная жена появилась изъ колеблющейся воды.

Она поетъ ему, она говоритъ ему: «За чѣмъ ты манишь мое племя, своею человѣческою хитростию, своимъ человѣческимъ умомъ? Ахъ, еслибъ ты зналъ, какъ привольно жить рыбакамъ на днѣ морскомъ, ты бы самъ бросился туда — и тогда былъ бы здоров!»

«Развѣ милое солнце и луна не улаждаются въ моръ? Не возвращается ли оттуда ликъ ихъ вдвое прекраснѣе, пріявъ на себя волнодышанцй образъ? Неужели тебя не манитъ въ воду видъ лазури неба, прохладной и прозрачной? Неужели не манитъ тебя, въ вѣчную росу, твой собственный образъ?»

«Шумитъ вода, вздымается вода, и орошаетъ его обнаженные ноги. Сердце рыбака томится жала-

ниемъ, какъ отъ привѣта возлюбленной. Она поетъ ему, она говоритъ ему — и судьба его совершилась. То она тянетъ его, то онъ самъ опускается — и больше его не видали!»

Я разстался съ моремъ, какъ расстаются съ наслажденіемъ. Печально ступилъ я на твердую землю, которая при первомъ шагѣ напоминала мнѣ всю тяжесть земнаго существованія. Не только одежда, но самый воздухъ казался мнѣ тяжелымъ. Въ морѣ земная моя оболочка не стѣсняла моей воли, и движенія мои были легки, какъ мысль. Воображеніе мое охлаждало по мѣрѣ отдаленія отъ берега.

Но я не хочу долѣе утомлять васъ любезные друзья, моими мечтаніями и разказомъ о наслажденіи, которое трудно постигнуть, не испытавъ на себѣ. Обратимся къ прозѣ — къ прозѣ жизни, и посмотримъ что дѣлается въ Полангенѣ.

Въ Полангенѣ стекаются лѣтомъ помѣщики изъ Вилейской и отчасти изъ Гродненской губерніи, купаться въ морѣ для здо-

ровья, для удовольствія, подышать чистымъ морскимъ воздухомъ и повидаться съ знакомыми и пріятелями. Прежде здѣсь собиралось множество, потому что соседство большаго и торговаго города Мемеля (25 верстъ отъ Полапгеца) доставляло легкое средство пользоваться всеми забавами и удобствами жизни, особенно во время ярмарки, въ Августъ мѣсяцъ. Наконецъ, когда мѣстное начальство перестало снабжать видами для провоза за границу, и когда торговля задремала въ бесѣдѣ теоретиковъ, число посѣтителей къ водамъ уменьшилось. Однако жъ вынѣннимъ дѣломъ было 73 фамилиі, и въ томъ числѣ нѣсколько Русскихъ военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ. Съ перваго взгляда на Полапгенъ трудно повѣрить, чтобы здѣсь, когда нибудь могла обитать веселость. Этотъ городокъ состоитъ изъ пятидесяти (или около) деревянныхъ домиковъ, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ почтовой дороги, и на поворотѣ въ мѣстечко Крестингенъ. Мѣстные жители здѣсь, какъ и во всѣхъ городахъ Польши, Евреи. Здѣсь на-

ходятся таможня и пограничный почтъ-амтъ. На площади возлѣ рогатки стоитъ ретхалъ: деревянная Католическая церковь, и воньшается огромная двухъ-этажная каменная корчма. Это Полапгенскій Пале-роаль. Здѣсь бывають балы, или редуты и всѣ увеселенія: здѣсь трактиръ, табачная лавка, кошоння, нактаузь, винный погребокъ, купеческая контора, квартиры для проезжающихъ и мѣсто для свиданія гостей. На обѣихъ концахъ Полапгена находятся двѣ прекрасныя деревни, обитаемыя честными, добрыми, трудолюбивыми и набожными Самогитами или Жамантами. Деревни сіи составляютъ родъ предмѣстій; домики въ нихъ прекрасно и чисто выстроены, осынены деревьями и украшены цвѣтниками, въ противоположность Еврейскимъ домамъ, которые хотя обширнѣе и вмѣстительнѣе, но совершенно обнажены, какъ палатки въ пустынь Ханазской. Мѣстечко построено на сыпучемъ песку, въ полуверстѣ отъ моря. Въ трехъ верстахъ отъ заставы кончится Россія. Не повѣрите любезные друзья, съ какимъ чув-

ствомъ смотрѣлъ я на ту черту, гдѣ Русскій орелъ благоволилъ остановиться въ полетѣ своемъ отъ Берингова пролива! Лучшій домъ въ Полангенѣ принадлежитъ Почтмейстеру. Въ другихъ домахъ, поноснѣе, помѣщается полиція, таможня и живутъ мѣстные чиновники. Содержатель почтовой станціи и съ тѣмъ вмѣстѣ трактира, Еврей, также живетъ великолѣпно, по Полангенскому масштабу. Для посѣтителей остается весьма немного удобнаго мѣста въ городишкѣ, — но тѣснота не мѣшаетъ, гдѣ есть доброе согласіе, и какъ говорить пословица: не красна изба углами, а красна пирогами. Не говорю, чтобы въ Полангенѣ можно было жить хорошо, но здѣшнее житіе могло бы быть гораздо хуже. Вотъ правило которымъ должно измѣрять всѣ обстоятельства, слушающіяся въ жизни.

Первое удобольствіе въ Полангенѣ — купанье. Здѣсь нѣтъ вовсе спусковъ на берегу, бѣсъдокъ и прочихъ вымысловъ роскоши. Каждое семейство или нѣсколько пріятелей

телей вмѣстѣ, строятъ на песчаномъ берегу будку для своего разоблаченія, и всѣ купаются въ открытомъ морѣ *. По общему условію, звуки стараго барабана на площади извѣщаютъ посѣтителей, когда должно отправляться къ морю женяидамъ, и когда мужчинамъ. Безпорядковъ никогда не бывало и не бываетъ. Самая пріятная новость для посѣтителей — буря или крѣпкій вѣтеръ съ моря: ужасный ревъ его есть призывный голосъ, привлекающій толпы охотниковъ. Мужчины, ухватясь за руки, человекъ по десяти и болѣе, идутъ стѣною въ море, и сопротивляясь силѣ колеблющейся воды переходятъ на отмель, гдѣ волны разбиваются съ необыкновенною яростью. Здѣсь-то, обернувшись лицомъ къ берегу, купальщики соединенными силами опираются ударами волнъ, которыя производятъ гораздо силь-

* Полковой Штабъ-лекарь Сумскаго Гусарскаго полка, Г. Гальтгаусъ, учредилъ теплыя ванны и холодныя купальни въ домѣ на берегу. Но ихъ мало употребляютъ.

пѣйшее дѣйствіе, нежели царенье вѣниками, въ теплой банѣ. Электрическія потрясенія приводятъ кровь въ движеніе. Всѣ, даже старики и меланхолики, бодрѣ и веселѣ: хохотъ и шутки раздаются со всѣхъ сторонъ. Игра моря приводитъ иногда въ замѣшательство смѣльчаковъ. То вдругъ огромный валъ обрушается надъ головами и повергаетъ купающихся на песчаное дно; то въ одно мгновеніе сильная волна разрываетъ ручную цѣпь, и обратнымъ порывомъ уноситъ кого нибудь изъ толпы. Крикъ, шумъ, смятеніе водворяется между купающимися: одинъ другаго ищетъ подъ водою, ловить руку, и снова составляется стѣна, начинается новая борьба. Въ семъ движеніи и напряженіи силъ нѣкогда обременять головы размышленіями, и веселость одного сообщается всѣмъ. Забава эта продолжается отъ 15 до 20 минутъ.

Кромѣ электрическаго дѣйствія, морская вода спасительна для здоровья своимъ химическимъ свойствомъ, какъ вообще всѣ

минеральныя воды. На всемъ пространствѣ Балтійскаго берега, принадлежащаго Россіи, морская вода у Полаangenа есть самая крѣпкая, т. е. содержитъ въ себѣ гораздо больше солей и другихъ химическихъ веществъ, а это отъ того, что здѣсь нѣтъ ни рѣкъ, ни ручьевъ прѣсной воды, которые бы впадая въ море, разводили морскую воду и ослабляли ея составныя части. Дѣйствіе рѣчной воды столь примѣтно, что если вѣтеръ дуетъ отъ Мемеля, т. е. отъ устья рѣки Немана, то морская вода у береговъ Полаангенскихъ становится не столь соленою. Кромѣ того, море на Полаангенскіе берега выбрасываетъ множество травъ, которыя образуютъ родъ тины, и издають сильный запахъ, дѣйствующій на нервы и съ непривычки производящій головную боль. Въ этой гущѣ находятся куски благовоннаго янтаря. Трава имѣетъ многія цѣлительныя свойства, и при натираніи тѣла щиплетъ, какъ спиртъ. Изъ нея извлекаются химически многія лекарства и между прочимъ По-

динъ *, играющій столь важную роль въ ловой фармакопее. Эта тина или смѣсь цѣлительныхъ травъ, солей, благовоннаго янтара, образуетъ у береговъ родъ искусственныхъ ваннъ, и производитъ удивительныя дѣйствія на нервы **. Они примѣтно укрѣ-

* О Юднѣ смотри: Фармакографія или Химико-Врачебныя предписанія приготовления и употребленія новѣйшихъ лекарствъ, изданныя Александромъ Немобинымъ. С. П. б. 1827. отъ стр. 1 до 40

** Я всегда былъ того мнѣнія, что лечиться не должно безъ совѣта врача. Я говорю о томъ только что самъ видѣлъ и испыталъ. Желаящимъ имѣть подробное свѣдѣнiе о пользѣ морскаго купанья и о болѣзняхъ въ которыхъ они употребляются, советуемъ прочесть: *Ueber das Seebad, zur Belehrung für Badegäste*, von Dr. Jac. Job. Jüsch, также: *Ueber den Nutzen und Gebrauch des Seebades etc.* von Dr. Ebt. Straßsen. При семъ мы должны уведомить читателей, что дѣйствіе Полагенскихъ водъ гораздо сильнѣе, нежели тѣхъ, о которыхъ говорится въ сихъ сочиненіяхъ, что посѣтители Полагена не такъ въжаты въ теплыхъ ваннахъ какъ въ Ревель, сидятъ въ водѣ втрое долѣе, и отъ того скорѣе чувствуютъ благотворныя ея дѣйствія

пляются, и всѣ жизненныя функціи принимаютъ самое благое направленіе. Сонъ, аппетитъ, легкость въ членахъ и составахъ возстановляется послѣ двадцатаго купанья. Полный курсъ состоитъ, изъ 60, по малой мѣрѣ. У многихъ изъ купающихся, послѣ нѣсколькихъ купаньевъ, тѣло покрывается сыпью, которая проходитъ сама собою. Въ членахъ, подверженныхъ ревматизмамъ или затвердѣlostямъ, чувствуютъ боль сидя въ водѣ; боль сія мало по малу дѣлается легче, и наконецъ исчезаетъ на всегда. Нѣкоторые чувствуютъ круженіе въ головѣ и тошноту, въ началѣ купанья. Всѣ сіи признаки слабости или кроющагося зародыша болѣзней служатъ врачамъ указателями къ употребленію недуговъ. Когда въ Ревель и другихъ мѣстахъ, я рассказывалъ о видѣнныхъ мною и испытанныхъ дѣйствіяхъ морскихъ водъ, мнѣ съ трудомъ вѣрили!

Я уже сказалъ вамъ, что въ большой корчмѣ, или какъ ее здѣсь называютъ въ *обержи*, бываютъ балы. Не взирая на тѣс-

ноту залы и на самую забавную музыку, состоящую из дюжины мальчишков, играющих на исковерканных и заржавленных инструментах, я не помню, чтобъ я былъ когда такъ веселъ, въ теченіе десяти лѣтъ, какъ на Полангенскихъ балахъ. Вы знаете какъ милы, какъ любезны Польки; вы знаете, что Поляки любятъ и умѣютъ веселиться: это привилегія Славянской крови. Многочисленное собраніе въ мгновеніе становится однимъ семействомъ. Принужденіе, холодный этикетъ, вліянія непріязненныхъ отношеній между фамиліями, подозрѣнія, недовѣрчивость, печальныя воспоминанія, все это исчезаетъ при первой мазуркѣ. Польское юношество въ своемъ обращеніи имѣетъ что-то военное. Каждый молодой человекъ есть ловкій уланъ отъ природы. Польша — отечество мазурки, танца по истинѣ воинственнаго. Нельзя довольно налюбоваться пріемами и движеніями танцующихъ. Душа, избытокъ жизни развиваетъ члены, военный духъ управляетъ движеніями мужчинъ; любовь и граціи руководствуютъ женщинами.

Какая милая противоположность съ быстрымъ полетомъ, смѣлымъ взоромъ, сильными ударами ногъ мужчины, и нѣжнымъ взглядомъ, ловкими и легкими движеніями женщины! Красавица кажется пльнницею война, торжествующаго побѣду и покорнаго прелестямъ побѣжденной. Танцы въ Польшѣ суть пантомимы, безгласный разговоръ чувствъ. Зритель участвуетъ въ общемъ усееленіи: взоры его и сердце слѣдуютъ за танцующими.

На меня нашла грусть, когда я подумалъ о тѣхъ балахъ, гдѣ танцуютъ какъ будто по наряду, съ разсѣянностью и холодною; гдѣ дѣйствуютъ болѣе руками, не заботясь о движеніи ногъ и положеніи тѣла; гдѣ искусство танцованья состоитъ въ знаніи танцевальныхъ фигуръ, однимъ словомъ, гдѣ *ходятъ* а не *танцуютъ* подъ музыку. По счастью введеніе въ моду Французскаго кадрили нѣкоторымъ образомъ пробудило танцоровъ, но и здѣсь кажется, что мужчины для того только становятся въ па-

ру, чтобы дать случай женщинамъ отличиться прельстительнымъ искусствомъ. Большая часть танцоровъ похожа на такъ называемыхъ деревянныхъ мужичковъ въ вистъ: они служатъ только для партіи. А мазурки? Бѣдныя мазурки! — Въ Польшѣ только по музыкѣ можно узнать ихъ: онѣ тѣ же, что тѣны красавицы. Согласитесь, что по тѣмъ нельзя судить о прелестяхъ, не видавъ лица. Вообще въ цѣлой Европѣ, (кроме Испанскаго фанданго), только Французы и Поляки одушевляюся въ танцахъ, особенно народныхъ. У нихъ это почитается *дѣломъ*. По моему мнѣнію, за все надобно приниматься, какъ за дѣло, или вовсе не приниматься.

Кромѣ баловъ удовольствія Полангена составляютъ прогулки пѣшкомъ и въ экипажахъ. Трудно повѣрить, что въ Полангенѣ, гдѣ мѣтъ пятнадцать сряду собираются помѣщики для лѣтняго препровожденія времени, нѣтъ ни частнаго, ни публичнаго сада, нѣтъ мѣста подъ открытымъ небомъ, гдѣ бы посѣтители могли сходиться. Евреи ду-

мають только о своихъ торговыхъ оборотахъ, которые, по мелкости оныхъ, прозваны *шахеръ-махеръ*. Тѣ, которымъ бы надлежало заняться украшеніемъ городка, т. е. помѣщики, вовсе объ этомъ не думаютъ. Природа представляетъ къ тому всѣ удобства, и въ прилежащей деревенькѣ, или новомъ Полангенѣ *, есть прелестная роща, принадлежащая поселянину, въ которой стоило бы только проложить дорожки, и построить домикъ для трактира, чтобы сдѣлать самый пріятный Англійскій садъ на берегу моря. Городъ выигралъ бы отъ этого заведенія пятьдесятъ процентовъ. Теперь пѣшкомъ гуляютъ на большой дорогѣ, и по берегу моря, когда солнечные лучи начинаютъ терять свою силу. Въ экипажахъ ѣздятъ въ

* Въ Полангенѣ былъ некогда портъ, во время Польскаго владычества. По наущенію жителей Риги, по соперничеству въ торговлѣ, Шведы засыпали сей портъ камнями и пескомъ, въ 1701 году. Теперь нѣтъ здѣсь ни одного камышка, свидѣтельствующаго о прежнемъ благосостояніи Полангена.

Кретингенъ * въ 12 верстахъ отъ Полаген-на, мѣстечко принадлежащее Графамъ Зубовымъ гдѣ находятся два прекрасные сада, господскій и монастырскій, отцевъ Бернардиновъ; въ приморскую деревню Свѣнтую ** при устьи рѣки сего имени, называемой по Нѣмецки Гейлигенъ-Аа, и въ Будендиксгофъ (въ 15 верстахъ). Приятное общество замѣняетъ всѣ недостатки роскоши, и оживляетъ прогулки. Но я поведу васъ, любезные друзья въ одно уединенное мѣсто, на берегъ моря, оживленное преданіемъ старины, гдѣ

* Кретингенъ принадлежалъ знаменитому Гетману Польскому Карлу Ходкевичу, разбившему Шведовъ подъ Кирхгольмомъ. Онъ построилъ здѣсь монастырь и желалъ быть погребеннымъ въ здѣшней церкви. Имѣніе сіе онъ получилъ за верную службу.

** Здѣсь также былъ портъ Польскій. Во время царствованія Польскаго Короля Іоанна Собьскаго. Англійская торговая компанія получила позволеніе завести здѣсь колонію, и въ 1685 году, подѣ начальствомъ Горста, помѣстила кантору и поселенцовъ. Теперь не осталось слѣдовъ ни порта, ни колоніи. Sic transit gloria mundi!

сохранился памятникъ одной прелестной уроженки Полагенской. Это гора, называемая Бируютою.

На песчаномъ берегу возвышается гора, или лучше сказать, курганъ, вышиною сажень въ семь, въ видѣ конуса, поросшій сосновымъ лѣсомъ. На самой вершинѣ воздвигнуть большой деревянный крестъ съ чзображеніемъ Спасителя. Кругомъ дико и пусто. Вотъ одна древность въ Полагенѣ, одинъ любопытный предметъ, который посѣтителю слѣдуетъ видѣть въ Полагенѣ. Послушайте меня, любезные друзья, я вамъ вкратцѣ расскажу преданіе украшающее сей пустынный берегъ.

« Однажды (т. е. около 500 лѣтъ тому назадъ) прелестная дѣвица шла по морскому берегу и въ ведеркахъ несла яствы братьямъ, которые съ утра отправились на рыбную ловлю. Она шла босыми ногами по песку, одѣтая въ рубаху своей работы и въ короткую, упругую исподницу. На желтыхъ ея локонахъ былъ вѣнокъ изъ руты, бѣлую

шею украшали янтарныя бусы. Съ трепетомъ увидѣла она воина, который на своемъ конѣ скакалъ вдоль берега, и приблизившись къ ней, взглянулъ и остановилъ коня своего. На немъ была огромная медвѣжья шапка; на свѣтлой бронѣ накинута былъ медвѣжій плащъ, при бедрѣ висѣлъ мечъ, а при сѣдлѣ роговой лукъ. Конь его рылъ копытами землю въ нетерпѣньи: воинъ въ молчаніи смотрѣлъ на красавицу, и наконецъ сказалъ: «кто бы ты ни была богиня или смертная, прими руку мою, а съ нею вѣнецъ. Я Князь и владѣтель земли вашей, Кейстутъ, и отнынѣ хочу быть твоимъ мужемъ. Кто ты, красавица?» — Дѣвица опустила голубыя очи, вздохнула, потомъ простерлась у ногъ своего Кнзя и сказала: «я бѣдная здѣшняя уроженка, Бирута. Непорочность моя посвящена богу Перуну, но если ты повелѣваешь, мой Владыко, да исполнится воля твоя.» — Кейстутъ шелъ тогда войною на Крестовыхъ рыцарей; онъ женился на Бирутѣ и возвратясь побѣдителемъ, построилъ домъ на

томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣтилъ красавицу, а гору называлъ ея именемъ. Она была его любовною женою и матерью Великаго Витольда, который былъ славою Литвы и грозой Сѣвера.»

Вотъ повѣсть, заимствованная мною изъ пѣсни на Самогитскомъ языкѣ. Исторія также повѣствуетъ, что Кейстутъ былъ женатъ на Бирутѣ, уроженкѣ Полангенской, но неизвѣстно изъ какого рода. Нѣкоторые называютъ ее Княжною. Между жителями окрестными есть повѣрье, что духъ Бируты посѣщаетъ мѣсто ея рожденія, и суевѣрные люди въ шумъ волнъ и заунывномъ воѣ вѣтровъ думаютъ слышать ея присутствіе. Во время Польскаго владычества, на этой горѣ была Католическая церковь во имя Св. Георгія, и здѣсь встарину были торжества въ честь Бируты. Дѣвушки деревенскія украшали свои волосы рутою, любимымъ зельемъ Бируты, и пѣли пѣсни въ ея похвалу. Епископъ Массальскій, которому некогда принадлежалъ Полангенъ, (въ качествѣ столовыхъ имѣній) велѣлъ срыть

ветхую церковь, и на семь мѣстъ намѣревался постронть обсерваторію. Темное преданіе гласило встарину, что въ сей горѣ скрыты сокровища. Лѣтъ двадцать тому назадъ, вздумали сдѣлать поиски. Сорокъ челоуѣкъ копателей употреблены были, чтобы искать клада или рѣдкостей; изрыли гору и не нашли ничего, кромѣ согнившихъ дверей съ крючками грубой работы, нѣсколько кусковъ желѣза въ разныхъ видахъ и нѣсколько кусковъ янтара. И такъ все богатство горы Бируты остается въ одномъ преданіи.

Многія знаменитыя фамиліи въ Польшѣ и Россіи должны уважать гору Бируту, какъ древность, какъ предметъ, съ которымъ соединены ихъ родовыя воспоминанія. Кейстутъ былъ сынъ Великаго Князя Гедимина; отъ сына Гедиминова Наримунта, брата Кейстута, происходятъ Княжескіе роды: Роженскихъ, Голицыныхъ, Куркиныхъ и Хованскихъ. Отъ племянника Кейстута, Корибута Ольгердовича, происходятъ Княжескіе роды Вишневецкихъ, Воронцовыхъ, Збаржскихъ, Порицкихъ.

Почтенная древность! Къ сей фамиліи Гедимина, принадлежить знаменитый Ягелло или Ягайло (несправедливо называемый у насъ Ягеллономъ), прародитель Польскихъ Королей изъ сего рода. Кейстутъ, мужъ прекрасной Бируты, кончилъ жизнь несчастно въ 1382 году. Но я и позабылъ, что я обѣщалъ не говорить вамъ объ Исторіи, любезные друзья. Извините; не утерпѣлъ!

Не успѣете остановиться на квартирѣ въ Полагень, какъ васъ окружаютъ Евреи съ коробками, въ которыхъ находятся разные издѣлія изъ янтара. Мундштуки для чубуковъ, бусы, рожки, кольца, чашечки, серги и множество другихъ вещей отдѣляются здѣсь весьма искусно, и продаются весьма не дорого. Древніе Греки и послѣ нихъ Римляне почитали янтарь драгоценностью. Наши предки, Славяне, издревле, торговали янтарею съ Греками, и берега Балтійскаго моря назывались янтарными. Греки называли его *электронъ*, Римляне *электрумъ*. Вы знаете особенное его ка-

чество, притягивать къ себѣ послѣ тренія легкія тѣла и отталкивать ихъ. Послѣ дѣйствій изслѣдованій и открытій, сіе общее дѣйствіе природы названо электричествомъ. Не только на огнь, но и послѣ тренія янтарь издаетъ пріятный запахъ. Куренье онымъ укрѣпляетъ нервы, а янтарное масло употребляется во многихъ лекарствахъ. Медичи совѣтуютъ носить на шеѣ янтарь: это даже было нѣкогда въ модѣ, но какъ мода привязывается къ тому, что дорого, то блестящее стало предпочитаться красивому и полезному. Море выбрасываетъ янтарь послѣ бури, особенно осенью и весною, по берегу отъ устья рѣки Свѣнтой (Гейлигенъ-Аа), до Данцига. Послѣ бури бывшей въ Балтійскомъ морѣ въ 1824 году, въ Ноябрь мѣсяцѣ, когда было ужасное наводненіе въ Петербургѣ (7 Ноября), въ деревнѣ Швейтаникахъ, (Полагенскаго прихода), при устьѣ рѣки Свѣнтой, жители продали янтаря по самой дешевой цѣнѣ, на 1500 рублей серебромъ. Нѣкоторые куски были вѣсомъ въ 40 лотовъ. Иногда на По-

лангенскомъ берегу морѣ выбрасываетъ куски по 50 и 60 лотовъ, но весьма рѣдко. Всякому позволено ловить янтарь на берегу, если кто заплатитъ подать съ сѣти помѣщику. Мнѣ удалось поймать нѣсколько кусковъ во время купанья, — безъ подати.

Янтарь въ Балтійскомъ морѣ находится также на берегахъ Ютландіи и Швеціи. Въ землѣ или, лучше сказать, въ пескѣ, въ отдаленіи отъ моря его находятъ въ Помераніи, Мекленбургѣ, такъ называемой Старой Пруссіи, въ Бранденбургѣ, Силезіи, Польшѣ и Саксоніи. Почти всегда янтарь въ землѣ смѣшанъ съ углемъ и смолою: иногда находятъ его въ торфѣ или вмѣстѣ съ квасцами. Лучшій въ мірѣ янтарь находится въ Западной Африкѣ, и на островѣ Мадагаскарѣ; весьма хорошій въ Египтѣ, Турціи и Китаѣ. Около 1804 года нашли въ Седмиградскомъ Княжествѣ янтарь зеленого и красного цвѣта.

Гласъ Божій, гласъ народа. Общее мнѣніе утверждаетъ издревле, что янтарь

есть отвердѣлая смола деревь изъ рода сосенъ, неизвѣстно какимъ образомъ погруженныхъ на днѣ морскомъ или въ землѣ. Вы, любезные друзья, знаете, что въ Сибири открыли въ землѣ на большомъ пространствѣ цѣлые лѣса, лежащіе въ одномъ направленіи. Можетъ быть, потошъ или другой какой ужасный переворотъ въ природѣ погрузилъ сін лѣса на дно морское или въ землю. По-Нѣмецки янтарь называется *Bernstein*, отъ стараго слова *bernen*, т. е. *bernen*, сожигать. По-Латыни называютъ его также *bitumen* (смола) *succinum* (сокъ). Все это указываетъ на его смолистое происхождение, а запахъ и всѣ качества въ томъ удостовѣряють: нѣтъ сомнѣнія, что въ землѣ огонь исторгаетъ сію смолу изъ дерева, такъ какъ въ морѣ вода. Замѣчательно, что когда море выкидываетъ янтарь, то съ нимъ вмѣстѣ и куски дерева, до такой степени обточенные водою, что они кажутся полированными: это дерево лишено совершенно всѣхъ соковъ и походить на изсохшую кору сосновую или на губку. Сколько сотъ

лѣтъ надобно чтобы смола пришла въ этотъ родъ окаменѣлости или затвердѣнія! Въ хорошемъ янтарѣ, кажется, видно, какъ драгоценная жидкость по каплямъ образовалась въ одну массу. Въ нѣкоторыхъ кускахъ находятся въ серединѣ мошки, въ другихъ капли воды. Какъ они зашли туда?

Отъ Мемеля до Данцига, берегъ отданъ на откупъ одному Кенигсбергскому купцу, который сдѣлалъ себѣ огромное состояніе ловлею янтара. Говорятъ, что въ магазинъ его въ Кенигсбергѣ, находится необдѣланнаго янтара болѣе нежели на сто тысячъ червонныхъ. Большую часть онаго закупають привѣжающіе изъ Константинополя Армяне. Въ нынѣшнемъ году, говорили мнѣ, куплено Армянами янтара на 10,000 червонныхъ. Одного Полагенскаго округа довольно, чтобы удовлетворить потребности въ янтарѣ въ Польскихъ провинціяхъ. Въ Россію его требуютъ болѣе нежели въ другія страны Европейскія. Удивительно, и сто разъ удивительно, что въ нашихъ Остзей-

скихъ губерніяхъ и въ Пруссіи, гдѣ можно получить янтарь весьма дешево, и гдѣ почти каждый мужчина отъ 16-лѣтняго возраста курить трубку, вовсе не употребляютъ янтара, а любятъ роговые мундштуки, которые портятъ зубы. Янтарный мундштукъ опрятенъ, красенъ, охлаждаетъ дымъ и составляетъ пріятность, когда до него прикасаешься губами: трубочники понимаютъ меня.

Самая занимательная вещь въ каждомъ мѣстѣ — люди. Не стану говорить вамъ ни о чиновникахъ, ни о помѣщикахъ, потому что они здѣсь заѣзжіе: скажу о всегдашнихъ жителяхъ. Евреи — вездѣ Евреями. Они тѣже въ Полагенѣ, чѣмъ были въ Александріи въ царствованіе Птолмеевъ; только здѣсь по малому масштабу. Не спрашивайте, чѣмъ Еврей торгуется: *вспомъ*, что только покупается. У него нѣтъ завѣтной вещи, съ которою бы ему жалко было разстаться. Онъ все промѣняетъ — только дай-те придачу. Выгода, есть *компасъ* всѣхъ его дѣйствій. Дай Богъ, чтобы эти дѣйствія все-

гда сообразовались съ закономъ и совѣстью! Во Франціи, Нормандія имѣетъ такую репутацію, что тамъ существуетъ старая поговорка: *P u a de braves gens partout, même en Normandie* (т. е. вездѣ есть честные люди, даже въ Нормандіи). Не распространяясь болѣе о Евреяхъ, я скажу тоже самое объ нихъ: есть честные люди даже и между Евреями! Самогиты или Жамайты (которыхъ нѣкоторые Историки называли потомками древнихъ Геруловъ, дѣлавшихъ набѣги на Римскую Имперію), кажется, мнѣ принадлежать къ Латышскому племени. Ихъ языкъ есть смѣсь испорченныхъ Латышскихъ, Славянскихъ и даже Латинскихъ словъ, и кромѣ того заключаетъ въ себѣ множество словъ языка неизвѣстнаго, можетъ быть Аланскаго. Я уже сказалъ, что они набожны, трудолюбивы и честны. О воровствѣ вовсе неслышно между Жамайтами. Они съ благовѣіемъ исполняютъ семейныя обязанности, послушны родителямъ и старшимъ. Почти всѣ поселяне грамотные и въ церкви молятся по книгамъ. Они жи-

Ч. III.

вуть весьма опрятно, и даже дворы выметаютъ ежедневно. Богатые отдаютъ дѣтей своихъ учиться не только въ уздныя школы, но въ Гимназіи и въ Виленскій Университетъ. Многіе приходскіе священники въ Самогитіи изъ сословія поселянъ: это самая большая честь для фамиліи: Жамайты гостепріимны и ласковы, благодарны за добро и великодушны въ прощеніи оскорблений. Въ послѣдствіи я буду имѣть случай говорить объ ихъ забавахъ и образѣ жизни, а теперь заключу самымъ сильнымъ доказательствомъ ихъ доброправія. Экономы, или управители имѣній, хвалятъ Жамайтовъ съ восторгомъ: это то же самое, если бъ ма-чиха хвалила своихъ падчерицъ. Похвала такого рода не подвержена сомнѣнію.

Конецъ третьей части.

ОГЛАВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ЮМОРИСТИКА.

	Стран.
I. Письмо Турецкаго философа Бубуддулу Эфенди, къ пріятелю своему, Тютюн-джал-Эфенди, изъ Езропы въ Смирну .	1
II. Философическое разсужденіе, безголоваго философа о человеческой головѣ по черепоконному животному, ракъ	54
III. Письмо жителя кометы бѣлы, къ жителю земли	47
IV. Письмо жительницы кометы бѣлы, къ тому же самому жителю земли	35
V. Вопиющая типографская буква	63
VI. Нѣчто или альманачная статейка о ничемъ.	75
VII. Письма странствующаго Лапландскаго философа, Аслака Аслаксона Спра, къ друзьямъ его въ Лапландію, изъ разныхъ Европейскихъ городовъ	93

- VIII. Записная книжка Профессора здраваго
смысла въ Овейгскомъ Университетѣ, Мо-
деста Пациенціуса, или матеріалы для Ис-
торіи глупостей человеческого рода . . . 112

ПУТЕШЕСТВІЯ.

- I. Путевыя замѣтки на поѣздки изъ Дерпта
въ Бѣлоруссію и обратно, весною 1835
года 42
- II. Ревель лѣтомъ 1835 года 266
- III. Прогулка по Ливоніи 293
- IV. Морскія купальни по берегу Балтійскаго
моря, въ западныхъ губерніяхъ 512
-